

Деятели книги

О.Д. Голубева

Хранители мудрости

Деятели книги

О.Д. Голубева

Хранители мудрости

Москва Издательство «Книжная палата» 1988

ББК 78.33
Г 62

Рецензенты:

Н. Н. Розов, доктор филол. наук (ГПБ)
Ю. Н. Столяров, доктор пед. наук (МГИК)

Голубева О. Д.
Г62 Хранители мудрости.— М.: Изд-во «Кн. палата», 1988.—272 с.: ил.— (Деятели книги).
ISBN 5-7000-0100-4

Книга об известных деятелях культуры и литературы начала XIX в.— сотрудниках Публичной библиотеки (Ленинград): историке и палеографе О. Н. Оленине, издателе и книготорговце В. С. Сопикове, баснописце И. А. Крылове, переводчике Н. И. Гнедиче, филологе А. Х. Востокове и др. Рассказывается об их деятельности, связанной с библиотекой, об их окружении и творческих связях.

Для научных работников — библиотековедов, библиографов, историков культуры и книги.

Г $\frac{4405000000-025}{008(01)-88}$ 58-88 ББК 78.33

ISBN 5-7000-0100-4

Слава и память в потомстве — единственное реальное бессмертие

Вместо введения

Каждая профессия познает себя через свою историю. История тесно связана с современностью. Еще в начале XIX в. глава исторического знания, «первый русский историк» Н. М. Карамзин писал: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее»[1]. «Вспомнить последнее»—первое поколение библиотекарей Публичной библиотеки — поможет нам эта книга очерков.

Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, К. Н. Батюшков, М. Н. Загоскин, А. А. Дельвиг, А. И. Ермолаев, А. Х. Востоков, В. С. Сопиков... Один только перечень этих имен может свидетельствовать о том значении, которое приобрела Публичная библиотека в истории русской культуры первой трети XIX в. Усилиями этих людей огромный книжный склад превратился в национальную публичную библиотеку России.

Возглавлял Библиотеку в то время историк, палеограф, знаток и собиратель древностей Алексей Николаевич Оленин. Он многое сделал для создания и развития первой национальной библиотеки. При Оленине была построена (по проекту Росси) самая красивая часть здания Публичной библиотеки. Он сумел собрать в Библиотеке людей, не только хорошо знающих и любящих книгу, но и творческих, внесших немалый вклад в развитие отечественной культуры.

Во всех делах Оленину помогали его сотрудники — Крылов, Сопиков, Загоскнн, Дельвиг, Гнедич, Ермолаев, Востоков. По характеру своей деятельности, по общности взглядов на роль Библиотеки в народном просвещении они были тесно связаны друг с другом. Всех их объединяла любовь к книге, литературе, творчеству. Но они были не только библиотекарямн. Да и профессия эта еще только формировалась. Это были самобытные личности, широко известные в литературном и научном мире. Творческое содружество, созданное Олениным в Библиотеке, помогало каждому из них совершенствовать мастерство, что, в свою очередь, помогало и в библиотечной работе. Их имена хорошо известны историкам литературы, филологии, культуры. О них написаны книги, статьи, освещающие их небиблиотечную деятельность. О службе же в Публичной библиотеке, как правило, говорится вскользь, мимоходом. Об одних в большей, о других в меньшей степени, а о третьих только упоминается в коллективных трудах «Имп. Пуб-

личная библиотека за сто лет, 1814—1914» (Спб., 1914) и «История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» (Л., 1963).

Более полно раскрыть эту сторону их деятельности дают нам возможность документы, письма, воспоминания, мемуары, хранящиеся в архиве ГПБ, в рукописных отделах ГПБ, ГБЛ, ИРЛИ, в ЦГАЛИ, в ЦГИАЛ. Особое значение имеют письма, которые, по словам П. А. Вяземского, воссоздают «истинную жизнь», «по горячим следам ее», «написанные беглою, часто торопливою и рассеянною, но всегда, по крайней мере на ту минуту, проговаривающейся рукою...»[2]

Современные библиотекари Публичной библиотеки в понимании своих задач перед обществом поднялись на новую ступень, да и в технологии библиотечных процессов достигли известных успехов по сравнению с поколением первых библиотекарей. Но тем не менее, говоря словами В. Г. Белинского, «старина имеет столько очарования, столько привлекательной, непобедимой прелести, что поневоле заглядываешься на каждую, даже малейшую черточку оной»[3].



Алексей Николаевич Оленин

Когда наука, иль природа
Дадут и дух и ум и вкус,
Ни чин, ни должность, ни порода
Быть не претят друзьями Муз.

Г. Р. Державин. Оленину

«Имя его не должно быть забыто...»

«Лишь для добра живет...»

«Тяжело одиночество, тяжело как все не в лад идет,—а это моя участь. Надоело мне все с боя получать и вечно бороться с судьбою»[1],—так на склоне лет, оглядываясь на пройденный долгий жизненный путь, писал младшей дочери Анне Алексей Николаевич Оленин. Если бы эти строки прочли современники, они были бы поражены их содержанием.

Всесторонне образованный, знаток древностей, археолог, искусствовед, рисовальщик, гравер, историк, библиотекарь, Алексей Николаевич Оленин всем окружающим казался удачливым и преуспевающим.

Энергичный, живой и деятельный, он много успел сделать за свою жизнь на разных поприщах. По верному замечанию С. Т. Аксакова, имя Оленина не должно быть забыто в истории русской литературы[2]. Следует добавить: и в русской истории, искусствоведении и библиотечном деле.

Внешний облик этого человека запечатлен в портретах работы И. А. Иванова, А. Г. Варнека, К. Брюллова, в карикатурах того же Брюллова и А. О. Орловского.

В барельефе западного фронтона Исаакиевского собора в сюжете «Святой Исаакий благословляет императора Феодосия» изображено лицо Оленина в образе Сатурнина. Выполнен барельеф скульптором И. П. Витали.

В семье Оленина хранился его автопортрет с надписью: «А. Оленин, самодел»[3]. Характерной особенностью внешности Оленина был его маленький рост. «Малюсенький»[4], «чрезмерно сокращенная особа»[5], «маленький и очень проворный человечек»[6], «лилипут»[7] — так писали о нем современники.

При своем маленьком росте Оленин носил ополченский мундир 1806 г. «Эта странность в одежде,—писал муж его внучки,— ...придавала его наружности вид оригинальности, которая... врезывалась в память каждого, кто хотя однажды его видел»[8]. Вид был, действительно, необычен для сановного человека, увенчанного орденами высших степеней.

На одном плече был генеральский эполет, на другом — погон из толстого золотого жгута. При этом надевались лента через плечо, все ордена, белые панталоны и сапоги с кисточками и шпорами. На маленькой седой голове шляпа с громадным

зеленым султаном из петушиных перьев, с боку прицеплялся тяжелый палаш, больше самого хозяина. «Тогда он был уморительно смешон и гораздо более походил на детскую игрушку „casse-noisete“»,—вспоминала М. Ф. Каменская[9].

Научная биография А. Н. Оленина до сих пор не создана. О нем писал Н. И. Стояновский[10], многие современники в своих «Записках», «Дневниках», «Воспоминаниях» посвятили ему страницы. И если в описании внешности Оленина все мемуаристы единодушны, то в оценке роли Оленина в истории русской культуры их мнения расходились.

Сравнительно недавно вышел историко-краеведческий очерк Л. В. Тимофеева[11], в котором приводятся многие биографические сведения о А. Н. Оленине, его семье.

Жаль, что Оленин на просьбы близких написать о том, что ему случилось «видеть», «слышать» и «делать», отказался составить «формальную биографию или хронологические памятные записки», мотивируя тем, что «для других неожиданных читателей они показались бы пустыми и скучными»[12]. Тем самым он лишил нас знаний некоторых фактов, а также мотивов некоторых своих действий.

Оленин принадлежал к старинному дворянскому роду, идущему от Невзора, жившего в первой половине XVI в. Родился Оленин 21 ноября 1763 г. в Москве. Л. Тимофеев, ссылаясь на письмо Оленина к сыну и на его формулярные списки, полагает, что год его рождения 1764, а не 1763[13]. Но безоговорочно с этим согласиться нельзя, ибо есть и другие письма, из которых явствует, что Оленин родился в 1763 г.[14] Так, 29 января 1843 г. Оленин в прошении на имя Николая I писал: «на 80-м году жизни и 60-м непрерывной службы»[15], а если бы он родился в ноябре 1764 г., то в январе 1843 г. ему шел бы 79-й год. Что касается формулярных списков, то они «ненадежный» аргумент, ибо составлялись для Министерства народного просвещения обычно в первой половине года (а Оленин родился в конце года), когда Оленину еще не было «полных» лет[16].

В доме родителей Оленин получил прекрасное домашнее воспитание. С 7 до 10 лет с Алешей занимался специальный гувернер-француз. По расписанию, составленному отцом, мальчик изучал арифметику, историю, географию, мифологию, французский язык, а также постигал искусство танца, музыки и рисования. В своей книге «В кругу друзей и муз» Л. Тимофеев весьма убедительно опровергает многие годы бытовавшую легенду[17], что Оленин послужил Фонвизину прототипом образа Митрофанушки в комедии «Недоросль»[18] .

По свидетельству старшей дочери, родители были к нему «холодны»[19]. В 1774 г. они отослали его в Петербург к родственнице, княгине Е. Р. Дашковой. По повелению Екатерины II Оленин был зачислен в Пажеский корпус. Это было самое привилегированное училище.

В 1780 г., за три года до окончания учения в корпусе, вероятно, за преуспевание в учебе, единственно его Екатерина II посыла-

ет в Дрезденскую артиллерийскую школу для «совершенствования знаний в воинских и словесных науках». В Германии он обнаружил интерес к истории, археологии, живописи, архитектуре. В годы учебы много занимался в Королевской библиотеке. Его привлекли труды немецкого ученого И.-И. Винкельмана, особенно «История искусства древности». Под влиянием Винкельмана возникло увлечение античной литературой и искусством, которое стало пожизненным. Но позже под влиянием другого ученого — И. Г. Гердера Оленин уже не абсолютизировал идеальность античного искусства. В Германии успешно занимался рисованием, гравированием и языками. Он в совершенстве владел французским, немецким, говорил по-итальянски, немного — по-испански, знал греческий, славянские языки, латынь, арабский и еврейский. В Германии начал составлять словарь «старинных военных речений» с подробными комментариями, за что позднее, в 1786 г., был избран членом Российской академии.

В 1785 г. вернулся в Петербург капитаном артиллерии. Через три года уволен от военной службы по болезни. Но через два месяца — в конце января 1789 г.—вновь определен в Псковский драгунский полк подполковником, где прослужил недолго: в марте началась гражданская деятельность — в конторе по покупке металлов при Государственном банке, советником банка. Павел I назначил Оленина управляющим монетным двором. Александр I сделал Оленина статс-секретарем Государственного совета. Одновременно с успешным продвижением по служебной лестнице расширялся круг знакомств в литературной и художественной среде. Оленин посещал салоны многих петербургских вельмож, где собирались известные писатели, поэты, художники, артисты.

После женитьбы в 1791 г. на Е. М. Полторацкой Оленин стал приглашать гостей и в свой дом. Через несколько лет в Петербурге дом Олениных становится символом приюта писателей, артистов, поэтов, художников, ученых. В нем бывали Г. Р. Державин, В. В. Капнист, В. А. Озеров, М. Н. Муравьев, К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич, И. А. Крылов и многие другие. В первые же годы XIX в. Оленин известен и как любитель театра, покровитель драматургов и артистов, рисовальщик артнстических костюмов и иллюстратор художественных произведений. После публикации в начале 1806 г. первого научного археологического труда по отечественным древностям — «Письма к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году» — об Оленине заговорили и как об ученом.

Любовь к отечественным талантам, энергичный и деятельный характер, умение не только самому хорошо работать, но и заставить работать подчиненных — сделали Оленина полезным государственным деятелем на поприще культуры и просвещения. Поэтому совершенно естественно было воспринято его назначение 27 апреля 1808 г. помощником главного директора императорской Библиотеки графа Александра Сергеевича Строганова.

* * *

Петербург как крупный культурный центр страны притягивал к себе стремящиеся к науке и знаниям молодые силы. В Петербурге во второй половине XVIII в. функционировало несколько библиотек. Самая крупная и старейшая из них — Библиотека Академии наук. Имелись библиотеки также при Вольном экономическом обществе, при Медико-хирургической академии, Академии художеств, при закрытых дворянских учебных заведениях. Но общедоступной национальной библиотеки не было.

Объективные потребности культурного развития русского общества в XVIII в. настоятельно диктовали необходимость создания публичной национальной библиотеки страны[20]. Симптоматично, что в 1766 г. литератор, принадлежавший к одной из знатнейших и влиятельнейших семей России, Борис Михайлович Салтыков предложил проект «Плана Публичной библиотеки», состоящей исключительно из русских книг и русских летописей.

Проект плана Салтыкова обсуждался в доме графа А. С. Строганова 25 ноября 1766 г. и был подписан учеными, деятелями культуры, высшими чиновниками[21]. Они сознавали потребность России в развитии просвещения, науки и культуры. Подобным мероприятием они надеялись преодолеть относительную, обусловленную историческими обстоятельствами, отсталость России. Но этот план не нашел поддержки у Екатерины II, не всегда поощрявшей общественные начинания. Однако вскоре представился удобный случай заложить основу императорской библиотеки, иными словами, государственной.

Богатейшая библиотека польских аристократов братьев Андрея и Иосифа Залусских была получена русским правительством как военный трофей после взятия Варшавы А. В. Суворовым 29 октября 1794 г. Книги прибыли из Варшавы летом 1795 г. и переданы в ведение Кабинета ее величества. По мысли Екатерины II, книги Залусских должны были стать базой новой библиотеки, открытой для общей пользы и просвещения. Чиновникам Кабинета предписано было заняться разбором книг, а архитектору Кабинета — разработкой проекта здания[22], строительство которого началось во второй половине 1795 г. Этот год следует считать годом основания Библиотеки.

После смерти Екатерины II Павел I передал управление Библиотекой французскому эмигранту, роялисту графу Шуазель-Гуффье, бывшему одновременно и президентом Академии художеств. При нем Библиотека, еще не родившись, чуть не погибла. Он предложил раздать все книги по разным «казенным местам»[23]. Шуазель-Гуффье делал это сознательно, так как был убежден, что «россияне суть скифы, варвары, скоты, ибо как им понимать, что суть книги»[24]. К счастью, он не успел раздать все книги: в самом начале 1800 г. Шуазель-Гуффье ушел в отставку. Библиотека была передана под управление главного директора императорских библиотек А. С. Строганова.



Фасад имп. Публичной библиотеки

В 1801 г. Петербург украсился новым архитектурным произведением — зданием Публичной библиотеки, выстроенным архитекторами Е. Т. Соколовым и Л. Руска почти в центре города. Фасад здания, выходящий на Невский проспект, венчался гигантскими скульптурами, обращавшими на себя внимание горожан.

В 1802 г. книги были перенесены в новое здание, где продолжалась их разборка. Но работа под руководством помощника Строганова шевалье д'Огара шла медленно и бестолково.

27 апреля 1808 г., по представлению графа Строганова, помощником его по управлению Библиотекой был назначен А. Н. Оленин «с оставлением в прочих должностях». Должность директора и помощника директора считалась почетной, жалованье за нее не полагалось[25]. С этого времени Оленин стал фактическим директором Библиотеки. Ему вменялось в обязанность непосредственное руководство всеми работами в Библиотеке, надзор за правильностью расходования сумм, присмотр за служащими.

К собраниям Библиотеки Оленин обращался уже в декабре 1800 г., когда ему был разрешен доступ к ним для ознакомления с польскими законами. В 1804—1805 гг. Оленин принимал участие в оценке коллекции рукописей П. П. Дубровского и в определении условий его службы в Библиотеке.

В 1811 г. после смерти Строганова должность главного директора императорских библиотек была упразднена. 13 октября 1811 г. одновременно с переименованием императорской библиотеки в импера-

торскую Публичную библиотеку Оленин был назначен ее директором. Первым шагом директора было создание правовых, уставных документов, определяющих место и роль Библиотеки, ее задачи и права, штат, финансы и прочее, без чего ни одно государственное учреждение существовать не может.

Разработанный Олениным первый устав Библиотеки был утвержден в 1812 г. под названием «Начертание подробных правил для управления имп. Публичною Библиотекою». В нем был определен штат Библиотеки — семь библиотекарей, семь помощников, хранитель рукописей и его помощник, а также вспомогательные служащие.

Когда Оленин пришел в Библиотеку, в ней работали преимущественно люди, знающие польский или французский языки. Постепенно Оленин освобождался от людей, взятых во времена Шуазеля-Гуффье. И в первые же годы Оленин пригласил в Библиотеку новых, ему известных людей, которые, по его мнению, способны были выполнить основную задачу — сформировать национальную библиотеку России. Новыми служащими стали А. И. Ермолаев, Н. И. Гнедич, В. С. Сопиков, И. А. Крылов, А. Х. Востоков. Стремление Оленина привлекать в Библиотеку только людей, хорошо известных ему, принадлежащих к его «салону», давало пищу для праздных нареканий[26].

У Оленина была своя концепция о должности служащего Публичной библиотеки, и он строго придерживался своих взглядов.

Оленин многократно подчеркивал, что труд в Библиотеке «по существу своему требует особых сведений, познаний и способностей нежели в других службах»[27]. Библиотекарь обязательно должен иметь «основательные познания в отечественном и иностранных языках», особенно в латинском и греческом. Он должен обладать «нужными библиографическими сведениями, то есть знаком с известнейшими в ученом свете книгами по части наук, словесности и искусств»[28]. Он должен знать «главное содержание всякой книги», быть «живым каталогом своего отделения»[29]. По глубокому убеждению Оленина, «не так легко встречаются»[30] люди, способные к «библиотечной службе», трудной, полезной, но при этом «скучнейшей части между литературными отраслями»[31].

Неоднократно в своих представлениях, рапортах, донесениях, отчетах и прочих документах Оленин подчеркивал трудности работы в Публичной библиотеке, которую «многие, по незнанию, почитают весьма легкою и незначительною»[32]. Она связана с большими не только умственными, но и телесными усилиями.

В обязанность библиотекарей и их помощников входило хранить и содержать в порядке фонды, принимать читателей и «доставлять им нужные сведения», проводить суточное дежурство по Библиотеке (по очереди), составлять каталоги. Для сохранения точного порядка в расстановке книг библиотекарь должен часто их переставлять,

при этом на перестановку старинных изданий в дощатых переплетах затрачивались немалые физические силы. Из-за постоянной пыли библиотечная работа вредна здоровью.

Исходя из специфики библиотечной работы, Оленин предусмотрел в «Начертании подробных правил» параграф (20), разрешающий принимать на службу в Библиотеку людей, не имеющих классных чинов, ибо Оленин считал, что для библиотекарей главное не чин, а «разные познания»[33]. В соответствии с табелем о рангах, человек вообще не мог поступить на государственную службу, если у него не было хотя бы самого первого чина — 14-го класса.

Формирование нового штата Библиотеки не всегда проходило гладко.

Непростые отношения сложились у Оленина с хранителем Депо манускриптов П. П. Дубровским. В рескрипте Александра I от 27 февраля 1805 г. об утверждении при Библиотеке Депо манускриптов было сказано, что хранитель Депо подчиняется непосредственно главному директору Библиотеки, которым в то время был граф А. С. Строганов. По распоряжению Строганова в нижнем этаже Библиотеки, рядом с хранилищем рукописей, были отделаны комнаты «для жилья» Дубровского[34]. После смерти Строганова, став директором Библиотеки, Оленин добивается от министра народного просвещения указаний о подчинении Дубровского Оленину, о предоставлении хранителем «верной описи всех рукописей», об ответственности хранителя и его помощника за сохранность рукописей, об освобождении Дубровским квартиры при Депо манускриптов, о создании комиссии по проверке сохранности рукописей. Комиссия в составе В. П. Двигубского, М. А. Семигановского, А. И. Красовского, аббата де Грандидье, А. И. Ермолаева, Ф. И. Ласковского, В. С. Сопикова, П. К. Козловского, Н. И. Гнедича 13 ноября 1811 г.[35] приступила к проверке рукописей. Проверка продолжалась 3,5 месяца — вплоть до 3 марта 1812 г. Общий вывод комиссии был вполне удовлетворительный: «...существенных недостатков не оказалось, коллекция же г. Дубровского, составляющая самую драгоценную часть сего отделения и содержащая в себе 1065 номеров.., нашлась вся в надлежащей целости»[36].

Но Оленин не успокоился. Он составляет для императора специальную «Записку о хранителе Депо манускриптов», в которой отмечает, что его познания «по части палеографии» и «вообще по ученой части» не соответствуют требованиям, предъявляемым к хранителю Депо манускриптов[37]. Во время болезни 5 апреля 1812 г. Дубровский был отстранен от должности, но с пожизненным пенсионом в 3000 руб. О сложных взаимоотношениях между Олениным и Дубровским свидетельствует несвойственный Оленину насмешливо-иронический тон письма, сообщающего об отставке Дубровского[38]. В чем причина такого отношения Оленина к Дубровскому? Как считает исследователь жизни и деятельности Дубровского Т. П. Воронова, она кроется в том, что Дубровский «ни по происхождению, ни по возрасту, ни по положению в обществе» не отно-

сился к лицам круга Оленина, не был вхож в его салон. Этот довод нам представляется не совсем убедительным. В. С. Сопиков также ни по происхождению, ни по возрасту, ни по положению в обществе не относился к лицам круга Оленина, и тем не менее Оленин очень высоко его ценил и прилагал немало усилий для издания его труда, а также проявил трогательную заботу о его здоровье.

Дело, по всей вероятности, в другом. Во-первых, о Дубровском шла недобрая молва. Тот же Сопиков, далекий от всяких светских интриг, входивший в состав комиссии по проверке Депо манускриптов, считал Дубровского склонным «к шарлатанству и корыстолюбию»[39]. Того же мнения был и известный знаток старославянской книги Е. Болховитинов, писавший, что «Дубровский между антиквариями был не последний шарлатан»[40]. Во-вторых, как правильно отмечает Т. П. Воронова, интерес Дубровского к французской культуре «накануне Отечественной войны 1812 г., в период антифранцузских настроений был весьма не ко времени»[41]. В-третьих, Оленину нужен был знаток русской истории, палеограф по русским рукописям. И такого специалиста он нашел в лице А. И. Ермолаева.

Готовясь к открытию Библиотеки, Оленин разработал и официальную форму одежды для ее служащих. По его рисункам и описанию были созданы и утверждены праздничный и повседневный мундиры. Как писал Оленин министру народного просвещения А. К. Разумовскому 25 января 1812 г., «свойство занятий чиновников Библиотеки, при которых платье их подвергается маркости от пыли, чернил и прочего, представляет надобность устроить для них два мундира: праздничный и обыкновенный или вице-мундир»[42]. Оба мундира из сукна синего цвета, как во всех учреждениях, подчиненных Министерству народного просвещения. Повседневный мундир с лацканами, в два ряда пуговиц, воротник отложной из синего бархата, без шитья, обшлага суконные, подкладка суконная синего цвета, панталоны суконные того же цвета, при этом можно не носить шпаги и употреблять сапоги. Воротник и обшлага праздничного мундира были из синего бархата, на воротнике золотое шитье. Требовалось обязательное короткое «исподнее» платье белого цвета. На обоих мундирах пуговицы были медные с гербом Библиотеки. Для праздничного мундира Оленин придумал вокруг воротника по краям золотое шитье, изображающее бумажный сверток, а в двух углах воротника — изображение папируса. В книге «Актов, относящихся до нового образования имп. Публичной библиотеки» была приложена гравюра с изображением шитья на праздничных мундирах.

Для фактического увеличения числа работающих в Библиотеке Оленин ввел институт «почетных библиотекарей», которые выполняли те или иные поручения бесплатно. Они были освобождены от суточных дежурств и имели преимущественное право на замещение ва-



Парадные мундиры библиотекарей

кантных должностей помощников библиотекарей, так как «получили нужное к занятию их приготовление»[43]. Но никакими правами действительной службы они не пользовались. Оленин избирал в почетные члены известных ему лиц, проявивших себя какими-нибудь услугами Библиотеке, выдавая им специальное свидетельство. Первоначально их было семь. Но в 1817 г. по ходатайству Оленина Комитет министров «дозволил» иметь 14 почетных библиотекарей. Среди почетных библиотекарей был горный инженер П. К. Фролов, собиратель и исследователь памятников русской старины, владелец одной из лучших коллекций русских рукописных книг. Зная «всегдашнее желание» Оленина «к изысканию отечественных примечательностей, оставшихся в неизвестности»[44], Фролов дарил Библиотеке рукописные книги[45].

В «знак признательности за труды» в пользу Библиотеки Оленин принял в почетные члены издателя журнала «Сын Отечества» Н. И. Греча[46]. «Во уважении трудов, ... делающих честь нашей отечественной словесности», был принят в почетные члены К. Н. Батюшков[47]. М. Н. Загоскин был принят в почетные члены «во уважении известных занятий... в российской словесности»[48]. Известный библиограф В. Г. Анастасевич избирался Олениным в почетные библиотекари по «изъявленному... желанию посвятить досуги... пользу императорской публичной библиотеке и во уважении любви Вашей к учености вообще и в особенности к российской словесности»[49].

Среди почетных членов были член петербургского «Общества любителей словесности, наук и художеств» Г. И. Спасский, художники И. Иванов и М. Иванов, монах Иакинф[50] и др.

«По известному заведенному порядку», как выражался Оленин, вакантные должности библиотекарей замещались помощниками библиотекарей, вакансии помощников библиотекарей — почетными библиотекарями. Это делалось для того, чтобы вступающий в библиотечную должность уже имел определенные навыки.

И в то же время на библиотечного работника Оленин смотрел как на активного участника создания отечественной культуры. Симптоматично, что литературные труды Гнедича и Крылова Оленин считал составной частью их работы в Библиотеке. Каждый раз, представляя кого-либо из них к новому чину или к награждению орденом, Оленин просил: «за усердную службу и за немаловажные труды в пользу русской словесности» (Гнедич), «за труды по части русского Отделения сей Библиотеки и по изящным его произведениям в русской словесности» (Крылов)[51].

Из-за весьма низких ставок (1200 р. в год) библиотекарям было разрешено совместительство, что почти всеми ими использовалось. И фактически они работали в Библиотеке только два часа: либо с 10 до 12 часов, либо с 12 до 14. Но в 1821 г. вышло специальное царское распоряжение, запрещающее совместительство. Повысилась общая стоимость жизни, и библиотекари влачили жалкое существование. После многолетних настойчивых хлопот Оленин добивается увеличения окладов за счет

уменьшения штатных единиц. Но дороговизна росла значительно быстрее, чем библиотечные оклады. В 1842 г. Оленин пишет министру народного просвещения о «незначащих» жалованьях библиотечных работников, получающих «одни токмо по нынешним обстоятельствам скудные оклады по Библиотеке»[52].

Он добивался пенсий для своих служащих[53], наблюдал за «починками» в квартирах библиотекарей, живущих в библиотечном доме, особенно если что-то «может угрожать (сохрани Боже) пожаром или неминуемым разрушением»[54], протестовал против «неприятных следствий для новой постройки» от кучеров экипажей во время представлений в Александринском театре[55], превративших это место в общественный туалет, следил за дисциплиной служащих[56].

На Оленина возлагались все новые и новые поручения. С апреля 1812 г. он «исправлял» должность государственного секретаря вместо разжалованного и сосланного М. М. Сперанского. Должность была очень почетная, но и хлопотная: он возглавлял Государственную канцелярию, ведавшую всем делопроизводством Государственного совета. Ему вменялось в обязанность докладывать государю о всех делах, требующих пополнения законов или издания нового закона. В 1817 г. Оленин был назначен президентом Академии художеств, к тому времени пришедшей в полный упадок[57]. В следующем году перемещен в должности статс-секретаря из Департамента гражданских и духовных дел в Департамент законов Государственного совета. Все новые и новые заботы.

В одном из писем к военному министру, всесильному временщику А. А. Аракчееву (8 дек. 1817 г.), Оленин сравнивал свою жизнь с жизнью Кутейкина в «Недоросле». «...Утро процветете и погибнете. За хлопотами казенными, кроме государственной канцелярии и Академии художеств, ничего не вижу, ничего не знаю, разве только Императорскую Публичную библиотеку»[58].

В 1821 г. Оленин назначен председателем Комитета для рассмотрения замечаний на строительные работы Исаакиевского собора, потом членом Комиссии по сооружению Исаакиевского собора, а через год и членом Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников. В 1827 г. стал членом Государственного совета, членом Комитета сооружения Триумфальных ворот. В 1828 г. — член Главного управления цензуры... Да еще строился новый корпус Публичной библиотеки. «Довольно было бы половины, чтоб с ума сойти!»—писал Оленин сыну Петру[59]. В 1830 г. Оленин одновременно директор Публичной библиотеки, член Государственного совета, президент Академии художеств, член Главного управления цензуры, Комиссии по сооружению Исаакиевского собора, Комитета сооружения Триумфальных ворот в честь гвардейского корпуса и разных ученых обществ.

Среди множества дел, возложенных на Оленина, Библиотека занимала одно из главных мест, так как ее директор был убежден, что «общественное книгохранилище единственный есть способ к успешному распространению народного просвещения»[60].

«Библиотека есть вместилище словесности всех времен и всех народов»

Доставленное в Петербург «одно из знаменитых хранилищ многочисленных познаний, а более того заблуждений человеческих!»[1], как характеризовал Оленин библиотеку Залусских, содержало 389 961 книгу и рукопись и 40 618 эстампов[2]. В своем донесении министру народного просвещения в 1815 г. Оленин отмечал, что «до 1808 года невозбранно его [книгохранилище] расхищали сперва провожавшие оное сюда, потом посетители, в числе коих был один весьма знаменитый, наконец расхищение библиотеки продолжалось и при графе Шуазель-Гуффье и при шевалье д'Огаре: ибо они никакого за нею смотрения не имели»[3]. Поэтому книги, принадлежащие библиотеке Залусских, еще долгое время находили на рынках, в библиотеке Ордена иезуитов, у частных лиц, в самой Варшаве.

Ко времени прихода Оленина в Библиотеку в ней насчитывалось всего книг 262 640 томов, 24 574 эстампа. По ведомости 1796 г. в русском отделении библиотеки Залусских было 17 книг. В 1808 г. оказалось только 4 книги на русском языке: Библия, напечатанная при императрице Елизавете Петровне, Октоих, Арифметика Курганова и Грамматика Ломоносова[4].

Главной задачей Оленина было приобретение полного репертуара русских печатных книг. Иными словами — создание национальной библиотеки России. «...Приобретение, сколько можно, богатейшего собрания славянских и русских книг, печатных и рукописных, еще нужнее для Библиотеки, открытой к общественному употреблению в главной столице Российского государства», —писал Оленин в Отчете за 1814 г. — первом отчете после открытия Библиотеки для читателей[5]. Для решения этой важнейшей проблемы нужно было изыскать способ регулярного и полного получения Библиотекой всех вновь выходящих книг. По предложению Оленина, в утвержденном 14 октября 1810 г. Александром I «Положении о управлении Императорскою Публичною библиотекою» было записано, что ей «даруется право ... получать безвозмездно по 2 экземпляра каждой вновь издаваемой книги из всех типографий, в империи состоящих...»[6]. Для деятельности Библиотеки это было основополагающее решение. «Как дерево посредством корня получает первоначальную свою растительную силу,—говорится в Отчете за 1816 г.,—так точно возрастание сего книгохранилища основано и утверждается на законе, которого действие приносятся в оное из всей отечественной земли по два образца новых произведений книгопечатного искусства»[7]. Из годовых отчетов Библиотеки явствует, что «библиотека сия, как пространная житница, каждый год наполняется новыми плодами человеческого ума»[8].

11 мая 1811 г. Оленин издает распоряжение о разделении русских и иностранных книг и о создании Русского отделения[9]. Как отмечали

исследователи, «организация самостоятельного русского фонда была для того времени делом большого идейного и практического значения. Она сделала более ощутимым национальный характер организуемой Библиотеки, подчеркнула особое положение русского фонда, привлекла усиленное внимание к его комплектованию»[10].

Забота о пополнении Библиотеки книгами, «напечатанными на нашем отечественном языке»[11], у директора Библиотеки была постоянной и главенствующей. По инициативе Оленина в марте 1811 г. Строганов обратился к министру народного просвещения А. К. Разумовскому с предложением «О способе к точному и непременному исполнению» царского распоряжения о доставлении Библиотеке обязательного экземпляра. Предлагалось предписать цензуре разрешать выпуск в свет книг только после того, как в Министерство народного просвещения будут доставлены два экземпляра каждой книги для отсылки в Публичную библиотеку. Более того, также по предложению Оленина, Строганов просил возложить на цензурные комитеты ответственность за то, чтобы предназначенные для Библиотеки книги переплетались «хотя в корешок, исправно и без всяких недостатков»[12]. Фактически, выполняя предложение Оленина, Министерство народного просвещения издало циркуляр об ответственности цензуры и издателей за аккуратное снабжение Библиотеки обязательными экземплярами[13]. С апреля 1811 г. Библиотека стала получать обязательные экземпляры книг. В среднем по закону об обязательном экземпляре в Библиотеку поступало ежегодно по 600—700 названий книг.

По распоряжению Оленина все сотрудники, а особенно служащие Русского отделения Крылов, Сопиков, а затем и Загоскин, должны были внимательно следить за точным исполнением цензурой и другими учреждениями, не подчиняющимися цензуре, как, например, Синодом, закона об обязательном экземпляре. При первом же нарушении Оленин писал письма с требованием немедленно присылать издания в Библиотеку. При этом он подчеркивал, что с открытием Библиотеки «всякое замедление в присылке книг», которые раньше, чем в Библиотеку, поступают в лавки, ставит начальство Библиотеки «в ответственность перед посетителями», имеющими «полное право» требовать все вновь изданные книги в «общественном хранилище»[14].

Много было послано писем в учреждения, типографии, общества с просьбой выслать книги, изданные до 1811 г. В мае 1811 г. Оленин писал президенту Вольно-экономического общества А. А. Нартову: «В собрании русских книг недостает еще многих полезных сочинений и переводов, издаваемых по части земледелия, сельского хозяйства и промышленности»[15]. Просил, по возможности, прислать издания Общества. В январе 1812 г. Оленин обратился к М. Б. Барклаю де Толли с просьбой выслать все издания типографий, «к ведомству военного департамента принадлежащих»[16].

Рассылая в разные организации, в цензурные комитеты напоминания об обязательной доставке книг и не всегда получая удовлетворяющие его ответы, Оленин вынужден был обращаться в Министерство народного просвещения. Так, в феврале 1815 г. Оленин сообщил А. К. Разумовскому, что в Библиотеку не поступило 27 названий книг на русском языке, среди них: Монтескье «О существе законов», ч. 4 (Спб., 1814), «Фигуры и Ландкарты к путешествию Лисянского» (Спб., 1812) и др.[17]

Обеспокоенный нарушением закона, Оленин обращается к С. С. Уварову, в то время бывшему попечителем С.-Петербургского учебного округа, с просьбой дать указание Цензурному комитету, чтобы на книгах издатели указывали не только цензурное разрешение, но и обязанность представлять в Публичную библиотеку два экземпляра. В отказе издателей печатать это на книгах Оленин видел «умысел». Закончил он свое отношение напоминанием, что Уваров, как помощник Оленина[18], должен разделить с ним «попечение о пользе сего книгохранилища, открытого для общественного употребления»[19]. По этому поводу у Оленина завязалась переписка и с министром народного просвещения Разумовским. Последний согласился дать распоряжение всем цензурным комитетам публиковать на книгах сообщение о представлении обязательного экземпляра в Публичную библиотеку, за исключением мелких произведений — эстампов, планов, нот, считая это затруднительным для издателей. Дипломатичный Оленин поблагодарил министра, высказал свое с ним согласие, однако тут же добавил: «но с другой стороны, я знаю по опыту, что неупотребление вовсе таковой или подобной меры» даст издателям возможность не доставлять «назначенное число экземпляров». Чтобы избежать «ущерба» для Публичной библиотеки, Оленин предложил на рассмотрение новый вариант — указывать на изданиях: «печатать позволяется с представлением 5-ти экз.: в ценз. ком.: для каз. мест. Спбург, день, месяц, год. Цензор №№». «Я надеюсь, что сия мера не будет отяготительна для издателей»,—добавлял Оленин[20]. Оленинское предложение получило одобрение. «По званию директора»[21] Оленин делал все, чтобы права Библиотеки не нарушались. И его труды не пропали даром — прирост книг был значительный. За 4 года Русское отделение увеличилось до 2990 томов книг, не считая почти такого же количества дублетов, газет, карт, планов, нот, портретов, карикатур, «которых количество также значительно»[22]. Эти книги получены не только по «закону», но частично и подарены «любителями словесности».

Заботясь о сохранности поступающих книг, Оленин предписал всем библиотекарям тщательно просматривать их. «К крайнему моему огорчению, я,—писал он в приказе 15 сентября 1816 г.,— на сих днях заметил, что книги, печатанные в России и присылаемые по узаконениям в сию Библиотеку, принимаются по некоторым ее отделениям весьма небрежно, т. е. без пересмотра и пересчета листов».

Оленин «наистрожайше предписывал» «всем чиновникам Публичной библиотеки» для исполнения внимательно «рассматривать» присылаемые в Библиотеку «к ее приращению новые и всякие книги» и обо всех ««неисправностях» «немедленно уведомлять»[23].

В России в то время не было еще официальной государственной регистрации книг и поэтому довольно трудно было следить за исполнением закона об обязательном экземпляре. Поэтому по распоряжению Оленина все сотрудники должны были внимательно следить за книжным рынком, за книготорговыми каталогами, за объявлениями в газетах и журналах[24].

В 1828 г. вышел новый цензурный устав. Он сократил обязательный экземпляр до одного и установил срок доставки его в Библиотеку — немедленно по выходе из печати. И тем не менее цензура и типография не всегда исправно выполняли это постановление[25].

По распоряжению Оленина книги покупались только после подтверждения библиотекарями отсутствия предлагаемых книг в Библиотеке и целесообразности их приобретения. В 1817 г. было куплено собрание редких славянских и русских книг, а также рукописей у почетного библиотекаря П. К. Фролова, в 1830 г.— собрание старопечатных книг и рукописей у графа Ф. А. Толстого. Для поощрения купцов — активных дарителей — Оленин добивался звания комиссионеров, что предоставляло книготорговцам право обозначать на вывеске своего магазина титул «Комиссионер императорской Публичной библиотеки», а также герб Библиотеки, что было весьма престижно. В мае 1816 г. московские купцы Матвей и Иван Глазуновы стали комиссионерами Библиотеки, приобретая для нее русские книги в Москве. Они гордились этим званием, «почитая первейшим своим долгом употреблять все меры к скорейшему составлению полного собрания российских книг до сего из печати вышедших». В мае 1816 г. они преподнесли книг на 2101 р. 15 к.[26]. В августе 1817 г. по ходатайству Оленина Ив. Глазунов был награжден золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на Аннинской ленте на шее[27]. В 1830 г. Ив. Глазунов подарил еще 786 томов книг. Комиссионером был утвержден также зять Ив. Глазунова — В. Зверев, от которого в 1822 г. поступило в дар 300 русских книг стоимостью в 2224 р. 25 к.[28], за что был награжден золотой медалью с надписью «за усердие» на Аннинской ленте. Такой же награды был удостоен купец Еремеев, пожертвовавший Публичной библиотеке старинные монеты. Купеческие дары были своеобразной покупкой царских медалей!

Дарили книги и рукописи и сотрудники Библиотеки и сам директор. Оленин подарил Библиотеке 41 рукопись и немало книг (среди них весьма редкие: «География генеральная небесной и земноводные круги». Сочинение Барнардуса Варениуша. (М., 1718); «Арифметика» Магницкого (М., 1703); «Лексикон Славеноросский» П. Берынды (1653); «Грамматика» Смотрицкого). Сопиков принес в

дар Библиотеке 19 рукописных книг, а Ермолаев — 14. Крылов дарил рукописи своих басен и книги. Книги дарили Гнедич, Дельвиг. Среди дарителей были знаменитые мореплаватели И. Ф. Крузенштерн и Ф. П. Литке, русский изобретатель И. А. Неведомский, библиограф В. Г. Анастасевич, писатель Д. И. Языков, генерал А. А. Жомини, прогрессивный общественный деятель А. И. Тургенев, декабристы С. Г. Волконский, В. К. Кюхельбекер и др.

В первый же год открытия Библиотеки Г. Р. Державин преподнес Библиотеке «Диплом имп. Петра I, данный Волошскому Господарю князю Дмитрию Кантемиру на принятие его со всем народом его в Российское подданство». В 1815 г. вдова Державина подарила грифельную доску с последними стихами Державина, написанными им за два дня до смерти. На ней начертано:

Река времен в своем теченье
Уносит все дела людей,
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется,
И общей не уйдет судьбы.

И до сих пор эта доска хранится в Отделе рукописей и редких книг Публичной библиотеки.

Несмотря на все старания Оленина, в 1829 г. он вынужден был сообщить в Министерство народного просвещения, что Публичная библиотека «не имеет еще полного собрания книг, напечатанных в России, потому что она не имеет достаточных способов к покупке недостающих книг»[29].

К 20 марта 1829 г. в Библиотеке хранилось 10 006 русских книг, не считая дублетов, стоимостью, по оценке Крылова, в 150 000 р.[30]. К марту 1836 г. в Русском отделении уже насчитывалось более 26 000 томов и 10 000 томов дублетов.

Но чтобы быть истинно национальной Библиотекой страны, первой и главной, нельзя было ограничивать ее фонд только русскими книгами, тем более что основа Библиотеки, подавляющее большинство ее книг были иностранные. Оленин был глубоко убежден, что фонды Библиотеки должны носить универсальный характер и быть многоязычными. Свою концепцию Публичной библиотеки он выразил определением: «Библиотека есть вместилище словесности всех времен и всех народов»[31]. Цель публичных библиотек, по словам Оленина, «состоит в приобретении, сколько возможно, полнейшего собрания книг всякого рода и на всех известных в свете языках, для чтения посещающих таковых заведений любителей всех познаний человеческих»[32]. Свои принципы комплектования он повторил и в письме к министру двора

П. М. Волконскому в 1817 г. Он писал: «Публичная библиотека, которая будучи открыта для пользы всех и каждого, непременно должна содержать в себе не только классические, но и всякого рода книги, потому что посещающие оную принадлежат к разным состояниям и упражняясь в чтении и выписках из всякого рода книг должны, в открытой или в общей Публичной библиотеке, находить по требованиям их и все роды сочинений, какие только приобрести можно из всех стран света, а кольми паче из числа отечественных произведений»[33].

В сентябре 1816 г. Оленин писал новому министру народного просвещения А. Н. Голицыну, что Публичная библиотека «при всей многочисленности книг ... имеет по многим частям значительные недостатки и особливо требует приобретения почти всех новейших творений, какие вышли на разных иностранных языках в течение последних пятидесяти лет»[34].

Основываясь на своем представлении о принципах воспитания молодого поколения и на запросах времени, из иностранных изданий Оленин покупал преимущественно книги по истории, археологии, палеографии, нумизматике, географии, классической филологии и изобразительному искусству, особенно греческие и связанные с историей Греции. В Италии в 1820 г. купил вышедшую в Милане книгу, содержащую отрывки из сочинений Гомера, напечатанные с древнейшего манускрипта, найденного в Амброзианской Миланской библиотеке[35]. Через купцов выписывались книги по истории античной Греции из Англии[36].

Уже в 1820 г. по количеству фондов Публичная библиотека стоит на 4-м месте среди крупнейших европейских библиотек. Имея 300 000 книг и 11 000 рукописей, Публичная библиотека уступала только Парижской королевской библиотеке (350 000 книг и 80 000 рукописей), Придворной библиотеке в Мюнхене (400 000 книг и 9 000 рукописей) и Императорской библиотеке в Вене (300 000 книг и 12 000 рукописей). На последнем, 14-м месте значилась Библиотека Британского Музея в Лондоне (150 000 книг и 60 000 рукописей)[37].

Для сохранности особенно старых книг их сдавали в переплет. Оленин и для мастеров переплетных дел «сочинил» подробную инструкцию[38]. В ней предусматривалось, в каких случаях переплетать «в бумажку», «в корешок», какие надписи делать на «задках», где вытеснять герб Библиотеки. Предусматривались и меры наказания в случае «неисправности переплетчика».

Относясь трепетно к русской истории и рассматривая Библиотеку как хранилище «до истории отечества нашего касающееся»[39], Оленин задумал собрать все иностранные издания, относящиеся к Отечественной войне 1812 г. С этой целью в апреле 1813 г. он обратился к Ф. И. Опочинину — зятю М. И. Кутузова — с просьбой договориться с Кутузовым о снабжении Библиотеки «всеми сведениями о военных и политических делах, какие позволяют доставить в оную настоящие

обстоятельства»[40]. Дело это оказалось не таким легким. Считая, что большую помощь мог бы оказать Виленский университет, предоставляя Публичной библиотеке все издания, печатавшиеся в типографиях Виленского округа во время французской оккупации, Оленин вел переписку с Виленским университетом и с генерал-губернатором Вильны[41]. С аналогичной просьбой он обращался и в Московский университет[42]. К сожалению, Оленин ниоткуда не получил положительного ответа.

Он сам через петербургского книготорговца Плюшара заказывает в Париже книгу «Histoire des Kosaques» par Lesur («История казаков» Лезюра). Но цензура при Министерстве полиции книгу задержала. В ноябре 1815 г. Оленин обратился к министру полиции С. К. Вязмитинову с просьбой передать книгу, мотивируя тем, что книга никому не будет выдана для чтения, но для истории России представляет известный интерес, тем более что в Библиотеке имеется один экземпляр книги того же автора под названием «Des progres de la puissance russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX^{e} siecle» («Развитие Русской державы от основания до начала XIX в.»), «привезенный неприятелем в 1812 году».

В декабре он вновь обращается к министру полиции с просьбой доставить из цензуры хотя бы по одному экземпляру «Relation circonstanciee de la campagne de Russie en 1812» par Labaume («Подробности о русской кампании 1812 г.» Лабом) и сочинение Beauchamp A. «Histoire des campagnes de 1814 et 1815») («История кампаний 1814 и 1815 гг.» Бошана) и «других подобных сим сочинений, буде оные имеются в цензуре за невыпуском их в публику»[43]. Министр удовлетворил просьбу частично, прислав только «Историю» Бошана с условием оплаты ее стоимости книгопродавцу Плюшару.

Осуществлению замысла Оленина мешали цензурные трудности и поэтому его идея собрания иностранных книг об Отечественной войне 1812 г. не нашла поддержки у высшего начальства, хотя в Библиотеке уже в 1813 г., по примеру Ватиканской библиотеки, было создано особое хранилище для тех книг и рукописей, которые по законам цензуры «от большей части публики должны быть скрыты»[44]. В 1814 г. «неукоснительно» были приняты меры к выделению книг и прочих изданий, «могущих более разгорячить воображение, чем питать ум и сердце»[45]. Хранились они в отдельном помещении в Депо манускриптов. У Оленина был свой взгляд на подобные издания. Он считал, что издания, которые по каким-либо причинам временно не могут быть «сообщаемы публике», должны обязательно храниться в Публичной библиотеке, ибо наступает время, когда «с переменою обстоятельств» подобные издания «перестают быть опасными, а остаются только редкими и поэтому самыми любопытными и иногда же бывают и весьма полезными». Следовательно, эти книги нужно обязательно хранить, «но с надлежащей осторожностью». В Публичной библиотеке немало книг, «кои некогда были запрещены, но теперь могут быть сооб-

щаемы»[46]. В качестве одного из аргументов необходимости хранить «запрещенные книги» Оленин выдвигал их историческую ценность, ибо они «служат материалом к составлению истории ума человеческого и письмен, в которой представляется не только польза, но и самые злоупотребления»[47]. В соответствии со своим пониманием «вредности» книг он и в 1836 г. на запрос министра о книгах «мятежника» Казимира Волковича, «относящихся большей частью до масонских обществ», ответил: «как императорская Публичная библиотека есть хранилище всякого рода книг и служит, так сказать, Архивом Человеческих знаний,—то я считаю полезным иметь книги, принадлежащие Волковичу»[48]. В особую комнату было помещено и купленное в 1836 г. в Париже у писателя Лоранти собрание книг и рукописей «касательно тайных обществ»[49]. В этом же году поступили из Цензурного комитета запрещенные иностранные книги.

Оленину не удалось собрать все иностранные книги об Отечественной войне 1812 г., хотя идея эта находила отклик в русском обществе. В 1817 г. известный русский ученый и библиограф Ф. П. Аделунг выступил в печати с предложением организовать русский национальный музей, в котором собрать все иностранные книги о России[50]. Его поддержал собиратель книг и рукописей о России Б. Г. Вихман[51]. На этом дело и кончилось. И только во второй половине XIX в. Публичная библиотека стала собирать коллекцию иностранных книг о России (Rossica).

Комплектованию, особенно иностранных книг, в известной степени содействовали императоры. Несколько раз передавались в Публичную библиотеку книги из Эрмитажной библиотеки. Первые книги из Эрмитажа поступили в ноябре 1816 г.[52]. Александр I и Николай I неоднократно пересылали в Библиотеку книги, полученные в дар от иностранных правительств, учреждений и частных лиц.

При Оленине было куплено несколько частных собраний, состоящих в подавляющем большинстве из иностранных книг: графа С. К. Вязмитинова (1820)—565 книг, князя Д. И. Лобанова-Ростовского (1828)—2802 тома; часть библиотеки А. Я. Италинского (1829)—667 томов, инженер-генерала графа П. К. Сухтелена (1836)—25 978 томов. Заботясь о том, чтобы докомплектовать Библиотеку отсутствующими в ней изданиями, Оленин хотел приобрести из собрания графа Вязмитинова только подобные книги. В письме к вдове Вязмитинова Оленин писал, что «почти все драгоценнейшие и вообще более половинного числа книг» коллекции в Библиотеке имеются и поэтому нет смысла приобретать целиком всю коллекцию[53]. Оленин понимал, что правильно развиваться Библиотека может не столько раритетами, сколько «новейшими» книгами или «не принадлежащими к библиографическим редкостями». Именно они «составляют необходимую потребность» читателей, «прилежно посещающих сие открытое книгохранилище»[54]. При вы-

писке иностранных книг директор был осторожен, старался удостовериться по собраниям других владельцев в ценности книги[55]. Около 4 лет велись переговоры с французским академиком Шарлем Пужаном о приобретении его коллекции, содержащей 12 тыс. документов о революции 1789 г., «начиная с несчастного дела об ожерелье королевы и кончая казнью короля»[56]. Вероятно из-за высокой стоимости, покупка не состоялась. В 1822 г. Оленин купил у Пужана 89 частей методической энциклопедии[57].

Оленин полагал, что исторические книги, книги по филологии представляют чуть ли не всеобщий интерес, и ими он усиленно комплектовал Библиотеку. Что же касается научных специальных книг, то, признавая их «любопытными», нужными «для книгохранилища, открытого для всех любителей просвещения», вместе с тем считал покупку их «тягостной» для Библиотеки, так как подобные книги «занимательны» «для одного класса ученых»[58]. Отдельные иностранные книги выписывались не только из-за границы, но и покупались у частных лиц в России. В мае 1815 г. у прапорщика 26-й артиллерийской бригады Козлова-Угрепина куплен пятитомник «Путешествие вокруг света» Лаперуза на французском языке в сафьяновом переплете. Любопытна история этого издания: оно было прислано отцу прапорщика французским двором «в знак признательности за гостеприимство, оказанное им г-ну Лаперузу в бытность его в Охотском порту»[59].

Денег на покупки не хватало, и часто приходилось задалживать книготорговцам в течение нескольких лет[60]. Чтобы иметь какие-то средства для приобретения книг, намечалось отобрать все дублеты и пустить их на обмен или на продажу. В 1810 г. Оленин даже написал «Начертание правил к составлению росписи дублетам и разрозненным книгам»[61]. На карточках приводилось полное описание титульного листа. В этом «Начертании» давалась и дефиниция дублетности: «дублетами почитать должно экземпляры одного и того же издания», без малейшей разницы. В донесении министру в 1816 г. Оленин писал, что надеется в «нынешнем» году приступить к продаже дублетов, чтобы «доставить Библиотеке новый способ пополнить свои недостатки»[62].

Дело с продажей дублетов затянулось. В январе 1820 г. Голицын сообщил Оленину, что император повелел составить реестр дублетов библиотеки Залусских, но «не продавать и не променивать впредь до повеления»[63]. Но фактически при Оленине ни продажи, ни обмена дублетов не было. Только дважды Библиотека обменялась дублетами с лейб-медиком О. К. Каменецким[64].

В 1827 г. Оленин признается, что «отделения иностранных книг скудны новейшими книгами, ибо Библиотека сия не была дополняема ими надлежащим образом с 70-х годов прошлого столе-

тия, купленные же и подаренные оной новейшие книги во время моего правления Библиотекою не могли исправить сих недостатков, слишком заметных в обширной области иностранного книгопечатания»[65]. И все же периодически Библиотека пополнялась иностранными книгами. Приведем только некоторые примеры. В октябре 1829 г. поступили в Библиотеку поднесенные персидским принцем Хосров-Мирзою 18 книг — «задарение» после гибели в Тегеране А. С. Грибоедова. Среди них были творения известных персидских поэтов: Фирдоуси («Шахнаме»), Енвери, Сенаи, Саади, Хосрова, Дехлеви, Хафиза, Навои, Джами и др.[66]. «Для обогащения редкого собрания рукописей, хранящихся в сей Библиотеке, особенно принадлежащих разным королям и королевам французским», Оленин через баварского посланника графа де Брега купил молитвенник королевы Иоанны Бургундской, супруги короля Филиппа Длинного (в 1820 г.)[67]. Одесский градоначальник граф К. Ф. Сент-При подарил письмо Людовика XVIII[68]. Известный интерес у Оленина был к китайским рукописям и книгам. В 1822 г. он купил у Сипакова 3 рукописные китайские книги с раскрашенными рисунками костюмов разных народностей, населяющих Китай и близлежащие страны, а также ландшафтов Китая[69]. За два года до этого Оленин договорился с министром народного просвещения об ежегодной затрате от 500 до 1000 р. на покупку китайских и манчжурских книг через духовную миссию в Китае. Таким способом он надеялся в течение нескольких лет создавать «значущее собрание китайских книг», что будет «богатым источником сведений о древнейшем, соседственном с нами государстве, которое по многим отношениям нравственным, естественным и политическим достойно всего внимания просвещенных наблюдений»[70].

Почти одновременно Оленин обратился к архимандриту Петру, начальнику русской миссии в Китае, с просьбой приобретать в Китае книги по языкознанию, религии, этнографии, истории, искусству, «в которых объясняется язык, вероисповедание, нравы, обычаи, образ жизни, история гражданская и военная, естественные и искусственные произведения сего древнего государства»[71]. В апреле 1822 г. Библиотека получила из Пекина 5 ящиков книг. Интерес Оленина к Востоку был постоянен. Из дневниковой записи от 26 декабря 1809 г. А. Х. Востокова мы узнаем, что у Оленина бывали основоположник русской индологии Г. С. Лебедев, знаток Китая П. И. Каменский[72].

О популярности, известности Публичной библиотеки свидетельствовали подарки, получаемые из разных мест России, Польши и зарубежных стран[73]. Дарителям писались благодарственные письма, в которых, между прочим, сообщалось, что их поступок будет доведен до сведения министра, а также и «занимающихся в сим заведении любителей учености, которые на приращение сокровищ оного всегда смотрят с новым удовлетворением»[74].

Во времена Оленина еще не были установлены непосредственно связи с зарубежными библиотеками, если не считать единственного случая, когда в ноябре 1831 г. из Англии «по повелению» короля был получен каталог Королевской библиотеки в 5 томах[75].

При всей скудости средств на покупку книг Оленин немало денег тратил на приобретение монет и медалей. Быстро рос нумизматический отдел, находящийся в Депо манускриптов. Сам Оленин пожертвовал 400 монет. Нумизматическое собрание не было случайным для Оленина: монеты и медали рассматривались им как один из исторических источников. И тем не менее для Библиотеки это было чужеродным явлением. Закономерно, что по распоряжению Николая I в 1827 г. все медали и монеты в количестве 9026 единиц были переданы в главный императорский музей — Эрмитаж. В те годы Библиотека комплектовалась совершенно чуждыми для нее вещами. В 1815 г. К. Н. Батюшков преподнес Библиотеке два мамонтовых клыка, найденных в Тверской губернии[76]. В этом же году Библиотеке подарили вещи, раскопанные на Алеутских островах. В 1817 г. поступили золотые, серебряные и глиняные вещи, обнаруженные при раскопке Фанагорийской крепости (передано в Эрмитаж в 1831 г.).

Изыскивая возможности увеличения хозяйственных сумм для покупки книг, Оленин сдавал нижний этаж библиотечного дома, в котором жили служащие, в аренду под 6 книжных лавок. С 1811 по 1816 г. от аренды получено 2340 р.[77] Из хозяйственных сумм, отпускаемых на жалованье сотрудников, ремонт домов и прочее, Оленин почти каждый год ухищрялся сэкономить на покупку книг и рукописей. Так, за 18 с половиной лет правления, к 1828 г., Оленин купил недостававших в Библиотеке книг на сумму 114 063 р. 28 к.[78] ассигнациями и 7341 р. 65 к. потратил на переплет. А всего было израсходовано на покупки с 1814 по 1842 г. 73 390 р. серебром, из них 3 000 р. на монеты. (По курсу 1838 г. один серебряный рубль равнялся 3 р. 50 к. ассигнациями). Лишь в 1839 г. Библиотека получила единовременно 9 000 р. серебром (32 355 р. 30 к. ассигнациями) на приобретение недостающих Библиотеке «полезных и редких иностранных изданий»[79]. К январю 1843 г. фонд Библиотеки насчитывал 410 981 том и 17 284 рукописи. Кстати, еще в 1835 г. было установлено, что под томом понимается переплет: периодические издания в годовом комплекте принимаются за один том[80].

Боясь за сохранность богатств Библиотеки, Оленин несколько раз ставил вопрос перед правительством о приобретении дома Балабина, который вклинился между зданием Библиотеки и домом, где жили сотрудники Библиотеки. В 1812 г. он возражал против открытия в доме Балабина трактира, так как трактир усиливал опасность пожара, а также нарушал тишину и плохо действовал на сторожевую команду Библиотеки[81]. Но частная собственность

в этой тяжбе все же победила, и через несколько лет Балабин добился разрешения открыть в своем доме трактир. После того как в Царском Селе был пожар во дворце (11 марта 1820 г.), свидетелем которого был Оленин, он вновь поднимает тревогу о «сбережении домов Библиотеки и хранящихся в оной рукописей и печатных книг от пожара»[82]. И вновь ставит вопрос перед правительством о приобретении дома Балабина[83]. Но министр отказался ходатайствовать перед Александром I, так как дом был отдан в частные руки «по высочайшей воле». Но Оленин не успокаивается и вновь и вновь поднимает вопрос о доме Балабина. И даже лично объяснялся по этому поводу с императором[84]. Чтобы как-то разрешить проблему, правительство предложило застраховать фонды и здание Библиотеки. Но Оленин не считал этот путь лучшим решением вопроса, ибо деньги, в случае пожара, не возместят возможные потери. «Я разумею рукописи и книги печатанные в XV столетии или изданное случайно в самом малом числе экземпляров,—писал Оленин министру 11 февраля 1829 г.,—не могут не только заменить потерю, но и определить цену сих редких вещей весьма трудно и едва ли возможно: драгоценность таковых вещей зависит всего более от древности и содержания их, часто от знаменитости писателей манускриптов или достойных памяти лиц, которым принадлежали рукописи и редкие печатные книги, иногда от необыкновенных случаев, которыми те и другие были сохранены или переходили из одних рук в другие, иногда от иных достопамятных обстоятельств, уважаемых библиографами»[85]. Но, тем не менее, было принято решение застраховать Библиотеку. Крылову было дано задание оценить стоимость русских книг. Оленин обратился к трем петербургским книготорговцам — Грефу, Вейеру и Белизару — с просьбой оценить иностранные книги Публичной библиотеки. Крылов оценил русский фонд в 150 000 р., а иностранный фонд Греф оценил в 2 млн. р., Вейер — в 2 160 000 р., Белизар — в 1 825 000 р.[86]. В целом все было оценено более чем в 3 млн. р. И тем не менее, Оленин вновь обращается к министру с вопросом о приобретении дома Балабина как главного источника возможного пожара. Но в марте 1830 г. император повелел застраховать за счет государственного казначейства все строения и фонд русской книги. Рукописи и иностранные книги не были застрахованы: русские агентства отказались за огромностью суммы, а иностранные агентства потребовали обозначения стоимости каждой единицы. В самой Библиотеке Олениным были приняты возможные в тех условиях противопожарные меры: следилось за исправностью пожарных инструментов, запрещалось употребление восковых и сальных свечей без «фонаря», «раздувание» самовара, курение трубок и сигар в комнатах, где нет каменных полов и сводов и т. п.[87] Заканчивалось «Распоряжение» предупреждением: «Во всех же (Боже упаси) пожарных случаях в доме императорской Публичной библиотеки, при коих откроется,

что тому было причиною послабление, здесь предписанного, преступивший оное подвергается уже сам ответственности по силе законов»[88].

Фонды Библиотеки были надежно защищены от другого стихийного бедствия — от наводнения, так как не размещались в подвальных помещениях. И даже 7 ноября 1824 г. — в день самого большого и ужасного наводнения за всю историю города — они не пострадали.

* * *

К концу 20-х гг. из-за большого поступления книг уже не хватало помещений для их размещения. Это время совпало с проектом завершения ансамбля Александринской площади (ныне пл. Островского), на которую выходили здания Публичной библиотеки и Малого театра с их дворами, созданные архтекторами Модюи и Росси. По этому проекту к зданию Библиотеки должен быть пристроен корпус по Садовой улице. В результате здание Публичной библиотеки должно было быть в виде подковы с «отверстием», обращенным к площади. Проект не был осуществлен. В 1828 г. началась грандиозная реконструкция всей площади и прилегающих к ней улиц до Чернышевой площади. Возводилась и пристройка к старому зданию Библиотеки. Детальная разработка плана новой пристройки Библиотеки, смета, контроль за строительством возлагались на архитектора Ф. Ф. Щедрина. Общее наблюдение за проектом и строительством осуществлял Росси. В Библиотеке под председательством Оленина был учрежден Временный строительный комитет в составе архитекторов Росси и Щедрина, инженера генерал-лейтенанта Л. Л. Карбоньера и библиотекарей С. В. Васильевского и А. И. Красовского. При составлении проекта Оленин рекомендовал «иметь в виду не столько красоту строения, сколько удобность оного для отправления библиотекарями должностей и исполнения требований читателей». В связи с этим «...план внутреннего расположения надлежало составить так, чтобы новое строение имело возвышение и обширные залы, не стесняемые и не загораживаемые столбами, для чего ... к поддержанию переходов около шкафов сделать надлежащие консоли; свободный и безопасный доступ ко всем частям библиотеки, ...удобные ходы около книжных шкафов и, наконец, надлежащую теплоту и чистый ровный воздух ккак для лучшего сбережения драгоценных рукописей и печатных книг, так и самого здоровья служащих в библиотеке чиновников и занимающихся в оной посетителей»[89].

Щедрин закончил составление проекта 21 июля 1828 г. Росси одобрил проект, найдя, что «расположение залов для помещения шкафов и их постановление сделано очень удобно и притом для отправления библиотекарями их должностей будет сохранен красивый и величественный вид»[90]. При строительстве использовались новшества в отопительной системе: введено воздушное

отопление от коробовых печей, установленных в подвале, устроены водопровод и канализация. На строительство ежедневно для забивки свай присылалось 800 солдат из гренадерских полков[91]. Всего было забито под фундамент 2 427 свай. Не обошлось и без увечья: как записывалось в дневнике строительства 1828 г., 21 июня крестьянин графа Зубова Петр Симаков во время свайных работ лишился трех пальцев на правой руке; 27 сентября два работника «нечаянно ушиблись», 27 октября — плотник упал с кровли[92].

К рабочему люду Оленин относился справедливо, стремясь всячески поощрить хорошую работу. Он обратился к министру с просьбой исходатайствовать охтенскому поселянину Андрею Тарасову «за прочную постройку» в 1832—34 гг. паркетных полов и ясеневых шкафов в Библиотеке «с значительною ... противу других подрядчиков уступкою» золотую медаль на Аннинской ленте на шее. Просьба Оленина не была удовлетворена: крестьянам не полагалось золотых медалей[93].

При постройке были сделаны изменения в Соколовском фасаде: сняты колоссальные статуи греческих философов, стоящие на верху колонн фронтона, удалены бюсты из малых ниш и сами ниши заделаны. В лоджии главного фасада нового корпуса в 1831 г. установлены гипсовые статуи, изображающие ученых и писателей античности. Причем Оленин разработал так называемую «Программу для моделей статуй» с описанием внешних атрибутов. Например: Цицерон — в тоге и в римских полусапожках, говорящий народу. У ног его ликторский топор и лук, знак его консульства. «Топор с луком можно приставить к скриниуму, т. е. к ящику с его творениями»[94]. Считая от Невского первые 3 статуи — Гомера, Платона и Евклида — работы С. С. Пименова; 4-я статуя — Еврипида — выполнена С. И. Гальбергом; 5-ю и 6-ю — Гиппократа и Демосфена — делал В. И. Демут-Малиновский, 7-я и 8-я статуи — Цицерона и Вергилия — М. Г. Крылова; 9-я и 10-я статуи — Тацита и Геродота — работы Н. А. Токарева. На крыше над входом установлена гипсовая статуя богини мудрости Минервы, выполненная В. И. Демут-Малиновским. В тимпане — фигуры Славы работы И. Леппе. Модели и готовую скульптуру принимал Совет Академии художеств. Росси предлагал выполнить скульптуры из «битой меди», т. е. из тонких медных листов. Оленин одобрил это предложение, но рекомендовал сделать для каждой скульптуры по две гипсовые модели с тем, чтобы одну использовать как собственно модель, а другую выбронзировать и поставить временно «на место» для «показания художественного эффекта»[95]. Оленин договорился с управляющим Александровских заводов о приготовлении медных фигур[96]. Статуи были окрашены под бронзу, впоследствии их перекрашивали в черный цвет. Сейчас они белые. Статуи так и не были заменены выбитыми из меди, так как



Пристройка к Публичной библиотеке 1830-х гг.

император не утвердил смету на медные фигуры. 24 января 1835 г. статуя, изображающая Демосфена, упала на мостовую и разбилась. После этого статуи были прикреплены к стене железными тягами.

На строительство была использована часть денег из завещанного капитала купца П. Д. Ларина. В его честь один из новых больших залов (ныне научный читальный зал литературы и искусства) назван Ларинским. Строительство новой пристройки шло пять лет. Окончилось оно в 1833 г., в январе Библиотека открылась для читателей. Два здания Библиотеки «настолько органичны, что, не зная истории сооружения, нельзя догадаться, что оно состоит из двух корпусов, построенных в разное время и разными архитекторами»[97].

Рассматривая Библиотеку не только как место хранения книг и место для занятий читателей, но и как своего рода музей драгоценных коллекций, архитекторы решали интерьеры Библиотеки в парадном стиле. Парадные залы располагались на втором этаже. На постаментах балюстрады установлены бюсты ученых и мыслителей. И в примыкавших залах у колонн на постаментах также стояли статуи и бюсты. В вестибюле нового здания были поставлены отлитые из гипса четыре колоссальные статуи Аполлона, Минервы, Меркурия и Урании. Круглый зал верхнего этажа считался одним из лучших в столице. В 1826 г. член Общества поощрения художников Г. Г. Чернецов написал перспективный вид этого зала[98].

Оленин придавал большое значение внешнему оформлению залов Библиотеки. В 1816 г. он заказал художнику А. А. Василевскому (Базилевскому) сделать для Библиотеки авторскую копию портрета Г. Р. Державина. А до этого в 1813 г. скульптор В. И. Демут-Малиновский изготовил бюст А. В. Суворова. Через несколько лет был сделан бронзовый бюст поэта И. И. Дмитриева, в 1838 г. — гипсовые бюсты А. С. Пушкина и И. А. Крылова работы Гальберга. Библиотека была настолько богато декорирована скульптурами, что привлекла к себе внимание французского скульптора Шарля Лемольта, который в 1839 г. сделал слепки со всех бюстов Библиотеки. Но новое здание принесло и неприятности для Библиотеки. В нижнем этаже нового здания появилась сырость, «вредная для расставленных по шкафам книг, привезенных из Варшавы». Оленин издает распоряжение, обязывающее библиотекарей «возможно чаще» осматривать книги, сырые книги, покрытые плесенью, сразу же вынимать из шкафов, «обтирать бережно тряпками и расставлять или на полу или на установленных для сего скамейках»[99]. Для Библиотеки самое важное не красота ее интерьеров, а хорошие условия для хранения книг.

«Каталогизация в натуре»

В иностранных библиотечных руководствах XVII—XVIII вв. систематическая расстановка книг в крупной библиотеке рассматривалась как само собой разумеющееся явление. В Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера (1751 г.) дано следующее определение библиотеки: «Библиотека есть помещение, более или менее обширное, с полками и шкафами, где книги расставлены под разными классами» (т. 2, с. 228).

При первичном разборе библиотеки Залусских М. И. Антоновский положил в основу систематический порядок, принятый в Парижской национальной библиотеке. Он разделил фонд на 35 делений (на 7 классов: богословие; юриспруденция; медицина; философия; математика; история и география; филология, искусства и ремесла, а каждый класс еще на 5 подразделений). Его преемник д'Огар отменил эту систему, предоставив каждому чиновнику полную инициативу. В результате ко времени прихода Оленина в Библиотеку фонд не был разобран, не было ни схемы классификации, ни полного перечня книг, ни каталогов. Книги стояли на полках в 3—5 рядов. В первую очередь Оленин добавил 49 новых шкафов на 50 000 томов, что дало возможность разместить книги в один ряд.

Но одной из главных своих задач Оленин считал составление библиографической системы, которая позволила бы так расставить книги, чтобы ими легко могли пользоваться не только

«ученые и любители словесности», но и любой посетитель, пожелавший «с единого любопытства» рассмотреть книги[1]. Оленин считал подобную библиографическую систему способом рекомендации книг, «средством многих приохотить к чтению и тем возбудить желание просветиться в знании наук и художеств»[2]. Почти год Оленин занимался разработкой своей библиографической системы. Предварительно он изучил 30 зарубежных классификационных систем, но ни одна его не удовлетворила. Он тщательно ознакомился с системами Фонтанини, Гарнье, Мартина, Дебюра, Лейбница, аббата Жирара, Дениса. Оленин стремился в своей системе отразить современный уровень человеческого познания, логическую связь между науками. Он считал, что надобно «сначала разделить вообще науки и художества по их свойствам»[3]. Свою классификационную систему Оленин разделил на три части: науки, искусства и словесность или филология. Науку, в свою очередь, он также разделил на три части: «умственные» (мы бы сказали «общественные»), «естественные», «определительные» (мы бы сказали «точные»). Внутри наук стремился «учредить» «некоторую связь или переход от одного познания к другому...»[4]. «Науки умственные» он связал с «естественными» «посредством истории»: «историей народов» закончив 1-ю часть, а «естественной историей» начав 2-ю часть.

В системе Оленина общественные науки отделены от наук о природе, медицина отнесена к естественным наукам, а техника и прикладные знания следуют за физико-математическими науками. Все это было ново для библиотечной классификации и соответствовало передовому научному познанию того времени.

Отказ Оленина от субъективного принципа классификации был отмечен академиком Б. М. Кедровым как весьма прогрессивное качество системы[5]. Известный советский библиотековед Е. И. Шамурин справедливо считал, что система Оленина идет «впереди многих западных книжных классификаций того времени» и является «для начала XIX в. незаурядным явлением»[6].

Не случайно А. Х. Востоков рекомендовал оленинскую систему К. Ф. Калайдовичу[7].

В иностранной литературе основные деления классификации Оленина иногда связывают с классификацией «Энциклопедии» Чемберса (1728)[8]. Но это сходство просматривается только в первых делениях. Понимание сути каждого деления у авторов различно[9].

В Оленинской системе было немало еще и традиционного. Классификацию, как обычно, возглавляло богословие, искусство объединялось с техническими науками. Классификационная система была изложена Олениным в книге «Опыт нового библиографического порядка для СПетербургской Императорской библиотеки», напечатанной на русском и французском языках в 1809 г. В «Опыте» были опубликованы и первые русские каталогиза-

ционные правила. Это — первое опубликованное русское руководство по организации фондов и каталогов, которое явилось «серьезным достижением русского библиотековедения»[10].

Оленин прекрасно понимал, что классификация фонда зависит от его размера и профиля. Поэтому он писал в 1812 г. директору библиотеки Горного института А. Ф. Дерябину, что правила и порядок, удовлетворяющие такую крупную библиотеку, как Публичная, «могут показаться неудобными, если по оным располагать малочисленные собрания книг»[11].

29 ноября 1808 г. библиотекари получили строгое распоряжение Олеиина расставлять книги по «новому библиографическому порядку».

Под классом подразумевалось первое деление — «главное разделение наук, искусств и словесности». Каждый класс делился на отделения: «главное разделение каждого класса», которые, в свою очередь, делились на подразделения. Последнее разделение — разряды. Их было в Оленинской системе 363. Каждый разряд делился еще по языкам и по форматам. В пределах каждого разряда и формата книги должны были быть расставлены по алфавиту авторов или заглавий тех книг, автор которых неизвестен. Такая расстановка книг, по мнению Оленина, нужна «для скорого отыскивания книг, доколе надлежащие каталоги не будут готовы»[12].

В своих распоряжениях от 20 марта 1809 г. и от 15 октября 1810 г. Оленин указывал, что для более удобного пользования книгами и экономии места их нужно расставлять в шкафах (в пределах разряда) по форматам: самые большие на нижние полки, самые маленькие — на верхние. На нижних полках размещались книги, листы которых сфальцованы в 2 раза (in folio), над ними ставились книги в четвертую долю листа (in 4°), еще выше книги в восьмую долю листа (in 8°), на самом верху помещаются книги в двенадцатую долю листа (in 12°). Как писал Оленин, «расположенные таким образом книги одного разряда, а иногда и целого подразделения представлять будут вид вертикального, хотя и часто неправильного столбца»[13]. В том случае, если книги одного разряда и одного формата не займут всей полки, то для экономии места и для соблюдения «единообразия» форматов рядом с ними располагаются книги следующего разряда, но того же формата. Между различными разрядами ставятся специальные дощечки (разделители). На стеллажах (шкафах) указывались название класса, отделения, подразделения, разряда. 13 ноября 1810 г. Оленин издал распоряжение обозначить залы-отделения римскими цифрами, «сообразно порядку, показанному в новой Библиографической системе»[14]. Шкафы в отделениях обозначались в порядке латинского алфавита, по исчерпании которых ставились двойные и тройные литеры. Например, шкаф 27 имел обозначение СС, шкаф 49— ААА, шкаф 50 — ВВВ и т. д.

Конволюты Оленин предлагал разделять на отдельные сочинения и расставлять их в соответствии с содержанием по своей

системе. Предлагалось каждое сочинение из конволюта обернуть в белую бумагу, надписать, затем переплести. Нерасплетенные конволюты нарушали расстановочную систему, единообразие, ибо часто книги разного содержания и на разных языках ставились в одном месте. Кроме того, как отмечал Оленин, конволютами в одно время может пользоваться один только читатель, «а не столько лиц, сколько в одной книге находится таких разнородных сочинений»[15]. Некоторые библиотекари, ссылаясь на опыт иностранных библиотек, полагали нецелесообразным разделение конволютов. В ответ им Оленин подчеркивал, что иностранные библиотеки в данном случае не могут быть «достойным подражания примером», так как Публичная библиотека по своей «огромности» требует «совсем иного устройства». В иных библиотеках разыскание сочинений, заключенных в конволюты, «не столь затруднительно», ибо в них часто общий фонд книг «не составляет и одного отделения» Публичной библиотеки. В подобных библиотеках один или два библиотекаря могут «упомнить названия всех книг и самые места, где оные поставлены». В Публичной же библиотеке не столько память библиотекарей, «сколько систематический порядок должен им способствовать к скорому приисканию нужных посетителям книг»[16]. Систематическая расстановка давала возможность по требованию читателей любую книгу «почти без всякого замедления отыскать»[17]. Оленин запрещал ставить на полку дублеты и неполные книги.

При разборе книг по новой системе пришлось все книги (250 000 экз.) до четырех раз переносить в разные залы. Строго наблюдая за расстановкой, Оленин периодически обнаруживал нарушение установленного им порядка. 18 февраля 1810 г. в особом распоряжении он отмечал, что большая часть книг на живых европейских языках не расставлена в пределах форматов по алфавиту. Алфавитная расстановка в пределах отделов системы была известна в зарубежной практике. В частности, она была применена в Дрезденской библиотеке в 70-х гг. XVIII столетия. Благодаря систематической расстановке с алфавитным расположением внутри отделов эта библиотека в течение почти трех десятилетий могла работать без каталогов. Вернер Гримм высказал предположение, что опыт Дрезденской библиотеки был известен Оленину еще в годы его учения в Дрездене и оказал на него влияние при составлении классификационной системы[18]. В отличие от существующей зарубежной практики, Оленин ввел деление книг по языкам. Объясняется это тем, что каждый служащий в Библиотеке знал определенный иностранный язык. Поэтому при распределении книг между библиотекарями Оленин руководствовался в первую очередь языковым признаком книг и только во вторую очередь — их содержанием. В результате такого деления каждый библиотекарь ведал книгами на определенных языках, размещенными в разных отделениях, что не могло не создавать определенных трудностей в нахождении книг. В русском фонде также была принята систематическо-форматно-алфавитная расстановка книг.

Снятие книг для читателей непосредственно с полок, минуя каталоги, рассматривалось Олениным как самое нормальное и быстрое удовлетворение запросов читателей. К каталогам, по его мнению, библиотекарь должен был прибегать только в крайних случаях, когда он почему-либо забыл название книги. В отчете за 1808—1812 гг. Оленин утверждал, что «скорое отыскивание книг в огромных библиотеках зависит не столько от имения книгам полного каталога, сколько от систематического расположения оных и от частого их пересматривания библиотекарями, которым через то книги в библиотеке делаются до того известными, что они помнят не только каждую из них, но шкаф, полку и самое место, на котором всякая книга поставлена»[19]. В этом сказалась явная недооценка Олениным каталогов в крупнейшей библиотеке.

Труды Оленина по организации фондов были одобрены главным директором А. С. Строгановым[20].

Отношение к нововведениям Оленина «просвещенного» общества было несколько настороженное. Оно ярко выражено в письме к Оленину директора Эрмитажа, графа Д. П. Бутурлина (10 авг. 1809 г.). Одобрив в целом «варианты... изобретения в системе классификации», отметив, что «они последовательны и истекают из одного правила»[21], он, однако, выразил сомнение в целесообразности мелких дроблений. По его убеждению, «умножая число подразделений, классифицируется более приблизительно». Такую классификацию труднее освоить, «ее не вполне поймут». «Но в этом еще не большая беда,—писал Бутурлин,—Вы тем не менее окажете услугу библиотеке. Она будет наконец приведена в порядок и, может быть, тот порядок будет соблюдаться на будущее время, если что-нибудь не случится неожиданного»[22].

Оленин понимал, что теоретически нельзя заранее предусмотреть все случаи и особенности, которые могут встретиться в практике расстановки книг. Поэтому в распоряжении от 15 декабря 1810 г. он разрешал библиотекарям «придумывать самим способы к отвращению таковых затруднений, и мнение о сих способах... представлять мне на рассмотрение»[23]. В первые два десятилетия после открытия Библиотеки систематическая расстановка помогала библиотекарям обслуживать читателей, правильно вести комплектование. Она еще не тормозила развитие Библиотеки, ибо места для книг было вполне достаточно, читательский спрос относительно невелик, новые поступления незначительны. Как справедливо заметила историк русской каталогизации М. Н. Коновалова, систематическая расстановка была «каталогизацией в натуре»[24].

Однако уже вскоре после использования в работе систематическо-форматно-алфавитной расстановки некоторые библиотекари почувствовали все ее несовершенство. В 1818 г. помощник библио-

текаря П. К. Козловский писал Оленину: «По мнению моему, каждое отделение книг в библиотеке надлежит поставить по форматам... если книги в библиотеке расположат сообразно библиографической системе, то надлежит оставлять неопределенные промежутки, или в противном случае для десяти вступающих книг переносить вверх или вниз несколько полок оных... Напротив, расставляя книги по форматам, можно избежать всего того, потому что... всякую вступающую книгу ставить должно будет не в середину, но с конца. Второе: при сем распорядке библиотека сбережет много места и получит лучший вид»[25]. Это предложение, естественно, не было принято Олениным. У Оленина была своя точка зрения на использование форматного принципа при расстановке книг. С одной стороны, он был против расстановки книг «по одному и тому же предмету» без различия форматов, так как книги, таким образом расставленные, «напрасно занимают весьма много места» и представляют «глазам весьма неприятный вид». Но он категорически высказывался против только форматной расстановки[26], считая ее бессмысленной и не заслуживающей никакого внимания.

Предложение Козловского могло сыграть положительную роль только при наличии каталогов и при обозначении шифров на каталожных карточках. Без каталогов и шифров такая расстановка превращала библиотеку в красиво уложенный книжный склад. Рациональное предложение Козловского было внедрено в Публичной библиотеке в середине XIX в. В. И. Собольщиковым[27], но с существенным уточнением: книги расставлялись по их фактической величине. Впоследствии дробная систематическая расстановка при поступлении большого числа книг была очень неудобна, так как заставляла передвигать, переставлять массу книг, что не только замедляло работу, но и запутывало фонды. Не случайно, когда в 1836 г. в Публичную библиотеку поступило 153 ящика с книгами графа П. К. Сухтелена, Оленин дал распоряжение расставить книги «в средней комнате нового здания в незанятых шкафах» без всякой системы. И только по просьбе библиотекарей разрешил «каждое отделение сих книг приводить в алфавитный, хотя и несовершенно строгий порядок». Библиотекари мотивировали свою просьбу тем, что хотя такой разбор потребует некоторого времени, но «послужит к большей удобности как для приискания желаемой книги, так и для будущих работ по Библиотеке»[28]. Библиотека Сухтелена содержала свыше 27 000 томов книг (без рукописей). Разбор ее был приостановлен из-за отсутствия нужного числа шкафов.

В 30-е гг. в Публичную библиотеку поступило несколько больших библиотек. Для сбережения времени книги не сливались с основным фондом Публичной библиотеки. Поэтому книги по одному и тому же предмету находились в нескольких местах. В 1842 г. Оленин разрешил все вновь поступившие библиотеки слить со всей библиотекой в единое целое. Этот процесс растянулся на 6 лет. При Оленине были соединены и приведены в

алфавитный порядок книги по языкознанию, правоведению, механическим и свободным наукам, изящным искусствам и отчасти по философии и истории. К концу правления Оленина систематическо-форматно-алфавитная расстановка пришла в такое состояние, что «требуемое... почти никогда не отыскивалось, даже если библиотекари знали или помнили, что оно точно должно быть. Получить спрашиваемую книгу принадлежало к редким изъятиям; общее правило состояло в отказе»[29].

Оленин был убежден, что только после систематизации книг непосредственно на полках можно приступить к составлению каталогов. Систематический каталог по первоначальному плану Оленина, по-видимому, должен был точно соответствовать расстановке книг на полках. Систематическая расстановка — это своеобразная, как уже отмечалось, «каталогизация в натуре».

К 1812 г. разбор книг был почти закончен и можно было активно заняться составлением каталогов.

«Инвентарь книжного имущества»

По первоначальному плану, изложенному Олениным в «Опыте нового библиографического порядка», предусматривалось составление трех каталогов: полного алфавитного каталога заглавий книг, без которого Оленин считал невозможным открыть Библиотеку для публики, алфавитного каталога имен авторов и систематического каталога по системе Оленина, «с надлежащими историческими примечаниями о лучших и редких изданиях»[1]. Оленин предложил книги описывать не сразу в тетради, как это делалось обычно, а вначале на отдельных листках плотной бумаги, что служило бы заготовкой для составления каталогов книжной формы. Тогда в мировой библиотечной практике не было карточных каталогов, а они имели книжную форму: книги записывались (или печатались) в большие альбомы или тетради. Предлагалось на карточки выносить нечто вроде шифра (название класса, отделения, подразделения, разряда, обозначение зала, шкафа и номера книги в шкафу) и полное и точное заглавие каждой книги с указанием места и времени издания, имени издателя. От библиотекаря требовалась точная копия заглавия: если автор обозначен в начале, то описание начинать с автора, если автор указан после заглавия, то начинать описание с заглавия. По первоначальному распоряжению Оленина расстановка книг на полках и вписывание книг в каталог шли одновременно. Но 20 марта 1809 г. Оленин издал новый приказ о прекращении вписывания книг в каталог до тех пор, пока они не будут окончательно размещены в шкафах согласно его системе, «по той причине, что сия работа (т. е. составление каталогов) доколе книги не будут по по-

рядку разобраны, никакой пользы не может принести, а между тем настоящее дело (т. е. расстановка книг) будет останавливать»[2].

8 сентября 1810 г., считая, что расстановка книг во всех отделениях почти закончена, Оленин предложил служащим Библиотеки приступить к написанию карточек для составления алфавитного каталога заглавий. Почти через шесть лет (в ноябре 1816 г.) Оленин напоминает служащим, что на них возложена обязанность составлять каталоги находящихся в их ведении книг. При этом он особо подчеркнул, что почти трехлетний опыт работы Библиотеки с читателями убедил его в том, что каталоги необходимы, так как «при помощи их много сокращается времени и труда в приискании нужных книг»[3]. С целью ускорения работы над каталогами, часто требуемыми посетителями, Оленин предложил тем библиотекарям, которые уже закончили описание книг на карточках, приступить к проверке их и приведению в алфавитный порядок и начать печатание каталогов.

У Оленина не было устоявшейся точки зрения на назначение и роль каталога.

В 1816 г. Оленин считал, что нужно в первую очередь напечатать «общую роспись книгам»[4]. Но для этого требовалось много времени. Желая дать читателям представление о наиболее часто спрашиваемых книгах, Оленин решил в 1818 г. издать каталог книг, выданных по требованиям читателей в 1817 г. Книга вышла под названием «Чтение посетителей имп. Публичной библиотеки в 1817 г., представленное в Росписи сочинений, всего чаще ими требованных, и в двух азбучных списках писателей, переводчиков и издателей всех вообще книг, которыми они занимались в означенном году. (Извлечено из последнего Отчета имп. Публичной библиотеки, № 1) (Спб., 1818. 44 с.)». В ней указано 450 книг и журналов, составлена она по Оленинской системе с приложением двух вспомогательных алфавитных авторских указателей (один на русском, другой — на иностранных языках). Обозначая на титульном листе «№ 1», Оленин задумывал это издание выпускать периодически. Но ему не удалось это осуществить, так как все силы были направлены на создание общего каталога библиотеки. Каталог «Чтение посетителей» является ценнейшим источником для изучения читательских интересов того времени, и его можно рассматривать «как первое своего рода рекомендательное пособие, изданное Публичной библиотекой»[5]. Но качество библиографического описания его было весьма низкое, что заметил известиый библиограф середины XIX в. С. Д. Полторацкий[6].

К началу 1817 г. на карточках было описано около 80 000 названий книг. Столько же книг, по расчетам Оленина, еще осталось описать. В донесении министру народного просвещения Оленин писал, что закончит переписку книг на карточки через три-четыре года. Из донесения явствует, что к этому времени уже была оставлена мысль о составлении каталога по алфавиту заглавий. «Сия роспись,—

писал Оленин,—составится из многих шнурованных книг, в большой лист переплетенных и розданных чиновникам по разным библиографическим отделениям сего книгохранилища»[7]. Как видно, речь шла о составлении систематических каталогов по отделениям. К этому донесению Оленин приложил записку «О малой пользе печатных каталогов, или книжных росписей, для публичных больших книгохранилищ». Записка начиналась вопросом: «Многие из посетителей императорской Публичной библиотеки весьма часто спрашивают: „Когда же будет издан полный печатный каталог сего знаменитого книгохранилища?“»[8]. Из содержания «Записки» вытекал только один ответ Оленина — печатный каталог всей библиотеки никогда не будет издан или, во всяком случае, только в далеком будущем. Оленин высказывал свое убеждение, что «полные печатные каталоги» нужны только библиотекам, которые «за смертью их собирателей» назначаются в продажу. Такие библиотеки, естественно, не могут уже иметь «никакого приращения». Рассуждая о том, какие библиотеки должны иметь печатные каталоги, а для каких они не нужны, Оленин «все книжные заведения» делит на 4 рода: 1) книжные лавки, 2) библиотеки ученых, богатых людей — «охотников до редких книг», 3) библиотеки учебных, научных учреждений и, наконец, 4) публичные огромные библиотеки. Книжные лавки должны иметь печатные каталоги для информации своих покупателей. Библиотеки ученых и собирателей, учебных заведений и научных учреждений могут иметь печатные каталоги, «хотя оные и не так им нужны», так как в них обычно не слишком много книг и пополняются они медленно. Что же касается крупных публичных библиотек, то с ними дело обстоит не так-то просто. Они имеют большое количество книг, каталоги на них будут многотомные, фонд их ежедневно пополняется, а поэтому, «не успев еще кончить напечатание», нужно его перепечатывать или дополнять бесконечными прибавлениями. «Публичные или открытые книгохранилища,—писал Оленин,—...не могут иметь полных каталогов и не должны их печатать, чтобы даром не терять времени, денег и трудов»[9]. В другом документе Оленин также подчеркивал, что подготовка и печатание каталогов «требует великих трудов и весьма продолжительного времени»[10]. Оленин приходил к выводу, что Публичная библиотека должна иметь письменный каталог, составление которого будет продолжаться до тех пор, пока сама библиотека будет существовать. Это каталог для «домашнего употребления». Его назначение — охранное, «для проверки целости», «как инвентарь книжного имущества». Иногда он может служить библиотекарю «для отыскания звания книги», которую библиотекарь забыл и не может найти на полке. Вопреки своему прежнему убеждению Оленин утверждал, что для читателей каталоги не нужны, ибо они должны приходить в библиотеку с обязательным представлением, к какому библиографическому отделению принадлежит их книга, и сказать об этом дежурному библиотекарю. И уж задача библиотекаря найти

требуемую книгу. Если же библиотекарь не одарен «местной памятью (memoire locale)» и при долговременной работе не может определить книги по переплету, то каталог «мало ему пользы принесет для скорого отыскания просимых от него сочинений, а посетителям еще того менее»[11]. Для нас это звучит весьма странно, но фактически утверждение Оленина было справедливо, ибо ни на книгах, ни в каталогах не ставились шифры, и поэтому каталог не был связан с адресом книгохранилища: каталог мог только сказать, что такая-то книга есть в библиотеке, но не указывал ее места в книгохранилище. Общий вывод Оленина — печатный каталог в больших книгохранилищах малополезен, дорого стоит. В больших публичных книгохранилищах возможны печатные каталоги только на рукописи и редкие книги. В рукописных каталогах должны быть запасные чистые листы для записи новых поступлений. Однако император не внял рассуждениям Оленина и, как сообщал министр, повелел «приложить возможные старания к ускорению хода» составления печатных каталогов, с обязательным указанием, какие книги из библиотеки Залусских, какие вновь приобретены. Когда каталоги будут завершены, император обещал назначить ежегодный отпуск из казны «известной суммы для приобретения новых книг» и рассмотреть представления о награждениях[12].

Прежде чем приступить к переписке каталогов, Оленин созвал 18 мая 1818 г. совещание библиотекарей, на котором предложил для обсуждения ряд вопросов, касающихся не только составления систематического каталога, принципов описания, шифра, но и самой системы каталогов. Было задано 11 вопросов.

О составлении каталогов

I Как составлять каталоги

1) по алфавиту авторов?

2) по алфавиту заглавий, «начиная с главного слова»?

3) «по систематическому порядку» и в последних разрядах в алфавите авторов, а анонимные произведения — в алфавите заглавий?

4) в систематическом каталоге смешивать ли языки или «каждый язык особо»?

5) где должны быть отражены книги смешанного содержания?

6) какие книги вносить в «полиграфию»?

7) делить ли «последний разряд» по-форматам?

II О форме каталогов

8) что вписывать в каталог из заглавия книги?

9) заглавия писать полностью или сокращенно?

10) нужны ли различные графы на карточках и что помещать в особых графах?

11) нужно ли «помечать» шифр: «комнату, шкаф, отделение шкафа и полку», где книга стоит? Как «вести нумерацию вновь входящим книгам»?

Раздавая вопросник, Оленин высказал ряд пожеланий, которые должны были учесть библиотекари при ответах. Он хотел, чтобы: 1) каталоги показывали, какие книги и в каком количестве находятся в Библиотеке, 2) удовлетворяли «любопытству посетителей, желающих для чтения своего избрать ту, а не другую книгу», 3) чтобы библиотекари не отступали от ранее утвержденного порядка описания карточек, 4) и любой дежурный библиотекарь смог отыскать книгу[13]. Ответы дали 20 библиотекарей и почетных библиотекарей. Из них явствует, что в отделениях уже шла подготовка систематических каталогов. Так, библиотекарь Семигановский писал: «Каталогов должно быть два... Первый систематический, то есть по материям, по которому теперь поставлены книги и который теперь пишут на карточках все чиновники библиотеки. Сей-то каталог должно теперь составлять, или, лучше сказать, продолжать»[14]. Однако среди библиотекарей не было единодушия. До декабря 1818 г. Оленин не рассматривал ответы библиотекарей.

18 декабря 1818 г. издан приказ о переписке набело каталогов по систематическому порядку, но не была указана степень дробности схемы. Новым было указание, что все каталоги составляются по языкам, а в пределах языка — в систематическом порядке. Чтобы ускорить составление каталогов, из всей системы каталогов, предлагаемых в своей библиографической системе, Оленин избрал только один. Хотя, нужно отметить, многие библиотекари в своих ответах предлагали, кроме систематического, еще второй каталог. Так, Семигановский, например, считал, что после систематического каталога каждый библиотекарь может создать «азбучный реестр авторов» для своего языка и класса. Со временем из таких частных реестров можно будет подготовить «каталог азбучный для всей библиотеки»[15]. Двигубский предлагал вторым каталогом — «валовый» (т. е. каждому описанию присваивается порядковый номер), Спасский — азбучный заглавий, который будет служить «как бы указателем (index) для систематического каталога»[16].

В своем распоряжении Оленин определил и форму записи на карточках, предлагая ее с делением на 4 графы: в 1-й указывался язык и формат; во 2-й — заглавие книг, «расположенных по отделениям, разрядам и азбучному порядку имен авторов» или в алфавите заглавий анонимных книг; в 3-й графе — число томов; 4-я графа предназначалась «для указаний на страницы дополнительных каталогов»[17], отражающих новые поступления.

27 декабря 1818 г. Оленин отдает распоряжение, которое уточняет его распоряжение от 18 декабря,—о степени систематической дробности. В новом распоряжении подчеркивалось, что «раздробление» зависит от числа книг. Так, например, книги на датском

языке следует разделить только на 15 главнейших отделений в русском же каталоге некоторые отделения нужно разделить «на меньшие части, а сии на другие еще меньшие». В латинском каталоге, «по многочисленности книг», «каждая наука должна быть разделена на все ее ветви»[18]. Рассматривая свою систему как гибкую, зависимую от наличия книг и служащую лучшему раскрытию книжных богатств, Оленин признавал возможность как ее «свертываания», так и дальнейшей ее детализации. И поэтому он предложил всем библиотекарям, прежде чем присступить к переписке «набело каталогов», представить ему для утверждения «вид разделения, какой они находят приличнейшим дать каждой разобранной части вверенных им отделений»[19].

Не было единодушного мнения у библиотекарей относительно обозначения на карточках местонахождения книг в фонде. Семигановский считал, что «каталоги должны совершенно сходствовать с книгами, стоящими в шкафах, чтобы любой дежурный смог найти запрашиваемую книгу»[20]. Большинство библиотекарей указывало, что в каталогах нужно отмечать условными обозначениями зал, шкаф, место книги на полке. Против шифра выступил Лобанов, считая бесполезным обозначать комнаты, шкафы, отделения, полки «номерами или другими знаками», так как из-за новых поступлений они не могут быть постоянными[21]. Оленин убедился, что предложенная им в первоначальном плане форма шифра при дробной систематическо-алфавитной расстановке фонда создавала порочный круг, из которого он не смог найти выход. Книги фактически не были шифрованы. Валовый номер, который ставился на книгах, не спасал положение, а только запутывал. Как остроумно заметил библиотекарь Семигановский, «нумеров же нельзя ставить потому, во-первых, что они часто переменяются при каждой интерполяции или вставке в разряд вновь поступившей или перемещенной книги. Во-вторых, что фамилии авторов и титулы на корешках заступают место нумеров. В-третьих, что мы уже чрез 20 лет сыскиваем и впредь будем сыскивать книги не по нумерам, но по авторам и титулам на корешках, сходным с каталогами. Нумера были уже не раз писаны и мараны, опять писаны и опять мараны, еще писаны и еще мараны и так будет всегда»[22]. Для сохранения постоянного («крепостного») шифра библиотекарь Козловский предложил отказаться от дробной систематизации и алфавитного порядка в пределах отделений, ввести в них только форматную расстановку, ставя новые поступления в следующем по порядку формате. Это был какой-то выход. Оленин придавал большое значение «коллективному разуму». Бывали дни, когда библиотечные работники «два раза сходились» для обсуждения каталогизационных вопросов[23].

Коллективное обсуждение каталогизационных вопросов было, бесспорно, прогрессивным явлением. Так, еще в то время библиотекари ставили вопрос о выработке единой терминологии—«для из-

бежания недоразумений и несогласия»[24]. Пожелания совершенно правильные. Но в условиях большой спешки не всегда возможно было воспользоваться дельными советами.

25 января 1819 г. после долгих колебаний Оленин решает разделить каталог на 15 отделений в каждом языке, а внутри отделений принять алфавит авторов или заглавий, независимо от подразделений и разрядов. На срочной переписке каталогов давно настаивало Министерство народного просвещения, поскольку в 1815 г. стало известно, что книгами из бывшей библиотеки Залусских шевалье д'Огар «ссужал» коллегию иезуитов: в библиотеке коллегии иезуитов обнаружили 20 книг, принадлежащих Публичной библиотеке. Но Оленин мотивировал свое решение тем, что «при поспешном исполнении» такой порядок принесет «хоть некоторую выгоду для публики и надлежащую пользу и славу исполнителям»[25]. Схема, предложенная для каталогов, выглядела так:

I. Науки: 1. богословие, 2. правоведение, 3. философия, 4. история («человеков»), 5. история (естественная), 6. врачество, 7. физика, 8. химия, 9. математика («чистая и сложная»).

II. Искусства: 10. механические искусства, 11. свободные художества, 12. словесные искусства.

III. Филология: 13. языкознание, 14. «полиграфия», 15. критика.

Внутри книги расписывались по «азбучному порядку» без делений на более дробные части: отделения — подразделения — разряды. Здесь было отступление от «нового библиографического порядка», по которому были расставлены книги на полках. Но Оленин не терял надежды, что «при удобном времени, на досуге и с надлежащею обдуманностью» библиотекари обозначат «сперва карандашом, а потом посредством писцов и чернилами», к какому именно отделению, подразделению и разряду принадлежит книга[26]. Проводились многие совещания с сотрудниками, принимались различные решения, порой противоречащие ранее принятым. Но Оленин все время держит в поле зрения составление каталогов. Распоряжение о порядке работы он дает 12 февраля 1819 г.: разобрать карточки по языкам, в пределах каждого языка разложить на 15 главных отделений, внутри отделений — в алфавите авторов или заглавий для анонимных книг. Автор пишется в именительном падеже, независимо от того, в какой форме, как и где он стоит на титульном листе. Карточки на книги одного автора расставляются по первому слову заглавия, при этом пренебрегаются частицы типа «о», «об». В карточке буквой z отмечаются книги библиотеки Залусских. Но, тем не менее, Оленин все время колебался в выборе формы систематического каталога. За полгода (от декабря 1818 г. до мая 1819 г.) он издал несколько документов с различными решениями: то о разделении книг на 15 «особых классов», то дробность систематизации производить в зависимости от числа книг, то опять только «15 разделений систематического порядка». Колебания, сомнения, раздумья Оленина можно объяснить его желанием соеди-

нить, с одной стороны, приказ царя и министра о быстрейшем создании каталогов, а с другой — как можно больше использовать свою библиографическую систему. Прежде чем отдать карточки для переписки писцам, Оленин приказал нанизывать их по 50—60 штук в связки «посредством иглы или шила» на крепкую и толстую нитку. Для сохранности карточек на связанные концы нитки прикладывалась казенная печать. Сдача и прием карточек шли под расписку в особом реестре каждого библиотекаря. С такой же тщательностью и подробностью Оленин написал рабочую инструкцию для писцов, специально оговорив, что при ошибке писца ему не только за труд не оплачивается, но и высчитывается с него за испорченный лист. Все эти положения Оленин отразил в «Правилах для составления каталогов имп. Публичной библиотеки по азбучному порядку».

Сотрудники библиотеки (Брейткопф, Двигубский, Семигановский, Красовский, Грандидье, Попов, Гнедич и почетный библиотекарь Анастасевич) 22 февраля 1819 г. написали Оленину «Представление» с просьбою оставить в силе его распоряжение от 27 декабря 1818 г. Мотивировали просьбу тем, что первое предписание более сохраняет «систематическую картину», по системе составленные каталоги лучше раскрывают «правительству» и читателям «все богатство или скудость каждой особенной части Библиотеки», облегчают читателям «способы пользования книгами», особенно малоизвестных или совсем неизвестных авторов. И в заключение писавшие отметили, что всех перечисленных преимуществ лишены многотомные азбучные каталоги, не имеющие другого разделения, кроме разделения по языкам на 15 или 18 главных отделений[27].

Новые распоряжения Оленин дает 27 февраля и 4 марта 1819 г. В них предлагалось отделить от книжных каталогов карточки на карты, планы, атласы, гравированные картины, эстампы, ноты, при описании книг отмечать наличие в них рисунков, чертежей, карт, нот, на продолжающих карточках повторять фамилию автора и первое слово названия; добавлялся порядок включения детских книг (по главным делениям схемы). Для единообразного написания всеми библиотекарями карточек в мае 1819 г. Оленин издал «Правила для составления каталогов имп. Публичной библиотеки по азбучному порядку», которые были розданы каждому библиотечному работнику и писцу. Это было руководство, суммирующее все прежние предписания и добавляющее новые. Правила содержали 45 пунктов и были написаны очень обстоятельно. По этим правилам схема классификации имела уже 18 отделений. Новым в этой инструкции была группировка «по азбучному порядку разных родов» анонимных произведений. В «Правилах» приводился алфавитный перечень «родов». К примеру: «Азбуки или буквари», «анекдоты», «баллады», «басни», «библиотеки или вивлиофики», «ведомости», «грамматики», «журналы», «лексиконы», «опыты»,

«сказки и пр. В «Правилах» рекомендовалось применение отсылок, особенно от слов, заимствованных из греческого языка. Ссылки предлагалось производить от менее употребляемых в то время слов. Например, под словом «Библиотека» собирать все карточки, а от слова «Вивлиофика» делать отсылку — см. «Библиотека» и т. д. Специально оговаривалось, что все трудные случаи при «мудреных титулах книг» необходимо решать на «общих совещаниях» «большинством голосов». Каждую субботу «по утру» собиралось общее собрание, на котором Оленин проверял работу по переписыванию карточек в каталоги. По этим правилам при Оленине был написан 31 том систематического каталога. В этой инструкции впервые узаконены новые методические приемы, ранее не применяемые. Указывалось, что элементы описания нужно брать не только с титульного листа, вводилось так называемое «открытое описание» многотомных изданий, журналов, газет, которое применяется и до сих пор в крупнейших библиотеках страны. Но в ней были и недостатки: не раскрывались инициалы, псевдонимы, не определялся шифр. Эта инструкция была «первой отдельно изданной специальной каталогизационной инструкцией в нашей стране, явившейся основой для всех последующих инструкций»[28].

К составлению каталогов Оленин привлек всех почетных библиотекарей и внимательно следил за ходом подготовки каталогов. Усмотрев в одном из каталогов небрежность — «замаранные листы», приказал их переписать. Обратил внимание всех библиотекарей, что «чистота и опрятность в переписке набело каталогов есть немаловажный в сем деле предмет по общепринятому мнению»[29]. Для просмотра некоторых каталогов приглашались специалисты из Академии наук[30]. Ради экономии времени на создание каталогов в начале 1819 г. Оленин отказался от составления годовых отчетов. До этого 23 декабря 1818 г. Оленин сообщил министру Голицыну, что 2 января 1819 г. торжественного праздника не будет, так как все библиотекари заняты составлением каталогов, но обещал возобновить праздники в 1820 г.[31]. Традиция ежегодных праздников не была восстановлена, а печатные отчеты вновь появились только в середине века.

27 декабря 1819 г. Оленин послал министру народного просвещения 12 томов первых рукописных каталогов для представления их императору: греческий каталог, 3 тома каталога на латинском языке, итальянский каталог, 4 тома французского каталога, английский каталог и 2 тома русского каталога. В каталогах было отражено 36 860 названий, приблизительно пятая часть всего собрания. В донесении к министру народного просвещения (27 дек. 1819 г.) Оленин отметил, что составление каталогов требовало не только особых знаний, но было еще связано «с утратою здоровья некоторых чиновников, особливо чиновников пожилых лет». В этом же донесении Оленин подчеркнул специфику библиотечного труда. «Я знаю,—писал Оленин,—долговременным опытом

скуку и немалотрудность механической работы библиотекарей, которые по несколько часов сряду каждый день должны заниматься ею, беспрестанно глотая вредную для здоровья пыль, изнуряя силы свои переноскою множества книг и тратя много своего времени на разрезку сочинений разного содержания, переплетенных вместе, на сделание для них особенных обороток, на обклейку и подписывание задков на старых переплетах, в каких находятся почти все книги библиотеки Залусского, словом на труды для ученых людей вовсе не занимательные и всякому кажущиеся мелочными, но составляющие необходимую работу, которую библиотекари никому другому поручить не могут и которая тем уважительнее для непосредственного начальства Библиотеки, что на оную никто не обращает внимание»[32]. Составление каталогов было окончено в отделениях русском, греческом и одном из французских, которыми заведовали Крылов, Загоскин, Гнедич, Лобанов. В апреле 1820 г. за составление 12 томов каталога император наградил сотрудников Библиотеки повышением в чинах, орденами и деньгами. Для ускорения работы над еще незавершенными каталогами Оленин подключил служащих, уже окончивших составление каталога по своим отделениям. Так, описанием латинских книг стал заниматься и Гнедич, в написании карточек богословских книг помогали Аргутинский и Лобанов. Своими специальными распоряжениями Оленин поощрял к «усердию», выражая уверенность, что каждый «постарается приготовить в нынешнем году к переписке набело столько карточек, сколько будет возможно» и «при лучшем расположении своими занятиями, не упустят из виду благовременного начатия переписки набело готовых карточек»[33].

В феврале 1821 г. было представлено министру еще 11 томов рукописных каталогов, содержащих 31 562 названия книг. Но это еще не завершило создание каталогов. С 1822 г. стали описывать оставшиеся книги. Работа шла медленно, так как с конца 20-х гг. в Библиотеку начали поступать крупные собрания книг, которые нужно было разобрать и расставить. Работа над каталогами почти приостановилась.

В 1828—1832 гг. Библиотека почти удвоила свои фонды за счет приобретения книжных коллекций частных лиц и библиотек, конфискованных после польского восстания 1830 г. Вновь приобретенные книги были разделены на две части. Следовательно, фактически в Библиотеке фонды состояли из трех частей. Каталогизировать новые поступления было целесообразно только после слияния всех частей в единое целое. При Оленине эта работа началась. Для ее убыстрения уничтожили деление на различные европейские языки, оставив только особыми фондами книги на русском языке, книги греческих и римских классиков, а также инкунабулы. Сделали попытку выйти из тупика по обозначению шифра: ввели нумерацию книг, означая ее на корешках и титульных листах книг, на карточках и в каталогах. В Русском отделении составили еще

азбучный каталог всех находящихся в Библиотеке русских книг. Среди подготовленных в это время каталогов привлекает внимание алфавитно-альбомно-карточный каталог книг по истории на русском языке в одном томе (1826 г.). При сохранении книжной формы в нем была создана подвижность записей путем прорезей (как в альбомах для фотографий), в которые вставлялись карточки (9,5 см×5 см) с описанием книг (по алфавиту описания)[34].

У Оленина не было твердо выработанной концепции каталогов: взгляды его все время менялись, это отрицательно сказывалось на каталогизационных работах[35]. К 1836 г. составлен 31 том письменных каталогов, что отражало приблизительно половину фонда библиотеки Залусских. А для полного отражения всего фонда, в том числе и новых польских библиотек, по мнению Оленина, потребуется не менее 90 томов каталогов. Но в 1836 г. Оленин высказывается за создание «полного печатного каталога», хотя эта задача, как им подчеркивалось, «самая трудная и нигде еще не достигнутая»[36].

Печатные каталоги нужны были только как замена библиографическим указателям, особенно для студентов и молодых ученых как важный информационный источник.

Оленин понимал недостатки созданных каталогов. Он уже называл их «полными описями», которые могут служить каталогами, «доколе не будет найден верный и удобный способ беспрестанно вставлять в таковые каталоги вновь поступающие книги по их содержанию»[37]. Решить эту проблему Оленин не смог: для этого нужно было отказаться от форматно-алфавитной расстановки описаний в разделах и перейти на форматно-хронологическую. Оленинский расстановочный принцип, по сути дела, лишил возможности применять шифровку книг. В 1841 г. Оленин дал распоряжение прекратить составление каталогов до слияния новых фондов со старым. Каталогизация «пришла в запустение»[38]. Созданные каталоги оказались малополезными. Они не соответствовали расстановке книг, так как не отражали подразделений и разрядов в пределах 18 главных отделений. Вместо полноценного систематического каталога Оленин создал каталог «по азбучному порядку содержания книг».

Как считает один из исследователей вопросов каталогизации Е. Т. Цейтлин, основными причинами, по которым в течение одиннадцати лет не были составлены намеченные Олениным каталоги, являются: переоценка Олениным роли систематическо-алфавитной расстановки книг и локальной памяти библиотекарей, неумение разрешить вопрос о шифре, неопытность библиотекарей, а также плохая организация труда[39]. Оленин рассматривал каталог как «инвентарь книжного имущества», игнорировал роль каталога в ускорении отыскания книг в библиотеке и в раскрытии читателю фондов библиотеки. При Оленине издан один печатный каталог (в 1840 г.)—каталог греческих рукописей. Оленин просил министра

иностранных дел К. В. Нессельроде разослать подготовленный и изданный Публичной библиотекой каталог греческих рукописей в крупнейшие европейские библиотеки — в Рим, Париж, Лондон, Вену, Берлин, Дрезден, Цюрих как доказательство «ученому Свету», что в «Публичной Библиотеке есть трудящиеся люди над разбором хранящихся в оной драгоценных памятников древней литературы»[40]. Это была законная гордость, ибо прошли те времена, когда посылали в Европу для получения объяснений по восточным рукописям, а «теперь издаваемые в России сочинения служат иностранцам пособием для приобретения обширнейших и вернейших познаний»[41]. Подготовленные письменные каталоги оказались почти бесполезными и для читателей. И как остроумно и точно выразился Евгений Болховитинов в письме к Анастасевичу, каталоги эти составлялись «не для употребления и пользы публики, но только для послушания начальству»[42], с чем в душе не мог не согласиться и Оленин. Без шифра и без алфавитного указателя систематические каталоги не могли приносить большой пользы читателям, да и библиотекарям тоже.

«...В пользу любителей учености и просвещения»

Оленин тщательно готовил Библиотеку к открытию. В 1809 г. произвел учет всех фондов. Расставил книги по своей системе. В здании Библиотеки было темно и сыро. Оленин пробил 8 больших окон в 2 залах нижнего этажа, благодаря чему «истребил сырость и гнилой воздух, столь вредные для книг и для самого здоровья чиновников, которые должны были в тех залах заниматься»[1]. Заменил в нижнем зале каменные полы на дощатые. Заготовил столы для будущих читателей. У шкафов в верхнем этаже Библиотеки устроил легкие деревянные галереи, сделанные по образцу Оксфордской библиотеки.

Для украшения главных залов Библиотеки Оленин в 1811 г. купил 12 гипсовых статуй муз, Минервы, Аполлона и Меркурия, а также 14 бюстов, изображающих «знаменитейших в древности мужей».

Уже 15 декабря 1811 г. Оленин просил министра народного просвещения А. К. Разумовского об открытии Библиотеки «в пользу общую»[2]. По особому разрешению Оленина Библиотекой пользовались отдельные читатели еще до официального ее открытия — в 1810 и 1811 гг.[3]

Все было готово к открытию. 2 января 1812 г. император Александр I посетил Библиотеку, и тем самым было дано разрешение на ее открытие[4]. Но фактическое открытие библиотеки задержалось из-за Отечественной войны 1812 г. Опасаясь подхода неприятеля к Петербургу, «все рукописи и лучшие книги», по выражению Оленина, в количестве 150 000 томов осенью 1812 г. вывезли на

север. Сопровождал их помощник библиотекаря В. С. Сопиков. В декабре, по миновании опасности, груз весом 3219 пудов был возвращен в Петербург. Ушло время на расстановку книг и рукописей. «Домашнее открытие» Библиотеки состоялось 14 октября 1813 г. в присутствии графа Разумовского. И с этого дня у всех служащих началась жизнь согласно утвержденному 23 февраля 1812 г. «Начертанию подробных правил для управления имп. Публичною Библиотекою». Оленин решил открыть Библиотеку торжественно, подготовить заранее ряд выступлений, выразить в них своеобразную концепцию своего понимания задач и целей Публичной библиотеки перед знатной петербургской публикой. В письмах к архимандриту Филарету и к Гнедичу, прося их выступить на открытии Библиотеки, Оленин высказал некоторые мысли о задачах Публичной библиотеки. В письме к Филарету Оленин утверждал, что Публичная библиотека, по своей природе, составляет «неотъемлемую, так сказать, собственность каждого и всех, кто приносит усердную и похвальную дань наукам, художествам и словесности!»[5]. В письме к Гнедичу он подчеркнул универсальный характер ее фондов — «библиотека есть вместилище словесности всех времен и всех народов»[6]. Публичная библиотека «выгодна» «для всех состояний народа — для бедных и богатых»[7]. Взгляды Оленина на Библиотеку просматриваются и в утвержденном им и министром народного просвещения тексте доклада библиотекаря А. И. Красовского «Рассуждение о пользе человеческих познаний и о потребности общественных книгохранилищ для каждого благоустроенного государства», произнесенного на торжественном открытии Библиотеки.

Торжественное открытие Библиотеки состоялось в пятницу 2 января 1814 г. Из 323 приглашенных пришли 214 человек. Среди них представители высшего духовенства, члены Государственного совета, сенаторы, высшие чиновники, писатели (Г. Р. Державин, Д. И. Хвостов, Д. И. Языков, В. Г. Кукольник, С. А. Ширинский-Шихматов, Н. И. Греч, И. А. Дмитриевский), художник О. А. Кипренский, архитектор В. П. Стасов. Среди гостей были А. И. Тургенев, А. Х. Востоков, а также знатные дамы, родственники Оленина и даже 7 купцов. Впуск был по пригласительным билетам. Торжество состоялось в круглом зале второго этажа, украшенном «приличными гипсовыми статуями и бюстами»[8]. Кроме докладов А. И. Красовского и Н. И. Гнедича («О причинах, замедляющих успехи нашей словесности»), И. А. Крылов прочел свою басню «Водолазы».

Вот как описывала торжество по свежим впечатлениям одна из присутствующих дам, княгиня А. Ю. Оболенская, своей приятельнице (6 янв. 1814 г.): «Первое зало для чтения, очень хорошо и довольно велико, ибо в нем было около 300 человек и еще много осталось пустых мест. Началось тем, что А. Н. Оленин прочел краткое объявление, что императорская Публичная библиотека с того дня открыта для публики... После этого библиотекарь г. Красовский что-то очень длинное читал... Потом г. Гнедич всех восхитил

чтением нового своего сочинения ...как скоро это будет напечатано, я тебе непременно пришлю, потому что это прекрасно, и так хорошо, что я не могу решиться тебе подробно объяснить и говорить, ибо я никак не в состоянии изъяснить все, что меня восхищало в этом прекрасном сочинении,—как можно скорее постараюсь тебе его прислать. Напоследок Крылов читал свой аполог „Водолазы", это очень хорошо, однако я нахожу, что много из его басней лучше. Эти чтения продолжались часа полтора, и я с большим удовольствием слушала, особливо Гнедича, тут я и плакала и смеялась и в изумлении была. Потом нас потчевали фруктами, чаем, кофием, конфетами и все так было хорошо распоряжено, я очень была довольна этим вечером...»[9].

Все петербургские газеты оповестили население Петербурга об открытии библиотеки и о торжественном вечере. В учебные заведения всех городов были разосланы «Правила для посетителей» и первый печатный «Отчет»[10]. Как отмечали «Санктпетербургские ведомости», на втором торжественном вечере — 2 января 1815 г. присутствовали многие почтеннейшие люди, «стяжавшие» славу на «поприще учености», и вернувшиеся «с великой брани» герои, «которые знаменитыми победами» доставили Отечеству и Европе спокойствие, мир детям, наукам и искусствам[11].

Одну из главных своих задач Оленин видел в «доставлении всех возможных удобностей пользования» Библиотекой[12]. И поэтому он стремился предусмотреть все до мелочей. В столах для читателей были устроены ящики, в которых читатели могли закрывать свои бумаги и запечатывать их своей печатью. В правилах пользования Библиотекой, изданных 23 февраля 1812 г., не было никаких ограничений в допуске в Библиотеку, кроме «непристойно одетых». Открыта Библиотека для занятий читателей была только три дня в неделю: по средам, четвергам и пятницам с 10 ч утра до 9 ч вечера, а зимою — до захода солнца. Но уже в ноябре Оленин продлевает зимнее вечернее время до 8 ч вечера, введя ламповое освещение. В своем ходатайстве министру Оленин писал, что зимнее время в России самое лучшее и удобное «к тихим и постоянным занятиям». Если придерживаться буквально § 69 «Начертания», запрещающего использование восковых и сальных свечей, то читатели лишатся «удовольствия и выгод заниматься ...в самое свободное время для здешних жителей и сверх того самое продолжительное»[13]. По вторникам библиотека работала как бесплатный музей: с 11 до 2 ч дня «всякий прилично одетый человек» мог осмотреть библиотеку. «Желая доставить публике возможные удобности пользования», Оленин уже 24 января 1814 г. издает распоряжение об открытии для чтения двух залов: в нижнем круглом зале — для чтения русских книг, в верхнем — для чтения иностранных книг[14]. Но с 1815 г. был открыт один общий читальный зал в нижнем этаже, рядом с круглым залом (ныне зал № 4 Отдела рукописей) на 48 мест. Этот зал «по большому пространству, светлости и совершенному устранению от всех

проходных комнат предпочтителен»[15] прежним залам для чтения, хотя и о прежних залах печать писала, что они «просторны, светлы ... теплы»[16]. Запись читателей производилась по вторникам, в экскурсионный день. В этот день читатель мог заказать книги. Читатель мог и в другой день принести или прислать записку с указанием необходимой ему книги, своего имени, чина или звания. Были даже предусмотрены такие тонкости, как одновременный запрос одной книги несколькими читателями. В таких случаях предпочтение отдавалось тому, «кто в ней имеет нужду по своему званию», а если понадобится книга многим лицам «одного звания», то решение принималось по «благорассмотрению» библиотекаря. Оленин требовал от своих сотрудников, чтобы они были «всегда готовы сопровождать искателей просвещения кратчайшим путем к знакомым им здесь обильнейшим источникам просвещения»[17]. § 29 «Начертания подробных правил» гласил, что «одна из главных обязанностей библиотекарей состоит в учтивом и ласковом принятии посетителей и в оказании им, без разбора лиц, всех возможных услуг в отыскивании сочинений, нужных для их занятий»[18]. К читателям также предъявлялись определенные требования. Они обязаны были пользоваться книгами «со всевозможной бережливостью. Они не должны загибать листов, писать на полях, даже карандашом, марать переплета, а кольми паче драть листы»[19]. Предупреждалось, что унесший книгу «никогда уже не будет впускаем в Библиотеку»[20]. Категорически запрещались разговоры в читальном зале, «шум и непристойности», книги от библиотекарей можно требовать «посредством записок». Особенно строгие правила были в работе над рукописями[21]. В Рукописное хранилище в читальный день впускалось не более четырех человек, причем каждый посетитель в разные часы. Обслуживал читателей в читальном зале дежурный, который назначался на суточное дежурство из числа библиотекарей и их помощников. В обязанности дежурного входили запись в Библиотеку читателей, выдача билетов для входа в Библиотеку, выдача и прием книг от читателей, возвращение книг в отделения, а также «ближайшее смотрение за порядком и за целостию всего казенного имущества, в Библиотеке хранящегося»[22]. Дежурили с 9 ч утра до 9 ч утра следующего дня. Отлучаться дежурному запрещалось и только с 12 до 2 ч дня ему разрешалось сходить домой на обед. В эти часы его подменял очередной дежурный.

Ко дню открытия Библиотеки в ней насчитывалось 241 717 томов, из них лишь 2334 книги на русском языке[23]. За 11 месяцев 1814 г. было выдано 1066 билетов. Но чтением занимались лишь 329 человек, которым была выдана 1341 книга. Самым примечательным достижением первого года были, по словам Оленина, «частые посещения людей недостаточных, которые прежде открытия сего книгохранилища вовсе лишены были способов безмездного обогащения познаниями»[24].

С первого года работы Библиотеки Оленин жестко проводил линию, что Библиотека предназначена только для «ищущих истинного просвещения». Распоряжением от 29 августа 1814 г. Оленин запретил чтение романов, так как, по его мнению, они служат «к развращению нравов». Приказано, «особливо» Крылову и Сопикову, «заведывающим Российскою библиотекою», отделить все романы, сказки, повести и сделать особую роспись всем тем сочинениям, которые будут «признаны вредными для нравственности молодых читателей: несовершеннолетним оных отнюдь не давать»[25]. А несколькими днями ранее, 24 августа 1814 г., Оленин запретил выдавать для чтения текущие политические газеты, «поелику же оных всегда можно найти во всех кофейных домах, клубах и других местах». И в этом же распоряжении Оленин вновь напоминает, что «истинная цель открытого книгохранилища состоит в том, чтоб всякий, кто бы он ни был, мог требовать для своего употребления всякого рода печатные книги даже самые редкие, коих в частном состоянии трудно иметь, а иногда по обстоятельствам и отыскать нигде возможно, и пользоваться ими безмездно, не унося их только домой»[26]. Отчасти такие строгости были вызваны порой и несерьезными читательскими запросами[27].

Современники высоко отзывались о работе библиотекарей. «Услужливость, учтивость и терпение чиновников Библиотеки,— писал журнал «Сын Отечества»,—достойны похвалы и удивления»[28].

В первые годы работы Библиотеки Оленин отлаживал систему обслуживания. Он издавал немало распоряжений, уточняющих технологические процессы. 13 января 1814 г. он издает «Предписание сотрудникам библиотеки относительно записи имен посетителей и их требований»[29]. 23 сентября 1814 г. из-под пера Оленина выходит «Предписание сотрудникам о ежедневной поверке выдаваемых книг по реестру»[30]. Дежурные ежедневно должны проверять книги, сданные и затребованные, а неиспользуемые через неделю возвращать в отделение[31]. С ноября 1815 г. были введены новые правила пользования книгами. Автором проекта был И. А. Крылов[32]. По этим правилам, если книга нужна читателю на длительное время, он должен был после чтения вкладывать листок с указанием даты последнего чтения. Тревожась за сохранность книг, выдаваемых для чтения, Оленин в январе 1818 г. издает распоряжение о «неукоснительном» исполнении правил записи читателей и выданных им книг. При записи читателей в особой книге означать не только имена, но звание, чин, место службы, учебы и жительства. Выдаваемые читателю книги должны вноситься в книгу дежурных «с кратким, но ясным означением заглавия или содержания книг и с показанием имен сочинителей, издателей и переводчиков»[33].

Оленин делал все, чтобы читатели могли получить максимум пользы, но и чтобы фонды Библиотеки были обезопасены от нечестных людей.

В первой половине XIX в. книги стоили очень дорого. В печати отмечалось, что «дороговизна книг так возвысилась, что частный человек с посредственным состоянием не в силах покупать нужные для себя книги»[34]. Поэтому общество благосклонно приняло Библиотеку. Современники отмечали, что «сия сокровищница познаний — поручена людям, достойным быть ее хранителями»[35]. Но, движимый стремлением к усовершенствованию, Оленин критически подходил к своей деятельности. Самым существенным недостатком работы первого года Библиотеки Оленин считал отсутствие новейших иностранных книг.

Петербургское население того времени состояло из дворян, духовенства, нижних воинских чинов, купцов, мещан, дворовых людей, крестьян, разночинцев, иностранцев. Это отразилось и на социальном составе читателей Библиотеки. Конечно, подавляющая часть петербургского населения — ремесленники, рабочие, крестьяне, пришедшие на заработки в столицу,—из-за своей неграмотности услугами Библиотеки не пользовалась. Хотя формального ограничения для записи читателей не было и среди читателей 1818 г. значился даже один крепостной человек, Публичная библиотека не носила надклассового характера. Основной группой читателей в 1816—1819 гг. были представители дворянства (примерно 80%)[36].

Фонды Публичной библиотеки привлекали даже студентов Московского и Харьковского университетов[37]. О студентах Оленин писал: «Многие из них, несмотря ни на дальность жительства, ни на суровость времени, не пропускали дней чтения»[38]. В архиве сохранился «Список читателей библиотеки за 1817 год»[39]. Из него явствует, что читателей было 435 человек и 218—«обозревателей» (т. е. тех, кто приходил на экскурсию). Первый билет получил коллежский секретарь Горного департамента А. А. Дельвиг, поэт и друг А. С. Пушкина, он занимался в Библиотеке в январе и феврале. Второй билет был выдан титулярному советнику из Иностранной коллегии В. К. Кюхельбекеру, будущему декабристу, который читал в Библиотеке в январе месяце. Шестой билет получил юнкер Н. А. Бестужев из Кавалергардского полка, также будущий декабрист. Он занимался в Библиотеке дважды в феврале.

Из сохранившихся в архиве «Списков читателей» за 1817 и 1819 гг. видна тенденция к увеличению их числа, но очень и очень незначительная: в 1817 г.—435 читателей, а в 1819 г.—445. Всего на 10 человек! Но гораздо чаще стали посещать Библиотеку: в 1817 г. ее посетили 1893 раза, а в 1819—2202 раза. В 1819 г. дважды занимался Кюхельбекер, тогда еще магистр Н. И. Лобачевский и мичман Ф. П. Литке. Женщины-читательницы в Библиотеке были редкие гостьи. Впервые они появились (по обнаруженным документам) в 1817 г.[40]. В 1819 г. их было две[41]. Запретив выдачу «политических ведомостей» и беллетристики, Оленин тем самым уменьшил книговыдачу и посещение Библиотеки, в частности, учащимися и студентами, которых, по словам Ф. Н. Фортунатова, больше всего

интересовали новости в иностранных газетах и новая беллетристика[42]. Если судить по отчетам Библиотеки, то основной читательский интерес относился к отечественной истории. Как отмечалось в «Отчете» за 1816 г., посетители часто «читали описания подвигов наших героев, наипаче тех, которые прославились в последнюю войну». Требования на эти книги были настолько многочисленны, что «библиотекари не успевали удовлетворять всех посетителей за раздачею таких книг другим читателям»[43]. Читались книги о жизни и военных подвигах русских полководцев А. В. Суворова, М. И. Кутузова,участника Отечественной войны 1812 г. М. А. Милорадовича, труды по истории России: «Древняя Российская история» М. В. Ломоносова, «История Государства Российского» Н. М. Карамзина. В 1817 г. «История» Карамзина была выдана 49 раз, сочинения Ломоносова — 15 раз. Как отмечалось в «Отчете» за 1817 г., число читателей «Истории» Карамзина «беспрестанно прибавляется». Большим спросом пользовались труды и мемуары И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головнина, И. И. Лепехина, Ю. Ф. Лисянского, Н. Я. Озерецкого и др. «Не выходили из рук читателей» сочинения Ломоносова, Державина, Карамзина, Крылова, Хемницера, Измайлова, Жуковского, Гнедича, Батюшкова. Часто брались книги по истории Греции и Рима: Геродота, Фукидида, Плутарха, Квинта-Курция, Тацита, Саллюстия, Тита Ливия и др. Читатели проявляли интерес и к истории Франции, Германии, Польши, Швеции, Дании.

Привлекала внимание читателей и классическая литература— Гомер, Вергилий, Гораций, Эзоп, а также произведения западноевропейских писателей — Корнеля, Шекспира, Мольера, Дефо, Сервантеса. Молодые военные по преимуществу интересовались текущими военными журналами. Отмечается, что Отделение исторических книг и географии привлекло большее число посетителей, чем Отделения богословия, философии и правоведения, вместе взятые! Примечательно объяснение Оленина: «Для обитателя Земли нет ничего ближе Земли; для человека всего любопытнее рассматривать дела человека»[44]. Несмотря на то, что подавляющее большинство читателей были чиновники разных государственных учреждений, интересующиеся, главным образом, гуманитарными дисциплинами, был спрос и на книги по естественным и точным наукам. По естественным наукам, химии и физике читали Плиния, Линнея, Бюффона, Турнефора, Кузеня, Северина, Двигубского, Страхова, Стойковича, Гизе.

К сожалению, Библиотека издала только один выпуск «Чтения посетителей имп. Публичной библиотеки в 1817 г.», поэтому невозможно проследить изменение читательских интересов в первой половине XIX в. Известно только, что из общего числа томов (42 379), находившихся в 1814—1832 гг. в чтении, было выдано больше всего книг «по словесности»—10 987 томов (25,9%), по истории и географии — 9736 (22,9%), по естествознанию, медицине, физике,

химии, математике — 8277 томов (19,4%)[45]. В письменном «Отчете» за 1839 г. (последний оленинский отчет, сохранившийся в архиве) сказано в общей форме: «Читатели были также почти всех сословий и разных наций, и читанные ими книги были на разных языках по всем предметам наук, но большей частью русские исторические»[46]. Предпочтение «словесного искусства» всем другим отраслям знания Оленин в одном из «отчетов» объяснял тем, что «общий всем дар слова и общая всем способность чувствовать красоту и силу в верном изъяснении мыслей, и самих страстей человеческих, весьма естественно умножает общество таковых читателей»[47].

Интерес к истории не был случаен. Он был «задан» еще декабристами. Одни, изучая историю, находили в ней аргументы отрицания настоящего, другие, наоборот,—подтверждение незыблемости и святости существующего режима абсолютной монархии. Очень метко по этому поводу высказался В. Г. Белинский в 1842 г. «Век наш,—писал он,—по преимуществу *исторический* век ... История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всего живого знания»[48].

Оленина волновало, что население Петербурга далеко не полностью использует «богатое хранилище познаний человеческих». «Отчеты», как правило, заканчивались пожеланиями Оленина увидеть «новых многочисленных любителей чтения», чтобы «получаемые от книг умозрительные знания обращались всегда в прямую пользу для жизни каждого читателя и для жизни общества»[49].

Выдача книг на русском языке в 3—4 раза превышала выдачу книг на иностранных языках. Оленин объяснял это несколькими причинами. Читателей, знающих русский язык, естественно, больше, чем читающих книги на иностранных языках. Отделения иностранных книг «скудны новейшими книгами», а потому читатели вынуждены довольствоваться русскими переводами.

Дальнейшее развитие России, по мнению Оленина, во многом зависит от просвещения молодых граждан. Желая, чтобы молодые люди в университете получили большие познания в новейших естественных и социально-политических науках, чем в богословии, Оленин, по просьбе Министерства народного просвещения, составил в 1819 г. проект Устава Санктпетербургского университета. Этот проект с негодованием был отвергнут членами Главного правления училищ. Они усмотрели в нем несогласие автора «с духом правительства и министерством духовных дел и народного просвещения», «с духом священного союза, манифеста о соединении министерств» (духовных дел и народного просвещения), стремление «противопоставить книгам Бытия иссторию человеческого рода», «отвергнуть всякое нравственное и христианское образование». Автор якобы создает новые предметы и подобно ему одному известной «энциклопедии политических наук», делит «кафедры естественной

истории» «на кафедры зоологии, минералогии и ботаники» и все это для того, чтобы «приблизить университет к анархии»[50].

В Библиотеке Оленин отстаивал свои взгляды на руководство чтением молодежи, которое сводилось к следующим принципам: чтение в первую очередь серьезных, научных книг, ограждение от «безнравственных» книг художественной литературы и от «вредной» политической книги. В 1836 г. Оленин вновь распорядился, чтобы «площадных повестей, гадательных книг, романов, журналов и других тому подобных бесполезных и большей частью вредных для юношества сочинений, без особого разрешения начальства сей Библиотеки никому не выдавать, ибо охотники сего рода чтения могут подобными книгами заниматься в частных читальных библиотеках»[51].

В первой трети XIX в. библиотеки для чтения не были редкостью в Петербурге. Были библиотеки В. А. Плавильщикова, И. В. Слёнина. Но в 30-е гг. пользование библиотекой для чтения было доступно не всякому. Абонемент стоил недешево. У А. Ф. Смирдина, например, годовой абонемент стоил 30 р., за полгода — 20, за 3 месяца — 12 р., а за месяц — 5 р. Частных библиотек в Петербурге в 1838 г. было 14. И тем не менее, они были неким конкурентом для Публичной библиотеки. В них предоставлялась возможность получить для чтения и выписок все лучшие как русские, так и иностранные книги.

В 1820 г. в каталоге библиотеки Плавильщикова значилось 7000 названий. Недоставало очень немногих книг из числа указанных в «Опыте российской библиографии» Сопикова[52]. «Его магазин представлял тихий кабинет муз,—писал Ф. Булгарин,—где собирались ученые и литераторы делать выправки, выписки и взаимно совещаться»[53]. Измайлов в стихотворении «Слёнина лавка» в числе ее посетителей называет таких разных людей, как Рылеев, Бестужев, Греч, Крылов, Хвостов[54].

В сентябре 1835 г. Оленин, желая оградить читателей от «вредной» литературы и не надеясь на знания библиотекарей, обратился с просьбой к министру народного просвещения «для общей пользы и спокойствия» высылать в Библиотеку списки запрещенных цензурой книг[55]. Первые списки запрещенных иностранных книг начали поступать в Библиотеку от А. Красовского уже в сентябре 1835 г.

Но, тем не менее, с каждым годом росло число читателей и количество выданных им книг.

Царизм не мог не содействовать развитию образования, так как этого требовали объективные потребности общества. В связи с развитием промышленности, транспорта, торговли, сельского хозяйства нужны были квалифицированные специалисты. В 1820—1830-е гг. быстро увеличивается число высших учебных заведений. В эти годы были созданы Технологический и Лесной институты, Архитектурное училище, Училище гражданских инженеров и др.

* * *

При Оленине библиографическое обслуживание, в нашем понимании слова, было еще в зачаточном состоянии[56].

В ряде своих распоряжений Оленин вменил в обязанность библиотекарям, ввиду отсутствия читательских каталогов, отвечать на все вопросы, связанные с поисками книг, рекомендовать вниманию посетителей не только «все редкости и любопытные сочинения», но «в нужных случаях» знакомить читателей с теми сочинениями, которые для них особенно могут быть полезны. Иными словами, Олениным в функциональные обязанности библиотекаря была заложена основа библиографических услуг — помощь читателю в поисках литературы, ее рекомендация. Кроме одного случая, нам не известны свидетельства современников о «руководстве чтением» со стороны библиотекарей. Библиотекарь И. Ф. Фриоф, медик по образованию и врач по прежней работе, в беседе с читателем, интересующимся только мистической литературой, разъяснял ее вред[57]. И это было сделано в условиях усиления реакции, во 2-й половине царствования Александра I, сопровождавшегося небывалым в России расцветом мистицизма, увлечением оккультной литературой.

Широко выдавались справки генеалогического характера по собраниям польской юридической и генеалогической литературы. Но затем Оленин запретил выдавать и заверять справки частным лицам. Потребовал, чтобы подобные запросы шли через государственные учреждения[58].

Архив Библиотеки сохранил для нас несколько читательских запросов, которые удовлетворила Библиотека.

Историк, географ, статистик, профессор Петербургского университета К. И. Арсеньев запросил сведения по истории народного образования в России[59]. Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский нуждался в материалах для работы над историей Отечественной войны 1812 г., историей походов А. В. Суворова в Италию и Швейцарию[60]. А. В. Висковатому подбиралась литература в связи с его работой над многотомным сочинением «Историческое описание одежды и вооружения российских войск»[61]. Как правило, эти запросы поступали от учреждений: Министерство народного просвещения просило о подборе литературы для Арсеньева, Военное министерство — для Висковатова. Часто ответы на запросы сопровождались комментариями Оленина. Посылая министру иностранных дел К. В. Нессельроде тексты постановления Тридентского собора, Оленин писал: «Эти три издания я выбрал потому, что одно из них есть самое древнейшее и весьма редкое, а другое новейшее. Все эти три книги, заключая в себе подлинный текст постановлений собора на латинском языке, вполне могут служить авторитетом, а переводы на другие языки не имеют уже этой важности»[62]. Бывали случаи, когда Оленин

и сам выполнял «библиографические запросы». Для киевского митрополита Евгения Болховитинова (по его просьбе) отыскал план и изображение фасада константинопольской церкви св. Софии[63], установил этимологию интересовавшего его слова[64]. А. М. Гедеонову, возглавлявшему дирекцию императорских театров, в ответ на его просьбу подобрать материалы для устройства «декораций внутренности Грановитой палаты» Оленин послал во временное пользование (под расписку) описание коронации Елизаветы Петровны. Однако Оленин обращает внимание, что в книге нет изображения росписей стен и сводов. Примечательно, что сам Оленин остался недоволен тем, как он выполнил просьбу, и обещает Гедеонову в ближайшее время помочь. «В скором времени,—писал Оленин,—я отправляю в Москву академического художника по части археологии — г-на Солнцева, которому поручено будет снять самые верные и подробные виды наружности и внутренности московских старинных соборов, церквей... По получении оных я весьма охотно сими сведениями поделюсь с дирекцией императорских театров»[65].

По всей видимости, при составлении ответов Библиотека руководствовалась только своими фондами, систематически расставленными, и каталогами, не прибегая к библиографическим источникам. Такое заключение позволяет сделать ответ Оленина на один из запросов Министерства народного просвещения. Оленин, ссылаясь на неполноту русского фонда, рекомендовал обратиться в другие учреждения или воспользоваться библиографическими источниками, которые содержат более полные данные, чем каталоги библиотеки[66].

Библиотека снабжала журнал «Сын Отечества» «библиографическими известиями о вновь выходящих книгах»[67].

Оленин всегда шел навстречу ученым и разрешал им заниматься и «не в читальные дни». Так, в декабре 1821 г. такое разрешение получил профессор Жобар, который готовился для «занятия кафедры греческой словесности» в Казанском университете[68]. «Во все дни, не исключая и дней нечитальных и самих праздников», разрешено было заниматься профессору Казанского университета Эйхвальду, готовящему описание своего путешествия по Каспийскому морю и Кавказским горам. Решение свое Оленин объяснил желанием «споспешествовать общеполезному труду»[69]. Оленин разрешил профессору-востоковеду Шармуа, исследовавшему русско-восточные связи, заниматься над арабскими, персидскими, татарскими рукописями в воскресные дни, так как у профессора, кроме воскресений, нет свободного времени[70]. Издавая распоряжение по этому поводу, Оленин расписал подробную «технологию» обслуживания рукописями. Даже в 1829 г., когда Библиотека была закрыта в связи со строительством нового здания, Оленин разрешал лицам, «имевшим особенную нужду в справках с книгами или в выписках из оных»[71], заниматься в Библиотеке.

Библиотека довольно часто и надолго закрывалась для читателей в связи с «починками» и строительством нового корпуса. Всего во времена Оленина она была закрыта в общей сложности 6 лет.

В 1831 г. в столице свирепствовала холера, унося человеческие жизни. В это время в залах Библиотеки были поставлены плошки с хлором и 3—4 раза в день всю Библиотеку окуривали уксусом, настоянным на можжевеловых ягодах и мяте. Но усилившаяся эпидемия заставила закрыть читальные залы почти на пять месяцев. Во время холерной эпидемии был составлен список книг о холере для доктора Ремана. В связи с болезнью Ремана по его просьбе была выдана под расписку из Библиотеки одна книга[72]. В дни всеобщей паники мужественно вел себя Оленин. В. Ф. Одоевский в письме к князю Г. П. Волконскому писал: «Из всех живых существ я видел почти одного Оленина — в огромной шинели на плечах, в калошах на ногах, с портвейном в руках, с сигарой в зубах, с холерою на языке и между тем с спокойствием в сердце, ибо он принадлежал к числу немногих, которые во время болезни сохранили присутствие духа и хладнокровие; он прекрасно действовал и со всеусердием помогал больным; я его вдвое больше полюбил с сего времени»[73].

По библиотечным правилам книги на дом выдавались под расписку только директору Библиотеки и министру народного просвещения по его письменным запросам. В исключительных случаях по специальному ходатайству Министерства народного просвещения книги выдавались под расписку военному историку А. И. Михайловскому-Данилевскому, министру иностранных дел К. В. Нессельроде, известному государственному деятелю М. М. Сперанскому. Однако уже в 30-е гг. для некоторых сотрудников были сделаны исключения. Книги для чтения брали на дом Крылов, Гнедич и даже книготорговец Смирдин[74]. Рукописи же из Библиотеки не выдавались никому[75]. Только через Министерство народного просвещения рукописи выдавались для Археографической комиссии, которая подготавливала к изданию материалы археографической экспедиции П. М. Строева[76] и «Полное собрание русских летописей».

Библиотека была своеобразным барометром общественной жизни столицы. Как свидетельствовал умеренный либерал, цензор А. В. Никитенко, записав в дневнике 30 дек. 1830 г.: «Истекший год, вообще, принес мало утешительного для просвещения в России. Над ним тяготел унылый дух притеснения. Многие сочинения в прозе и стихах запрещались по самым ничтожным причинам, можно сказать, даже без всяких причин, под влиянием овладевшей цензорами паники»[77]. Этот «унылый дух притеснения» не мог не сказаться и на Библиотеке. Оленин в своем «Отчете» за 1833 г. доводит до сведения служащих Библиотеки и Министерства народного просвещения, что «Главное управление цензуры еще

в прошлом году обратило внимание на беспрестанно увеличивающееся число романов и повестей и сделало распоряжение о строжайшем рассмотрении оных в отношении к нравственности их содержания. Однако в 1833 году романы и повести составляют почти половину книг собственно литературных»[78]. Министры народного просвещения прославились своими гонениями на народное просвещение. А. С. Шишков утверждал, что «науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет... Обучать грамоте весь народ или несоразмерное число онаго количество людей принесло бы более вреда, нежели пользы»[79]. По свидетельству А. В. Никитенко, последующий министр народного просвещения, С. С. Уваров, откровенно высказывал свой взгляд на народное просвещение: «Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно»[80].

В связи с ремонтом и постройкой нового здания в 30-е гг. почти замерла жизнь Библиотеки. Бывший сотрудник Библиотеки известный беллетрист М. Н. Загоскин писал в журнале «Атеней»: «Я знаю многих постоянных жителей Петербурга, не имеющих никакого понятия о здешней Публичной библиотеке, я даже уверен, найдутся и такие, которые не знают, что прекрасное здание, примыкающее с одной стороны к Малому театру, а с другой составляющее угол против Гостиного двора, есть то драгоценное книгохранилище, богатству которого позавидует всякий иностранец». Загоскин отметил уменьшение числа читателей. Читательский спад он объясняет отсутствием в Библиотеке современных французских романов, а также малочисленностью в обществе людей «просвещенных». По богатству фондов Публичную библиотеку Загоскин ставит в один ряд с крупнейшими библиотеками Европы, книгохранилище это «едва ли не первое по примерному порядку и внутреннему устройству, коими оно обязано неусыпному попечению начальства и неутомимым трудам и усердию своих чиновников»[81]. Цензор О. А. Пржецлавский в своих «Воспоминаниях» также сетовал на «безучастие к сокровищам, так легко доступным»[82]. А начинающий в те годы служить в Библиотеке В. И. Собольщиков впоследствии вспоминал: «Посетители требовали русских книг очень немного, а иностранных еще меньше»[83].

А тем временем в городе росло число частных и государственных учебных заведений. В 30-е гг. значительно расширился Петербургский университет. В 1836 г. было уже 4 гимназии. Непопулярность Библиотеки в те годы в какой-то мере можно объяснить тем, что она длительное время в связи со строительством нового здания была закрыта: с 1 мая 1832 по 15 авг. 1835 г., т. е. больше трех лет. Оленин по-прежнему проводил в жизнь свою концепцию, что Библиотека создана для серьезных занятий. Он неустанно подчеркивал, что Библиотека создана «в государстве для распро-

странения надлежащего и полезного просвещения», «в пользу наук, художеств и истинного просвещения»[84], «для чтения книг, полезных к истинному просвещению, и для выписок из оных в помощь ученым, литераторам, художникам и учащимся в *высших* (выделено мной.—*О. Г.*) казенных и частных заведениях»[85]. Исходя из этих позиций он и от читателей требовал серьезного и благопристойного отношения к Библиотеке. Например, лишены были права посещения Библиотеки артиллерист юнкер Алексей Дружинин и канцелярист банка Иван Воронов из-за ссоры, во время которой они дали друг другу «по оплеухе»[86]. В 1836 г. Оленин «наистрожайше» запретил библиотекарям впускать в Библиотеку «неучтивых и грубых молодых читателей»[87]. Со всей строгостью он пресекал возможности воровства книг. В сентябре 1830 г. последовало распоряжение Оленина выдавать билеты только после «получения» «удовлетворительного сведенья о жительстве желающих посещать Библиотеку»[88]. «По неблагоразумению некоторые из читателей стали портить и даже похищать книги»,—читаем мы в одном распоряжении Оленина. И Оленин, по его выражению, принимает «крайнюю меру»: каждый читатель, взяв книгу, оставляет у дежурного «контрамарку от верхнего своего платья». Вернув книгу, читатель получает обратно «контрамарку»[89]. Но и эта «крайняя мера» не спасла от хищения неким Тимофеем Евстратовым франко-русского словаря в октябре 1838 г.[90]

Во время директорства Оленина Библиотеку в среднем ежедневно посещало 30—50 читателей. Постоянных читателей было около 630 человек, которым в год выдавалось до 4500 книг[91]. Среди читателей были и иностранцы. А среди посетителей, осматривавших Библиотеку, были и «знаменитые» гости: великие князья, грузинские царевичи, иностранные принцы, генералы, члены посольств, аккредитованные в Петербурге, иностранцы-путешественники. Знакомились с Библиотекой Александр I и Николай I. В 1829 г. Библиотеку посетил «знаменитый в ученом свете отличными познаниями и трудами» немецкий ученый А. Гумбольдт[92]. Всего с открытия Библиотеки и по 1 января 1843 г., т. е. почти до смерти Оленина, билетов было выдано 15 738, а книг в читальный зал 92 693 тома[93].

В 1832 г. Оленин выступил в печати с объяснением своих принципов обслуживания. Оленин написал письмо к издателю «Северной пчелы» Н. И. Гречу под названием «Публичные библиотеки в Париже и Публичная библиотека в Санкт-Петербурге». В том же году статья была издана отдельно. Противопоставляя Публичную библиотеку Королевской, Оленин писал, что в Публичной библиотеке «от холода пальцы ни у кого не синеют», «по несколько часов никто книг не дожидается у стола дежурного библиотекаря», «никто по читальной комнате ногами не шаркает, громко не здоровается и не прощается, не ходит без надобности туда и сюда». В читальном зале «светло, как весною, тепло (круглый

год), как летом, и свободно, как бывает дома, между благовоспитанными людьми, ибо люди в развращенном виде в Библиотеку не впускаются». Кто занимается «важною и продолжительною работою», получает право работать все дни недели. И как бы оправдывая сравнительно небольшое число читателей, Оленин писал: «Конечно и у нас в Библиотеку обратился было весь Гостиный двор, узнав, что в ней безвозмездно читают С. Петербургские Ведомости, как в Парижской Королевской Библиотеке маклера читают Календарь двадцати четырех тысяч адресов; но это скоро прекратилось запрещением выдавать новые ведомости, которые можно везде и дешево доставать»[94]. Заканчивает свою статью Оленин утверждением, что лучше держаться «сей середки на половине, между расточительною и шумною свободой Королевской Публичной Библиотеки в Париже и себялюбивым порядком Лондонских библиотек»[95]. Всю свою деятельность Оленин направлял на выполнение задачи, которую он поставил еще в официальном «Отчете» за 1813 г.: Библиотека должна работать только «в пользу любителей учености и просвещения».

«Знакомством, дружбой и родством»

В первой четверти XIX в. в Петербурге, кроме известных обществ, таких, как «Вольное общество любителей российской словесности», «Беседа любителей русского слова», «Общество поощрения художеств», «Арзамас», «Зеленая лампа», были многочисленные «кружки», «вечера», «салоны». В них объединялись интеллектуальные силы столицы. Это было знамением времени. Писатели, поэты, ученые, художники, светские люди могли встречаться, обсуждать последние литературные, научные и светские новости, разбирать новые произведения и пр. Многие писатели, поэты посещали и были даже завсегдатаями одновременно нескольких «кружков», «обществ», «вечеров», «салонов»[1]. Салоны были более живучи, чем кружки, они более связаны с бытовой обстановкой эпохи, в них не было твердого состава посетителей и не было обязанности их посещения.

Одним из самых известных салонов того времени был салон А. Н. Оленина. Дом Оленина был одним «из главных и привлекательнейших интеллектуальных центров Петербурга: художники и ученые, литераторы и образованные светские люди, часто сходившиеся вместе», «образовывали атмосферу света, знания, талантливости, терпимости и добра, какую редко можно встретить»[2]. Дом Оленина, по выражению Греча, был «святилищем наук, искусств и литературы»[3]. Сам хозяин стоял в центре образованного и высшего петербургского общества. Круг его знакомых был обширнейший — от Аракчеева до Пушкина, от царской семьи до крепостного художника. У Олениных фактически был «открытый дом». «Часто к обеду

собиралось *незваных* (выделено мной.—*О. Г.*) гостей человек до десяти и более; хлеб-соль была не причудливая, но сытая и вкусная»,—вспоминал частый посетитель дома С. С. Уваров[4]. О ежедневных вечерних приемах в доме Оленина говорил и С. П. Жихарев[5]. «...У Олениных не обжирались и не опивались, как в других домах за барскими столами того времени»[6]. У них ужинали за маленькими столиками, без церемоний, без чинов. «Мне очень нравилось бывать в доме Олениных»,—вспоминала племянница хозяйки дома А. П. Керн. Играли в разные занимательные игры и преимущественно в charades en action (шарады в живых картинках), в которых принимали участие И. А. Крылов, И. М. Муравьев-Апостол и др.[7] «С тех пор, как я себя помню, я помню себя в доме Олениных, с которыми мы считались в родстве»,—писал В. А. Соллогуб в своих «Воспоминаниях»[8]. Для представителей тогдашнего культурного общества характерны подобные признания. Кто только не бывал в салоне Оленина! Почти все современные ему писатели и поэты: Державин, Озеров, Капнист, Карамзин, Гнедич, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Вяземский, Крылов, Грибоедов, Козлов, Нелединский-Мелецкий, В. Соллогуб и многие другие. Оленин был другом художников трех поколений. Дом его посещали В. Л. Боровиковский, К. П. Брюллов, А. Г. Венецианов, А. Г. Варнек, С. И. Гальберг, С. Ф. Галактионов, В. И. Демут-Малиновский, А. Е. Егоров, А. И. Зауервейд, Ф. И. Иордан, О. А. Кипренский, И. П. Мартос, Б. И. Орловский, С. С. Пименов, Ф. Г. Солнцев, Ф. П. Толстой, И. И. Теребенев, В. К. Шебуев, Ф. Ф. Щедрин, гравер Н. И. Уткин, акад. К. Грефе, проф. П. Н. Петров. Ближайшим другом Оленина был архитектор В. П. Стасов, отец В. В. Стасова, тесно связавшего свою судьбу с Публичной библиотекой во второй половине XIX в. и начале XX в. Частыми гостями в салоне Оленина были и будущие декабристы — Никита и Александр Муравьевы, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, С. П. Трубецкой, Александр и Николай Бестужевы, М. Бестужев-Рюмин, С. Г. Волконский. У Оленина постоянно бывали офицеры Семеновского, Измайловского, Конногвардейского полков, все «сколько-нибудь замечательные иностранцы», приезжающие в Петербург[9]. Здесь собирались «все, что было в Петербурге хорошо образованного, отличавшегося своими дарованиями, умом и познаниями»[10]. В это время суждения Оленина пользовались неоспоримым авторитетом в столице. Дом Оленина посещали люди всех возрастов, и особенно молодежь. «Подобные дома,—писал один из постоянных посетителей Олениных,—могут считаться хорошими школами для молодых людей, ищущих просвещения»[11]. Известный путешественник, адмирал Ф. П. Литке, вспоминая о своих посещениях в 1814 г. дома Оленина, писал, что он «уносил всегда самые приятные оттуда впечатления»[12]. Особенно оживился салон Оленина после Отечественной войны 1812 г. В отличие от других салонов, кружков и вечеров, где обычно собирались в определенные дни недели, у Олениных собирались

ежедневно[13] к обеду и засиживались до поздней ночи в дружеской беседе, шутках и критике произведений близких друзей дома. К ним обыкновенно привозились все литературные и театральные новости, рассказы о новых книгах, картинах. Не в чести были карты. У Олениных любили заниматься музыкой. Младшая дочь — Анна сочиняла музыку, училась у М. И. Глинки, постоянно посещавшего их дом. Сам Оленин состоял почетным членом Филармонического общества.

Известия о новых открытиях, путешествиях, о новых достижениях науки, археологии, чтение и разбор новых литературных произведений можно было услышать в салоне Оленина. Оленина избрали почетным членом «Вольного общества любителей российской словесности». За неимением времени Оленин изредка посещал заседания общества, но посылал на прочтение свои труды, печатался в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Оленин был знаком с физиком Б. С. Якоби, с математиком М. В. Остроградским[14]. 15 мая 1834 г. известный ученый-физик Якоби показывал в своей лаборатории модель изобретенного электрического двигателя. На демонстрации присутствовала вся семья Оленина.

Как крупный сановник, Оленин имел многие поместья и более 2000 крестьянских душ «мужского пола»[15], но «крепостничество в доме Алексея Николаевича не кололо глаза!». У него на праздниках, в отличие от бытовавших в те времена правил, не было крепостных танцоров и музыкантов, «пляшущих и играющих... для господ из-под палки»[16].

Оленин отыскивал, ободрял, поощрял дарования, помогая развитию таланта, продвижению по службе. Он был «отзывчив на всякое проявление русской даровитости и охотно шел ему на помощь»[17]. По справедливому определению одного из постоянных посетителей салона, «искусство и литература находили скромное, но постоянное убежище в доме А. Н. Оленина»[18]. Оленину обязана русская литература первым полным изданием басен Хемницера (в 3-х т. 1799), почти всеми изданиями басен Крылова. Он иллюстрировал басни Хемницера, некоторые сочинения Пушкина, Ломоносова.

Свобода общения, простота, добродушие, хлебосольство, приветливость, откровенность хозяев придавали дому вид «трогательной патриархальности»[19]. Как отмечали все мемуаристы, особым вниманием пользовались Батюшков, Гнедич и Крылов. Гнедич и Крылов были постоянными гостями и собеседниками. Если Крылову Оленин много помогал в изыскании денег для изданий его басен, то Гнедичу он оказывал услуги и по комментированию трудных технических понятий при переводе «Илиады». Но вместе с тем Жуковский отмечал, что дом Оленина — «место собрания авторов, которых он хочет быть диктатором»[20].

В салоне Оленина господствовал интерес к античному искусству, почитателем и пропагандистом которого был сам Оленин. В Оленинском салоне увлекались не только античностью, но и стремились опоэтизировать «предания старины глубокой».

Особенно любили посещать Олениных в их пригородной даче Приютино[21], где текла тихая, мирная, простая деревенская жизнь. В доме Оленина не было культа литературной касты. Несмотря на свои близкие отношения с Державиным и Шишковым, критиковавшим драмы В. А. Озерова, именно у Оленина Озеров (1804) читал своего «Эдипа в Афинах». В Оленинском кружке уживались «беседчики» и «арзамасцы». В нем приветливо встречались Шишков и Жуковский, Карамзин и Державин, Батюшков и Грибоедов. Это дало повод А. Н. Пыпину назвать Оленина литературным «эклектиком»[22]. По взглядам и родственным связям своим Оленин был членом «Беседы», посещал ее собрания, принимал у себя писателей — ее членов[23]. Литературное общество «Беседа любителей русского слова» было основано в 1811 г. адмиралом А. С. Шишковым вместе с поэтом Г. Р. Державиным. Члены «Беседы» рассматривали свою деятельность как важную государственную работу. Являлись на заседания в мундирах и при всех орденах, соблюдая строгую официальность, иерархию. Они объявили своей целью борьбу за «старый» «славянский» язык, «высокий слог». По выражению Л. Н. Майкова, «Беседа»—«главный штаб литературного староверства»[24]. Со смертью Державина в 1816 г. скончалась и «Беседа». Членами «Беседы» были служившие в Публичной библиотеке Крылов и Гнедич. Но, скорей всего, прав был Н. Греч, который утверждал, что Крылов и Гнедич «держались середины», но более были склонны к «Арзамасу»[25]. Так как члены «Беседы» были, как правило, и членами Российской академии и служащими Публичной библиотеки, то арзамасцы стрелы своих насмешек часто обращали и на эти два учреждения. Публичная библиотека воспринималась арзамасцами как «отпрыск Беседы»[26]. Высмеивались торжественные собрания Библиотеки, якобы предающие слушателей «попеременно то сну, то досаде»[27], хотя Библиотека и «напрягла весь свой ум и употребила все свои таланты и в прозе и в стихах». Торжественное собрание 1817 г. называлось Н. И. Тургеневым в его вступительной речи в «Арзамасе» «панихидой». Единственно, что признавалось ими — это басни Крылова, который «исторг» Библиотеку «из объятий смерти, а слушателей из объятий Морфея». Тургенев высмеивает «жалкую» просветительную деятельность Библиотеки, «сего», по ироническому выражению Тургенева,—«храма щедрот монарших», которая не имеет читателей, но зато имеет один «известный дар» — «просить и просить покорнейше». Наиболее острым местом речи является осмеяние утверждений Греча, что цензура — следствие существования благоразумной свободы. Запальчивая, уничтожительная критика в адрес Публичной библиотеки, высказанная Тургеневым, не удовлетворила и самого Тургенева. 25 февраля

1817 г. он писал брату Сергею: «Вчера прочел в Арзамасе преплохую [речь], тем более, что в Арзамасе много ума, и речи должны быть шуточные. Члены из учтивости однакоже смеялись и довольно громко»[28].

Отношения братьев Тургеневых — Николая и Александра — к Оленину не были прямолинейными. Оба они в разное время служили в Государственном совете под началом Оленина. Часто бывая у Оленина, пользуясь его гостеприимством, Николай, тем не менее, каждый раз записывал в своем дневнике раздраженно и зло: «тарабарчик», «шут», «жалок», «в маленьком теле маленькая душа». Николая Тургенева — одного из основателей и вождей Союза благоденствия и Северного тайного общества — раздражала осторожность Оленина при обсуждении крестьянского вопроса в Государственном совете. Свое раздражение Олениным Тургенев перенес и на возглавляемую им Публичную библиотеку. Пример Тургенева в высмеивании Публичной библиотеки оказался заразительным. Д. В. Дашков в своей речи в «Арзамасе» также задевал Публичную библиотеку, говоря, что он «тщетно жаждал зазывных билетов на торжественные чтения „Беседы“ и Библиотеки, столь равно усыпительные»[29]. М. Ф. Орлов называл торжественные заседания в Публичной библиотеке «публичными мучениями»[30]. В своей речи 16 марта 1817 г. Ф. Ф. Вигель несколько раз насмешливо упоминает Гнедича, говоря о нем как о «известном Циклопе», который «кует ужасные свои гекзаметры»[31].

Литературную, эстетическую терпимость Оленина П. Анненков объяснял его знаниями эстетических законов, лежащих в основе любого художественного произведения, что помогало ему безошибочно определять истинно талантливые произведения. «Качество это сделало самый дом его нейтральной почвой, на которой сходились люди противоположных воззрений»[32]. О литературной терпимости «беседчика» Оленина, о самостоятельности его взглядов и мнений можно судить хотя бы по его отношению к двум арзамасцам — К. Н. Батюшкову и А. С. Пушкину. Батюшков был введен в дом Оленина еще юношей, когда он жил в Петербурге у своего дяди М. Н. Муравьева, писателя, знатока античности, большого друга А. Н. Оленина. По утверждению биографа Батюшкова Л. Н. Майкова, «дружба с семейством Оленина сделалась для Батюшкова с этих пор одной из самых отрадных сторон его жизни»[33]. Об оленинской литературной «терпимости», о не слепом увлечении шишковистами свидетельствует и его восторженное восприятие «Видения на берегах Леты» К. Н. Батюшкова. Оленин давал Батюшкову и некоторые идеи для его произведений. Так, по выражению Батюшкова, «канву» для «Прогулки в Академии» дал Оленин, а «шелки» были Батюшкова[34]. Батюшков советовал Гнедичу (1810) «придерживаться» Оленина, ибо «он просвещеннее и лучше, и добрее всех князей»[35].

С конца 1811 г., живя в деревне, Батюшков стал думать, нельзя ли ему поступить на службу в Публичную библиотеку[36]. Приехав в январе 1812 г. в Петербург, Батюшков стал хлопотать о службе. Он сообщал сестре: «Что касается до места, то до сих пор ничего не знаю. В Библиотеке все занято (помнишь ли деревенские басни и мои слова), а надежда вся на Алексея Николаевича, который ко мне ласков»[37]. Надежда оправдалась. 24 апреля 1812 г. Батюшков был принят помощником хранителя Депо манускриптов. Недолго он прослужил в Библиотеке. 12 июня 1812 г. Наполеон перешел русскую границу. Все русское общество поднялось на защиту родины. «Теперь стыдно сидеть сиднем над книгою»,— писал Батюшков Вяземскому в первой половине июня 1812 г.[38] Он выхлопотал у Оленина отпуск. Накануне Бородинского сражения он уехал в Москву к семье своего дяди Муравьева и вывез ее в Нижний Новгород. Но вовремя из отпуска не вернулся, чем огорчил Оленина. В октябре 1812 г. Батюшков в армии. И как бы в оправдание свое он пишет Гнедичу: «Извинять меня перед Алексеем Николаевичем не должно: он знает лучше другого ценить людей, которые по доброй воли подвергают себя пулям, и конечно, на меня не рассердится, что я оставляю Библиотеку»[39]. Но его волнует судьба Библиотеки («что сделалось с Библиотекой?»), просит «пониже» поклониться Ермолаеву и Крылову. В марте 1817 г., «как блудный сын, просился опять в Библиотеку»[40]. Батюшков глубоко уважал и любил Оленина и был ему предан. В июне 1817 г. Батюшков поздравляет Оленина с назначением в президенты Академии художеств и посылает стихотворное посвящение[41]. 18 ноября 1818 г. Батюшкову присвоено звание почетного библиотекаря[42].

* * *

А. С. Пушкин посещал салон Оленина с начала 1817 г. до ссылки на юг в апреле 1820 г. и после возвращения из ссылки с мая 1827 г. по сентябрь 1828 г. Бывая в Приютине, Пушкин жил наверху в комнате, отведенной для Н. И. Гнедича. «Поэт наш был у них, как свой человек, и, по семейным преданиям, часто беседовал с А. Н. Олениным об искусстве»[43],—писал П. В. Анненков.

Юный Пушкин хорошо знал античных поэтов и философов. Увлечение Оленина античностью встретило у поэта полное понимание. Более того, в первый период связи Пушкина с Оленинским салоном Оленин сыграл определенную роль в повышенном интересе поэта к Элладе. Не случайны в эту пору упоминания Пушкиным Гомера[44]. Впоследствии Пушкин разошелся с Олениным во взглядах на обязательное знание классических языков. В своей записке «О народном воспитании» (1826) он спрашивал: «К чему латинский или греческий? Позволительна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?»[45]

Не без влияния Оленинского кружка возник у Пушкина интерес к «преданьям старины глубокой», что отразилось в его первой опубликованной поэме «Руслан и Людмила» (1820). Для этой книги Оленин «сочинил» рисунок — виньетку, за что поэт «чувствительно благодарил почтенного А. О.; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности»[46]. У Олениных Пушкин познакомился с сотрудниками Публичной библиотеки, с некоторыми из них сложились добрые отношения. Гнедич стал первым издателем сочинений Пушкина. Оба поэта высоко ценили творчество друг друга, обменивались стихотворными посланиями. У Олениных Пушкин встречался с Крыловым. Крылов был противником Карамзина и его последователей; скептически относился к романтической литературе, в том числе и к «Борису Годунову» Пушкина. Но, тем не менее, это не мешало им высоко ценить достоинства друг друга. Пушкин посетил Крылова «за день или два до дуэли»[47]. Крылов «закрыл глаза» умершему поэту 22 января 1837 г.[48] Пушкин ценил мнения А. И. Ермолаева и А. Х. Востокова[49]. С Востоковым Пушкин, главным образом, встречался в «Вольном обществе любителей совесности, наук и художеств», членами которого они были оба. Вероятно, по просьбе Пушкина Востоков написал ему специальную записку о «Слове о полку Игореве»[50]. В декабре 1832 г. Востоков подал свой голос за избрание Пушкина в члены Российской академии[51]. Неприязненно относился Пушкин к А. И. Красовскому, который с 1821 г. был одновременно и цензором Петербургского цензурного комитета. На этом посту Красовский показал себя как тупой и фанатичный цензор. Пушкин обессмертил его в двух «Посланиях к цензору» и в эпиграмме «Тимковский царствовал».

Оленин также не жаловал Красовского-цензора. По свидетельству Греча, Оленин назвал Красовского «гнусным вестовщиком»[52].

После возвращения из ссылки Пушкин стал часто бывать в доме Олениных. Влюбился в младшую дочь — Анну Алексеевну и сделал ей предложение. В пушкинских черновых тетрадях того времени встречаются анаграмма имени и фамилии Олениной, даже запись «Annette Pouchcine», правда густо зачеркнутая. Анне Алексеевне Олениной он посвятил целый цикл прелестнейших любовных стихов («Ты и Вы», «Ее глаза», «Не пой, красавица, при мне...», «Увы, Язык любви болтливый», «Предчувствие», «Город пышный, город бедный», первое четверостишие «Вы избалованы природой»» и черновой набросок «Волненьем жизни утомленный»). В мае 1828 г. семейство Олениных с Пушкиным, Грибоедовым, Вяземским совершили прогулку из Петербурга в Кронштадт на пароходе, что было еще не очень привычно.

Когда Пушкин появился у Оленина после ссылки, в 1827 г., многое в знаменитом салоне изменилось. «...Непостоянство судеб человеческих рассеяло приютинское общество по лицу земли: многие

лежат уже в могиле, многие влачат тягостную жизнь в дальних пределах света, а многие ближние рассеялись по странам...»[53],— горестно писал Оленин Гнедичу 29 июля 1827 г.

Было подавлено восстание декабристов. Одни повешены, другие — на каторге, в ссылке, в тюрьмах, под пулями горцев на Кавказе. Весь государственный аппарат был подвергнут тщательной проверке и обследованию. По семейным преданиям, новый император, Николай I, не был к Оленину «нежен», особенно в начале своего царствования. Хотя, как государственный секретарь, Оленин и передал Николаю I пакет с отречением Константина[54].

Оленин никогда не принадлежал к вольномыслящим людям, всегда был осторожен. По жесткой характеристике, данной советской исследовательницей И. Н. Медведевой, Оленин был «либерал в модном, дозволенном духе и реформатор постольку, поскольку нововведения были предусмотрены начальством»[55]. В письме к дочери Варваре от 24 декабря 1825 г. (через 10 дней после восстания на Сенатской площади) Оленин называет участников восстания «бунтовщиками», «подлецами», а само выступление «злодейством»[56]. Некоторая настороженность нового императора к государственному секретарю объяснялась, вероятно, тем, что во время следствия по делу декабристов частенько называлось имя младшего сына Оленина — Алексея Оленина. В числе осужденных было немало близких к дому Оленина. К тому же Оленин отказался участвовать в работе следственного комитета и Верховного уголовного суда. Для того чтобы завоевать «милости государя», которые ставились им превыше всего, Оленин старался служить ему верой и правдой. И естественно, Оленин не мог допустить, чтобы Пушкин, за которым был установлен Государственным советом (28 июня 1828 г.) «секретный надзор»[57], стал его зятем. С точки зрения Оленина, дать согласие на сватовство Пушкина значило скомпрометировать себя в глазах царя[58]. Но, заметим кстати, Оленин не принадлежал к той части высшего общества, которое, по словам Герцена, «с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей»[59]. О «мыслях» Оленина тех лет мы можем судить по дневниковой записи А. А. Олениной и при этом не забудем, что написана она 20-летней фрейлиной, получившей только домашнее воспитание. Аннет писала, что приехали братья и «папенька» и привезли хорошие новости: «с них сняли цепи» (с декабристов.—*О. Г.*). «Они свободны, хоть телом свободны, думала я. Эта мысль услаждала горе знать их далеко и в заточении. ⟨...⟩ Видеть народ свободным — есть желание сильнейшее души моей. И вот в чем заключалась бы эта свобода: сначала запрети, однажды навсегда, явную и тайную продажу людей и затем позволь мужикам откупаться на волю за условленную цену. Тогда тот, кто, понимая силу слова „свобода“, будет иметь деньги, чтобы уплатить выкуп, сам откупится, получит свободу и кусок земли. Но как же поступить с теми, которые,

кроме собственной души и своего семейства и домашних вещей, ничего не имеют для выкупа? Ведь земли должны остаться за владельцами. Еще дай честное и бескорыстное управление внутренней частью государства, ограничь лихоимство, позволь последнему нищему жаловаться на богатого вельможу, суд чини публично и справедливо, по установленным однажды навсегда законам. Наконец, установи, чтобы один Указ не противоречил другому, чтобы, подписанный однажды, он навсегда сохранял свою силу и точность. Вот в чем состояло бы счастье России. Вот чего всякая честная душа желать должна бы, а не той неограниченной и пустой детской конституции, которую хотели дать нам 14-го числа и имени которой, уж не говоря о самом ее Уложении, едва ли третья часть людей понимает»[60]. Вряд ли подобные рассуждения пришли самостоятельно в голову фрейлины Аннет. Они, бесспорно, результат семейных разговоров. В уже упоминаемом письме к старшей дочери Варваре Оленин писал, что «многие и многие заражены в России глупыми мыслями европейских конституций для народа». Но народ не понимает еще, что такое конституция и путает это слово с именем жены великого князя Константина Павловича, «потому что она не крещена в русскую веру»[61]. В этом же письме Оленин упоминает и о выполнении законов, о «честном и бескорыстном управлении» государством, об ограничении «лихоимства», о гласном и справедливом суде, «чтобы один указ не противоречил другому», о чем писала в своем дневнике Аннет,—это все предмет постоянных забот статс-секретаря по Департаменту гражданских и духовных дел — Оленина. Рассуждение Аннет о путях освобождения крестьян — это тоже мысли Оленина.

О сочувствии к декабристам семьи Олениных можно судить и по тому, что они просили А. П. Чечулина, молодого казака, приехавшего из Иркутска, оставить у них на хранении сочинения и письма «государственного преступника» Рылеева![62]

Вернемся к Пушкину. Итак, Оленин не мог не отказать ему в руке своей дочери. Хотя существует и другая версия, что якобы Пушкин сам отказался от сватовства[63]. Вряд ли это соответствовало действительности. Если бы дело обстояло так, то Пушкину не было бы причины так неприязненно относиться к Оленину, его жене и дочери, о чем свидетельствуют черновые наброски к 8-й главе «Евгения Онегина»:

Annette Olenine тут была
Уж так [жеманна], так мала!
Так бестолкова, так писклива,
[Что вся была в отца и мать][64].

Неприязнью к Оленину в какой-то мере объясняется и нежелание Пушкина представлять в Публичную библиотеку экземпляры своих произведений.

Учет не доставленных в Библиотеку русских книг был возложен на И. А. Крылова. В одном из рапортов Крылова Оленину (июль 1831 г.) читаем, что среди не доставленных книг 3 были пушкинские: «Полтава» (1829), «Евгений Онегин», гл. 7 (1830) и «Бахчисарайский фонтан» (1830)[65]. Книги доставлялись в Публичную библиотеку цензурными комитетами, а так как цензором Пушкина был сам Николай I, то через Петербургский цензурный комитет они не проходили. Библиотека обратилась к Пушкину с просьбой прислать книги, но Пушкин просьбу оставил без внимания. «По приказанию господина директора императорской Публичной библиотеки, канцелярия оной на основании дарованного права Библиотеки и самого устава о цензуре просит его высокоблагородие Александра Сергеевича Пушкина печатанные им книги его сочинения 1) Евгений Онегин, 2) Полтава и 3) Историю о Пугачевском бунте доставить ныне в Библиотеку по одному экземпляру, и впредь какие будут издаваться сочинения доставлять. 22 марта 1835 г.»[66] Но и эту просьбу Пушкин оставил без внимания. Кроме того, по всей вероятности, Пушкин не хотел тратить свои деньги на покупку книг для Библиотеки. Косвенным доказательством этого может служить его письмо писателю Н. И. Хмельницкому, организовавшему библиотеку в Смоленске и просившему поэта прислать свои книги. 6 марта 1831 г. Пушкин писал: «Я бы за честь себе поставил препроводить сочинения мои в Смоленскую Библиотеку, но вследствие условий, заключенных мною с Петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни единого экземпляра, а дороговизна книг не позволяет мне и думать о покупке»[67]. Непримиримость Пушкина к Публичной библиотеке, а вернее, к Оленину, продолжалась до конца жизни поэта. Помощник И. А. Крылова — И. П. Быстров писал 7 августа 1836 г.: «Пушкин не доставил Истории Пугачевского бунта. К нему писано было не однажды, но ответа не получено»[68]. Пушкин, вероятно, так и не смог простить Оленину отказа в руке Аннет. Судьба еще несколько раз сталкивала Оленина и Пушкина, но не примирила их. В письме 14 декабря 1832 г. на имя А. С. Шишкова Оленин ответил согласием на избрание Пушкина в члены Российской академии[69]. Встретились они на похоронах Гнедича — 6 февраля 1833 г. Пушкин принял участие в пожертвовании на памятник Гнедичу, за что в письме от 3 апреля Оленин благодарил поэта[70]. Последняя известная встреча состоялась на октябрьской выставке 1836 г. в Академии художеств, когда Оленин представил Пушкину скульптора Н. С. Пименова. Оленин высоко ценил гений Пушкина. Отдавая дань первому русскому поэту, Оленин после гибели поэта заказал скульптору Гальбергу сделать бюст Пушкина для Публичной библиотеки. Бюст Пушкина был выполнен по посмертной маске поэта, им сделанной, а также по памяти[71].

Сотрудники Публичной библиотеки составляли крепкое ядро Оленинского салона. По сути дела, это был кружок друзей,

единомышленников, выступающих не только в защиту просвещения, но и активно пропагандирующих его. Публично это выражалось в докладах и выступлениях на торжественных собраниях Библиотеки, в совместных обсуждениях всех интересовавших их проблем. Ими обсуждались привезенные из экспедиции Ермолаевым надписи и рисунки[72], перевод Гнедичем отдельных песен «Илиады». «Тот же дух благоволения, та же любовь к просвещению, к наукам и искусствам, которыми отличался Оленинский салон, распространялись и на состав служащих в Библиотеке»[73],—писал Л. Н. Майков. Служащие Библиотеки как бы образовывали Оленинский кружок в его салоне. Все, что предполагалось для чтения на торжественных собраниях, не только писалось по плану Оленина, но предварительно прослушивалось у него дома[74]. Более того, он всегда критически разбирал произведения, и замечания его носили конструктивный характер. Свое тонкое знание русского языка Оленин проявил в замечаниях на оду Лобанова «Послание к русским писателям». Он, например, возражал против употребления эпитета «опаленый», доказывая, что громом «можно оглушить, поразить и даже до смерти убить»[75], но опалить можно только молнией. Предлагал вместо «опаленый» написать «пораженный». Оленин не считал даже зазорным для себя поправить корректуру за Лобанова. Вместе с друзьями, в минуту отдыха, стихами «баловался» и Оленин. В его архиве сохранился листок, написанный его рукою, с эпиграммой на Крылова:

Для доброго Крылова
Потребен камень нам не менее Петрова,
И с низу положить не сверху Монумент,
Но, ах, Кулибина уж нет[76].

Под «камнем Петрова», видимо, имелся в виду постамент «Медного всадника» — скульптурное изображение Петра I в Ленинграде. Судя по тексту, писалась эта эпиграмма после 1818 г., после смерти И. П. Кулибина. Вероятно, в тот же день Оленин, Гнедич и Крылов «состязались» над переводами с испанского и французского эпиграммы о неком филантропе Дон Жуане де Робкесе, но имея в виду уже конкретного русского гражданина — Василия Климовича Злова[77].

Вигель, сам мечтавший о службе в Публичной библиотеке, критиковал Оленина за то, что он открывшиеся вакансии библиотекарей и их помощников «роздал поэтам и приближенным своим»[78].

Большую роль сыграл Оленинский кружок в развитии русской культуры и литературы. Античным идеалам Оленин не противопоставлял образы национального прошлого, а стремился их объединить. Под влиянием и под воздействием Оленинского кружка возник интерес к историческим темам у Гнедича — работа над замыслом поэмы о Васильке Теребовльском (1819), у Востокова —

«Рассуждения о славянском языке, служащие введением к грамматике сего языка» (1820), уже не говоря о помощи Ермолаева Карамзину в подборе летописного материала для «Истории Государства Российского». Оленинский салон, а в особенности Оленинский кружок, способствовал приобщению русской культуры к вершинам мировой культуры, а также познанию собственной народной русской литературы.

«Любитель и знаток древностей»

Вспоминая посещение Оленина в 1801 г., Н. И. Греч писал: «Он выстроил себе посреди двора отдельный флигель с итальянскими окнами, странный и неуклюжий. Взбираться к нему должно было по тесной каменной лестнице с забегами (теперь все это перестроено). Мы нашли его, как я находил его потом в течение сорока лет, за большим столом в кабинете, заваленном бумагами, книгами, рисунками, бюстами и пр. ... У меня глаза разбежались от множества книг и картин...»[1]. Библиотека Оленина была прекрасно подобрана и отражала научные и литературные вкусы своего владельца. Собирать библиотеку Оленин стал с детских лет. В Публичной библиотеке хранятся два листика каталога Алексея Оленина, составленного им в 1775 г., когда ему было всего 12 лет[2]. Каталог содержит 49 названий, написан он на французском языке. Кроме учебных пособий, в каталоге значатся фундаментальные сочинения создателя материалистической теории жизни на земле Ж. Л. Л. Бюффона, 17-томное собрание сочинений Вольтера, 16-томное собрание сочинений Мольера, трехтомник Расина, избранные произведения Эзопа и Лафонтена, политико-философский роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака», «Робинзон Крузо» Д. Дефо. В библиотеке были книги и по мировой истории, словари по мифологическим сюжетам и аллегориям, «Жития славных в древности мужей» Плутарха, сочинения крупнейшего теоретика классицизма — Н. Буало. Из русских книг — «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, «Русские трагедии» А. Сумарокова и М. Хераскова. Книги 12-летнего мальчика поражают своей недетской серьезностью[3]. Всю свою долгую жизнь Оленин собирал книги. По свидетельству дочери — В. А. Олениной, библиотека ее отца состояла из 6000 книг[4]. Книги отражали интересы, по словам Гумбольдта, «единственного универсального ученого в России»[5]. В ней были книги по археологии, филологии, историографии, математике, искусству, философии, литературе — на многих языках. Судьба библиотеки Оленина, как и большинства личных библиотек, печальна. В свое время (1861) дочь Оленина, Варвара Алексеевна, предложила директору Публичной библиотеки М. А. Корфу купить редкие книги из библиотеки отца. Корф не нашел ничего лучшего, как ответить через письмоводителя, что «особая комиссия» оценила

12 редких иностранных книг за 41 р. серебром[6]. Таким ответом он обидел Оленину, и продажа не состоялась. В 1865 г. В. Оленина пожертвовала 52 книги из библиотеки отца Воронежской Публичной библиотеке. По некоторым сведениям, личная библиотека и бумаги Оленина были проданы наследниками в 1900 г. известному книгопродавцу В. И. Клочкову[7], по другим — книгопродавцу Соловьеву[8], а от последних перешли в Публичную библиотеку, а кое-что было пущено через магазины в продажу.

Оленин с юношеских лет серьезно изучал историю и палеографию. В 1786 г., 23 лет, после представления работы «Толкование многих военных старинных речений» Оленин был принят в Российскую академию. И с тех пор, по его словам, он «занимался объяснением многих обветшалых речений в словено-русском языке»[9]. В конце XVIII в. познакомился с известным собирателем древних русских рукописей А. И. Мусиным-Пушкиным. В 1800 г. он ездил в археологическую экспедицию в Новгород и Рязань.

Всю жизнь Оленин занимался розысками, приобретением, изучением памятников русской старины, вел подготовительные работы по их изданию. Н. М. Карамзин, готовя свою «Историю», обращался к рукописям, принадлежащим Оленину. Так, 3 июня 1806 г. в письме к А. И. Тургеневу он сообщал: «пишу Оленину, прося у него маленькой выписки» из древнего Евангелия[10].

В начале 1806 г. появился первый печатный археологический труд Оленина по отечественным древностям: «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году». В этом письме Оленин, вопреки утверждению историка первой половины XVIII в. В. Н. Татищева, поддержал мнение Мусина-Пушкина о том, что упоминаемая в русских летописях Тмутаракань находилась на Таманском полуострове, а не в Рязанском княжестве. Для аргументации своего заключения Оленин широко использовал сведения из «Слова о полку Игореве». Оленин был убежден, что исторически правдивую «историю Русскую» нельзя написать, пока ученые не будут вооружены полным собранием или сводом «всех наших летописей» и «иностранных книг, в коих находятся повествования о России», «древней российской географией, основанной на ясных исторических доводах», а также «славяно-российской палеографией»[11]. Без древних русских рукописных книг, по глубокому убеждению Оленина, «История Российская составляет токмо самое скучное летоисчисление: такой-то великий князь родился, женился, воцарился, побил своих соседов и был побежден и умер. Нет в ней той общей черты, которая, посредством описания нравов и обычаев разных времен, сближает отдаленные народы и доказывает единообразность рода человеческого»[12].

Оленин объединил вокруг себя группу любителей и знатоков дрревнерусской письменности. В эту групу входили А. И. Ермолаев, А. Х. Востоков, К. М. Бороздин, П. К. Фролов. Центром объедине-

ния была Публичная библиотека. В 1810 г. Оленин подготовил для Строганова текст доклада императору об утверждении главного юридического документа Библиотеки, в котором записал о присвоении Библиотеке права «требовать точных списков со всех любопытных рукописей, до отечественной истории относящихся, кои хранятся в архивах правительствующего Сената и святейшего Синода, в архивах государственной Коллегии иностранных дел, в Академии наук и в иных ученых обществах и в других местах»[13]. Это право Библиотеки в несколько отредактированном виде было закреплено в § 18 «Положения о управлении имп. Публичною библиотекою», утвержденного 14 октября 1810 г. Для зарисовки древних русских памятников и копирования древних русских рукописей Оленин добился у царя субсидии на археографическую экспедицию по городам России, состоявшуюся в 1809—1811 гг. под руководством К. М. Бороздина. В состав экспедиции входили А. И. Ермолаев и художник И. А. Иванов. Были обследованы Старая Ладога, Тихвин, Устюжна, Череповец, Белозерск, Вологда, Киев, Любеч, Чернигов, Нежин, Курск. Экспедиция не забывала и интересы Публичной библиотеки. Бороздин писал из Кириллова Оленину 1 июля 1809 г.: «Здесь в монастырской библиотеке находится более тысячи двухсот старинных рукописных книг, правда для истории очень мало нужных, но драгоценных для русской библиографии и палеографии. Теперь я думаю и вы сами со мною скажете: куда бы как они пригодились в Императорскую библиотеку; а сделать это не мудрено... Мы многие дали списать здешним семинаристам»[14]. В письме от 25 июля 1809 г. сообщается: «Для вашей Императорской библиотеки пока записано грамот до тридцати подлинных и с подлинными печатями великого князя Василия Васильевича, двоюродного брата его князя Михаила Андреевича, царя Ивана Васильевича, Федора Ивановича, Бориса Федоровича и Михаила Федоровича»[15]. Из Вологды Ермолаев сообщал, что достал для Оленина несколько интересных рукописных книг, одна из которых относилась к XIV в. Из Галича доносил, что приобрел летописец, «заключающий происшествие города Галича, коих я ни в каком другом летописце не нашел»[16].

До 1812 г. Оленин с Ермолаевым успели напечатать лист комментированного текста Лаврентьевской летописи. Но поняв всю трудность комментирования без публикации различных списков, приостановили эту работу. Вот как Оленин писал об этом: «Я сам было пустился плавать по сему бездонному морю, вместе с г. Ермолаевым, гораздо прежде Исторического Московского Общества, но он скоро утомился в гребле, а я устал править, и так мы оба, напечатав одну страничку *убоятася бездны премудрости, вспять возвратились,* и дело наше или безделие в начале своем остановили»[17].

Взлет общественного интереса к деяниям предков в значительной степени был вызван внешнеполитическими событиями —

наполеоновскими войнами. В 1810 г. открывается Оружейная палата — первый государственный музей, целенаправленно комплектующий русские памятники, главным образом иконопись и предметы прикладного искусства. Оленин был настолько тесно связан с этим музеем, что взял из него для изучения рогатину в серебряной оправе и три военных головных убора — один русский с наушниками и золотой насечкой и два китайских. Он и сам собрал значительную коллекцию древнего оружия, которую затем подарил Академии художеств[18].

В 1813 г. Оленин обращается к обер-прокурору Синода А. Н. Голицыну с просьбой о реализации права, закрепленного в «Положении» Библиотеки, о собирании в монастырях и храмах древних рукописных книг для временной передачи их в Публичную библиотеку, чтобы здесь точно их перекопировать и описать. В письме к Голицыну Оленин подчеркивал, что Отечественная война 1812 г. воспрепятствовала ему «приступить к исполнению важнейшей части по должности моей при императорской Публичной библиотеке, а именно: *к собиранию тех предметов, которые могут служить умножению российской Библиотеки, в пользу отечественной истории, древностей, языка и словесности нашей*»[19]. В своей докладной записке Оленин приложил опись «ветхих книг», хранящихся в Кирилло-Белозерском монастыре. По мнению Оленина, употребление монахами этих церковных книг будет только «укоренять» раскол, в то время как «означенные книги могли бы единственно служить к ученым изысканиям». Пока еще «тлетворное время, пожары и ухищренные покушения раскольников к похищению сих редкостей не успели еще истребить драгоценные памятники русской словесности»,—писал Оленин, их нужно доставить в Публичную библиотеку. Не только плохое их хранение тревожило Оленина, но и малодоступность их для изучения учеными. «...Кто может решиться ездить целый век по опасным во многих местах дорогам, чтобы видеть в каком веке, каким именно почерком писали праотцы наши... или чтобы ехать в сии места и поселиться, так сказать, в сих пустынях на несколько лет, чтобы там снять верные списки с сих драгоценных останков»[20],—спрашивал Оленин, но вопрос остался риторическим. Предложение Оленина не было принято, так как этому воспротивился Синод.

Оленин издал ряд книг, связанных с русской палеографией и русской историей: «Рязанские русские древности или известие о старинных и богатых велико-княжеских или царских убранствах, найденных в 1822 г. близ села Старая Рязань» (Спб., 1831); «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Траяна и русских до нашествия татар» (Спб., 1832). Некоторые работы сохранились в рукописном виде. В личном архиве Оленина хранится, например, рукопись с рисунками «Сравнение форм топоров и секир в разные годы и у разных народов». В примечаниях Оленин отмечал, что некоторые

изображенные на рисунках секиры видели сотрудники Публичной библиотеки В. П. Двигубский и Н. И. Гнедич в Малороссии[21]. В описи личных дел, оставшихся после смерти Оленина, значатся рукописи «О липецком сражении и шлеме Александра Невского» (1808), «О персидском старинном перстне, найденном в Торжке» (1808)[22]. Но делом всей своей жизни Оленин считал подготовку издания «Свод русских летописей». В 1812 г. Оленин написал «Краткое рассуждение о издании полного собрания русских дееписателей», которое было опубликовано в 1814 г. в журнале «Сын Отечества». В этом рассуждении Оленин доказывал, что прежде, чем издавать «Сводный толковый летописец», нужно напечатать «лучшие наши летописи с разными историческими отрывками» «слово в слово, сохраняя в сем издании самую мелочную точность, особенно же в правописании и в препинаниях»[23]. Так как обычно в древних рукописях слова писались слитно, то в виде исключения предлагалось отступить от подлинника и разделить эти слова. В статье приводятся примеры, составленные Ермолаевым, упражняющимся «довольно долгое время в исследовании древней Отечественной нашей истории, особенно по части хронологии, значения слов и палеографии»[24], убедительно показывающие, как искажается смысл текста, если изменяется только пунктуация подлинника. Оленин, со свойственной ему витиеватой манерой, патетически заканчивает свою статью: «И так сперва будем слепо подражать подлинникам, работая усердно для потомства нашего.— Станем убо мужественно и крепко и не озираемся назад, ни мыслим бежати* (от сего скучного, но полезного дела). Да вспомнит каждый из нас, при сей тяжкой работе, следующие благотворные и поучительные слова:

Сад этот разведя и тем я веселюсь,
Что естьли теии сих деревьев не дождусь,
То внук мой некогда их тенью прохладится»[25].

Изучая летописи, Оленин поддерживал постоянную связь с москвичами, любителями древности, в частности с Мусиным-Пушкиным[26]. Оленин был непререкаемым авторитетом в глазах Мусина-Пушкина, который обычно только после оленинского одобрения отдавал свою рукопись в печать.

В 1813 г. произошло сближение Оленинского кружка с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым, знатоком и собирателем древних русских летописей. Румянцев был тесно связан и с московскими археологами Д. Н. Бантыш-Каменским и А. Ф. Малиновским. В конце 1813 г. Румянцев пожертвовал Академии наук 25 000 р. на издание русских летописей по лучшим ее спискам. На совещании у министра народного просвещения

---

* Речь Мстислава Мстиславовича Новгородского перед Липецким сражением в 1216 г.

А. К. Разумовского издание решили поручить Оленину и Ермолаеву. В январе 1814 г. Оленин подал министру докладную записку об издании полного собрания русских дееписателей. Одновременно он представил графу Румянцеву «сколки [точные копии] с двух страниц» Лаврентьевского и Кенигсбергского списков. В докладной записке Оленин предложил план издания, при этом подчеркнул, что делает это *«по долгу службы моей при императорской Публичной библиотеке* (выделено мной.—*О. Г.*) и как почетный член Императорской Академии наук (каковое лестное для меня звание должен я непременно оправдать полезным для общества и посильным для меня трудом)»[27]. Оленин брал на себя «прилежное смотрение» за точным исполнением правил подготовки рукописи к изданию. Подготовку точных копий с подлинников, кратких комментариев, объясняющих «по возможности темные, непонятные или недостающиеся в тексте слова»[28], взял на себя «хранитель рукописей г-н надворный советник Ермолаев», «по истинной любви к отечественной славе во всех ее отношениях, и по долговременному по части русских древних рукописей упражнению». «И так вот охотно представляются на вольную страсть два смелые труженика,—писал Оленин,—я говорю смелые, ибо сия ничем незавидная работа, но тяжелая, утомительная для ума, для сердца не занимательная, убивающая силу воображения, а между тем столь полезная для отечественной истории»[29]. Полемизируя с академиком К. А. Кругом, считающим подготовку летописей к печати чисто механической работой, Оленин отмечал, что при «всей ее скуке» работа эта «требует глубоких соображений и крайней осторожности»[30]. Приступая «не трепетно и неукоснительно» к делу, Оленин еще раз оговаривает принципы работы. Начать нужно с публикации «от слова до слова» всех лучших рукописей, посвященных истории России. Рассматривать эту работу как этап для создания в будущем «Сводного толкового словаря». Публикация исторических рукописей явится надежным гарантом их сохранения для потомков и даст возможность ознакомиться с ними многим ученым. «...Новые наши историки станут уже собирать плоды сих хоть скучных и утомительных трудов, подобных тягостию невольническим работам, но столь полезных для будущих русских Тацитов»[31]. Для подготовки «Сводного толкового словаря» с объяснением всех разночтений, по убеждению Оленина, потребуются столетия и участие множества людей, «искусивших в археологических знаниях»[32]. К докладной записке министру были приложены «Правила для издания в печать древних исторических рукописей», а также «Статьи, требующие утверждения для надлежащего издания в свет собрания древних русских дееписателей». Предполагалось вначале отпечатать только 600 экз., ибо это «не суть такие сочинения, которые имеют многих читателей»[33]. Учитывая, что «любители» древней истории люди «незажиточные», а главная цель издания, с одной стороны, распространить «в публике познания отечественных деепи-

саний», а с другой — представить ученым возможность «к лучшему обработанию древних летописей для лучших историографов», предлагалось, чтобы «издание сие не дорогою ценою было продаваемо». Оно должно печататься на простой бумаге и только 100 экз. на лучшей бумаге. Рисунки, иллюстрирующие древние обычаи и костюмы, должны быть выгравированы. Одна страница летописи также должна быть выгравирована с подлинника. «Сие со временем,—писал Оленин,—может послужить материалом для сочинения славено-русской палеографии».

Оленин и Ермолаев представили пробный лист 1-го тома собрания русских дееписателей из Лаврентьевского списка. В подстрочных примечаниях к тексту давались объяснения более правильного написания, заимствованные из других списков, однако без указания, из каких именно. Этот пробный лист не был одобрен. Вслед за ним издатели представили другой. В 1815 г. Оленину было выдано Академией 3000 р. на подготовку к печати русских летописей. Оленин много трудился над собранием различных вариантов. В мае 1817 г., когда министр народного просвещения по просьбе Академии наук обратился к Оленину с предложением вернуть принадлежащий Академии наук Кенигсбергский список Несторовой летописи, Оленин ответил, что вернет, когда исчезнет надобность в ней. В своем письме Оленин писал, что сличает этот список с хранящимся в Публичной библиотеке списком монаха Лаврентия, готовя его к изданию «согласно с желанием» графа Н. П. Румянцева[34]. Многообразие занятий, обременяющих Оленина, замедлили подготовку тома. После различных обсуждений в Министерстве народного просвещения было принято решение печатать Лаврентьевскую рукопись «из буквы в букву», «графически», без всяких примечаний и вариантов. С этой целью заказали гражданский шрифт, со всеми буквами и знаками Кириллической азбуки. И, как вспоминал А. Ф. Бычков, «после отпечатания в ноябре 1815 года двух листов текста, образцовых должно сказать по точности и fac-simile различных почерков, которыми писана рукопись, дело остановилось и не было более продолжаемо, вероятно за разнородными занятиями Оленина». Все пробные листы этого издания, вместе с некоторыми бумагами, относящимися к подготовке изданий, Бычков купил впоследствии «на толкучем рынке, куда была продана библиотека А. Н. Оленина после его смерти»[35]. По свидетельству академиков А. А. Куника и А. Ф. Бычкова, труды Оленина все же не остались втуне, а были использованы новым поколением русских археографов[36]. Подготовка издания перешла в ведение Археографической комиссии, которая собрала у себя пятьдесят списков Несторовой летописи и готовила издание со всеми вариантами. Симптоматично, что посетивший Археографическую комиссию в январе 1839 г. известный историк М. П. Погодин, пораженный таким количеством сохранившихся еще рукописей, несмотря на пожары, грабежи, невежественное

обращение, все же считал, что начинать нужно не с публикации множества вариантов. «...Для удовлетворения текущей потребности» нужно издать Лаврентьевский, Ипатьевский списки, Киевскую, Волынскую, Новгородскую летопись»[37]. Иными словами, поддерживал идею Оленина. Хотя Оленин и не сумел подготовить к печати Лаврентьевскую летопись и другие рукописи, он всю жизнь занимался изучением древних рукописных книг. В 1818 г. он ведет оживленную переписку с А. Ф. Малиновским. В марте обращается к Малиновскому «с самою кровною так сказать просьбою по части российских древностей» «снять самую верную копию с древнего рисунка, украшающего рукопись XI века». Для большей точности просил сделать «на прозрачной бумаге пропись» рисунка и одной страницы рукописи, «дабы видеть и форму букв»[38]. Оленин восторгался этой рукописью как «священным остатком древнейшей нашей словесности», «крайне редким памятником русского искусства в художествах, столь немилосердно истребленных в отдаленные для нас времена непросвещенными племенами обширной Азии, пожарами, междуусобными войнами, и наконец ныне нашествием образованных народов Европы!»[39].

К Оленину как палеографу, археографу часто обращались за всякого рода уточнениями. По просьбе графа Н. П. Румянцева Оленин прочел неясное слово в грамоте великого князя Мстислава Володимировича. Сделал он это «по некоторому навыку к древним русским рукописям, с помощью увеличительных стекол, яркого солнечного света, и двух истинных любителей русской древности, г. г. Ермолаева и Фролова, общими силами, и с великим терпением»[40]. Получив экземпляр Сибирской летописи (XVII в.), Оленин «опечалился», увидев «мнимый» портрет Ермака Тимофеевича. В условиях того времени не мог быть создан подлинный портрет Ермака. По описаниям в летописях, зная оружие того времени, Оленин «создал» портрет Ермака. Оленин писал Г. И. Спасскому, действительному члену «Вольного общества любителей российской словесности»: «Мы должны к крайнему сожалению ограничиваться представлением его в том виде, в каком он мог быть во всеоружии своем, не заботясь о верности в чертах его лица»[41]. Тем более, что о его внешности говорилось в Ремезовской летописи: «бе бо вельми мужественен, и разумен, и человечен, и зрачен и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и власы, прикудряв, возраст средний и плоск, плечист»[42]. «Созданный» Олениным портрет Ермака с его письмом к Г. И. Спасскому был опубликован в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения».

В январе 1837 г. Оленин обратился в Российскую академию с просьбой опубликовать «в помощь занимающимся чтением наших летописей» рукопись под названием «Алфавит достопамятным делам, собственным именам, также лицам, славяно-русским старинным речениям, упоминаемым в летописях: 1) по Кенигсбергскому списку, 2) по Никонову списку, 3) по Новгородскому попа Иоанна,

4) по новгородскому пономаря Тимофея». В письме же он сообщал: «Несколько лет тому назад я... составил указатели: имен, лиц, земель, морей, озеров, рек, городов, происшествий и проч., о которых упоминается в русских летописях, по спискам Нестора и Никона, а также в двух новгородских временниках. К сим предметам я присоединил в моем указателе многие обветшалые слова в славяно-русском языке, которых настоящий смысл затруднителен и не может иначе объясниться, как по соображению разных обстоятельств, в которых сии слова употреблены»[43]. Российская академия приняла предложение Оленина. Решено было напечатать указатель тиражом в 600 экз. До 1841 г., т. е. до соединения Российской академии с Академией наук, было напечатано 32 листа. 15 февраля 1842 г., за год до смерти, Оленин написал письмо С. С. Уварову как президенту Академии наук и министру народного просвещения с подробным описанием всей истории издания, с вопросом, будет ли продолжено печатание за счет казны или оно закончится в связи с прекращением существования Российской академии. В таком случае просил вернуть рукопись[44]. Уваров обещал, что печатание рукописи будет «приведено к окончанию»[45]. Но рукопись не была опубликована.

Мысль об издании русских летописей никогда не покидала Оленина, с годами приобретая более широкое понимание: публикации должны быть снабжены историко-этнографическими комментариями и иллюстрациями.

На закате своей жизни, 10 декабря 1841 г. Оленин пишет специальный доклад «О проекте издания под названием „Древности российские"». В нем он вновь повторил свою прежнюю мысль, что для составления «верной и любопытной и привлекательной российской истории» нужно собрать все древние русские летописи, русские сочинения «прошедших веков», извлечь из них рассуждения о бывших законах, о нравах и обычаях русского народа. Кроме того, для юношества и всех, «упражняющихся в науках и художествах», следует составить «таблицы российской хронологии». Для «точного познания национального нашего характера» полезно было бы хронологические таблицы оснастить рассуждениями «о бывших в разные времена законах, обрядах, нравах, обычаях, просвещении предков наших». Эти сведения могли быть весьма полезны при написании исторических повестей и «для драматических искусств». Для живописцев и ваятелей «могли бы служить путеводителями в изображениях деяний прошедших времен» воспроизведения «памятников художества». Издание задумывалось как свод гравированных рисунков старинных памятников культуры, быта, архитектуры, произведений искусства, а также исторических и литературных сведений, извлеченных из летописей. В своем докладе Оленин предлагал и путь к решению поставленной задачи. Выделить 2—3 почетных членов — знатоков русской истории, которые будут заниматься этим делом без жало-

ванья. 4 человекам, исполнителям «в словесности», рисовании, графике», разрешалось бы входить в Оружейную палату, монастыри, соборы, церкви. Но они должны обязательно получать жалованье, «ибо таланты не всегда соединены с достаточным состоянием»[46].

Художник, которому будет поручено «срисовывание и описание древних памятников», должен точно передавать натуру, «не прибавляя к нему ни прибавок, ни прикрас и не выпуская никаких его достатков или неисправностей». Такого художника Оленин нашел в лице Ф. Г. Солнцева. Он был давно вхож в дом Оленина, и Оленин использовал его для снятия копии для Публичной библиотеки с рисунков из сборника Святослава Ярославовича (1073), хранящегося в то время в монастыре, «известном под именем нового Иерусалима»[47]. В своих многочисленных поездках по России Солнцев успешно выполнял указания Оленина, с одной стороны, быть точным, а с другой — критически относиться к подлинности вещей. «Я обязан вам сказать, в осторожность,—пишет он Солнцеву,— что вы должны худо верить наименованиям, данным в Оружейной палате разным предметам старинного нашего оружия, утвари, одеяния и скарба... Мнимые детские латы Дмитрия Донского прошу не срисовывать. Я их очень знаю и могу вас уверить, что они никогда ему не принадлежали: ибо в том веке, в котором он жил... не токмо в России, но нигде в Азии и в Европе такого рода лат не употребляли». Предостерегая художника от ошибочных суждений о вещах, Оленин наставлял Солнцева: «Если вы в старинных самых описях мастерской Оружейной палаты не найдете подтверждения, что такая-то вещь или предмет принадлежит именно такому-то, то всякий раз писать таким образом: доспех, латы, брони, зерсало, кольчуга, шлем... приписываемые такой-то особе»[48].

Книгу предполагалось озаглавить так: «Древности Российского Государства. Рисованы с подлинников академиком императорской Академии художеств Солнцевым, с краткими пояснениями президента сей Академии. Для художников. Приведено к исполнению 11 декабря 1841 г.» Хотя Оленину не удалось при своей жизни увидеть «Древности Российского Государства», которые вышли в свет в 1849—1853 гг., но он немало сделал для осуществления этого издания. Еще в 20-е гг. Оленин подготовил планы, фасады и разрезы многих старинных церквей Киева, Москвы, Новгорода. По заданию Оленина чертежи были сделаны художником Ефимовым. Планировалось снять чертежи церквей Нижнего Новгорода, Владимира, Пскова, Юрьева Польского и других городов, а также произвести зарисовки сокровищ Оружейной палаты.

Издание «Древности Российского Государства», подготовленное специальной комиссией в составе представителя Московского общества истории и древностей российских графа С. Г. Строганова, историка И. М. Снегирева, писателей М. Н. Загоскина и А. Ф. Вельмана, отличалось от задуманного Олениным. Если Оленин полагал, что в издании нужно отразить археологический и этнографический

материал во всем многообразии — от царских палат до народных костюмов, то в вышедшем издании в основу были положены рисунки сокровищ Оружейной палаты и других московских древностей[49].

Все члены Оленинского кружка немало внимания уделяли исследованию «Слова о полку Игореве»[50]. «Слово» изучали В. Сопиков, А. Ермолаев, А. Востоков, к «Слову» обращались Н. Гнедич и М. Загоскин. К сожалению, Оленин не оставил законченной работы о «Слове о полку Игореве», но в своих многих работах он неоднократно обращался к этому памятнику русского художественного слова.

Хорошее знание древней русской истории помогло Оленину разоблачить фальсификации некоего А. И. Сулакадзева, нашедшего якобы «Гимн Бояна Летиславу» и владевшего большим собранием русских древностей[51]. Сулакадзеву многие поверили, в том числе и знаток древней русской истории митрополит Евгений Болховитинов[52].

Многим Оленин помог своими советами. Молодому художнику П. В. Басину, задумавшему написать картину «Крещение Руси», составил два обстоятельных письма-исследования, которые стали основой книги «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Траяна и русских до нашествия татар» (1832).

Оленин и члены его кружка были горячими патриотами: не только охотно обращались к национальному историческому прошлому, но и вступали в борьбу за родной язык, пропагандируя его любыми способами.

В марте 1812 г. Оленин утвердил при Библиотеке особое общество для составления сокращенного славяно-русского словаря. В состав общества вошли Оленин, Крылов, Гнедич, Ермолаев, Сопиков, Красовский, а также обещали оказывать свое содействие архимандрит Филарет и Востоков. Издание предполагалось как учебное пособие для училищ[53]. По мнению Оленина, нужда в таком словаре особенно ощущалась из-за дорогого и чрезвычайно объемного академического словаря. По плану Оленина, И. А. Крылов должен был заняться толкованием общеупотребительных слов и объяснением главных правил новейшей русской грамматики, поэзии, произношения и правописания. Н. И. Гнедич—разбором древнерусского языка и производством слов от греческого и латинского. А. И. Ермолаев взял на себя подбор и толкование неупотребительных слов древнего языка и изъяснений главных грамматических правил славяно-русского языка. В. С. Сопиков должен был доставлять сведения о полезных для работы сочинениях. А. И. Красовскому вменялось в обязанность подбирать примеры из священного писания, а также объяснять происхождение некоторых слов из немецкого, голландского и английского языков. А. Н. Оленин должен был заняться разбором и «пополнением технических речений». На долю архимандрита

Филарета приходилась проверка «приличности приведенных из церковных книг выписок». А. Х. Востоков считался полезным как знаток славянских диалектов «для определения истинного значения многих речений». Подготовить словарь к печати должен был А. И. Григорьев[54]. Но замысел осуществлен не был.

Интерес к русской истории определил и внимательное отношение к комплектованию рукописей в Публичной библиотеке: они не только охотно покупались, но и активно разыскивались.

Научные интересы Оленина были связаны с русской историей и палеографией. Но, занимаясь эпиграфикой, Оленин ощутил серьезную трудность в расшифровке некоторых надписей, так как не знал греческий язык. К его изучению он приступил, когда ему уже было за сорок. Оленин искал сведения по русской истории в византийских источниках. По предложению Оленина библиотекарь Д. П. Попов перевел с греческого языка историю дьякона Льва Калойского, изданную в 1819 г. на греческом и латинском языках библиотекарем Парижской Королевской библиотеки Газе. Книга эта представляла немалый исторический интерес, так как автор ее был современником Святослава Игоревича и свидетелем его военных походов. Прогрессивные лингвистические взгляды высказывал Оленин о методе перевода. Он подчеркивал, что при переводе византийских писателей нужно знать не только классический греческий язык, но и новогреческий, современный язык. Передовыми были и взгляды Оленина на оформление научных книг. Подобные издания необходимо было снабжать вспомогательными алфавитными указателями: «дел, имен и речений, содержащихся в тех сочинениях»[55]. Одобряя оформление трудов Строева, Оленин сетовал: «Жаль, что он выписывал одни только имена, не указывая ни на дела или происшествия, ни на старинные русские речения»[56].

Свое занятие археологией Оленин называл скромно—«любительством» и часто сетовал на недостаточность времени для науки. Многочисленные служебные обязанности отнимали почти все время, наукой приходилось заниматься урывками. В письме к М. Н. Загоскину 8 мая 1830 г. Оленин жаловался, что служебные обязанности «у меня отняли все свободные минуты в пользу науке, художеств и словесности»[57]. Хотя, по его признанию, изучение археологии «скучно» и «утомительно»[58], тем не менее, «в течение нескольких лет составляет мое единственное отдохновение в те минуты досуга, которые я могу себе доставить»[59]. Как истинный ученый, Оленин, получая новые доказательства, находил в себе смелость отказаться от прежних утверждений. Так, когда Крузенштерн, Головнин, Лисянский, Беллинсгаузен привезли из своих кругосветных путешествий, среди других вещей, много различных луков, а также несколько медалей города Кидоня, изображающих критянина, накладывающего тетиву на свой лук, все это «принудило» Оленина отступиться от своих заключений, сделанных в «Опыте о приделках к древней статуе Купидона, втягивающего тетиву на лук». Несправедливо

обвинение некоторых мемуаристов в научном верхоглядстве Оленина. Граф Д. И. Хвостов, «прославившийся» своим стихоплетством и увековеченный в сатире И. И. Дмитриева и во многих эпиграммах современников, даже договорился до того, что Российская академия сделала большую ошибку, избрав Оленина своим членом. Он назвал Оленина «членом-тунеядцем, от роду ничего не написавшим». Это вызвало справедливое негодование историка Российской академии М. И. Сухомлинова. «Писание писанию рознь: в дельном объяснении слов и бытовых черт, в одном умело составленном указателе к древнему памятнику более пользы и значения, нежели в целой массе неуклюжих и бессодержательных стихов»,—писал Сухомлинов[60]. Все работы Оленина—результат тщательного исследования, плод размышлений и глубокого знания материала. Совершенно справедливо писал о нем Уваров: «Оленин был одним из основателей русской археологии. Ревностный поборник отечественных древностей, он занимался постепенно всеми предметами, входящими в этот круг, начиная от тмутараканского камня до драгоценностей керченских, от Лаврентьевского Нестора до описания московских памятников»[61]. Не без оснований действительный член «Вольного общества любителей российской словесности» Г. И. Спасский назвал Оленина «ревностным покровителем дарований и споспешествователем ученых трудов»[62]. «Любитель и знаток древностей»—так коротко и точно назвал А. Н. Оленина К. М. Бороздин в своем письме 7 июня 1809 г.[63]

Вместо заключения

Несмотря на серьезную и глубокую образованность, на увлеченность искусством, поэзией, наукой, на тесное знакомство с передовыми людьми своего времени, Оленин, по словам Д. Н. Свербеева, «не устоял против наплыва на него темной силы русского общества»[1]. Жизненным девизом Оленина было, по его признанию: «повинуйтесь начальникам или еще буквальнее начальникам, вождям вашим!»[2]. По утверждению едкого Ф. Ф. Вигеля, Оленин «никогда не изменял чести», он был «искателен в сильных при дворе и чрезвычайно уступчив в сношениях с ними»[3], как, впрочем, должны были быть все служащие в Петербурге.

Александр I прозвал его тысячеискусником[4] за многообразие его занятий и трудов. Чем он только не занимался, что только не интересовало его?! Министру финансов «из усердия к службе» посвятил Оленин свой труд «Краткое рассуждение о бухгалтерии и в особенности о бухгалтерии казенных мест» (Спб., 1810), побуждаемый тем, что по бухгалтерии казенных мест «нет еще нигде классических сочинений» и служащие руководствуются «одним навыком и с давних лет введенными обрядами». Для написания книги Оленин использовал иностранную литературу. Он пишет книги по археологии, этнографии, библиотечному делу, искусству, верхолазному делу[5].

В 1810-х гг. Оленин достиг вершины своей служебной карьеры: он был старшим статс-секретарем по Департаменту гражданских и духовных дел в Государственном совете. К нему относились дела юстиции, управление духовными учреждениями и полицией.

При обсуждении проектов законов Оленин не был, как некоторые «опытные мужи», устрашен «дерзновением мыслей и замыслов людей нынешнего времени», не видел всюду «темные намерения» «к ниспровержению старого порядка». У него хватало здравого смысла видеть недостатки «в существующем порядке», видеть, что существующие законы «уже давно от времени и от разных обстоятельств» «пришли в совершенный упадок и запутанность». В отличие от многих Оленин считал, что «Гражданское Уложение» требовало «не общего изменения», а коренного «общего исправления»[6]. Но Оленин был всегда предан самодержавной власти. Да иначе и быть не могло, хотя бы потому, что эта власть несколько раз выручала его от полного разорения, которое преследовало Оленина всю жизнь. Оленин служил верой и правдой русскому престолу. И не мыслил никаких изменений существующего политического строя. В заметках «Об истинном и естественном основании составов государственных конституций» Оленин сравнивал государственное правление с семьей. Подобно семье, где «самая естественная и первейшая ...есть власть родительская», так и в государстве «мы везде находим царя, консула или другого народного начальника в виде отца семейства». «... Сколько люди ни умничали и сколько ни кричали о равенстве», его, по мнению Оленина, ни при каких формах правления не будет. Русское государство должно делиться на три сословия: дворянство, мещанство и крестьянство[7]. Естественно, что Оленин не воспринимал французской революции 1789 г., падения абсолютизма, свержения Бурбонов. И при всяком удобном случае говорил об этом. В 1816 г., когда П. Полетика подарил Библиотеке письмо Д. Вашингтона от 13 марта 1789 г. к другу своему Франциску Гопкинсу, Оленин в ответном письме в свойственной ему витиеватой манере проводил исторические параллели не в пользу Франции[8].

Однако не все гладко шло по службе у Оленина. В августе 1822 г. неприятное объяснение с министром народного просвещения, который был обижен на то, что Оленин как статс-секретарь, лично общаясь с императором, получал непосредственно от него указания по своим учреждениям и для передачи министру[9]. В августе 1823 г. он пишет Голицыну о «неприятностях и невзгодах» по Государственному совету, по Государственной канцелярии, по Комитету и Комиссии по сооружению Исаакиевского собора...[10] Александр I был недоволен его мягкостью, проявленной в деле вице-президента Академии художеств А. Ф. Лабзина[11]. По свидетельству дочери, Николай I в начале своего царствования «плохо относился» к отцу[12]. «Тень» на их отношеиия невольно положило

первое революционное выступление против царизма. Хотя Оленин был против «кровавого бунта», называл декабристов «злодеями» и как государственный сановник должен был с ожесточением нападать на них, отношение к декабристам не могло быть у Оленина однозначным, слишком много нитей связывало Оленина с ними. Просветительские идеи, научные интересы часто объединяли их. У него была давняя дружба со многими декабристами, в его доме они нередко бывали, а С. Г. Волконский был его двоюродным братом. Всем известны были дружеские связи сыновей, особенно Алексея, с декабристами, их либеральные взгляды. Вряд ли это нравилось суровому императору.

Высоко образованный человек, отличный организатор, Оленин сумел создать такой коллектив первых библиотекарей Публичной библиотеки, имена которых вошли в историю отечественной культуры. Сам Оленин, говоря современным языком, был первым «технологом» в Библиотеке. Его перу принадлежат все регламентирующие документы, раскрывающие библиотечные процессы. Единоначалие он стремился соединить с демократическими принципами на стадии обсуждения вопросов. Все серьезные дела Библиотеки обычно обсуждались на общих собраниях сотрудников[13].

К 1843 г. Оленин совершенно одряхлел. Стал плохо видеть, плохо ходить, часто болеть. В его письмах нередки признания: «Я стал стар и слаб духом и телом», «за тяжкою болезнью выезжать не могу», «не могу еще ни долго стоять, ни долго ходить, ни долго сидеть за крайнею в ногах слабостью». Но продолжал еще работать не только в Библиотеке, но и в Академии художеств и Государственном совете. В январе 1843 г. он просит у Николая I об отставке только «от тех мест, которые требуют большой деятельности и физических сил»[14], не уточняя от каких. Отставка не успела произойти. 17 апреля 1843 г. ровно в 9 часов вечера на 80-м году жизни скончался Алексей Николаевич Оленин. В его некрологе писалось: «Просвещенный любитель и знаток изящных искусств, отечественной литературы, истории и древностей, ревнитель добрых и общеполезных дел в отечестве, доступный, приветливый и гостеприимный покровитель дарований и усердных трудов, чадолюбивый и нежный семьянин... он вечно будет жить в благодарной памяти своих приближенных, друзей и подчиненных, и не одна слеза искренней признательности взысканных и облагодетельствованных им падет на его надгробный камень»[15]. Похоронили его 22 апреля в Александро-Невской Лавре. На скромном памятнике надпись:

Царю, отечеству он предан был и верен,
К друзьям горяч, не лицемерен.
Неумолимая его скосила смерть,
Но где водворены художества, науки,
Ее холодные там слабы руки:
Так памяти о нем она не может стереть.

С первых же дней своего служения в Библиотеке Оленин очень уважительно относился, говоря его словами, к «знаменитейшему в России книгохранилищу»[16], к «сокровищу человеческих познаний»[17], «одному из славнейших в свете книгохранилищ»[18], «Дому Просвещения»[19], «заведению, имеющему целью распространение просвещения в Отечестве»[20]. К Библиотеке Оленин, по его признанию, «всегда чувствовал особое пристрастие»[21]. И как писал бывший его сослуживец, помощник библиотекаря И. П. Быстров: «Между им и библиотекой образовалась какая-то родственная связь, подобно той, какая существует между двумя глубоко любящими сердцами, связь, которую ничто на свете не могло ослабить—не говорю уже, прервать или уничтожить вовсе»[22].

Мы не можем пройти мимо высказываний об Оленине третьего директора Публичной библиотеки М. А. Корфа, совершенно диссонирующих со всеми прочими мнениями. «Труды предшественников почти никогда не одобряются преемниками»,—так, не без основания, высказался один из служащих Библиотеки в 1851 г.[23] Это целиком относится к «Запискам» М. А. Корфа[24]. Общий тон «Записок» недопустимо грубый и злой. «Мелкий и пустой человек», «лилипут», забирал «по дороге» «все возможные награды», «возвышал голос тогда, когда дело шло о личных ему наградах и отличиях», «выдавал себя за знатока и мецената в художествах, написал какое-то археологическое рассуждение о Тмутараканском камне», «любил собирать у себя литераторов более из тщеславия, чем по вкусу к литературным занятиям», «отчаянная ничтожность»...—вот в таких выражениях говорил Корф об Оленине. «... Он был человек в высшей степени отрицательный, с какими-то опрокинутыми понятиями и суждениями о вещах, без энергии, без рассудительности, тем более без государственного ума»,—заключает Корф свою характеристику Оленина. Кроме враждебности, зависти, здесь мало правды. Единственно верное замечание—о каталогах, в которых, по словам Корфа, «забыли безделицу—означить места, где стоят внесенные в каталог книги!»[25]. Следует заметить, что у семьи Олениных сложились непростые отношения с М. А. Корфом. Корф, готовя книгу о Сперанском, обратился в 1847 г. к В. А. Олениной с просьбой разрешить ему ознакомиться с материалами Сперанского, хранящимися якобы в бумагах отца. Корф предполагал, что какие-либо документы должны были быть, ибо в должности государственного секретаря Сперанский отредактировал (в 1810 г.) оленинский «Доклад о новом образовании Публичной библиотеки», придав ему законодательные формы в «Положении о управлении имп. Публичною библиотекою», утвержденном Александром I 14 октября 1810 г. Оленина отказала, вероятно, потому, что таких материалов не было[26]. Корф недружелюбно, пожалуй, даже злобно относился к памяти Оленина. Может быть, в какой-то мере это было вызвано тем, что Оленин сменил на посту государственного секретаря разжалованного Сперанского, которого высоко ценил

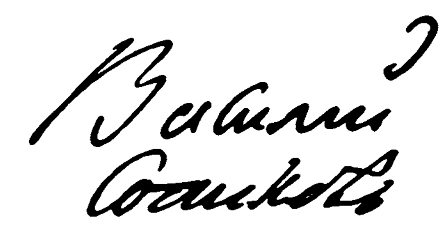
Корф. Может быть, это была просто зависть к успехам Оленина, к его популярности среди просвещенного общества. Человеческие слабости многим присущи, и их не избежал и Корф.

По единодушному мнению людей, хорошо и близко знавших Оленина, он был «умен, добр, любезен, деликатен, щедр, необычайно гостеприимен, скромен даже с излишеством»[27]. Иными словами, весьма приятная и привлекательная личность.

В Публичной библиотеке хранится бюст Оленина (работы С. Гальберга и П. Клодта, 1833), который подарила его внучка А. Г. Стояновская в 1877 г.[28] К сожалению, архив Оленина не сохранился полностью. А что сохранилось, рассыпалось по многим архивам: в рукописных отделах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Все свои бумаги А. Н. Оленин завещал зятю своему Григорию Никаноровичу Оленину, после смерти которого они перешли к его вдове Варваре Алексеевне и к ее дочери (внучке Оленина) Александре Григорьевне, в замужестве Стояновской. В Публичной библиотеке почти полностью сохранился официальный архив делопроизводства в эпоху Оленина. В отчетах, документах Оленин был, может быть, излишне подробен, но делал он это сознательно, считая, «что подробности сии, как бы они ни казались маловажными, принадлежат к целости истории сего первого у нас общественного хранилища»[29].

Советское государство бережно хранит память об Оленине и его окружении. Принадлежащая А. Н. Оленину усадьба Приютино, расположенная во Всеволожском районе Ленинградской области, восстановлена и находится под охраной государства.

Мы чтим память первого функционального директора Публичной библиотеки, сыгравшего большую роль в развитии русской национальной культуры. В научной и интеллектуальной жизни столицы первой трети XIX в. немалое значение имела Публичная библиотека, возглавляемая А. Н. Олениным.



Василий Степанович Сопиков

Труд Сопикова—гигантский подвиг для своего времени. Книгопродавец, не обучавшийся никогда систематически наукам, с одною неутолимою ревностию и желанием всеобщего добра, он принялся за дело и совершил его со славою и честию. Память его незабвенна для русской библиографии.

Лит. газ. 1842. № 22. С. 453.

«Память его незабвенна для русской библиографии...»

Перед Олениным стояла неотложная задача—создать национальную русскую библиотеку. А для этого в первую очередь нужно было докомплектовать русской и старославянской книгой фонды Библиотеки. Кроме материальных средств, требовались люди, хорошо знающие русскую книгу. И такого человека Оленин нашел. Это был Василий Степанович Сопиков, о котором Оленин сообщал в Министерство народного просвещения, что его «собственная охота и знания по сей части привлекают к усердному отправлению трудной библиотекарской должности»[1].

12 июля 1811 г. одну из вакансий помощника библиотекаря занял находящийся не у дел сочинитель «Опыта российской библиографии» г. Сопиков.

Как и Гнедич, Сопиков был зачислен «на первый случай без жалования». Без жалованья они были год, так как оно выдавалось двум ушедшим на пенсию сотрудникам Библиотеки[2].

Оленин в своем распоряжении Сопикову «предоставил заняться приведением в порядок книг на славянском и русском языках».

По всей вероятности, Сопиков обратился к Оленину по рекомендации Евгения Болховитинова. Еще 11 марта 1809 г. Е. Болховитинов, тогда митрополит Новгородский, писал Сопикову: «А у почтеннейшего любителя нашей словесности Алексея Николаевича (Оленина) можете достать много сведений относительно старинной нашей словесности»[3].

Сопиков, один из замечательных русских самородков, родился в Суздале в 1765 г. в купеческой семье. Известно, что в юности он служил поочередно у московских книготорговцев Т. А. Полежаева и Н. Н. Кольчугина, комиссионеров известного просветителя Н. И. Новикова. В начале 1788 г.[4], переехав в Петербург, купил у Ивана Глазунова его небольшой книжный магазин и открыл свою книжную торговлю. «Книгопродавец был умный, честный, обязательный»[5]. Сопиков был хорошо известен всем любителям старой редкой книги—А. К. Разумовскому, Н. М. Карамзину, А. С. Шишкову, Г. Р. Державину. О нем в те времена, по свидетельству И. П. Быстрова, говорили как о «живом каталоге».

Когда он еще служил «сидельцем» в книжной лавке Полежаева в Москве, он обратил на себя внимание знатоков церковно-славянской книги А. И. Мусина-Пушкина и Е. Болховитинова необыч-

ным для книготорговца отношением «к делу». Он тщательно собирал и записывал все библиографические редкости, какие случалось ему найти. В XVIII в. на передовых русских людей большое влияние оказывали идеи французских просветителей. И для того, чтобы продавать их книги со знанием дела и пониманием, Сопиков самостоятельно выучил французский язык.

28 февраля 1791 г. в «Санктпетербургских ведомостях» появилось объявление: «Против Гостиного двора в Аничковом доме под № 19 от свечной линии в книжной лавке продаются книги... В сей же лавке можно получить для чтения помесячно, или как кому угодно, разные Российские книги, коим реестр раздается безденежно». Из этого же объявления известно, что с февраля 1789 г. эта лавка принадлежала Сопикову, следовательно, «Библиотека для чтения» была также Сопикова.

Библиотека Сопикова имела успех, число книг в ней с каждым годом увеличивалось: в 1791 г. в ней было 207 книг, а через 9 лет, в 1800,—уже 1411.

Проторговав 20 лет книгами, Сопиков с августа 1803 г. прекращает торговлю в Петербурге и продает свою лавку и «Библиотеку для чтения» О. Л. Свешникову. Сопиков оставил торговлю не потому, что разорился, а потому, что увлекся двумя делами, которые отнимали у него все время. В Петербурге Сопиков познакомился с И. Пниным, одним из активных деятелей «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Вероятно, не без влияния Пнина идеи Общества становятся близкими Сопикову. Но для вступления в это Общество необходимо было представить оригинальное или переводное литературное произведение. И Сопиков в 1804—1806 гг. опубликовал перевод отрывков из сочинений французских материалистов: из «Естественной политики» П. А. Гольбаха[6] и «Пифагорова путешествия» П. С. Марешаля[7].

В своих работах, посвященных Сопикову, А. Д. Эйхенгольц[8] и П. Н. Берков[9] говорят о влиянии просветителя Н. И. Новикова на Сопикова. Это влияние сказалось и в том, что Сопиков стал сам заниматься издательской деятельностью.

Издательская деятельность Сопикова до конца еще не изучена. Н. В. Здобнов в книге «История русской библиографии до начала XX века»[10] указывает шесть достоверно изданных Сопиковым книг.

В Отделе рукописей и редких книг Публичной библиотеки хранится доклад А. Г. Биснека об издательской деятельности Сопикова[11]. К докладу приложен «Список книг, изданных Сопиковым», из которого явствует, что издательская деятельность Сопикова началась в 1791 г., а закончилась в 1814-м. В списке 38 книг, из них 23 книги, по мнению автора доклада, изданы Сопиковым вне всякого сомнения, так как на них либо указано «издал Василий Сопиков», «иждивением ВС», «издал ВС», «перевел с франц. Василий Сопиков», либо отмечено, какие книги «продаются в лавке

Сопикова». Во многих книгах помещались издательские объявления о книгах, вышедших у Сопикова. Исходя из того, что в определенно изданных Сопиковым книгах указывалось место издания: «В граде Святого Петра», 5 книг, имеющих аналогичное наименование, автор доклада причислил к книгам, изданным Сопиковым. Остальные 10 книг отнесены к числу «возможных». Мы, как и Биснек, не считаем приведенный список книг, якобы изданных Сопиковым, «ни окончательным, ни безгрешным»[12].

Ряд указанных им книг переведен членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств»: Иваном Мартыновым, Александром Кондратьевым, Петром Андреевым, Алексеем Колмаковым, Дмитрием Языковым, Николаем Осиповым. Этот факт является также неоспоримым свидетельством близкой связи Сопикова с этим обществом.

Репертуар приведенных книг универсален. Здесь художественная литература, философские, исторические книги, справочники, книги по прикладному искусству и т. п.

Почти все изданные Сопиковым книги—переводы, предназначенные для непритязательного читателя. Книги, переведенные самим Сопиковым, имели немаловажное политическое значение. Так, по мнению Ю. Г. Оксмана, переведенные Сопиковым выдержки из П. С. Марешаля «Пифагоровы законы и нравственные правила» были положены в основание устава тайной организации (1818), которая через пять лет, т. е. в 1823 г., сформировалась в Общество соединенных славян, в 1825 г. влившееся в Южное общество декабристов[13].

Но и издательское дело Сопиков оставил ради самого глубокого своего увлечения—ради библиографии. В 1803 г. оставил книготорговлю, в 1805—1807 гг. ничего не издавал, посвящая все свое время составлению репертуара русской книги[14]. Последнюю свою книгу «Пифагоровы законы и нравственные правила» П. С. Марешаля Сопиков печатал 5 лет (1-я часть вышла в 1809 г., 4-я—в 1814 г.). Библиография стала единственной страстью Сопикова. Вдохновил Сопикова на создание репертуара русской книги Е. Болховитинов. По убеждению Болховитинова, Сопиков «бывши долго у Полежаева сидельцем, и в Петербурге сам от себя, имел и свои обширные сведения о книгах, а знавши самоучкою, еще с Москвы, французский язык, начитался и чужестранных библиографов»[15].

В сборе материала Сопикову помогали тогдашние знатоки старой русской книги Е. Болховитинов, К. Ф. Калайдович, В. Г. Анастасевич, управляющий архивом Коллегии иностранных дел Н. Н. Бантыш-Каменский. До нас дошло несколько писем Е. Болховитинова к Сопикову. Из них мы узнаем, что в 1807 г. Болховитинов давал указание списать для Сопикова каталоги Патриаршей библиотеки, библиотеки Московской синодальной типографии и Новгородской Софийской библиотеки. Он рекомендовал использовать

библиографию Л. И. Бакмейстера, свой «Новый опыт исторического словаря о российских писателях», опубликованный в московском журнале «Друг просвещения» (1806, № 10, 11, 12). Болховитинов со специально посланным новгородским ямщиком Миною Ивановым переслал шесть тетрадей каталогов старых книг. По его совету в предисловии к «Опыту российской библиографии» Сопиков дал историю российских типографий. Е. Болховитинов сознавал, какое большое значение для развития русской культуры имеет репертуар русской книги, и поэтому все время вдохновлял и помогал Сопикову.

Когда Сопиков поступил в Библиотеку, библиография отечественной книги была в основном им уже закончена. Можно было приступать к ее публикации. Но это стоило немалых денег. И тут на помощь пришел Оленин, взяв заботы на себя.

14 августа 1811 г. Оленин подготовил для Строганова, а тот, в свою очередь, для М. М. Сперанского—государственного секретаря—специальную «Записку о сочинении г. Сопикова под именем „Опыт российской библиографии“»[16]. В ней он характеризовал Сопикова как талантливого самоучку, стремящегося «по природным дарованиям к познанию наук и словесности», «усовершенствующего себя в отечественном языке», выучившего французский язык и идущего по стопам иностранных библиографов (типа Дебюра), посвятившего десять лет «неусыпных трудов к сочинению книги, которая не токмо в России, но и в чужих краях прочтена будет классическою», так как до сих пор нет в мире книги, учитывающей произведения «словесности нашей от введения в России типографского искусства по нынешнее время». «Сию книгу г. Сопиков желает посвятить в пользу учебных в России заведений»,—писалось в донесении. И так как «состояние его не весьма зажиточное—общая участь прилежно занимающихся науками, художествами и словесностью», Оленин просил исходатайствовать у императора денег на печатание книги. Кроме того, просил «в возмездие за долговременные и полезные его труды» наградить его самым низшим чином в Табеле о рангах, «которыми награждаются ученики, выходящие из Педагогического института». Царь пожаловал Сопикова в 14-й класс с «исключением его из прежнего купеческого звания»[17]. Но в деньгах для печатания было отказано.

В марте 1812 г. Оленин обращается в Министерство народного просвещения с просьбой выделить заимообразно деньги для напечатания «Опыта российской библиографии» с тем, чтобы из вырученных от продажи денег вернуть министерству долг, а прибыль—в пользу «сочинителя», «как человека не весьма достаточного»[18]. В своем обращении Оленин подчеркнул, что «Опыт российской библиографии» нужен Публичной библиотеке и полезен для учебных заведений. Министерство отпустило деньги из сумм, принадлежавших Главному правлению училищ.

На несколько месяцев активная работа Сопикова над «Опытом» была прервана. Возникла угроза приближения наполеоновских войск

к Петербургу. Срочно начали готовить книги и рукописи к эвакуации в Петрозаводск. 10 сентября 1812 г. Оленин получил предписание об отправлении книг, а уже 17 сентября стали нагружать специально арендованный для этого бриг. Возглавлять команду, сопровождающую бриг, Оленин поручил Сопикову, снабдив его специально составленной инструкцией.

Груз весом более трех тысяч пудов, находящийся в 189 ящиках (142 ящика с книгами, 36—с рукописями, 7—с вазами, 4—с вещами министра народного просвещения А. К. Разумовского), Сопиков должен был по Неве и Ладожскому озеру доставить в Петрозаводск. Среди эвакуированных вещей были и частные коллекции П. К. Фролова и Н. Ф. Хитрова.

Скорость движения брига зависела от попутного ветра. Из рапортов Сопикова узнаем, что из-за встречного ветра бриг с 30 сентября по 6 октября простоял на Неве напротив Александровского завода (ныне Пролетарского), пока Оленин не разрешил нанять лошадей, чтобы тянуть бриг 20 верст до порогов. Снявшись с якоря у невских порогов, пройдя Кошкину мель, лежащую на выходе из Невы в Ладожское озеро, 7 октября бриг «при свежем западно-северном ветре и при слабом лунном свете» двинулся к намеченной цели. Как описывал Сопиков в донесении к Оленину, «погода, судя по времени, стоит довольно теплая, а потому мы и надеемся при попутных ветрах доплыть до назначенного нам места прежде зимнего пути».

Но намерению Сопикова не удалось осуществиться. 19 октября они доплыли до деревни Устланки, что в 30 км от Лодейного Поля, и вынуждены были остановиться на зимовку. Донесения о состоянии команды и груза от Сопикова к Оленину шли постоянно. Находясь далеко не в лучших условиях, Сопиков и здесь, в Устланке, продолжает работать над своей библиографией. Оленин писал Сопикову 15 ноября 1812 г. о получении «особого» письма «с приложением изготовленной Вами одной тетради библиографии... Сия рукопись отдана в типографию, о заготовлении же потребной бумаги для печатания ее и последующих тетрадей нужные распоряжения с моей стороны сделаны»[19].

10 ноября 1812 г. Оленин посылает распоряжение Сопикову: «По миновании ныне опасности для Петербурга, желая перевести сюда установившимся зимним путем отправленные с вами, на бриге вещи», узнать, во сколько обойдется перевоз ящиков в Петербург[20].

Сопиков сумел сторговать у крестьян 108 подвод с оплатой 10 копеек с пуда. Им было уплачено 2894 р.[21] 19 декабря 1812 г. «благополучно и в добром состоянии» библиотечные книги и рукописи были доставлены в Петербург.

28 декабря Оленин изъявил Сопикову свою и Библиотеки признательность «за усердное исполнение сего сделанного вами поручения»[22]. Так завершилась первая в истории Библиотеки эвакуация книг в Отечественную войну 1812 г.

Вернувшись в Библиотеку, Сопиков продолжает активно готовить первую часть «Опыта» к печати.

В 1813 г. вышел первый выпуск «Опыта российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славянском и российском языках, от начала заведения типографии до 1813 г.» 750 экз. Сопиков отдал в министерство в счет погашения долга, а 750 экз. пустил «в вольную продажу» при Публичной библиотеке.

В «С.Петербургских ведомостях» (1813) было напечатано объявление: «При императорской Публичной библиотеке у привратника оной Федора Беспалова от 10 часов утра до двух по полудни ежедневно, выключая праздничные дни, и в книжных лавках братьев Свечниковых, принимается подписка на издаваемую помощником библиотекаря 14 класса Сопиковым книгу под названием „Опыт российской библиографии..." ...Издание выпускается под наблюдением начальства библиотеки»[23].

Этим заявлением Библиотека как бы разделяла с автором и почести, и неудачи.

Основными источниками работы служили существовавшие в то время печатные библиографии, такие, как «Российская Библиотека» Л. И. Бакмейстера (1798), «Опыт исторического словаря» Н. И. Новикова (1772), «Опыт о Библиотеке и Кабинете руукописей и История Натуральной С.Петербургской императорской Академии наук» И. Г. Бакмейстера (Спб., 1779), «Латинская Бургиева Риторика» (1776), «Роспись Библиотеки С.Петербургской императорской Академии наук» (1742), «Новый опыт исторического словаря о российских писателях» Е. Болховитинова, «Исторические известия о возникшей в Польше Унии», собранные Бантыш-Каменским (1805), Каталог библиотеки Демидова (М., 1806), «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 год» Шторха (Спб., 1810). Кроме того, были учтены письменные каталоги крупных в то время библиотек: Академии наук, Московской синодальной типографии, Новгородского Софийского собора, Киевской Лавры, Кирило-Белозерского монастыря, Московского университета, Московского архива Коллегии иностранных дел, библиотеки Еропкина, а также около ста книготорговых каталогов. Автор использовал также объявления-рекламы в периодических изданиях, сообщения частных лиц и свой огромный (20-летний) опыт торговли книгами.

Естественно, при такой большой работе, выполняемой фактически одним человеком, возможны были и пропуски, и неточность в описаниях, ибо множество книг описывалось не de visu, а по указанным источникам. Правда, Оленин добивался у министра народного просвещения А. К. Разумовского разрешения, чтобы Сопикову «позволено было справляться во всякое время со всеми нужными ему книгами» в Академии наук. Но получил разрешение на допуск

в Библиотеку только в течение двух дней в неделю, когда Библиотека была доступна посторонним[24].

В целом, первый выпуск, содержащий описание книг церковнославянской печати (1737 книг, вышедших с 1489 по 1700 г.), был встречен положительно. Журнал «Сын Отечества» писал, что «Опыт» «заслуживает признательности всякого благомыслящего патриота», приятен «истинным любителям чести, благоденствия, а следовательно и просвещения». Заканчивается рецензия словами: «Сочинитель сей полезной книги, так и те почтенные особы, которые споспешествовали изданию оной, заслуживают истинную признательность патриота»[25].

Знатоки богословской литературы приняли книгу восторженно. Е. Болховитинов писал Анастасевичу 6 янв. 1814 г.: «От Сопикова получил уже я 1-ю часть его каталога. Прекрасно: но много и ошибок»[26]. Архимандрит Филарет в письме к Оленину назвал книгу — «драгоценный дар для любителей древности церковной»[27].

Сопиков усиленно работает над остальными частями «Опыта». По первоначальному плану он мыслил построить свою библиографию в систематическом порядке, следуя оленинской системе. Затем дать к ней роспись в алфавите заглавий. Третий указатель— алфавит авторов с кратким описанием произведений и с указанием номера систематического указателя; четвертый—хронологическая роспись книг церковной печати и пятый указатель—полная роспись всех карт, изданных на русском языке.

Далеко не все удалось осуществить Сопикову. Согласно оленинской системе, да и вообще существующим в то время системам, классификационную систему открывало богословие. Так и у Сопикова: богословской книге посвящен первый выпуск.

Из-за недостатка времени Сопиков отказался от систематического расположения книг гражданской печати. В «Предуведомлении» он объяснял, что «ни время, ни случай не дозволили мне роспись мою расположить систематическим порядком» (с. XVII)[28].

Библиография строилась в алфавите заглавий. Причем, в описании заглавий на первое место ставилось существительное, или, как называл М. А. Брискман, «существенное ударное» слово названия[29]. Переставленные слова заключались в скобки, например: «№ 4142 Завещание (политическое) г. Вольтера». Но были и отступления: книги крупнейших писателей, таких, например, как Вольтера, Новикова, Державина, Ломоносова и др., группировались и по авторам. Сопиков использовал группировку и по определенным жанрам: комедии, басни, трагедии и т. д.

В «Предуведомлении» к 1-й части Сопиков обещал составить систематический и алфавитный указатели. В этой части даны хронологический указатель включенных книг, росписи «старых и ныне существующих» в России типографий, а также приведены основные деления «Новой библиографической системы» Оленина. К после-

дующим частям Сопиков не успел подготовить ни указатель авторов, ни систематический указатель, ни указатель карт. Понимая всю трудность исполнения задуманного, он еще в конце 1816 г. просил Калайдовича помочь ему в составлении алфавитного указателя авторов, а сам собирался делать «роспись по материям». Но предложение не было принято.

Как справедливо заметил Н. В. Здобнов, «новиковские традиции, воспринятые Сопиковым в юности, за время службы у Поленова и Кольчугина определили его мировоззрение, отразившееся на его библиографической деятельности»[30]. Сторонник прогрессивных просветительских воззрений на воспитательную роль библиографии, Сопиков провел это и в своем «Опыте». Придавая большое значение вопросам просвещения народа, он стремился и библиографическими методами осуществить воспитательно-образовательные задачи. С этой целью он использовал различные шрифты. Заглавия книг, которые, по мнению Сопикова, «достойны особенного внимания наших читателей и все совокупно могут составить небольшую избранную библиотеку, наипаче для тех, кои сами собою, без руководства опытных и знающих людей не в состоянии из толикового множества книг сделать надлежащего выбора», он выделил «косыми буквами» (курсивом)[31]. Такие книги относятся «особенно к словесности, законодательству, нравственности и истории как общей, так и частной». Подобных книг было около 400 (почти весь Вольтер (№ 2539—2597), Руссо, Фильдинг, Оссиан, Сумароков, Ломоносов, Державин, Фонвизин, Дмитриев и др.).

Иногда Сопиков снабжал описания книг аннотациями, пространными выписками. Иными словами, его «Опыт российской библиографии» нес функции не только учетно-регистрационные, но и рекомендательные. Как писал Сопиков в «Предуведомлении» ко 2-й части, чтобы «скучное полезное растворить некоторою приятностию, то и на сей, так сказать пещанной степи, местами разбросал я кустарники и цветы, то есть изредка поместил разные сочинения как прозою, так и стихами, взяв оные из таких книг, которые имеют неоспоримое достоинство, и где только казалось нужным, приобщал и разные замечания» (с.VI). Для Сопикова, как и для активных членов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», «просвещение есть истинная цель нашей жизни»[32].

В отличие от своих «покровителей»-помощников—Болховитинова, Анастасевича, считавших главной задачей библиографии ее беспристрастную информативность, Сопиков отдавал предпочтение ее воспитательно-педагогической функции. Ставя перед собой задачу сделать свой «Опыт» и своеобразной хрестоматией для чтения, Сопиков делал значительные выписки из некоторых книг. В «Предуведомлении» к 3-й части «Опыта» Сопиков объяснял это тем, что желал этими выписками «оказать некоторую услугу молодым и неопытным читателям, а наипаче живущим в отделении от наших столиц, и неимеющим довольных способов снабжать себя полезными книга-

ми» (c.V). Он не соглашался со своими оппонентами. «Живущему при большой и изобильной реке естественно думать, что все небольшие ручеи и источники, протекающие в некотором расстоянии от его жилища, для него ненужны, следственно излишни и бесполезны, однакож они необходимы»,—писал Сопиков. «Мы еще очень бедны книгами, а более полезными, ибо вся Русская библиотека содержит в себе только около десяти тысяч званий, полагая в том числе и самые мелочные, но и тех в целой России нет полного собрания» (c.V). Поэтому естественным был вывод—все лучшее сделать известным.

В «Опыте» сделано 62 выписки: в 1-й части—37, во 2-й—13, в 3-й—11, в 4-й—1[33]. Выписки делались из различных книг: из художественных, политической публицистики. В выписках из политических книг П. Н. Берков усматривал «нечто вроде хрестоматии политического свободомыслия»[34].

Обращает на себя внимание выписка из книги «Велисарий» Мармонтеля, начинающаяся характеристикой идеального государства: «Государь должен слушать глас народа: то есть прорицалище для государей, беспристрастнейший судия достоинств и добродетели, и на него полагаясь в выборах ошибиться не можно» (ч. 2. С.79).

Защищая свои позиции, относящиеся к выпискам,. которые делались и из церковных книг, но не вызывали никаких нареканий, Сопиков писал Калайдовичу: «Нет, выписки из гражданских книг, без сомнения, впоследствии принесут несравненно более пользы, нежели из церковных. Первые только любопытны, а вторые—прекрасные образцы для подражания и уроки нравственности для молодых людей»[35].

Но с каждой частью Сопиков уменьшал число выписок. 1 июня 1815 г. он писал Калайдовичу, что в 4-й части совсем не будет выписок, «дабы более я не слышал упреков от ученых наших библиографов»[36]. Однако это было написано после того, как цензура выбросила из 4-й части выписку из «Предисловия» к «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева. Только в единичных экземплярах «Опыта», представляющих чрезвычайную библиографическую редкость,она сохранилась. В остальных экземплярах ч.4 страница 250—пустая и серого цвета. В последней части, подготовленной Анастасевичем, нет ни одной выписки.

В «Опыте» учтено 13 249 книг и журналов, изданных на русском и церковно-славянском языках в России и за рубежом со времени возникновения книгопечатания и до 1813 г. Как исключение встречаются книги, изданные и в 1818 г.

С точки зрения библиографического описания труд Сопикова не был совершенен. В нем, как уже отмечалось, были и пропуски. Много исправлений и дополнений сделали последователи Сопикова: В. И. Саитов (1878) и В. Н. Рогожин. Последний отредактировал 2-е издание «Опыта», вышедшее в 1904—1908 гг.

Сопиков прекрасно понимал всю сложность своего труда. В одном из писем он высказался, что библиографические труды «не соразмерны с силами человека моего состояния и моих способностей, никак не могут быть совершенны и без ошибок»[37].

Рассылая знающим людям свой «Опыт», Сопиков всегда просил сообщить замечания. Так, например, В. М. Перевощикову 25 сент. 1814 г. он писал: «естьли в изданиях по благорасположению вашему замечены будут какие-нибудь недостатки и упущения, то прошу вас покорнейше сообщить мне ваши мысли и замечания, кои я приму с особенною признательностью и не премину ими воспользоваться»[38].

Сопиков понимал, что в его библиографии могут быть пропущены «многие известные книги или важнейшие их издания», могут быть ошибки в описаниях, так как большинство книг описывалось не de visu. «...В таком случае всякое благонамеренное исправление, к пользе общей клонящееся, будет принято мною с особенною благодарностью»,—писал Сопиков в «Предуведомлении». Но тут же он заявлял, что «одобрение и благосклонные отзывы просвещенных любителей русской словесности будут мне совершенною наградою, и вместе послужат одобрением к дальнейшему труду» (с.XVIII).

Извиняясь за возможные ошибки, Сопиков заявлял читателю, что «естьли б знания мои и способности соответствовали желанию моему и усердию быть полезным обществу, я бы сделал гораздо более» (с.XVIII).

С легкой руки Оленина, который в своих прошениях в министерство сравнивал Сопикова с известным французским библиографом Гильомом Дебюром[39], автором «Bibliographie instructive ou traité de la connaissance de livres rares et singuliers» (7 vol. Paris, 1763—1768) (Инструктивная библиография или трактат о знаниях редких и единственных книг), Сопикова стали называть русским Дебюром. «Слишком уж много для меня чести называться русским Дебюром»,—писал Сопиков Калайдовичу 20 марта 1814 г. Но он надеялся, что своим трудом он «подал повод заняться этою частью другим, способнейшим меня. И верно сыщутся охотники продолжать мой труд, следственно, не пропадет напрасно»[40].

Сопиков искренне благодарил за все присланные ему описания книг, за все замечания, понимая, что такой труд одному, не видя многих книг, выполнить очень трудно. «Это дело, согласитесь,— писал он Калайдовичу 13 января 1814,—требует общих соединенных сил, а один всякий станет в пень»[41].

«Опыт российской библиографии» не мог пройти не замеченным критикой еще в процессе его издания. Как уже отмечалось, первым откликнулся журнал «Сын Отечества». Более обстоятельная рецензия принадлежала перу молодого тогда П. М. Строева, который признавал «Опыт» «важной книгой», хотя и указал недостатки в библиографическом описании[42].

Отзыв С. Б. Линде, опубликованный в «Вестнике Европы»[43], упрекал Сопикова в пропуске в «Предуведомлении» польских

библиографов и историков книги, в искажении заглавий и фамилий авторов некоторых книг. Признавая «великую заслугу» Сопикова, Линде подчеркнул, что Сопиков не ученый, а только книгопродавец. Рецензия очень обидела Сопикова, который с большой благодарностью всегда принимал замечания, «прибавления» к своей библиографии. Свою обиду на рецензию он высказал в письме к К. Ф. Калайдовичу от 29 декабря 1816 г. «Замечания польского профессора не совсем для меня приятны,—писал Сопиков,—ибо видно в них ученое хвастовство, пустые привязки и претензии, и нигде не отдано справедливости трудам нашим...» Обида усугубилась еще и тем, что в Польском словаре самого «славного Линде», по словам Сопикова, «много нелепого вранья в славянских фразах и речениях, за что можно бы в ответе нашем дать ему изрядную пощечину». Раздражение против Линде было настолько сильно, что Сопиков просил Калайдовича «отхлестать доброю манерою» Линде—написать от имени Сопикова ответ, который опубликовать в каком-нибудь журнале и в 5-й части «Опыта». «Для большего вкуса,—писал Сопиков,—не позабудьте посыпать хорошенько солью, а инде перцом, чтоб в польских щекотало»,—просил Сопиков[44]. Калайдович не внял просьбе Сопикова.

Хотя в целом Болховитинов и Калайдович были согласны с рецензией польского библиографа Линде на «Опыт» Сопикова, считая ее как бы дополнением к библиографии, но они подчеркивали, что после Сопикова «вдвое уже легче всякому»[45]. «В истории нашей словесности у Сопикова никто уже не отнимет первенства, хотя и не совершенного в нашей библиографии,—писал Е. Болховитинов.—Последователям его уже стыднее ошибаться. В конце его книги можно бы напечатать стих: feci quod potui, faciant meliora potentes (Я сделал все, что мог, лучше пусть сделают другие)»[46].

В 1818 г. появилась критическая статья П. И. Кеппена. Он упрекал Сопикова в том, что тот не построил свою библиографию в систематическом порядке, для чего, по мнению рецензента, «должно иметь основательное познание в философии, которая одна может служить руководством к порядочным энциклопедическим идеям, излагая взаимную связь и отношения между собой наук, искусств, художеств и самих ремесел». Кеппен отмечал много опечаток в «Опыте российской библиографии», справедливо замечая, что опечатки в библиографии так же недопустимы, как в таблице логарифм[47].

Незадолго до смерти Сопиков приступил к печатанию 5-й части «Опыта». В типографии Департамента внешней торговли успел напечатать только 12 листов. Хотя книга и печаталась «под непосредственным наблюдением начальства» Публичной библиотеки, наблюдение не было очень строгим и отпечатанные листы были рассыпаны. Думается, что в этом повинны душеприказчики, которые пропустили срок предъявления завещания официальным органам, и силу его пришлось восстанавливать специальным указом Сената от

15 марта 1820 г. Как отмечает А. П. Толстяков, только спустя три года после смерти Сопикова все дела по наследству были приведены в порядок[48].

Сразу же после смерти Сопикова Анастасевич задумал окончить его труд. Он писал об этом Болховитинову, изображая дело так, что это ему чуть ли не «навязывают». Тот даже предостерегал его: «У вас и без того много механических работ не легче этой. Но, может быть, вы и в этой успеете, естьли записки готовы»[49],— писал Болховитинов Анастасевичу 20 сент. 1818 г. Но через месяц выяснилось, что Оленин и не собирался поручать Анастасевичу завершать «Опыт».

Работа немного задержалась, так как в 1819 г. Анастасевич как почетный библиотекарь был занят обсуждением каталогизационных правил и составлением каталога богословских книг на латинском языке. В начале 1820 г. Анастасевич советуется с Болховитиновым о завершении труда Сопикова. В ответ он получил поддержку: «Естьли Сопикова и последняя часть библиографии двумя листами только не допечатана, то для чего бы ее не кончать, хотя для выручки денег наследниками?—пишет Болховитинов 9 февраля 1820 г.—Бедная наша словесность почти ничего не имеет окончательного. Начинщиков много, а окончателей не видим»[50].

В августе 1820 г. Анастасевич обещает прислать Болховитинову последнюю книгу Сопикова. Работа над завершением «Опыта» шла медленно. В это время Анастасевич трудился и над каталогом библиотеки Плавильщикова.

Судя по письму Болховитинова Анастасевичу от 17 дек. 1820 г., нераспроданные экземпляры предыдущих частей «Опыта» не были в продаже, их опечатали душеприказчики Сопикова. «Естьли Сопикова каталог так уже вздорожал, то для чего бы скорее не выпустить его в продажу? Это капитал. Но вы обещаете выпустить разве через полгода. Вот как душеприказчики радеют о чужом! А естьли бы свое, то поскорее бы распечатали магазин»[51].

На титульном листе 5-й части «Опыта» стоит 1821 г. А по сообщению «Библиографических листов», книга поступила в продажу только в конце 1824 г.[52]

«Опыт российской библиографии» примечателен еще и тем, что в нем дано теоретическое осмысление Сопиковым библиографии. Хотя известно, что для написания «Предуведомления», где даны сопиковские дефиниции библиографических понятий, а также история книгопечатания, Сопиков широко использовал работы Болховитинова[53], тем не менее, это «Предуведомление» раскрывает нам взгляды и самого Сопикова.

Библиографию Сопиков трактует как комплексную науку: «из всех человеческих познаний самая пространнейшая наука» (с.XIII). По сути дела, то, что мы сейчас понимаем под книговедением. Библиография—«основательное познание о книгах»—существенная часть народного просвещения, ибо «она из всех словесных произве-

дений ума человеческого составляет, так сказать, всемирную Библиотеку, открытую для каждого» (с.XVI). Библиография, преследуя чисто информационную цель, кроме того, «показывает состояние и постепенное распространение наук вообще», она «образует вкус читателей к хорошим сочинениям», т. е. выполняет воспитательную функцию. Более того, библиография воздействует на книжную торговлю, помогая освобождаться «от невежества и низкого корыстолюбия» (с.XVI). По мнению Сопикова, библиография включает в себя историю книгопечатания, историю письма. Поэтому он приводит подробнейший очерк истории русской письменности и книгопечатания и краткую историю иностранной книги. Сопиков также дает определение, показывая тем самым и различие в понимании таких терминов, как «библиограф», «библиофил», «библиотаф», «библиоман», «библиотекарь».

Библиограф—человек, который должен знать все, что связано с «познанием книг вообще», со всем тем, что относится «к искусству книгопечатания». Он обязан быть сведущим не только в сочинениях «как древних, так и новейших писателей», его познания должны распространяться и на логику, критику, философию, географию, историю, палеографию, дипломатию. Ко всему тому, он обязательно должен знать языки, не говоря уж об истории книгопечатания, «славных типографщиков, издателей и все производство типографическое». Он должен знать историю «редких и любопытных книг» не по «их заглавиям и формату», а по содержанию. «Вся жизнь его проходит в составлении из оных выписок, в разделении на разряды и в описании их». Следовательно, он вбирает в себя функции современного каталогизатора, систематизатора, библиографа, историка книги. Эта специальность, по глубокому убеждению Сопикова, требует постоянного, говоря современным языком, повышения квалификации. «Для большего обогащения своих познаний, посещает он книгохранилища и кабинеты редкостей, читает сочинения, доставляющие сведения о книгах, и более подробные и хорошо сочиненные каталоги» (с.XIII).

Сопиков показал широкую эрудицию в перечислении имен иностранных библиографов, начиная от греков и римлян и кончая современными ему английскими, французскими, немецкими, итальянскими, голландскими библиографами. Из русских библиографов Сопиков отметил: «два Бакмейстера, Н. Новиков, Б. Каменский, епископ Евгений, Оленин, граф Мусин-Пушкин, граф Бутурлин, Баузе, Фишер, Шторх, Буле, Демидов, Анастасевич и К. Калайдович».

Библиофил—такой любитель книг, «который собирает книги не по слепой к ним привязанности, а по истинному их достоинству» (с.XIV).

Библиотаф—«зарыватель книг». Он собирает книги для того, чтобы «скрывать их и не давать другим ими пользоваться» (с.XIV). К подобным собирателям у Сопикова крайне отрицательное отношение. По его глубокому убеждению, библиотафы причи-

няют «величайший вред» ученым, которые не в состоянии иметь подобных книг и могли бы у библиотафов «найти великие пособия». «В летописях народного просвещения,—пишет Сопиков,—имена их воспоминались бы вместе с пожарами, наводнениями и нашествиями варваров, естьли бы общий суд людей просвещенных и благо мыслящих не предал их вечному забвению» (с.XIV).

По сути своей мало чем отличается от библиотафа библиоман.

«Библиоман,—определяет Сопиков,—есть страстный охотник и собиратель книг по одной слепой к ним привязанности, и потому только, что ему хочется иметь их. Он знает их заглавия, любуется великолепным изданием, утешается богатым переплетом и хорошими рисунками, прельщается их древностью, редкостью и проч.» (с.XIV).

Определения библиофила, библиотафа и библиомана, данные Сопиковым в первом десятилетии прошлого века, соответствуют и современному пониманию этих терминов.

Особенно обстоятельно, со знанием практики описывает Сопиков квалификационные признаки библиотекаря.

Библиотекарь—книгохранитель, он должен, в первую очередь, привести библиотеку «в надлежащий порядок», хранить библиотеку. Сопиков ставит библиотекаря выше библиографа потому, что библиотекарю приходится знать все, что знает библиограф. «Все, что сказано было о библиографе, относится совершенно и к библиотекарю»,—пишет Сопиков. «Должность библиотекаря,—подчеркивает Сопиков,—столь же важна, сколько познания его должны быть обширны». Ему необходимо хорошее знание истории, истории издательского дела, тонкостей типографского производства, шрифтов, рисования, гравирования, «книжной живописи», умения описывать книги, а также «редкие и любопытные сочинения» (с.XIV). Ему нужно хорошо знать «почерки разных веков, дабы удобно читать древние рукописи», уметь «различать подлинные от поддельных корыстолюбием». Исходя из практики Депо манускриптов Публичной библиотеки, Сопиков предписывал библиотекарю «знание монет, медалей и рукописей» (с.XIV).

Библиотекарю, с точки зрения Сопикова, присущи «особенные качества»: он должен быть выше «всех предрассудков: философических, богословских, политических, исторических и проч.» (с.XIV—XV). Для читателя он представляет как бы «живую Библиотеку». Но библиотекарь не только информатор, он и руководитель чтением, особенно молодежи. «Обязанность его бывает еще священнейшею,—подчеркивает Сопиков,—когда любопытное юношество, жаждущее всякого рода познаний, имеет в нем надежного и просвещенного руководителя, открывающего ему чистейшие источники» (с.XV).

Как видим, Сопиков предъявлял чрезвычайно высокие требования к профессии библиотекаря. По сути дела, библиотекарь должен быть энциклопедически образованным человеком, что уже во времена Сопикова было почти невозможно, а с развитием науки вообще

недостижимо. Естественно, исходя из своего понимания профессии библиотекаря, Сопиков пришел к выводу: «Мы, русские, не можем похвалиться отличными библиотекарями, хотя и имеем хорошие собрания как своих, так и иностранных книг» (с.XV).

Более реальными были требования Оленина к библиотечной профессии. На три года ранее Сопикова Оленин изложил свою концепцию библиотечного работника в докладе об устройстве Публичной библиотеки, подготовленном для Строганова. Его требования исходили не от вселенского масштаба вообще, а от конкретной библиотеки, в которой хранится универсальный и многоязычный фонд. Каждый библиотекарь, по Оленину, должен отвечать за сохранность и порядок книг в своем отделении, т. е. быть книгохранителем. Библиотекарь должен уметь описывать книги и вести систематический каталог. Но, в отличие от Сопикова, Оленин вменял в обязанность библиотекарю не энциклопедические знания, а только «историческое познание» тех наук, «до коих относятся книги его отделения»[54]. Библиотекарю необходимо хорошо знать книги своего отделения по содержанию, а это, как правило, относилось либо к одной отрасли знаний, либо к группе наук. Кроме того, библиотекарь должен обладать «локальной» памятью: помнить место книги на полке. Иными словами, быть «живым каталогом» своего отделения, а не «живой библиотекой», как того требовал Сопиков.

Для библиотекаря Публичной библиотеки знание местонахождения книг при систематической расстановке было чрезвычайно актуально, ибо вспомним, что в Публичной библиотеке в первые годы не было каталогов, а созданные позже каталоги не имели шифров!

Библиотекарю Публичной библиотеки вменялось в обязанность обслуживание читателей и «доставание им всех нужных сведений» по своему отделению. Здесь мы наблюдаем только ростки библиографического обслуживания, но без руководства чтением, о котором говорил Сопиков. В отличие от Сопикова, Оленин требовал от библиотекаря еще и знания иностранных языков, так как фонд был многоязычный. Оленин понимал, что все эти познания приходят к человеку только после многолетней работы. Жизнь подтвердила правильность позиции Оленина. Начиная со второй половины XIX в. в Публичной библиотеке сформировались подобные библиотекари—«живые каталоги» своих отделений: отец и сын Бычковы, Собольщиков, Стасов и многие другие, проработавшие в Библиотеке долгие годы.

Если уж говорить о библиотекарях современных крупных универсальных библиотек, то необходимо отметить четкую дифференциацию самой библиотечной профессии. Появились комплектаторы, каталогизаторы, хранители, библиографы-отраслевики, реставраторы, механизаторы. Сейчас уже недостаточно только опыта работы. Как правило, в библиотеках работают люди, окончившие библиотечные факультеты, а также специалисты-отраслевики, которые на специальных библиотечных курсах получают библиотечные знания. Этот путь—единственно правильный в современных условиях.

В своем «Предуведомлении» Сопиков пропагандировал Публичную библиотеку, рассматривая ее как истинное хранилище памятников древней словесности. И эта функция Публичной библиотеки имеет огромное государственное значение, ибо, как писал Сопиков, «в отечестве нашем многие редкие и драгоценные остатки древней словесности русской, инде снедаемые молием и пылью, а инде обложенные позлащенным переплетом, в великолепном шкафе богатого Библиомана, или в темном углу завистливого Библиотафа, лежат заперты без достойного употребления и к большому сожалению находятся во всегдашней опасности от внезапных случаев и тления погибнуть невозвратно» (с.XVIII).

Будучи богатой «умопроизведениями чужеземными», Библиотека пока еще скудна сочинениями отечественными, но «готова уже принять в число своих сокровищ и их ко всеобщему употреблению» (с. XVIII—XIX).

Разные были точки зрения библиографов на труд Сопикова «Опыт российской библиографии». В конце 50-х гг. XIX в. по этому поводу разгорелась полемика между двумя крупными библиофилами-библиографами С. Д. Полторацким и С. А. Соболевским. В «Библиографических записках» Соболевский опубликовал анонимную рецензию, в которой выступил против критиков работы Сопикова, усовещая их и призывая «не трубить с радостью о найденных ошибках, а указывать их с благодарностью за сделанное». Сопиков, подчеркивал рецензент, «без предшественников, без средств, без предварительного образования» создал «под скромным названием Опыта такую книгу, какой эти строгие аристархи не осмеливаются даже переиздать ныне, при всем обилии имеющихся теперь у них под руками способов, собраний и накопленных с тех пор изысканий и материалов». В ответ выступил С. Д. Полторацкий. Отдавая дань уважения труду Сопикова «в общем его составе», Полторацкий в своей рецензии отмечал, что нельзя «полагаться безусловно на точность его библиографических указаний». Он подчеркивал, что Сопикова приходится часто исправлять. Намекая на Соболевского, не без ехидства добавляет, «предоставляем слепое, безотчетное к нему подобострастие тем, которые предпочтительнее занимаются обозрением каталогов в библиотеках, находящихся в испанских монастырях, чем внимательными справками с Опытом Сопикова»[55].

Вероятно, Соболевский не сразу узнал о рецензии Полторацкого. Поэтому на десять лет запоздал его ответ. В 1869 г. он писал: «Несправедливо сетовать на Сопикова за неуклюжесть его творения, за переиначение его заглавий, за мелкие промахи всякого рода». Автор рецензии объяснял это тем, что во время работы Сопикова не было «обширных собраний книг, ни порядочных им описаний», Сопиков предпринял свой труд «из одного усердия к делу», не имея ни соответствующего образования, не зная новейших правил описания, «принятых в других странах». Соболевский закан-

чивал свою рецензию призывом благодарить Сопикова, «благодарить усердно, за сделанную впервые попытку и за указание на множество книг, которые были напечатаны по его времени и которые уже не встречаются в нынешних собраниях и не упоминаются даже теперешними библиографами»[56].

Вначале предполагалось, что вся библиография Сопикова уместится в 3 частях. Но она разрасталась. И после выхода 3-й части Оленин обратился к министру народного просвещения с просьбой выдать заимообразно еще 4000 р. для напечатания последних двух томов.

Библиотека не вернула Министерству народного просвещения, а точнее Главному правлению училищ, эти деньги. В течение 10 лет, начиная с 17 марта 1820 г. по сентябрь 1830 г., три министра последовательно и методично напоминали Оленину о долге, не получая от него ответа[57]. И в «Завещании» Сопикова нет ни слова о долге министерству[58]. В «Завещании» он просил отдать 5000 р. на постройку двух крытых «галерей», «желая облегчить состояние рабочих людей мужского и женского пола, приходящих для снискания себе работы к Казанскому и Синему мостам». Если его пожертвование не будет принято, тогда Сопиков просил раздать эти деньги сиротам—«бедным девицам, выходящим из воспитательного дома». Особым пунктом Сопиков записал выделение суммы денег на воспитание «бедного мальчика из мещанского звания» и обучение в Петербургском коммерческом училище с одним только условием: прибавить к его фамилии фамилию Сопиков[59].

Почему же в «Завещании» не упоминается о погашении долга министерству, хотя перечислены все, даже мелкие долги? Очевидно, Сопиков полагал, что этот долг либо будет погашен Библиотекой, у которой были свои экземпляры, либо Библиотека отдаст оставшиеся экземпляры в министерство, либо... Впрочем, это одни догадки. Факт остается фактом—взятые в 1815 г. деньги не были возвращены министерству. Оленин, по-видимому, надеялся, что этот долг Сопикова в связи с его смертью будет списан. Но это тоже догадки. Министерство же требовало возвращения денег.

11 сентября 1830 г. Министерство народного просвещения ставит Оленина в известность об уже принятом решении: не отпускать Строительному комитету, занимающемуся пристройкой к Публичной библиотеке, просимых Олениным 3333 р. 33 к. из хозяйственных сумм Министерства народного просвещения, а остальные 666 р. 67 к. доставить в министерство из библиотечных сумм[60]. Так Публичная библиотека вложила и свои деньги в издание «Опыта».

«Опыт российской библиографии» расходился туго. Продавали его братья Свешниковы и другие петербургские и московские книгопродавцы. Продавал и сам Сопиков, взяв часть тиража себе на квартиру.

После смерти в 1841 г. известного московсккого книготорговца А. С. Ширяева остатки «Опыта» были проданы его преемником на обертку[61].

Сопиков прослужил в Библиотеке 7 лет (1811—1818). В его служебные функции входило завершение «Опыта» и подготовка его к печати. В «Отчете» за 1815 г. писалось, что губернский секретарь Сопиков был занят «смотрением за исправностью печатания 3 и 4 части сочиненного им Опыта российской библиографии, из которых 3 часть уже вышла в свет»[62], а в «Отчете» за 1816 г. отмечалось его «смотрение» за 4 и 5 частями[63].

Как помощник библиотекаря Публичной библиотеки Сопиков выполнял ту же работу, какую делали все сотрудники: исполнял суточные дежурства, обслуживал читателей, следил за поступлением обязательного экземпляра, описывал поступающие книги. В январе 1812 г. к нему в Русское отделение пришел И. А. Крылов, и они оба «обще» заведовали русскими книгами.

О Сопикове Оленин писал министру 25 марта 1814 г.: «Занимается прилежно и усердно приведением в порядок русской Библиотеки, для которой он весьма полезен по обширным его знаниям в сем Библиографическом отделении, что доказывается издаваемою им по сему предмету книгою»[64].

Сопиков хорошо знал и любил русскую книгу. У него была неплохая личная библиотека, состоящая из книг на русском и французском языках, которую он сам оценил в 6000 р. Отечественные книги являются «единственным и достоверным залогом образования» русского народа, писал он в «Предуведомлении» (с.XIX).

Сопиков тщательно следил за исправным поступлением в Библиотеку русских книг, занося в специальную тетрадь не поступившие по закону об обязательном экземпляре книги и карты[65]. В феврале 1815 г. Оленин писал С. С. Уварову, в то время попечителю С.-Петербургского учебного округа: «Сопиков вошел ко мне с представлением, что в Библиотеку не доставлены из СПетербургского Цензурного комитета» 15 названий книг[66]. По распоряжению Оленина в феврале 1815 г. Сопиков составил реестр на недосланные русские книги. Их оказалось 27[67]. Среди них «О существе законов» Монтескье (ч. 4. Спб., 1814), «Фигуры и ландкарты к путешествию» Лисянского (Спб., 1812).

По представлению Крылова и Сопикова был куплен «Этимологический словарь», изданный Академией наук[68].

Сопиков был сведущ и в русских рукописях. Он сообщает Калайдовичу подробности об Остромировом Евангелии, описывая его внешний вид как палеограф. «Оно на пергамене в средний лист, писано прекраснейшим чистым уставным письмом. Заглавные буквы расписаны живописью и покрыты золотом»[69]. И когда Калайдович обратился с просьбой к Сопикову проконсультироваться с Олениным и Ермолаевым относительно одной рукописи, тот совершенно резонно заметил: «Чтобы оценить единственную вашу рукопись, пожелают

узнать некоторые об ней подробности, а именно: на чем она писана, каким письмом, какого содержания, и каким слогом или наречием и проч., а без того не могут и не решатся делать своего приговора»[70].

Как знающего рукописную книгу, Оленин включил Сопикова весной 1812 г. в состав комиссии по обследованию Депо манускриптов[71].

Есть сведения, что Мусин-Пушкин купил у Сопикова «Слово о полку Игореве» вместе с Лаврентьевским списком Несторовой летописи и «многие другие важные древние летописи и книги»[72].

Когда в Библиотеке приступили к составлению каталогов на все фонды, Сопиков был уже тяжело болен. Он не смог участвовать в совещании 17 мая 1818 г., на котором Оленин предложил штатным и почетным библиотекарям письменно ответить на 11 вопросов. Узнав об этом, Сопиков, принимавший близко к сердцу все дела Библиотеки, тоже изложил свои предложения в специальной записке: «Мнение Сопикова о удобнейшем способе составления нового каталога императорской Публичной библиотеки» с приложением образцов трех видов каталогов: инвентарной описи, алфавитного авторов и алфавитного по заглавиям книг. В своих предложениях Сопиков исходил прежде всего из читательских интересов. Обслуживая читателей, он и другие библиотекари знали, что порой «посетители или читатели» выходили из библиотеки «недовольными». Сопиков был уверен, что предложенная им система трех каталогов избавит библиотекарей от «затруднений» в поиске книги. «Не услышим более от дежурного: „требуемые вами книги имеет ли библиотека, неизвестно, не приходил библиотекарь того отделения в коем должно им быть; не угодно ли вам пожаловать завтра, может быть, он будет“, и завтра получается иногда такой же ответ. Бедный студент,—продолжает Сопиков,—в прискорбии и недоумении возвращается в свою Медико-хирургическую академию и принимается снова читать „Биологические исследования природы“»[73].

Сопиков предлагал создать «Главную роспись с полным заглавием каждой книги, без наблюдения всякого порядка, а только по номерам». Преимущество такой росписи Сопиков видел в том, что «никакими дополнениями она не портится и остается вечно таковою». Вновь поступающие книги вносятся под свой порядковый номер. Такое описание (мы бы назвали инвентарным) можно вести «для некоторой удобности» по языкам и «можно придать вид некоторого порядка, а именно, следуя системе издан[ной] г. директором, начав номерацию с богословия, продолжать так до конца по всем отделениям»[74].

Кроме главной росписи, Сопиков предлагал еще три—«Роспись алфавитная имен сочинителей с означением №, под коим находится их сочинение в Главной росписи» и «Роспись алфавитная по загла-

виям книг с показанием №, под коим находится книга в Главной Росписи». И последняя роспись—«Роспись систематическая по наукам».

Для наглядности Сопиков взял 20 книг и расписал по всем четырем росписям. Приведем пример его описания одной книги.

Под № 15 в Главной росписи значилось—«Пифагоровы законы и нравственные правила, перевел с франц. В. Сопиков. Спб., в Мед. тип. 1808».

Во 2-й росписи—в алфавите авторов: «15. Пифагор, философ. Творения его».

В 3-й росписи—в алфавите заглавий: «15. Пифагоровы законы».

В 4-й—по системе наук—в разделе Философия: «15. Пифагоровы законы».

По такой системе, по мнению Сопикова, какую бы книгу ни запросил читатель, любой библиотекарь смог бы ее найти и ответить, что запрашиваемая книга хранится в Библиотеке. Но эта система не отвечала на единственный, но очень важный вопрос, в каком «зале и шкапе они находятся». Это понимал и Сопиков, который в своем рапорте писал: «Я уверен, что в библиотеке не будет более встречаться ни малейших затруднений не только со стороны библиотекарей своих отделений в скором приискании книг, но и самые дежурные удобно находить оные могут, *естьли им только известно будет, в которой зале и шкапе они находятся»* (выделено мной.—*О.Г.*)[75].

Если бы проблема шифра была решена Сопиковым, то его система каталогов была бы удобна для «домашнего пользования» в Библиотеке.

С 1814 г. Сопиков почувствовал недомогания. «Я все не очень здоров,—писал он в марте 1814 г. Калайдовичу.—Чувствую боль в груди. Боюсь отдаться нашим эскулапам, чтоб не растравили»[76]. Он очень тревожился за книгу, боялся, что болезнь не даст ему возможности издать книгу вторым, исправленным изданием.

Сопиков вел замкнутую жизнь. У нас нет свидетельств, что он бывал в Оленинском салоне, принимал участие в обедах и беседах этого содружества. Сопиков не был близок к Оленину, если даже о «драгоценной находке» (вероятно, мнимом «Слове о полку Игореве») Калайдовича не мог сразу сообщить Оленину и Ермолаеву, так как в это время «готовилось внутреннее открытие библиотеки» (окт. 1813). Известно только, что он, как и многие сотрудники Публичной библиотеки, участвовал в подготовке «Краткого славяно-русского словаря». Сопиков должен был выполнять функции библиографа—«доставлять сведения о полезных для работы сочинениях»[77].

В письмах к Калайдовичу Сопиков жаловался на свое одиночество. «Скажу вам откровенно, хотя это и неприятно для моего самолюбия, что не имею здесь никаких значительных связей:

Его превосходительству
Тайному советнику Императорской
библиотеки директору

От помощника библиотекаря
губернского секретаря Василья Сопикова

рапорт.

В доме принадлежащем оной биб-
лиотеке, в квартире моей, в ночи с
15 на 16 число сего апреля месяца (по-
хищено) похищено у меня из комода
денег, а именно шесть сот рублей
банковыми ассигнациями и два рубли
серебром. В сем похищении имею
я единственное подозрение на ночевавшего
у меня в прошедшую ночь канцеля-
риста Илью Иванова Епископского слу-
жащего в Медицинском Департамен-
те; ибо в сей комнате кроме его нико-
го более в сие время не находилось, при
том что он весьма рано и скоропос-

пешно отъ меня удалился, оставя меня
Еще въ постеле, и потому я при немъ
о семъ похищении узнать никакъ не
могъ.

И потому Ваше превосходительство
благоволите о семъ приключении увѣдо-
мить начальство здѣшней полиции
дабы она могла принять надлежащiя мѣ-
ры къ отысканiю у меня похищенна

О чемъ вашему превосходительству
имѣю честь донести

Губернский Секретарь
Василий Сопиковъ.

16 апреля
1817 года.

Рапорт В. С. Сопикова А. Н. Оленину. Автограф

ибо по уединенной моей жизни не могу их поддерживать, при том и характер мой мало к тому приспособлен,—писал он 17 ноября 1814 г.—Осла провожают дубьем, когда он захочет ласкаться по собачьему. Человек как микрокозм: каждый должен пользоваться своим уделом»[78]. Не создан он был для легкой, приятной беседы, хотя в молодости был связан с интересными людьми из «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», «вкусил», по его выражению, «плода от древа познания добра и зла»[79]. Кроме того, Сопиков все свое время отдавал библиографии. «Время дорого и летит на самых быстрых крыльях»[80],—говорил он. По всей вероятиости, Сопиков в последние годы был человеком угрюмым, что усугублялось и болезнью. Но он, бесспорно, был человеком отзывчивым и добрым. Так, будучи сам в материально затруднительном положении, он бескорыстно помог Калайдовичу деньгами[81].

В последние годы на Сопикова сыпались всякие житейские неприятности и тяготы. В ноябре 1813 г. живущая у него воспитанница выбросилась из окна. На Сопикова было заведено уголовное дело, что выбило его из обычного равновесия, ибо «пока истина откроется,—писал он 19 декабря 1813 г. К. Ф. Калайдовичу,—должно перенести множество беспокойства и огорчений». В апреле 1817 г. ночевавший у Сопикова канцелярист И. И. Евстифеев украл из комода 1600 р. Кроме утраты денег, Сопиков получил еще и взыскание от Оленина за нарушение правил пользования казенной квартирой, в которую строго запрещено было пускать кого-либо без разрешения администрации[82].

Во время болезни Сопикова Оленин принял в нем самое живейшее участие. 11 марта 1818 г. Оленин обратился к хирургу-дерматологу И. Ф. Бушу с просьбой принять Сопикова в клинику— «в казенный присмотр». Объяснял Оленин просьбу тем, что Сопиков «находится теперь в весьма опасном положении, так что если не сделано будет операции, то может он лишиться жизни, ибо он у себя, дома, при таковой опасной болезни надлежащего присмотра иметь не может»[83].

1 июня 1818 г. Оленин вновь просит Буша пригласить известнейшего в Петербурге лейб-медика Каменецкого (с которым, кстати сказать, Библиотека была в очень хороших отношениях) и кого еще «заблагорассудится, ибо состояние здоровья г. Сопикова мне кажется весьма опасным. Вы тем меня обяжете,—писал Оленин,—и сделаете большое одолжение императорской Публичной библиотеке, для которой служба г. Сопикова весьма полезна»[84]. Но все попытки спасти Сопикова были тщетны. «Одержимый долговременною болезнью», 21 июля 1818 г. Сопиков скончался.

К сожалению, до сих пор неизвестен портрет Сопикова.

Сравнительно недавно обнаружен его «словесный портрет»: «Ростом двух аршин, шесть вершков (приблизительно 1 м 68 см); волосом светлорус, лицом бел, рябоват, глаза серые»[85].

Архив Сопикова, по всей вероятности, погиб вместе с бумагами Анастасевича[86], которые после его смерти были проданы по весу малярам на бумагу под обои[87].

Богата русская земля самородками. Таким самородком был и «отец нашей библиографии»—Сопиков, как назвал его В. Г. Анастасевич в письме к Н. И. Гречу 20 ноября 1821 г.[88] Это меткое определение роли Сопикова укоренилось в истории русской библиографии. И современные исследователи называют его «основоположником русской библиографии»[89].

Советские библиографоведы отдают должное труду Сопикова, называя «Опыт российской библиографии» «одним из самых выдающихся памятников русской национальной библиографии за 300-летний период книгопечатания на русском языке»[90].

«... Неполнота и ошибки „Опыта",—считал А. Д. Эйхенгольц,—бледнеют перед его грандиозностью, перед большой осведомленностью Сопикова во всем, что касается авторов, мест и годов издания перечисленных им книг»[91]. Сопиковскую библиографию исследователь называет «блестящим началом нашей библиографии», без знания которой не может обойтись занимающийся историей русской культуры XVIII века.

Хочется закончить очерк о Сопикове высказыванием историка русской библиографии И. П. Сахарова, который еще в 40-х гг. прошлого века верно определил роль и значение В. С. Сопикова: «Труд Сопикова—гигантский подвиг для своего времени. Книгопродавец, не обучавшийся никогда систематически наукам, с одною неутолимою ревностию и желанием всеобщего добра, он принялся за дело и совершил его со славою и честию. *Память его незабвенна для русской библиографии*»[92] (выделено мной.—*О.Г.*). И мы не забудем, что он был первым хранителем и собирателем русского фонда Публичной библиотеки.



Иван Андреевич Крылов

Благодарим Вас и ... за знаменитость Вашего имени: оно сокровище Отечества и внесено им в летописи его славы.

В. А. Жуковский

«Этот человек загадка, и великая...»

Оленинское содружество

И может, без тебя б мой слабый дар завял
Безвестен, без плода, без цвета
И я бы умер весь для света.

И. А. Крылов. «Прими, мой добрый меценат...»

Иван Андреевич Крылов, после 6-летнего отсутствия, вернулся в Петербург в 1806 г. Ему было уже 37 лет[1]. Позади была бедная жизнь в Твери и в первые годы жизни в Петербурге, куда приехал он 14-летним юношей. Были творческие неудачи и удачи, оперы, трагедии, комедии, стихи, эпиграммы, оды, повести... Была журналистская и издательская деятельность. Было вольнодумие, из-за которого удалили из Петербурга, была скитальческая жизнь... Вернувшись в Петербург, Крылов мечтал посвятить себя литературе. В эти годы он сближается с А. Н. Олениным, познакомился с графом А. С. Строгановым. Уже в 1807 г. один из постоянных посетителей Оленинского салона, писатель С. Н. Марин, просил Оленина передать привет «всему семейству» и в том числе Крылову[2]. «Из всех привязанностей второй половины жизни Ив. Ан.,—писал сослуживец по Библиотеке М. Е. Лобанов,—привязанность к просвещенному и добродушному семейству А. Н. Оленина была теплее и искреннее всех... Крылов почти вседневно был тут, или на обеде, или на ужине, или только на вечерней беседе»[3]. Необычайно одаренный человек, в котором, по выражению Ф. Ф. Вигеля, «заложены зародыши всех талантов, всех искусств»[4], Крылов был хорошим математиком, неплохим художником и прекрасным скрипачом. По свидетельству современников, он говорит «всегда с неподдельным юмором, сыпит пословицами и прибаутками и отлично знает Россию»[5]. В его обществе было занимательно и интересно. В доме Оленина Крылов нашел привет, ласку, заботу, внимание всех членов семьи, связь с которыми не прерывалась до кончины хозяина дома. Крылов постоянно посещал не только городской дом Оленина, но и его известную дачу—Приютино. Так, Батюшков в «Послании к А. И. Тургеневу» писал:

«Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,

Мечтает там Крылов
Под тению березы
О басенных зверях
И рвет парнасски розы
В приютинских лесах»[6].

Дадим слово документам. «Матушка Елизавета Марковна,— вспоминала Варвара Алексеевна Оленина,—любила Крылова совершенно чувством матери и часто звала милый Крылочка, что не очень гармонизировало с его большой и тучной наружностью. Он же часто говаривал, что он ее любил и почитал как матерь свою, так что она этим воспользовалась чувством и в Приютине запирала его на ключ в комнате его над баней дни на два. Носила сама с прислугой ему кушанье и держала его там, покуда он басни две или три не написал»[7]. Во время празднований дней рождения Е. М. Олениной, так нежно всегда заботившейся о Крылове, он принимал самое активное участие в пьесах и шарадах. И как вспоминала В. А. Оленина, Крылов был «превосходный комик»[8]. Еще больше сблизился Крылов с членами Оленинского кружка—Ермолаевым, Гнедичем, Востоковым, Сопиковым,—когда в январе 1812 г. Оленин взял его помощником библиотекаря в Публичную библиотеку. Обратимся еще раз ко всезнающему Вигелю. Вот как он характеризовал Оленинский кружок: «Принадлежа ко всем и ни к которой из партий или обществ, члены Оленинские, даже в доме его, хлебосольном, для всех открытом, и принимая участие в общей веселости, составляли какой-то особый мир, имеющий особые мнения, особые правила. Отличнейшими или отличенными между ними были Крылов и Гнедич... Ермолаев...»[9].

Крылова многое объединяло с этими людьми. Подобно Оленину, бедствия французской революции и тяготы наполеоновских войн Крылов приписывал исключительно влиянию философов. В басне «Сочинитель и разбойник» (1817) он обрушился с критикой на Вольтера и так же, как Оленин, был за такое просвещение, которое воспитывает у людей «добрые свойства». Как и Оленин и Гнедич, Крылов протестовал против укоренившегося в России пристрастия к французскому языку. А бесчинства наполеоновских солдат были объяснены французским воспитанием.

Дружба с Олениным в корне изменила жизнь Крылова. До службы в Библиотеке Крылов был страстным игроком. С этой целью он даже разъезжал по многим городам России. Порой много выигрывал, но не успокаивался, пока не проигрывал все до последнего. И вот игра оставлена. Часто меняющий места службы, а многие годы и находящийся не у дел, Крылов с 1812 по 1841 г.—год ухода на пенсию—безотрывно служит в Публичной библиотеке, возглавляемой Олениным. А до этого, в октябре 1808 г., Оленин устроил его в Монетный департамент. При каждом удобном случае Оленин старался выпросить у царя «материальную помощь» для Крылова.

Не прошло и месяца после поступления в Библиотеку, как, по ходатайству Оленина, император выделил Крылову пожизненный пенсион в 1500 р. в год. В 1814 г. Оленин выхлопотал Крылову 4200 р. для напечатания трех первых частей «превосходных и поучительных, следственно и полезных его басен»[10]. Через полгода после открытия Библиотеки Оленин добился за отличные «дарования в российской словесности» служащему Публичной библиотеки Крылову повышения в следующий чин. Действительно, Оленин был для Крылова добрым меценатом. В переписке с братом Крылов постоянно упоминал об отношении к нему Оленина, на что простодушный Лев Андреевич замечал: «Ты имеешь такого доброго начальника, который так к тебе расположен, как к родному»[11]. Вероятно, не без влияния Оленина в 1808 г. Крылов из всех своих поэтических жанров избирает только басню. Переход к басенному жанру, сделавшему Крылова всенародным поэтом, П. А. Плетнев характеризовал метафорой: «Накануне старости полюбила его грация вместе с мудростию»[12].

Первая книга басен Крылова вышла в 1809 г. С этого времени до поступления Крылова на службу в Публичную библиотеку прошло три года. А Батюшков сразу же пророчил ему бессмертие. В стихотворении-сатире «Видение на берегах Леты», высмеивающей будущих «беседчиков»—Шишкова, Ширинского-Шихматова, Хвостова и подражателей сентиментализма, вроде Шаликова, Буниной и др., Батюшков предсказал вечную жизнь крыловским произведениям. Из писем мы узнаем, что, получив сатиру, Гнедич незамедлительно пошел в дом Оленина, где в это время находился и Крылов, чтоб ознакомить друзей с новым творением Батюшкова. На Крылова стихи Батюшкова произвели огромное впечатление[13].

В 1811 г. вышла вторая книжка басен. В том же году она переиздана со значительными изменениями. Книжки быстро раскупались. Крылов становится одной из самых заметных фигур литературного мира Петербурга. Басни, появившиеся во время Отечественной войны, принесли Крылову общенародную славу. В них—пламенный патриотизм, любовь к русскому народу, тревога за его судьбу. В 1814 году Крылов подарил Библиотеке 22 новые басни, «им самим сочиненные и писанные»[14]. Полученные в 1814 г. от царя деньги были истрачены на подготовку иллюстраций к книге и печать. Оленин составил смету издания. И в следующем, в 1815 г., вышло первое иллюстрированное издание басен Крылова. Оленин привлек к оформлению художника И. А. Иванова—почетного библиотекаря Публичной библиотеки. Гравировка прошла под руководством Оленина. В книге—11 рисунков и виньеток с монограммой «А.О.»—Алексей Оленин. Это издание было выпущено в трех видах: на веленевой бумаге, на обыкновенной и то же без иллюстраций— дешевое, «для бедных», тиражом 3 тыс. экз. В 1816 г. появилось новое издание—«иждивением содержателя театральной типографии А. Похорского» с портретом баснописца. В 1817 г. вышла книжечка

И. А. Крылова «Три новые басни, читанные в торжественном собрании имп. Публичной библиотеки». В 1819 г. Похорским басни Крылова изданы уже в 6 книгах[15]. С 1819 по 1823 г. Крылов ничего не печатал: был очень занят в Библиотеке подготовкой каталогов. В апреле 1824 г. Оленин ходатайствовал перед Александром I о пособии в 10 тыс. р. на издание басен в 7 частях. В этом ходатайстве есть одна весьма примечательная оговорка, подчеркивающая, что якобы с прежним вольнодумством все покончено: «Крылов, сверх отличного своего таланта, был всегда тверд в образе своих мыслей о необходимости и пользе чистой нравственности и отвращения его от вольнодумств, что доказывается всеми его баснями и негодованием за то ему изъявленном в недавнем времени Парижским журналом»[16]. Просимая Олениным сумма была выдана[17]. В это время Оленин усиленно «опекал» Крылова, фактически проверяя каждую его басню. «... Чуть ли не каждую басню прочитывал Алексею Николаевичу по несколько раз; Оленин делал при этом замечания. Крылов очень серьезно выслушивал эти замечания и сообразно с ними делал поправки»[18],—писал постоянный посетитель дома Олениных художник Ф. Г. Солнцев. Конечно, «приятно ему было служить у такого начальника, который был ему и другом, и благодетелем, и меценатом. Чрез него лились на Крылова и милости двух монархов»[19]. Так писал о нем его первый биограф М. Е. Лобанов. В 1826 г. вышло новое издание, дополненное 7-й частью. В него включено 165 басен, в том числе—26 новых. Вышло оно колоссальным по тем временам тиражом—610 тыс. экз. В часть тиража были вклеены прекрасные гравюры и портрет баснописца, рисованный с натуры сыном Оленина—Петром[20]. Занимался изданием А. Н. Оленин. Он подобрал художников и граверов, работой которых сам руководил (на всех иллюстрациях стоит его монограмма), разработал сюжеты рисунков для И. А. Иванова и А. Зауервейда, а граверы, лучшие в то время, С. Галактионов, И. Ческий и Ф. Иордан изготовили доски для печати гравюр. Благодарный баснописец поднес Оленину новую книгу с дарственной надписью: «А. Н. Оленину при доставлении последнего издания басен.

Прими, мой добрый меценат,
Дар благодарности моей и уваженья.
Хоть в наш блестящий век, я слышал, говорят,
Что благодарность есть лишь чувство униженья,
Хоть, может быть, иным я странен покажусь,
Но благодарным быть никак я не стыжусь.
        И в простоте сердечной
Готов всегда и всем сказать, что на меня
        Щедрот монарших луч склоняя,
        Ленивой музе и беспечной
        Моей ты крылья подвязал.
И может, без тебя б мой слабый дар завял

Безвестен, без плода, без цвета
И я бы умер весь для света.
Но ныне, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной в том назову?
При мысли сей мое живее сердце бьется.
Прими ж мой скромный дар теперь
И верь,
Что благодарностью, не лестью он дается»

Это стихотворение потом появилось на страницах Дельвиговского альманаха «Северные цветы на 1828 год» с пометкою «18 апреля 1826». Кстати сказать, сейчас это издание находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в составе коллекции Н. П. Смирнова-Сокольского.

Пушкин называл Крылова «неподражаемым» и «истинно-народным» поэтом.

С середины 20-х гг. Крылов становится и европейски известным баснописцем. В парижских журналах с 1820-х гг. стали появляться переводы его басен. В 1822 г. в Петербурге вышли избранные басни Крылова, переведенные на французский язык Рифе. Для Рифе Лобанов сделал буквальный перевод. Из 140 басен, к тому времени напечатанных Крыловым, в книге переведено 69. В 1825 г. граф В. Г. Орлов перевел 86 басен на французский и итальянский языки.

Принадлежа к Оленинскому кружку, казалось бы, тем самым Крылов должен быть близок к «Беседе». Но не все гладко было у Крылова во взаимоотношениях с «беседчиками». Вероятно, некоторые из них видели себя в его едких, иронических, а порой и остро сатирических баснях. В 1808 г. он напечатал в «Драматическом вестнике» басню «Парнас», в которой в остро пародийной форме изобразил членов Российской академии, как собрание ослов. В басне «Вельможа и философ» Крылов высмеял графа Хвостова. Все это «припомнилось» при избрании Крылова в Российскую академию. В первый раз предложил его избрать артист и театральный критик И. А. Дмитриевский. Крылов баллотировался в собрании 13 марта 1809 г. и «потерпел поражение»: получил только два голоса «за» и тринадцать «против»[21]. В 1811 г. вновь поднимается вопрос об избрании Крылова в члены Российской академии. На этот раз его кандидатуру выдвинул председатель академии А. А. Нартов. Теперь «академисты» были более благосклонны к нему: 15 голосов подали за избрание и только один против. С 16 декабря 1811 г. Крылов стал членом Российской академии. В 1811 г. его приняли и в действительные члены «Беседы».

Арзамасцы порой иронизировали над Крыловым, описывая его едущим верхом на собственной свинье, хотя М. Ф. Орлов (Рейн) во вступительной речи (22 апреля 1817 г.) при приеме Крылова в

«Арзамас» выделил его из кружка Оленина: «Читая басни одного члена Библиотеки, смотрю на него как на одного живого в царстве мертвых»[22]. Обладая здравым умом, Крылов не придавал принципиального значения полемической борьбе «беседчиков» и арзамасцев.

Известность принесла баснописцу и почести. Посыпались избрания в члены различных обществ: в мае 1816 г. — в «Вольное общество любителей российской словесности» при Московском университете, в июне 1817 г. — в почетные члены Санктпетербургского «Общества любителей словесности, наук и художеств». А до этого летом 1812 г. избран в действительные иногородние члены Казанского общества любителей отечественной словесности. Растет слава, растет дружба с Олениным и его семьей, растет забота Оленина о Крылове. 27 марта 1820 г. — «в воздаяние засвидетельствованной начальством усердной и похвальной службы действительного библиотекаря»[23] Крылову назначен дополнительный пенсион в 1500 р.

Биографы и мемуаристы пишут о Крылове как о человеке политически абсолютно индифферентном, которого не волновали народные судьбы. Так ли это? Вспомним его резко сатирические басни, направленные в адрес правящих страной, — «Рыбьи пляски» и «Серые овцы». Действительно, жизнь показала Крылову, что и после победы в Отечественной войне положение крепостного крестьянства не изменилось. И как писал Герцен, «в благодарность за победу», купленную крестьянской кровью, Александр I подготавливал «в награду чудовищный проект военных поселений»[24]. Крылов не верил в изменение положения крестьян в тех условиях. Конечно, Крылов не был приверженцем радикальных взглядов, и, будучи по своему происхождению разночинцем, верил он в патриархальные добрые старые нравы, в нравственное перевоспитание общества. В развитии наук и просвещения видел Крылов будущее России. Он высмеивал невежд, которые «в ослеплении» бранят «науки и ученье и все ученые труды», не чувствуя, что «вкушают их плоды» («Свинья под дубом»). Близость молодого Крылова к Радищеву общеизвестна[25]. Вспомним, что дерзкое вольнодумство Крылова в молодости послужило причиной удаления его из Петербурга.

Летом 1818 г. в Петербурге был создан Комитет «Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения» (ланкастерскому методу). Председателем Комитета стал известный художник Ф. П. Толстой, первым помощником Ф. И. Глинка. Комитет организовывал училища, члены общества вносили деньги на содержание училищ. Вместе с Ф. И. Глинкой, В. К. Кюхельбекером, Н. И. Гнедичем Крылов был членом этого общества. После подавления волнений в Семеновском полку общество было закрыто. Хотя Крылов не разделял взглядов декабристов, он не чуждался их круга. Был знаком с А. Бестужевым и К. Рылеевым. Декабристская критика рассматривала Крылова как союзника. «Его каждая басня — сатира, — писал А. Бестужев, — тем сильнейшая, что она ко-

ротка и рассказана с видом простодушия»[26]. В «Полярной звезде на 1824 год» была напечатана басня «Рыбьи пляски». Там же Рылеев публикует эпиграмму «На болезнь Крылова»:

Нет одобрения талантам никакого:
В России глушь и дичь.
О даровании Крылова
Едва напомнил паралич.

(В 1823 г. у Крылова было два удара паралича). Крылов сотрудничал в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» — органе «Вольного общества любителей российской словесности». В этом журнале опубликовал басню о цензуре «Кошка и соловей», печатал свои басни в «Полярной звезде» К. Рылеева и А. Бестужева. Однако умеренно житейская философия Крылова, выстраданная им первой половиной жизни, делала его осторожным и осмотрительным. Уроки «тяжкой жизни» привели его к выводу о невозможности изменения общественного строя революционным путем. Улучшение жизни народных масс он видел лишь в нравственном воспитании общества. М. Лобанов рассказывал, что он и Крылов утром 14 декабря 1825 г. были в Библиотеке, когда узнали о «тревоге». Подгоняемые любопытством, отправились на Исаакиевскую площадь. И вдруг Крылов исчез. Вечером все собрались в доме Оленина. На вопрос Лобанова, где был Крылов, тот ответил: «Да вот дошел до Исаакиевского моста..., пошел к Сенату и поравнялся с их толпою. Кого же я увидел? Кюхельбекера в военной шинели и с шпагой в руке. К счастью моему, он стоял ко мне профилем и не видел меня. Я тотчас назад». — «Ну, слава богу! А ведь легко было бы схватить вас и силою втащить в их шайку». — «Да как не легко? А там поди после оправдывайся, а позору-то натерпелся бы»[27]. В. А. Олениной, своей любимице, отсутствующей тогда в Петербурге, Крылов рассказал более подробно. Когда он подошел к восставшим, то голоса из каре закричали: «Иван Андреевич, уходите, пожалуйста, скорее»[28]. Декабристы оберегали Крылова. Лобанов упоминает о том, что после декабрьских событий Крылов был вызван к Николаю I и имел с ним беседу. После поражения декабристского восстания творчество Крылова умолкло. В 1825—1827 гг. он не опубликовал ни одной басни. Его муза оживает лишь в 1829 г. Декабристы всегда высоко ценили талант Крылова. Симптоматично, что А. Бестужев в 1833 г. в статье «О романе Н. Полевого „Клятва при гробе господнем“» писал: «Счастливцы мы: Крылов и XIX век были нашими крестными отцами! Первый научил нас говорить по-русски, второй — мыслить по-европейски»[29]. Крылов был патриот. Он едко высмеивал тех людей, которые, пренебрегая своим, готовы преувеличивать все чужеземное:

Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилагал:

«Что здесь у нас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце прячется,
То светит слишком ярко,
Вот там-то прямо рай!»
(«Лжец»)

Нам представляется не совсем справедливой характеристика Крылова, данная Ф. Вигелем, что он якобы никогда не читал современных писателей, «никогда не хотел говорить об их сочинениях... Две трети столетия прошел он сквозь несколько поколений, одинаково равнодушный как к отцветшим, так и к зреющим»[30]. Факты говорят об ином. Вспомним хотя бы, что написала о Крылове Варвара Алексеевна Оленина. «Он страстно любил Гнедича... Чрезвычайно любил Батюшкова и Жуковского. Любовался поэзией Пушкина...»[31] Два русских гения — Пушкин и Крылов — высоко ценили творчество друг друга. Крылов называл Пушкина не иначе, как гением. Он первый выступил в печати в защиту поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

Пушкин признавал достоинства Крылова, который в басне «столь же выше Лафонтена, как Держ[авин] выше Ж. Ж. Руссо»[32]. В 1825 г. в статье, посвященной предисловию Лемонте к французскому переводу басен Крылова, Пушкин писал, что Крылов является характерным представителем духа русского народа. Имя Крылова значится рядом с именем Гнедича в списке лиц, которым Пушкин предполагал послать свои «Стихотворения» (1829)[33]. Пушкин посещал Крылова в Публичной библиотеке и на его квартире в доме Библиотеки. Есть свидетельства, что Пушкин был у Крылова «за день или два до дуэли»[34]. «Когда после отпевания [Пушкина] начали прощаться, — писала одна очевидица, — я видела, как седая голова Крылова склонилась над молодой головой усопшего и два народных поэта соприкоснулись в последний раз на земле»[35]. Вместе с Жуковским и Вяземским Крылов выносил из церкви гроб великого поэта[36].

Все современники сходились на том, что Крылов очень умен и очень одарен. «Под тучною его наружностью кроется ум тонкий и быстрый, вкус разборчивый, сердце человеколюбивое и доброхотное и все качества превосходного друга»[37]. Об «уме палате» Крылова говорил и И. С. Тургенев, видевший Крылова только один раз[38]. Крылов был блестяще остроумен. Современники любили рассказывать про него анекдоты[39].

Находчивость и практический ум Крылова порой проявлялись неожиданно и оригинально также и в делах, касающихся Библиотеки. Однажды выпросил он у Оленина посмотреть дома роскошную книгу о Египте. «Поутру за своим кофе, чтобы разглядеть все яснее, он сел у окна на стуле, который вместе со столиком стоял на приделанном тут возвышении. Положив перед собой огромную книгу и разогнув ее так, что одна половина была на столике, а другая на окне,

он, поддерживая левой рукой корешок, любовался прелестными гравюрами, приложенными к тексту. Вдруг он почувствовал, что его стул покачнулся, как будто соскользнул с возвышения. Усиливаясь сохранить равновесие, Крылов второпях схватил правою рукою за блюдечко чашки с кофе. Чашка опрокинулась на книгу — и разогнутые листы фолианта облиты были кофе. В одно мгновение он бросился в кухню, которая только узеньким коридором отделялась от залы, где произошла беда. Схватив ушат с бывшею в нем водой, он втащил его в залу — и, кинув на пол разогнутую книгу, стал поливать ее из ушата. Служанка, все это видевшая, но ничего не понявшая, опрометно бросилась наверх к Гнедичу, призывая его к Крылову, и давая чувствовать намеком, что барин ее не в своем уме. Вот как рассказывал об этом Гнедич, немножко всегда театральный. „...Вхожу: на полу море. Крылов с поднятым ведром льет на книгу воду. Я кричу в ужасе. Он продолжает“. Опорожнив ушат, Крылов рассказал о случившейся беде и изъяснил, что без воды не было никакого способа вывести с листов пятна кофе. И в самом деле, когда просушил он книгу, в ней ничего не осталось, кроме желтенькой полоски на краях страниц»[40]. Этот эпизод запечатлен на рисунках художников А. Агина и П. Ф. Бореля.

* * *

Итак, с января 1812 г. жизнь Крылова тесно связана с Публичной библиотекой. «С этой эпохи начинается для нашего поэта новая жизнь, — писал П. А. Плетнев, — тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная»[41]. До ухода на пенсию в 1841 г. жил Крылов в библиотечном доме, через дом от главного здания библиотеки (ныне Садовая, д. 20), во втором этаже. Квартира Крылова состояла из трех комнат, которые все выходили окнами на улицу. Средняя представляла зал, боковая, влево от нее, оставалась без употребления, а последняя, угловая к Невскому проспекту, служила Крылову и спальней и кабинетом. Здесь за перегородкой стояла кровать его, а в светлой половине он сидел перед столиком на диване. У него не было письменного стола, порой трудно было обнаружить бумагу с чернильницей и пером. Набрасывая на подоконники зерна, Крылов привадил к себе в квартиру голубей. Все вещи и пол в комнатах носили следы ежедневного пребывания пернатых гостей. Современники оставили нам красочные описания квартиры Крылова[42]. Украшением приемной комнаты был портрет его во весь рост масляными красками, написанный в 1812 г. профессором Академии художеств Р. М. Волковым на 44-м году жизни поэта. Современники любили сравнивать, по выражению Олениной, «неразрывных»[43] двух друзей — Крылова и Гнедича, уж очень различны они были. В «Старой записной книжке» П. А. Вяземского имеется примечательное их сравнение. «Во всем быту, как и свойстве дарования их» наблюдалось различие, писал Вяземский. «Крылов был неряха, хомяк. Он мало заботился о внешности своей... Гнедич... был усердным данником моды: он всегда одевался по

последней картинке». Крылов был прост во всем, и в чтении басен своих, которые «без малейшего напряжения... выливались из уст его, как должны были выливаться из пера его, спроста, сами собою». Гнедич был «несколько чопорен, величав: речь его звучала несколько декламаторски. Он как-то говорил гекзаметрами»[44].

Крылов многое достигал самообразованием. Смолоду знал иностранные языки — французский, английский, итальянский, в зрелом возрасте изучил греческий. Из литературы известно, что Крылов рано пристрастился к чтению. От отца, бедного армейского офицера, Крылов получил в наследство сундук книг. Они привлекли внимание одиннадцатилетнего мальчика и способствовали развитию его творческой фантазии, наполненной героями древней Греции и Рима. На пятнадцатом году написал комическую оперу «Кофейница», которую продал Брейткопфу, будущему сослуживцу по Публичной библиотеке, а тогда — торговцу книгами и владельцу типографии. Вместо гонорара (60 р.) попросил на эту сумму книг — сочинения Расина, Мольера, Буало. О чтении Крылова порой делались весьма односторонние обобщения. Напечатал в «Северной пчеле» И. П. Быстров, что «Иван Андреевич любил читать романы в старинных переводах, и чем роман был глупее, тем он более нравился нашему поэту»[45]. И все последующие биографы пошли ему вторить, не обращая внимания на иные свидетельства. Весьма близкий Крылову человек, старшая дочь Оленина Варвара Алексеевна записала иное об Крылове: «Он читал много»[46]. Крылов следил за выходом на книжный рынок книг, из которых можно было почерпнуть народные словечки. Он регулярно посещал книжную лавку И. Т. Лисенкова, чтобы приобрести новые произведения московского поэта и писателя А. А. Орлова, автора полулубочных произведений[47].

Серьезность чтения Крылова подтверждает произведенный им отбор книг для библиографического указателя, о котором мы скажем в следующей главе. Только зная начитанность Крылова, Оленин мог поручить ему составление «разборного каталога», т. е. аннотированного с критическим отзывом — «разбором».

Крылов читал постоянно. Записки к Быстрову свидетельствуют, что Крылов брал книги для чтения из Библиотеки на дом[48].

Крылов старался стоять в стороне от литературных битв своего времени, от карамзинистов и шишковцев, от «беседчиков» и арзамасцев, от романтиков и классиков. Он занимал особую, среднюю позицию, считая их распри не принципиальными. Очень точно указал место Крылова его брат Лев Андреевич: «Читал сочинения г. Жуковского, но он, как мне кажется, пишет только для ученых, и более занимается вздором, а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнедич, человек высокоумный и щеголяет на поприще славы между немногими. — Но как ты... пишешь — это для всех: для молодого, и для старого, для ученого и простого...»[49] Гениальность Крылова, значение его творчества для развития не только русской культуры, но и русского общества хорошо понимал Оленин. И стремился «ориентировать»

Крылова в правильном, с точки зрения Оленина, направлении. Оленин оказывал влияние на творчество Крылова. Бывали случаи, когда Крылов писал басни по заказу Оленина. В письме от 7 ноября 1813 г. Оленин поручает Крылову подготовить «аполог» для чтения на открытии Библиотеки на тему «О пользе истинного просвещения и о пагубных следствиях суемудрия». В басне «Водолазы», прочитанной на открытии Библиотеки, Крылов говорил о политическом и религиозном вольнодумстве как о «пагубном суемудрии» и причинах народных бедствий. Полуофициальное наблюдение Оленина за своим творчеством понимал и Крылов. В басне «Соловей» он недвусмысленно писал о своей участи:

А мой бедняжка соловей,
Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотнее.

Об этом прямо говорила и Варвара Алексеевна Оленина. В письме к библиографу В. Ф. Кеневичу к названию басни «Соловей» она сделала примечание о том, что басня написана «для батюшки — А. Н. Оленина». Соловей в этой басне сам Крылов, а «батюшка», очевидно, один из тех, кто «стерег его»[50]. Оленин считал басенное творчество Крылова, как и работу в Библиотеке, служением русской культуре, просвещению русского народа. Даже в официальных печатных отчетах Оленин писал, что в течение 1815 г. «г. коллежский асессор Крылов» занимался «порученным ему по высочайшему его императорского величества соизволению новым изданием сочиненных им басен»[51].

Отдавая дань увлечению членов Оленинского кружка античностью и желая помочь Оленину в его намерении перевести «Одиссею» Гомера на русский язык «и издать ее с рисунками греческих древностей», Крылов перевел 27 стихов первой песни. («Мужа поведай мне, Муза, хитрого, странствия многи...») Но на этом и закончились его опыты. Гомер и Крылов по творческой манере оказались несовместимыми. «Я не могу сладить с этим Голиафом»[52], — признавался Крылов. В Оленинском кружке Крылов не был ученым, подобно Ермолаеву или Востокову. Как писал П. А. Плетнев, «ни частная, ни общая, ни сравнительная грамматика или лексикография не привлекали его внимание. Филология, критика, эстетика и философия не приобрели от него особенных исследований, рассуждений и систем. Правда, в этом значении он не был академиком; за то он был едва ли не целою академиею. В творческом, светлом и деятельном уме его возникали, принимали образы и полную жизнь гениальные откровения, вечные истины, уроки мудрости, заветы опытов, идеалы художнической красоты. Их приняли миллионы людей в тех вечно неизменных формах, с теми многозначительными выражениями, какие созидаются только природою и гениями»[53].

Легенды и действительность

Немало написано книг о Крылове. В некоторых из них есть страницы, рассказывающие о деятельности Крылова в Публичной библиотеке, в которой он прослужил 29 лет. К сожалению, на этих немногих страницах допущены неточности и фактические ошибки[1]. Одна небольшая книга посвящена издательской и библиотечной деятельности Крылова[2]. В ней автор попытался рассеять миф о Крылове, созданный его биографами, как о нерадивом чиновнике и ленивце, занимающемся в Публичной библиотеке либо чтением пустых романов, либо сладко почивающем на диване[3]. Такие представления о Крылове-библиотекаре, только еще более негативные, перекочевывали и в его биографии, написанные советскими исследователями. Если П. А. Плетнев писал, что Крылов читал на диване *«в летние жары, когда ни читателей, ни важных дел не было»*[4] (выделено мной. — *О. Г.*), то И. В. Сергеев в книге «Иван Андреевич Крылов» пищет: «Библиотека стала для него местом отдохновения: он приходил на службу, укладывался на диван с книгой в руках и был недоволен, если его отрывали от чтения»[5]. Это легенды... А действительность?

2 января 1812 г. Оленин направил министру народного просвещения А. К. Разумовскому ходатайство о принятии на должность помощника библиотекаря Крылова, «который известными талантами и отличными в российской словесности познаниями может быть весьма полезным для библиотеки». 7 января 1812 г. состоялось утверждение Крылова «библиотекарским помощником»[6]. Все 29 лет, до 1 марта 1841 г., Крылов проработал в Русском отделении Публичной библиотеки. До февраля 1818 г. «помощник библиотекаря г. коллежский асессор Крылов, обще с помощником библиотекаря 14 класса Сопиковым заведывает все печатные книги на славенском и российском языке»[7]. С февраля 1818 г., когда Сопиков тяжело заболел (а 21 июля 1818 г. умер), Крылов работает в Русском отделении один.

Понимая значение Библиотеки в деле просвещения народа, Крылов уже через два месяца после ее открытия — 12 марта 1814 г. — выступил в печати с рассказом о Библиотеке. Как бы полемизируя с человеком, который полагал создание Публичной библиотеки «рановременно», так как общество якобы еще не созрело для такой библиотеки и поэтому залы библиотеки будут пустые, Крылов сообщает ему о множестве молодых читателей, на столах у которых ежедневно находятся более 200 книг, «касающиеся до науки или до классической словесности». И как человек, служащий в этой библиотеке, он радуется рвению, «с каким россияне прибегают почерпать в источнике просвещения»[8].

Через три дня после поступления в Библиотеку, 10 января 1812 г., Крылов получил предписание Оленина о составлении, говоря современным языком, аннотированного рекомендательного каталога. Оленин распорядился: «Помощнику библиотекаря, титулярному советни-

ку Крылову по известным его успехам в российской словесности и по свойственному ему приятному слогу заняться составлением критических замечаний, которые должны были входить в состав разборных каталогов (catalogues reisonnes) или разборных книжных росписей. В сих замечаниях (по части только исторической и словесных наук, т. е. витийства и поэзии), г. Крылов должен был в виду иметь следующие предметы: 1) краткий критический разбор содержания книг; 2) критический таковой же разбор слога, 3) определение книг в число редких, полезных и изящных творений»[9]. Под словом «разборный каталог» следовало понимать аннотированный каталог, дающий «разбор» — оценку книг. До нас он не дошел. По всей вероятности, если он и велся, то недолго. Тревожное время Отечественной войны 1812 г. вызвало новые заботы. Оленин не возвращался к своему предложению, а Крылов не проявил усердия. Если верить воспоминаниям И. П. Быстрова, то в разговоре с ним Крылов признался, что он «начал было... и бросил... Скучно показалось... Да и А. Н. [Оленин] не принуждал меня. Другое дело, если б потребовал...»[10]

Начиная с первых лет службы и до конца 1820-х гг. (до прихода в Библиотеку помощника библиотекаря И. П. Быстрова) Крылов сам описывал поступающие книги на карточках, сведения с которых переносились писцами в каталожные книги. Каталог Русского отделения составлялся В. С. Сопиковым и И. А. Крыловым и в настоящее время хранится в Отделе рукописей Публичной библиотеки[11] под названием «Каталог Российским книгам в императорской Публичной библиотеке находящимся». Это рукописная книга объемом в 90 листов. В нее включено 2100 описаний книг, расположенных в алфавите заглавий. Основная масса относится к 1811—1814 гг., самый последний год издания — 1816. В начале записи указывался год издания, затем — заглавие и автор в родительном падеже, потом место издания, формат, число частей. На полях имеются карандашные и чернильные пометы Крылова и Сопикова. По-видимому, по этому каталогу проверяли и наличие книг в фонде, так как против некоторых записей отмечено «нет». В каталоге предприняты попытки объединить материал по жанровому признаку (драма, поэма и т. д.), а также под коллективным автором, например издания Академии наук. Каталог имеет двоякую ценность: как первый каталог русских книг, отражающий состав Русского отделения в 1816 г., и как библиографическая работа двух крупнейших деятелей отечественной культуры — Крылова и Сопикова. В 1814 г. для «Отчета» Крылов составил алфавитный указатель авторов книг, выданных для чтения (240 книг). Крылов впервые в истории библиотечного дела на практике применил систему шифровки книг «с одновременным проставлением шифров в каталоге, связывая местонахождение книги с каталогом»[12]. Ставились две цифры: первая означала место на полке, а вторая — чуть выше — номер полки. На некоторых книгах еще и сейчас сохранились крыловские шифры. Например, на книге «Кайсаров. Речь о любви к отечеству. 1811», кроме современного шифра 18.234. 1.103,

стоит 43[6], т. е. 6-я полка, 43-я книга. В Рукописном отделе Публичной библиотеки хранится рукопись в картонном переплете с кожаным корешком и наугольниками. На нем тисненый золотом заголовок: «Библиографические алфавитные указатели, составленные Иваном Андреевичем Крыловым, библиотекарем императорской Публичной библиотеки и писанные его рукою». Историю этой рукописи мы узнаем из двух надписей. На стр. 2 отделения «Богословие» надпись помощника Крылова И. П. Быстрова: «Алфавитные указатели, писанные Иваном Андреевичем Крыловым. В марте 1829 года он подарил мне эти рукописи, примолвив: „Вот вам, мой милый, в руководство... (И. А. улыбнулся). Было усердие... да так и оставил... Вы помоложе... потрудитесь... Я благодарил за вас Алексея Николаевича... французы выдумали сказать обо мне: «c'eśt un Fablier qu'il faut vivement secover pouv quil laisse tomber ses fruits»“ (Этого баснописца нужно сильно потрясти, чтобы с него упали плоды)...» На обороте стр. 1 запись известного библиографа С. Д. Полторацкого: «Эти указатели подарены Крыловым Ивану Павловичу Быстрову в марте 1829 года. Двадцать лет спустя подарены мне Быстровым, 3 марта 1849. Они имеют двойную цену: 1) как библиографический труд знаменитого баснописца, 2) как автограф. Переплетены в Петербурге 6 марта 1849»[13]. Мы продолжим «жизненный путь» этой рукописи. В 1964 г. — в 150-летний юбилей Публичной библиотеки — она была подарена Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, куда поступила с архивом С. Д. Полторацкого. Исследователь жизни и творчества И. А. Крылова С. М. Бабинцев утверждает, что эти указатели сделаны в ответ на предписания Оленина (от 13 мая 1821 г.) всем библиотекарям выделить в особые реестры книги, «...которые библиографами признаются редкими или любопытными, в чем г. г. чиновники Библиотеки, сверх собственных их наблюдений и открытий, могут руководствоваться: а) находимыми в самых таковых книгах замечаниями о их редкости и особенном достоинстве, сделанными библиотекарями бывшей Залусской библиотеки и особенно г. библиотекарем Яноцким, б) известными библиографическими сочинениями Дебюра, Реноара, Пеньо и других. 2) По мере изготовления реестров редких книг (которых заглавия должны написаны быть сколько можно полнее) отдавать оные для переписки Гампельну и по переписке представлять мне за подписанием г.г. чиновников, занимавшихся составлением их. 3) Если по какому-либо отделению число редких книг будет весьма велико, то чиновник, заведывающий оным, должен разделить реестр таких книг на многие частные реестры, состоящие из 3-х до 6 листов письма, представляя их мне один реестр после другого»[14]. Мы позволили себе привести такой длинный текст цитаты, чтобы опровергнуть ошибочное утверждение С. М. Бабинцева. Во-первых, следует напомнить, что распоряжение Оленина было дано для выполнения предписания Министерства народного просвещения представлять описания раритетов для публикации в его журнале, а не как библиографические списки. Если предположить, что дата, по-

ставленная на 2-м листе в левом нижнем углу «1821 авг. 25», якобы является датой начала работы, то как объяснить записи на листе 37 и его обороте, сделанные рукой Сопикова, умершего в 1818 г.? Зачем для реестра редких книг проставлять крыловские шифры? Как осмелился Крылов не выполнить указания Оленина писать заглавия «сколько можно полнее», а запись производить коротко? Почему описание книг производится не по Инструкции, принятой в Библиотеке в 1819 г., которая предписывала составлять описание книги под именем автора, если даже оно не значилось на титульном листе, а устанавливалось по другим частям книги? Зачем в реестре редких книг широко применять систему отсылок, предметизацию материала? Вопросы «зачем» можно продолжить. Но и поставленных достаточно, чтобы усомниться в утверждении Бабинцева, что «в указатель включены были прежде всего книги редкие, представляющие, по мнению Крылова, историческую или художественную ценность»[15]. Ознакомимся подробнее с содержанием указателя, которое также опровергает утверждение Бабинцева о принципе редкости изданий, включенных в указатель. В указатель включено 3327 русских книг, вышедших в период с 1663 по 1822 г. и разделенных на 8 отделений: богословие (590 книг), философия (333), право гражданское (295), механические искусства (154), физика и химия (55), история естественная (88), красноречие (789), стихотворство (1023). Бабинцев полагает, что разделы, выделенные в оленинской системе (математика, медицина, языкознание, история, изобразительное искусство, музыка и проч.) и отсутствующие в указателе, были, но где-то затерялись[16]. Вполне возможно. Внутри отделений книги расположены в алфавите существенных слов заглавия, т. е. предметных слов. Часто встречаются и описания нескольких изданий одной книги. В двух подотделах применяется два принципа расположения материала: алфавит названий и алфавит авторов («Оды» — л. 95—97 об. и «Песенники и песни» л. 97 об. — 98). Как пишет С. М. Бабинцев, «Крылов старался так составить свой указатель, чтобы и библиотекарь, и читатель могли быстро найти литературу по интересующему их вопросу»[17]. О каком же принципе редкости может идти речь? По подсчету Бабинцева, в рукописи около 300 ссылок. Для облегчения нахождения некоторые книги отображены в двух отделах. Например, в отделении «Физика и химия» на л. 64 указана книга: «Воздушные камни Стойкович. см. естеств. история», в отделении «История естественная» на л. 67 та же книга: «Воздушные камни Стойкович». Из всех своих пьес Крылов включил в указатель лишь вторые издания комедий «Модная лавка» и «Урок дочкам». Из семи изданий басен, вышедших до 1820 г., указаны 5. Хорошо представлены русские и иностранные писатели: Ломоносов, Державин, Гнедич, Жуковский, Хемницер и др., Байрон, Вольтер, Сервантес, Тассо, Мильтон, Овидий, Теренций. Вряд ли осмелился бы Крылов указать в числе редких книги А. И. Галича для помещения в «Журнале Министерства народного просвещения»: показанная Крыловым двухтомная «История философских систем» была названа

попечителем Петербургского учебного округа мракобесом Руничем «тлетворным ядом» и признана вредной книгой. Так же сомнительной кажется рекомендация для публикации в «Журнале Министерства народного просвещения» антикрепостнической книжки Стройновского в переводе Анастасевича. Вряд ли редкими и «любопытными» были в те годы издания «Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения»: «Взаимное обучение. Краткая метода для первоначальной школы российских солдат, приспособленная равно и для детей» (1817); Н. Греч «Руководство по взаимному обучению» (1819); Гамель «Описание способа взаимного обучения по системе Белля, Ланкастера и других» (1820). Общество уже в 1820 г. правительством было закрыто. Сомнительно, чтобы в таких условиях в 1821 г. Крылов включил эти книги в свой указатель «редкостей» для официального журнала. В подразделе «Комедии» Крылов указал в основном комедии последних лет — А. А. Шаховского и М. Н. Загоскина, «Молодые супруги» А. С. Грибоедова, в подразделе «Физика и химия» — главнейшие руководства и учебные курсы, а также книги, знание которых могло помочь развитию промышленности: это книги по электричеству, прикладной химии, селитровому производству. Все это, по нашему мнению, является свидетельством того, что указатели начали создаваться не с августа 1821 г., а еще до 1818 г., года смерти Сопикова, носили они чисто рекомендательный характер и предназначались для пропаганды среди читателей лучших книг по всем отраслям знания.

С 1818 г. шла усиленная работа всего штата Библиотеки над каталогами. Каталог на русские книги составляли И. А. Крылов и его помощник М. Н. Загоскин. Оба они приняли активное участие в многочисленных обсуждениях сотрудниками Библиотеки во главе с А. Н. Олениным правил написания каталогов и представили свои письменные соображения — ответы на 11 оленинских вопросов. Обстоятельной была «записка» Крылова. В своих ответах[18] он исходил из того, что библиотекарь не общается с читателем, когда тот записывает свое требование в «назначенную тетрадь». Он лишен возможности уточнить данные о книге у «требователя» или «пособить его памяти». Из-за неточности своего требования читатель получает отказ или долго ждет выполнения заказа. Поэтому каталоги должны, во-первых, помочь читателю «приискать» нужную книгу и правильно ее записать и, во-вторых, быть так составлены, чтобы библиотекарь «в самой скорости» смог найти книгу в фонде. И как бы полемизируя с Олениным, который многое возлагал «на местную память» библиотекаря, Крылов писал, что «удобность приискивания» должна зависеть не от опытности или «долговременной» службы библиотекаря, а «от хорошего способа, придуманного для прискания книги как в каталогах, так и в шкапах». Каталог необходимо так организовать, чтобы им мог успешно пользоваться «вновь поступивший» библиотекарь. Для этого Крылов видел один способ — каталоги создавать «по материям» книг (т. е. систематический), но только по главным

разделениям. Внутри — по алфавиту названий книг, а не авторов. Крылов ссылался на свой опыт: читатели лучше помнят название книги, чем ее автора. Если же полностью использовать библиографическую систему Оленина, то фактически будет 363 алфавитных каталога по «материям». А если учесть, что каталоги делятся по языкам, то каталогов будет в 10 раз больше! Это чрезвычайно затруднит их использование. Больше всего пугало Крылова при дробном делении каталогов — субъективность отнесения книг к мелким разрядам, при котором «мнения самих библиотекарей будут несогласны». Алфавитный каталог может быть только «второстепенным» каталогом, который служит «указателем для желающих иметь полные сочинения авторов, рассеянных по разным отделениям». В отличие от мнения большинства библиотекарей, относящих журналы к отделению полиграфии, Крылов считал, что они должны входить «в особливую библиографическую статью». Признавая «для внутреннего порядка» форматную расстановку книг на полках, Крылов считал «трудом бесконечным» составлять каталоги по форматам. Нововведением Крылова было предложение о так называемой «нумерационной тетради». При описании книги на обороте карточки ставить порядковые номера карточки, комнаты, полки и шкафа. Иными словами, предлагался шифр книги. Форма описания выглядела так:

№ карточки	Комиата	Шкаф	Полка	№ книги на полке

Номера карточек должны оставаться «единожды и навсегда непременны». Порядковый номер по каждому разделу получают новые поступления или, как говорил Крылов, «вносные книги, хотя будут поступать всякая в приличный ей разряд и в ту литеру, куда следует, но номер в карточке, принадлежащий ей, вносится с нею вместе в первую графу и следственно никакой сбивчивости не причиняет, ибо каталоги книг как бы ни переменялись, но номера карточек непременны и продолжаются по языкам своим порядком»[19]. Предлагаемая «нумерационная тетрадь» была нечто вроде инвентарной книги, или топографического каталога, предназначалась для библиотекарей. Больше чем на 20 лет Крылов опередил введенную в 40-х гг. в Публичной библиотеке практику использования шифра, связывающего книгу и каталог. Крылов предложил начинать описание с номера карточки, затем указывать год и место издания, название, формат, число томов, число переплетов. При этом титульный лист точно копировался. Автор мог быть в конце описания, в середине его и т. п. Для выделения автора Крылов предлагал фамилию его подчеркивать «прямой линейкою», переводчика — «змеечкою, а над толкователем ставить звездочку или какой другой по благоусмотрению принятой знак». «Особые примечательности» книги отмечались «отступя на треть расстояния» под особой звездочкой.

«Номерационная тетрадь», по мнению Крылова, «самый верный и легкий способ по отыскиванию книги». Читатель при выписке требования обязан писать, кроме названия, и номер книги, без чего «требование его не будет выполнено». Библиотекарь по «номерационной тетради» сразу же отыскивает номер, узнает шифр книги и быстро достает ее с полки. «В случае болезни или отлучки библиотекаря всякий чиновник вместо ево может удовлетворить требование», — писал Крылов. Так же легко вернуть книги на место. «...Может случиться такое количество книг, — писал Крылов, — что никакая память не будет достаточна их в себе удержать, а особливо в том случае, чтобы знать, находится ли подлинно такое то мелко творение в библиотеке, между тем как требователь, выставя номер, не только уверяет, что она находится, — но и где именно». Крылов писал свои предложения не умозрительно, а руководствуясь собственным опытом. В Русском отделении именно так и были организованы каталоги. Эта записка — свидетельство мнения Крылова, что составляемыми каталогами читатели будут пользоваться обязательно. Примечательно и другое: Крылов предлагал конкретное решение с шифром книги — обозначение комнаты, полки, шкафа, где книга находилась. Крылов «не сделал только последнего вывода, который следовал из его мыслей о лучшем способе нахождения книг, а именно, что в хранении не нужна систематическая расстановка, книга может на полках стоять где угодно, лишь был бы на ней шифр»[20]. Предлагаемая Крыловым система каталогов: систематическо-алфавитный (по названиям книг) и топографический — только в первые годы их ведения могла быть четкой и легкой для использования. В первом каталоге нелегко было отыскать сразу автора, так как он составлялся внутри раздела в алфавите названий. По топографическому каталогу нельзя было сразу навести справку о книге: нужно было подойти к полке и по шифру найти книгу. Систематический каталог времен Крылова не был тем систематическим каталогом в нашем современном понимании. Он не ставил перед собой задачу раскрыть фонды по содержанию, помочь читателю представить, что же имеется в библиотеке по данной отрасли знания. Он помогал только библиотекарю определить, есть ли запрашиваемая книга в Библиотеке. По сути дела, играя роль алфавитного каталога, систематический каталог тех лет облегчал библиотекарю поиски тем, что он искал книгу не во всей массе литературы, хранящейся в Библиотеке, а только в небольшой и специально подобранной ее части[21].

Так как у Загоскина опыт составления каталога был такой же, как у Крылова, то его «Записка» в основе своей мало чем отличается от крыловской[22].

Оленин не воспользовался предложениями Крылова и Загоскина. Записи внутри отделений рекомендовано было располагать в алфавите авторов, оставляя запасные чистые листы. «Номерационная тетрадь» не была распространена на все языки, велась только в Русском отделении, так как Оленин отказался от идеи шифра. Крылов и

Загоскин усиленно трудились над систематическим каталогом. Для своих книг они составляли алфавитный авторский каталог. «Сделайте одолжение большое, Михайла Николаевич, пришлите ко мне сюплементные [дополнительные] тетради и дополнительные №№ каталога, да также тетради имен сочинителей, — писал Крылов Загоскину, — я займусь дома, ибо у меня горло болит, и думаю, что сегодня не выйду со двора»[23]. Работа шла довольно быстро. К декабрю 1819 г. были написаны 2 тома каталога на русские книги объемом 1330 стр., содержащие 4636 названий[24]. Каталог делился на 18 библиографических отделений: 1. богословие, 2. правоведение, 3. философия, 4. история народов, 5. естественная история, 6. врачебство, 7. физика, 8. химия, 9. математика, 10. механические искусства, 11. свободные искусства, 12. музыка, 13. изящные художества: ваяние, живопись, зодчество; словесные искусства, 14. стихотворчество, 15. красноречие, 16. языкознание, 17. полиграфия, 18. история словесности[25]. Но этот каталог не был предназначен для читателей.

12 марта 1820 г. Оленин ходатайствовал о награждении чиновников, закончивших составление каталогов. В характеристике Крылова Оленин подчеркивал, что «вопреки природной наклонности к беспечной жизни» «к удивлению всех» он уже несколько лет «ревностно и неутомимо» трудится, с «отличным рвением и успехом» над составлением каталогов русских книг. В его служебные обязанности входили и выступления с чтением басен на торжественных собраниях. Его творения всегда воспринимались присутствующими «с отличным удовольствием»[26]. Оленин просил наградить его орденом Владимира 4-й степени. Но, «уважая отличный стихотворческий талант, которым пользуются с равной выгодой и дети, и юноши, и взрослые, и престарелые, уважая равным образом и его добродушие, соединенное с отменною остротою ума», и зная его «тесные» обстоятельства, Оленин просил для Крылова «вещественнейшего награждения»[27]. Император ходатайство удовлетворил. 24 марта 1820 г. особым царским указом «повелено» «производить» Крылову «в прибавок к получаемому им с 1812 г. пенсиону еще 1500 р. ежегодно»[28]. Кроме того, за составление каталога Крылова наградили орденом Владимира 4-й степени; Загоскина — орденом Анны 3-й степени, что на три порядка ниже.

До нас дошло немало свидетельств библиографической деятельности Крылова. По указанию Оленина (29 августа 1814 г.) Сопиков и Крылов составляли реестры романов, сказок, повестей, по их мнению, дурно влияющих на нравственность молодежи. Оленин писал, что Публичная библиотека должна «служить любящим учение к приобретению истинного просвещения и познаний», а поэтому она должна «всеми силами и способами направлять юношество на истинный сей путь», удалять все, что «служит к развращению нравов, к чему способствовать могут многие романы»[29]. В апреле 1829 г. по указанию Оленина для Министерства народного просвещения Крылов составляет список книг по разным вопросам просвещения. 20 марта 1833 г.

Кукушка и Горлица

Кукушка на суку печально куковала —
Что кумушка ты такъ грустна?
Ей съ вѣтки ласково Голубка ворковала:
Или о томъ, что ужъ прошла весна
И съ ней любовь; спустилось солнце ниже
И что къ зимѣ мы стали ближе? —
Какъ бѣдной мнѣ не горевать:
Кукушка говоритъ, будь ты сама судьею:
Любила счастливо я нынѣшней весною
И наконецъ я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать.
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы
И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вкругъ матери утята,
Какъ сзываетъ въ кругу дочекъ подъ крылышко;
А я, какъ сирота, одинехонька сижу
И что есть дѣтская привѣтливость, не знаю —
Бѣдняжка! За тебя сердечно я страдаю.
Такъ у тебя ужъ дѣти есть? —
Когда жъ ты гнѣздо успѣла свить? —
Я этого и не видала:
Ты всё порхала, да летала..

Вотъ вздоръ! чтобъ столько красныхъ дней,
Я сидя на гнѣздахъ напрасно потеряла!
Ужъ это было бы всего глупѣй —
Я яицы всегда въ чужія гнѣзды клала.
Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?
Ей Горлица на то сказала.

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье.
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь всегда порокъ.
Но естьли выросли они въ разлукѣ съ вами
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ;
Не вы ли виноваты сами,
Коль въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

Автограф басни И. А. Крылова, прочитанной им на торжественном собрании Публичной библиотеки в 1817 г.

Оленин поручил Крылову выделить для Министерства внутренних дел книги и планы о Петербурге[30]. Через два дня Крылов представил реестр, содержащий 14 книг, изданных с 1741 по 1826 г. Для известного военного историка А. И. Михайловского-Данилевского Крылов и Быстров подготовили список исторических сочинений об Отечественной войне 1812 г. и походах А. В. Суворова в Италию и Швейцарию.

Порой Крылов выступал, так сказать, в роли «домашнего» библиографа. Читая внимательно все периодические издания, он делал для своих друзей всякие заметки: для Оленина, например, отмечал все статьи, относящиеся к домоводству, технологии и хозяйству вообще[31]. Крылов был первым учителем известного в будущем библиографа И. П. Быстрова. «Ивану Андреевичу обязан я первыми уроками и некоторыми сведениями моими в библиографии. Советы и наставления его заохотили меня к изучению сей науки, — вспоминал И. П. Быстров. — В мае 1829 года И. А. писал мне: „Пришлите мне мои карточки. Что у вас сделано? Не скучаете ли новою должностью? — Старайтесь, старайтесь, мой милый! Сопиков много трудился, ему и честь. Но не без греха и он, и при ссылках на него, будьте осторожны“»[32]. По совету И. А. Крылова Быстров в 1831 г. стал заниматься составлением алфавитного указателя к русским периодическим изданиям, и Крылов постоянно следил за ходом работы[33]. Речь идет о библиографическом труде «Указатель статей по истории в периодических изданиях в России от начала их издания по 1846 год».

Крылов свое прекрасное знание книги вообще и литературы в частности проявил при комплектовании русских книг. Библиотека была небогата русскими книгами, вышедшими до 1811 г., до года получения обязательного экземпляра. Первоочередной задачей стало создание полного репертуара русской книги. В обязанности Крылова входила тщательная проверка поступления обязательного экземпляра. А так как в те годы не было еще государственной регистрации, то для осуществления проверки нужно было постоянно следить за книжными обозрениями, рекламными объявлениями в периодической печати, за книготорговыми каталогами, за поступившими в продажу книгами. Это была ежедневная, кропотливая и с каждым годом увеличивающаяся работа. О всех «недосдачах» Крылов и Сопиков сообщали Оленину, который немедленно принимал «меры». Например, 20 февраля 1813 г. Оленин писал И. Ф. Крузенштерну: «В № 15 „Сев. пчелы“ сего года объявлено о напечатании третьей части совершенного вами вокруг света путешествия. По поводу сего объявления, равно и по неимению в импер. Публичной библиотеке первых двух частей сей книги, напечатанных прежде, я долгом считаю... обратиться к вам с почтительною просьбою о дополнении хранящихся в сем заведении русских путешествий, изданным вами на разных языках описанием знаменитого путешествия вашего»[34]. Крузенштерн прислал запрошенные книги. 29 марта 1814 г. Крылов,

дежуря в читальном зале, выдавал читателю все три части путешествия Крузенштерна[35]. Крылов считал неправильным сокращение обязательного экземпляра до одного по цензурному уставу 1829 г. Библиотека, по убеждению Крылова, нуждается в двух экземплярах, «ибо читатели всегда более требуют новых книг». Причем Крылов полагал, что для авторов и издателей нет особой разницы, один или два экземпляра представлять в Библиотеку. «Я всегда рассматриваю книгу, — говорил Крылов, — в 2-х обстоятельствах (даже можно сказать: крайностях): или она вся раскуплена будет, или совсем нераскуплена. В первом случае издатель теряет безделицу, в какой-нибудь полушки с рубля, а во втором случае теряет то, что и без того пошло бы у него на обертки. Сколько же авторы дарят книг своих по пустому вельможам, знакомцам и даже друзьям. Вот Ж[уковский] раздарил свои сочинения всем девочкам при Дворе, ведь, я чаю, тысяч на шесть. — Я ему говорил: „К чему это? Хотят читать, купят сами. Другое дело подарить мне: я и сам отдарю, а кроме того, знаешь, что не завожу у себя библиотеки: любить тебя, люблю, а покупать книг твоих не стану". Но слова мои были напрасны»[36]. В разговоре с цензором К. С. Сербиновичем Крылов, в своей добродушной манере, высказал вообще отрицательное отношение к новому цензурному уставу. На вопрос цензора об отношении Крылова к этому уставу он ответил: «Прекрасно, прекрасный! все хорошо, все хорошо! только вот, правду сказать, вкралось в него одно неопределительное место, которое непременно бы надобно пояснить. В нем сказано, чтобы цензура обращала внимание на дух или намерение автора». По мнению Крылова, такая формулировка дает право каждому толковать «по своему». «Я не спорю, и даже сам первый готов утверждать, — говорил Крылов, — что должно удерживать писателей от излишества; но это зависит от ума правительства и цензора». И далее Крылов поясняет, что он понимает под авторским «излишеством». «Если бы кто вздумал осмеять порок в знати без самих личностей, назвав вельможу сенатором, то это можно ему дозволить, но если бы он же затеял всегда и везде описывать все худое в сенаторах, то должно остановить сии действия: ибо всяк видит, что народ, читая лишь одно дурное о сенаторах, станет терять всякое к сему сословию уважение. Так действовали французские авторы на читателей, чтобы ослабить в них всякое уважение к духовенству, а в народе вместе с сим уважением ослабляется уважение и к религии. Но можно ли, с другой стороны, дозволить чтобы цензор решительно и с первого разу судил о намерении автора и запрещал бы сочинение его по произволу. Если так, то злонамеренный или трусливый цензор может быть строг до излишества»[37]. Далее идет весьма примечательное рассуждение Крылова об аллегории, сатире. «Кто, например, проникнуть может в тайный смысл аллегории? Кто узнает личность в подробностях какой-нибудь сатиры? Положим, что тут задели какого-нибудь знатного вельможу. Но если бы цензор и вздумал обнаружить сию личность, то не сам ли бы первый тем оскорбил сего

вельможу? Ему остается лишь пропустить пьесу, в безмолвии. (Так, вероятно, поступали цензоры со всеми баснями Крылова. — *О. Г.*) Узнают сию личность другие: цензор должен быть в стороне... Правительство всегда может найти средства обуздать дерзких»[38].

Неоднократно Крылов представлял Оленину рапорты о неполученных из цензуры и других мест обязательных экземплярах. В июле 1831 г. он докладывал Оленину, что «выправка книг из разных библиографических известий за прошедший 1830 и частично за 1829 годы по вверенному мне Русскому отделению учинена. Каких же именно из находящихся в продаже книг, из цензурных комитетов и других мест в Русском отделении императорской Публичной библиотеки по сие время не получено, то подробно значится при сем реестре»[39]. 21 февраля 1835 г. Крылов подал Оленину рапорт с приложением списка книг, «недоставленных по закону». В списке 16 названий, в основном издания 1834, 1833, 1829, одно 1825—1826 гг. В рапорте указывались и дефектные книги. Даже А. И. Михайловскому-Данилевскому, для которого был составлен список литературы, пришлось напомнить (19 ноября 1839 г.) о присылке в Библиотеку его книги «Описание Отечественной войны в 1812 году»[40]. Немало труда вложено Крыловым в поиск книг, вышедших до 1814 г., в рецензирование рекомендуемых для покупки книг. В 1819 г. Крылов оценивал книги, предложенные содержателем театральной типографии А. Ф. Похорским. При этом Крылов очень детально рассмотрел предлагаемые книги, расклассифицировал их на несколько групп по их стоимости. По рекомендации Крылова в 1821 г. купили 110 книг за полцены у книгопродавца М. Глазунова[41]. Крылов написал на реестре: «Означенные в сем реестре книги в библиотеке не значатся и приобретение оных было бы полезным оной приумножением»[42]. Среди приобретенных книг были «Собрание сочинений» А. Н. Радищева (1804), «Крестьянские сказки» (М., 1790), «История российская» В. Н. Татищева (М., 1768). Особенно значительна была покупка книг у книготорговца А. Ф. Смирдина. 30 ноября 1827 г. Крылов писал Оленину: «Полагая нужным приумножение недостающих книг по русской части в императорской Публичной библиотеке, вышедших из печати прежде 1811 года и, пользуясь выгодным для сего случаем, представившимся ныне,— имею честь донести вашему превосходительству, что С.-Петербургский книгопродавец Александр Смирдин по приложенным при сем 3-м реестрам представил в Библиотеку различных званий книги по ценам в каталогах его означенным на 12 449 р. 40 к. и, скидывая с сей суммы 7152 р. 20 к., уступает оные книги за 5297 р. 20 к., сверх сего представил он для покупки газеты с-петербургские и московские с 1728-го по 1800 год различных годов, 41 год по 5 р. за том в переплете и притом из усердия выменивает около 500 разнопереплетенных книг, поступивших в Библиотеку с 1811 года, на книги тех же званий в одинаковом, лучшем, а многие даже в богатом переплете без всякой платы». Эти условия Крылов считал «весьма выгодными для пользы императорской Публичной библиотеки»[43].

В 1829 г. Крылов написал «Представление» Оленину о новом предложении Смирдина — уступить за полцены книги, отсутствующие в Библиотеке. Всего было куплено у Смирдина 2804 названия художественной литературы, книги по географии, математике, астрономии, военному делу, медицине, сельскому хозяйству, домоводству. По указанию Оленина Крылов дал пространную характеристику книг, подаренных Библиотеке купцом Е. В. Косицким. В своем заключении Крылов, в частности, писал: «Хотя многие из них уже находятся в императорской Публичной библиотеке, но как по важности своей весьма нужно иметь их для употребления и в дублетах, то сие приобретение нахожу я полезным для Библиотеки, где часто случается несколько требователей на одну книгу. ... При том же купец Косицкий предлагает заняться изысканием недостающих российских книг в Библиотеке и покупать их на свое иждивение для пожертвования со временем безденежно в пользу императорской Публичной библиотеки... усмотрение Вашего превосходительства, я с своей стороны нахожу, что как пожертвование, так и намерение Косицкого заслуживает всякое одобрение и поощрение со стороны начальства»[44]. В 1830 г. Крылов давал заключение на 781 книгу, подаренную книготорговцем Андреем Глазуновым: «Нахожу, что хотя большая часть оных книг состоит в сочинениях мелочных, но так как в Библиотеке их не находится, то пожертвование г. Глазунова заслуживает внимание правительства»[45]. В результате Оленин дал А. Глазунову звание комиссионера Библиотеки и «право выставлять... над книжными лавками герб Публичной библиотеки»[46]. В 1838 г. Крылов подтвердил, что книги, представленные на продажу П. Я. Актовым, «не были известны библиографам»[47].

Немало труда потратил Крылов вместе с Востоковым, принимая в Библиотеку ценнейшее собрание старопечатных книг и рукописей графа Ф. А. Толстого. Оно содержало 377 книг и 1300 рукописей. При приеме обнаружили отсутствие одной книги и шести рукописей. Крылов докладывал Оленину 23 июня 1830 г., что ни одной предлагаемой взамен книги он не может принять, так как «ни одна ни редкостью, ни древностью печати, не может заменить книги, им недоставленной: ибо все они или новейшей печати, или находятся в императорской Публичной библиотеке»[48]. Крылов дополнил «изустным объяснением», что отсутствующую книгу могла бы заменить изданная в Венеции «Катифорова История Петра Великого» с гравюрами. Завязалась переписка с графом Толстым, который обещал достать Библиотеке недостающую книгу, так как его библиотекарь П. М. Строев, отсутствовавший в то время, утверждал, что книга эта есть в Москве. Между прочим, Толстой писал в письме, что указанная Крыловым книга имеется в Публичной библиотеке, «о чем мне сказывал утвердительно Николай Иванович Гнедич, — следовательно вы и не имеете нужды лишать сей примечательной книги»[49]. В ответном письме, как обычно обстоятельном и витиеватом, Оленин (9 июля 1830 г.) писал: «Сей книги действительно в нашем Публич-

ном книгохранилище не имеется и что она весьма любопытна, не столько текстом своим, как приложенными в ней изображениями... Что же касается сказанного... Гнедичем, будто Катифорово сочинение находится в Библиотеке, то г. Гнедич утвердительно мне объявил, что он... говорил о Житии Петра Великого, изданном на латинском языке, которое действительно находится в Публичной библиотеке, но он разумел напечатанный в Вене журнал или дневник путешествия Гвариента, отправленного в 1698 году от Римского Императора. Леопольда I-го к царю Петру Алексеевичу...»[50] Несмотря на некоторые шероховатости во взаимоотношениях с Библиотекой, Ф. А. Толстой в письме к своему библиотекарю, историку П. М. Строеву (12 июня 1830 г.) сообщал: «Я очень доволен, что библиотека наша в хороших руках»[51].

Большая библиографическая работа была проделана Крыловым при оценке русских книг для их страхования. В 1829 г. Публичная библиотека впервые провела страхование своих зданий и книг Русского отделения, для чего нужно было определить общую стоимость русских книг. В феврале 1829 г. Крылов сообщал Оленину: «В следствие предписания Вашего превосходительства 11 февраля сего года об оценке русских книг императорской Публичной библиотеки, соображался я с каталогом Смирдина, как лучшим новейшим и самым полным, а также и с другими каталогами, равномерно и с библиографиею Сопикова и нашел, что многих названий у них не находится, а другие (по каталогу Сопикова) по давности тиснения их, становятся редки, а потому и цена их возвышается ежегодно, со всем тем приближаясь сколько можно к вероятности я заключил, что Российское отделение императорской Публичной библиотеки может быть оценено во 150 т. рублей — о чем сим имею честь донести Вашему Превосходительству. Февраль 18 дня 1829 год. Библиотекарь Иван Крылов»[52]. Но в следующем, 1830 г., страховое общество потребовало показать цену каждой книги. Следовательно, нужно было создавать каталог русских книг с указанием цен. Давая предписание Крылову, Оленин, как обычно, раскрыл и методику работы. «С моей стороны полагаю, согласно с донесением вашим... от 18-го февраля прошлого 1829 года, — писал Оленин, — ...что в назначении цен русским книгам можно будет руководствоваться каталогом книгопродавца Смирдина, как лучшим, новейшим и самым полным, а в случае могучей открытия неполноты оного, другими каталогами, библиографиею г. Сопикова и вашими собственными соображениями, в прибавлении же цены за переплет книг, по моему мнению, можно будет держаться счетов переплетчиков, работавших для императорской Публичной библиотеки, а в случае неимения таковых счетов, принимать оценку вольных переплетчиков...»[53] Крылов по этому поводу сообщал: «...многих книг в Смирдинском каталоге не находится, а в Сопиковском показана цена их, бывшая за 30 лет и прежде, и оная по малости своей с нынешними ценами совсем несообразна, сверх того, многих книг в обоих сих каталогах нет и следст-

венно нужно справляться и отыскивать их во множестве других каталогов, что и должно занять значительное время, а равно и справку по переплетной части о книгах с учреждения Библиотеки для выставления цен невозможно учинить в весьма короткое время. Как же скоро соберу я все надлежащие о том сведения, то немедленно приступлю к исполнению предписания Вашего превосходительства» [54].

Крылов, как видим, активно помогал Оленину в комплектовании Библиотеки русской книгой. В своем донесении уже в марте 1829 г. Крылов писал, что в Русском отделении «находится ныне десять тысяч шесть — 10 006 названий русских книг, не считая дублетов и повторенных тиснений», с которыми книг было около 30 тыс. томов. Крылов полагал, что «мало остается сделать приобретений для укомплектования сего собрания изданиями, вышедшими до 1811 года» [55]. Сметливый, практический ум помог Крылову, употребляя современные термины, внести рациональные предложения как по расстановке фондов, так и по обслуживанию читателей. Для более удобного хранения малоформатных изданий Крылов придумал картонные футляры в форме толстых книг и «разложил в них по авторам летучие изделия книжной промышленности» [56].

В 1815 г. Крылов подготовил специальные правила пользования книгами в читальном зале. По этим правилам, если книга нужна еще читателю для работы, то он каждый раз при ее возвращении дежурному вкладывает в нее особую заметку, специально приготовленную, «на которой напечатано текущее число месяца». Книга, не имеющая заметки, считается не нужной читателю и сдается дежурным на следующий день в фонд. «Книги, которые по остающимся в них заметкам не были читаемы более двух недель, обращаются в отделения, из которых они были выданы». Так же поступают и с теми книгами, которые «после вытребования» не были у читателя в течение двух недель. Положенные читателями заметки при выдаче каждый раз вынимаются дежурными [57]. Некоторые положения крыловской системы сохранились и до сих пор. Заботясь о читателе, Крылов предложил Оленину в 1834 г., когда Библиотека получала один обязательный экземпляр, постоянно приобретать по 2 экз. всех выпусков Свода законов [58]. В 1815 г. Оленин поручил Крылову «сверх настоящей своей должности» заниматься разбором имеющихся в Библиотеке эстампов [59]. По документам, еще и в 1821 г. Крылов разбирал эстампы. Впоследствии эту работу выполнял почетный библиотекарь художник И. Иванов.

27 февраля 1829 г. Крылов обратился к Оленину с просьбой об определении писца Быстрова к себе в помощники. Он писал: «С количеством [книг] возросла также и трудность как в содержании в порядке книг, так и в приготовлении чистых письмом карточек для составления каталогов, при том находится множество других занятий по сей части, как вашему превосходительству небезызвестно. А как я нахожусь по русскому отделению один, то при всем моем усер-

дии не могу выполнить всего, что требуется для содержания оного в совершенном порядке тем более, что с беспрестанным получением новых книг и труд в исправлении службы возрастает. Почему и нахожу нужным представить вашему превосходительству дабы благоволено было в помощь мне определить писца — и нашел, что для сего может быть способен губернский секретарь Быстров» [60]. Оленин «уважил» просьбу Крылова. А в сообщении министерству (от 20 марта 1829 г.) писал, что не мог «не уважить просьбы» Крылова, которому «по значительному умножению книг в вверенном ему отделении Библиотеки, по трудности библиотекарской деятельности в Публичной библиотеке, и по немолодым его летам, действительно нужен помощник». В начале своего донесения Оленин перечислил круг обязанностей Крылова: прием книг, «вступающих в Библиотеку из разных мест, размещение сих книг по библиографической системе; выдача книг для чтения посетителям библиотеки; обратное получение и немедленная расстановка книг в надлежащие места, для сохранения порядка» [61]. Для усиления довода о необходимости помощника Крылову Оленин пишет, что он «и прежде сего имел помощников в покойном губернском секретаре Сопикове и в уволенном от Библиотеки титулярном советнике Васильеве, а в последние годы по особенному усердию к службе помогал ему временно в выдаче читателям книг и в обратном приеме оных в Русское отделение занимающийся письменными делами коллежский секретарь Протопопов» [62]. В своем перечислении Оленин почему-то не назвал М. Н. Загоскина и А. А. Дельвига. Загоскин был переведен из почетных членов, в которые был избран в 1817 г., в помощники библиотекаря 6 августа 1818 г. Проработал в этой должности сравнительно недолго — меньше 2 лет и уволился «по собственному прошению» 5 июля 1820 г. Кроме выполнения обычных дежурств по обслуживанию читателей, принимал активное участие в составлении каталогов русских книг. Как гласят документы, Загоскин даже «своеручно каталог переписывал» [63]. «За полезные для Библиотеки труды» был оставлен в звании почетного библиотекаря [64].

Загоскин был вхож в салон Оленина, участвовал во всех его начинаниях, и между ними сохранились добрые отношения и после отъезда Загоскина в Москву. В своих письмах к Гнедичу, Лобанову из Москвы Загоскин все время передавал приветы всем сослуживцам, и особенно Крылову и Оленину. В ответных письмах ему сообщали все библиотечные новости. «В Библиотеке все по-прежнему, — пишет М. Е. Лобанов 18 сентября 1823 г., — и все наши здоровы. Иван Андреевич захворал было, и весьма серьезно, но поправился, и теперь как маков цвет... Николай Иванович здоров и оканчивает свою Илиаду» [65]. В 1829 г. вышел роман Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Оленин писал Загоскину 3 января 1830 г.: «...я в восхищении от вашего романа и не я один. Это чувство я разделяю с В. А. Жуковским и с Н. И. Гнедичем — и со

всеми, кто успел его прочесть» [66]. Может быть, увлечение Загоскина русской историей пришло после общения с участниками оленинского кружка?

Через несколько месяцев после ухода Загоскина из Библиотеки с 1 сентября 1820 г. в Русском отделении стал работать А. А. Дельвиг. Поэт, большой друг Пушкина, он хорошо знал Публичную библиотеку, посещая ее как читатель. До нас дошли документальные свидетельства, что в 1817—1818 гг. Дельвиг был читателем Библиотеки [67]. Первое время, год и один месяц, Дельвиг работал в Библиотеке бесплатно: 1 сентября 1820 г. он начал службу в Русском отделении Библиотеки и только 2 октября 1821 г. [68] был зачислен на должность помощника библиотекаря. Еще до определения в штат Дельвиг дежурил наравне с другими служащими [69], занимался в «читальные дни» выдачей и приемом книг из фонда [70]. Любопытно, что в своих распоряжениях по Русскому отделению Оленин не выделял ни Крылова, ни Дельвига: просил сдать русские книги «с росписокою которого-нибудь из заведывающих оным г.г. чиновников» или «которому-нибудь из чиновников, имеющих смотрения за русскою библиотекою»[71]. Служба в Публичной библиотеке дала возможность Дельвигу «довершить свое литературное образование»[72]. Он много читал, поражая всех своей начитанностью. Увлечение Дельвига античностью нашло полное понимание в кружке Оленина, но врожденная беспечность Дельвига не могла не сказаться и на работе в Публичной библиотеке. Особенно строго Оленин следил за исполнением служащими суточных дежурств в Библиотеке, считая это одним из существеннейших условий в деятельности библиотекарей и их помощников, так как дежурный отвечал за порядок и безопасность Библиотеки. Только продолжительная и тяжелая болезнь освобождала от дежурств. Оленин неоднократно предупреждал, что те, кто не в состоянии «исправлять обязанности дежурства», «могут беспрепятственно получить увольнение». «С моей стороны, — предупреждал Оленин, — я буду наблюдать самый строжайший надзор и неослабно взыскивать исполнения высочайше установленного порядка: ибо на оном основано благосостояние императорской Публичной библиотеки»[73]. И надо же было случиться, что именно во время дежурства Дельвига произошло единственное в своем роде чрезвычайное происшествие. С 12 на 13 февраля 1822 г. стоящий на часах у решетки кладовой инвалид рядовой Пантелей Пантелеев взломал ящик стола казначея и похитил 6500 р.[74]. И второе, с точки зрения Оленина, большое служебное нарушение совершил Дельвиг. С 10 февраля 1825 г.[75] Дельвиг попросил предоставить ему отпуск на 28 дней для поездки в Витебск к отцу. Вернуться на службу он должен был 10 марта, но вернулся он в Петербург лишь в конце апреля, однако в Библиотеке не появился. Узнав о приезде Дельвига, Оленин 5 мая 1825 г. пишет ему гневное письмо, квалифицируя его поведение как «совершенно неприличное по службе». Для директора это было тяжелейшим прос-

тупком. Оленин предложил Дельвигу в течение трех дней после получения письма подать просьбу об увольнении, при этом подчеркивал, что это послабление делается «единственно из уважения к его родителю», а по закону Дельвиг должен бы пойти в отставку. В ответном письме от 9 мая Дельвиг объясняет свое опоздание болезнью, а также присылает прошение об увольнении, так как желает «определиться продолжать оную при других делах». 12 мая Оленин запрашивает Крылова, нет ли каких-либо «препятствий к немедленному исполнению просьбы» Дельвига. 14 мая Крылов отвечает согласием. Как видим, события развивались с молниеносной быстротой. Вероятно, по просьбе Дельвига за него ходатайствовал перед Олениным Жуковский, что дало основание Дельвигу 26 мая написать директору письмо с уверением, что он всегда «почитал за особенное счастье служить с начальником, уважаемым мною от самого детства, и оставшись при императорской Публичной библиотеке, положу себе обязанностью показать себя вашему превосходительству с выгоднейшей точки зрения»[76]. Но Оленин был неумолим. 29 мая Дельвиг получил аттестат, а 30 мая Оленин в письме Дельвигу подтвердил о «весьма сильном ходатайстве» Жуковского, но подчеркнул, что «по весьма уважительным причинам» не может Дельвига оставить в Публичной библиотеке, но готов ходатайствовать «о помещении» его «при каком-либо министерстве или же в Комитете Призрения заслуженных гражданских чиновников, в коих я нахожусь членом»[77].

В литературных кругах было известно, что Дельвиг во время отпуска собирался посетить ссыльного Пушкина в Михайловском. Еще 20 февраля 1825 г. А. И. Тургенев писал в Москву П. А. Вяземскому: «Дельвиг уехал к П[ушкину]»[78]. Но в это время в Петербург приехал отец Дельвига и увез его в Витебск и там, действительно, Дельвиг заболел. И только во второй половине апреля он приехал в Михайловское, где прожил несколько дней. После отъезда Дельвига, обеспокоенный его молчанием, Пушкин пишет ему 23 июля 1825 г. письмо: «...я чрезвычайно за тебя беспокоюсь; не сказал ли ты чего-нибудь лишнего или необдуманного, участие дружбы можно истолковать в другую сторону — а я боюсь быть причиною неприятностей для лучших из друзей моих»[79]. По всей вероятности, это письмо дало повод Ю. Верховскому полагать, что Оленин уволил Дельвига за посещение опального поэта[80]. Вслед за Верховским этой же причиной объясняет увольнение Дельвига и Б. Рест[81]. Нам эта версия представляется несостоятельной. По словам Оленина, Дельвиг был отпущен в отпуск с условием, что «по возвращении он оставит занимаемое им место как несвойственное его занятиям и способностям» [82]. Следовательно, увольнение Дельвига было предопределено еще до поездки к Пушкину. И если бы Оленин наказывал Дельвига за посещение Пушкина, то он бы не предлагал помочь ему устроиться на другую службу, где он был шефом.

Самым лучшим помощником Крылова в Публичной библиотеке был И. П. Быстров, который в 1830—1840 гг. составлял системати-

ческие реестры книг «для удобнейшего и скорейшего приискивания их по требованиям посетителей»[83], выдавал читателям книги, следил за выполнением цензурой и издателями закона об обязательной доставке книг в Библиотеку и пр. Старые два каталога, созданные в 1820 г., уже не могли никого удовлетворить. Благодаря крупным приобретениям (у Смирдина — 2804 томов, у Толстого — 377 томов, у купца Косицкого — 547, у А. Глазунова — 781) и новым поступлениям «русское отделение увеличилось почти вчетверо» и насчитывало к 1842 г. 16 тыс. названий, или около 30 тыс. томов[84]. К 1837 г. Быстров создал «азбучный указатель всем находящимся в Библиотеке русским книгам»[85].

Общественность города интересовал вопрос о завершении создания каталога в Библиотеке. Такой же вопрос задал цензор К. С. Сербинович Крылову, когда посетил Библиотеку в 1828 г. «В ответ Крылов улыбнулся. „Да знаете ли сколько томов нужно для каталога? Сто. С пятьдесят уже готово[86], достальное же не может быть скоро. На это нужны люди. Мы устарели; а молодые не хотят посвящать себя этой службе. И справедливо: какие здесь виды для них? Никаких. Не станет нас, не скоро на наше место других приищут“». Крылов был доволен своей работой в Библиотеке. «Я вот уже так здесь привык, что почитаю для себя забавою, игрушкою наклеивать да переклеивать буквы на книгах, что другому покажется тяжело. Я своей должности ни на какую не променяю; дело совсем другое, если бы я был моложе. Для чего ж не служить, как другие, с надеждою, что способности выведут на путь, по которому можно итти с большей пользою для себя»[87].

Получаемые по службе в Библиотеке чины ничего не меняли в материальном положении библиотечного работника. Но благодаря старанию и заботам Оленина библиотекари, как правило, имели дополнительные пособия: либо пенсию, либо второе место службы. «...Мы, старики,— говорил Крылов,— обеспечены тут и тем, что всякий из нас имеет еще кое-что: я пенсию, Гнедич тоже, другие также что-нибудь». И далее Крылов высказал мысль, что в Библиотеке можно стать обеспеченным при условии: «быть человеком работающим и заниматься делом своим по любви к делу: с таким расположением легко можно привести свою часть в устройство; после того уже мало будет и дела»[88]. Как видим, для Крылова на первом месте было приведение «в устройство» своего библиотечного дела. А затем уже, рассуждал Крылов, «посвящай досуг на компиляции, на обозрения, выписки, только с умом, с разбором, и еще много выработаешь для своего семейства. Но таких людей у нас еще нет,— сокрушался Крылов.— А между тем хотят от нас, стариков, чтобы мы все приготовили»[89]. В это время Крылову было 60 лет и для него написание каталога на все книги — бесперспективное занятие в обозримом будущем.

«И. А. Крылов по-прежнему проводит утра, занимаясь своею должностью главного библиотекаря русского отделения имп. Публич-

ной библиотеки»[90],— писал Н. Греч в Париж Я. Н. Толстому. Конечно, когда года приближаются к семидесятилетию и более, трудно круглосуточно дежурить. Собольщиков в своих воспоминаниях пишет: «Придя дежурить после обеда, он ложился обыкновенно на диван и читал лежа. А когда являлись посетители, то он, не вставая, указывал им на шкап и приготовленные для них книги и просил брать, что кому нужно. Частенько он засыпал на своем диване (не забудем, что это было после обеда! — *О. Г.*), и покровительствовавший ему Оленин в таких случаях говаривал окружающим: „Вероятно, Иван Андреевич нездоров“»[91]. За трезвый, рассудительный ум Крылов был введен Олениным в состав «домашнего хозяйственного комитета», который занимался всеми хозяйственными вопросами в Библиотеке, а также изысканиями средств для приобретения книг. Участвовал во всех торгах по поводу покупки и продажи хозяйственных материалов, сдачи в аренду книготорговцам шести торговых помещений — в первом этаже дома № 20 по Садовой улице. С 21 июля по октябрь 1826 г. Крылов состоял членом временного комитета по управлению Публичной библиотекой во время отъезда Оленина в Москву на коронацию Николая I[92].

Библиотечная деятельность занимала во второй половине жизни Крылова основное место, уступая только басне. Но и творческая деятельность шла в содружестве с библиотечной работой. В те времена профессиональных библиотекарей было мало. Навыки библиотечной и библиографической работы получали только практической работой. Большой опыт библиотечной службы, острый практический ум способствовали тому, что Крылов во все сферы библиотечной деятельности смог внести свой вклад и сказать свое слово. Крылов был активным помощником Оленина в превращении Публичной библиотеки в национальную библиотеку России.

«Его басни переживут века»

Забавой он людей исправил,
Сметая с них пороков пыль;
Он баснями себя прославил,
И слава эта — наша быль.
И не забудут этой были
Пока по-русски говорят:
Её давно мы затвердили,
Её и внуки затвердят.

П. А. Вяземский

За время работы в Библиотеке Крылов написал бо́льшую часть своих басен: из 205—153. Служа в Библиотеке, Крылов служил и басне.

Чтение басен на трех торжественных собраниях Публичной библиотеки Оленин «засчитывал» в Отчетах в служебные обязанности баснописцу.

Еще в 1816 г. Батюшков с необычайно точной прозорливостью в письме к Гнедичу писал: «Поклонись от меня бессмертному Крылову... бессмертному — конечно, так! Его басни переживут века»[1].

То же самое мы можем повторить и сейчас, кланяясь бессмертному Крылову, у которого «спорный» год рождения, а по сути нет года смерти. Имя Крылова — это постоянная и немеркнущая величина нашей отечественной культуры.

Крылов для многих был «загадкой и великой»[2].

Точно разгадал чудака и «ленивца» Крылова П. А. Вяземский, который писал: «Крылов был вовсе не беззаботный, рассеянный и до ребячества простосердечный Лафонтен, каким слывет он у нас... Но во всем и всегда был он что называется себе на уме... мог под личиною зверя касаться вопросов, обстоятельств, личностей, до которых, может быть, не хватило бы духа у него прямо доходить»[3].

«Эзоповский язык» помогал Крылову высказывать печатно такие мысли, которые и допустить про себя в те времена было страшно. Не случайно подхалим и доносчик Загорецкий — один из персонажей в «Горе от ума» Грибоедова признавался:

...А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег: ох! басни —
смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над
орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари!

Крылов был необычайно требователен к своему творчеству: он перерабатывал басню по несколько раз, о чем красноречиво говорят его рукописи, хранящиеся в Рукописном отделе Публичной библиотеки. И как аттестовал его Лобанов, «труд был вторым его гением: ум был изобретателен, а труд усовершителем»[4].

В 30-е гг. Крылов достиг апогея прижизненной славы. Говоря словами одного современника, «живой он уже наслаждался бессмертием»[5].

В 1830 г. в издании А. Ф. Смирдина вышли басни в 8 книгах. С 1830 по 1840 г. Смирдин выпустил в свет 40 000 экз. басен Крылова. Каждое издание выходило в трех форматах. В 1834 г. Смирдин выпустил роскошное иллюстрированное издание, с рисунками А. П. Сапожникова, в 1835 г.— первое миниатюрное издание басен Крылова.

9 февраля 1832 г. состоялся обед литераторов Петербурга у книгопродавца А. Ф. Смирдина по случаю перемещения его лавки от Синего моста на Невский проспект. Описывая этот обед, Лобанов рассказал, что Крылов сидел между В. А. Жуковским и А. С. Пушкиным. После первого тоста, поднятого в честь императора, был

провозглашен второй — за Крылова. «Единодушно и единогласно громко приветствовали умного баснописца, по справедливости занимающего ныне первое место в нашей словесности»[6],— писал Лобанов.

«Звездным часом» Крылова можно считать 2 февраля 1838 г., когда петербургские литераторы отмечали 70-летие со дня его рождения и 50-летие литературной деятельности. В организации праздника большую роль сыграл Оленин, возглавивший распорядительный комитет. В него входили В. А. Жуковский, В. И. Карлгоф, П. А. Вяземский и В. Ф. Одоевский. Заседания комитета проходили в доме Оленина. Был отработан сценарий праздника[7]. «Так как действовали единодушно, с усердием дружбы, то и успели в четыре дня»[8] организовать праздник.

1 февраля 1838 г. Оленин написал Крылову письмо-приглашение: «Милостивый государь Иван Андреевич! Завтра минет день рождения Вашего и пятидесятилетних занятий и успехов Ваших на поприще русской словесности. Нравоучительные и между тем приятные Ваши творения для всех возрастов составили неколебимую Вашу славу — славу России!

Сии обстоятельства побудили Общество литераторов, художников и любителей русской словесности праздновать сей памятный день веселою беседою и пиршеством. В качестве Председателя сего Общества, вновь и на этот только случай составленного, я приглашаю Вас, милостивый государь, украсить сие пиршество Вашим присутствием. Завтра около пятого часа пополудни к Вам явятся два члена распорядителя из среды сего Общества, чтоб иметь честь и удовольствие Вас сопровождать до места назначенного к сему празднеству. Общество надеется, что вы не отринете усердную его просьбу! Имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностью Вам, милостивый государь, Алексей Оленин.

P. S. г.г. гражданские чиновники приглашаются к сему празднеству в вице-мундирах»[9].

На следующий день за Крыловым поехали Плетнев и Карлгоф.

Торжество проходило в здании Дворянского собрания (ныне Большой зал Ленинградской филармонии). У входа в зал Крылова встретил, как писала в те дни пресса, «его начальник и благодетель, г. директор императорской Публичной библиотеки, муж, который покровительством дарованиям стяжал столь же достойную славу, как и глубокими своими сведениями в изящных искусствах, друг Державина, руководитель к славе и успехам Озерова, Батюшкова, Гнедича и многих писателей (не говорим уже о художниках, обязанных его покровительству... золотым веком русских художеств) А. Н. Оленин»[10].

Зал Дворянского собрания был освещен тысячами свечей. Обеденный стол был накрыт в виде буквы П и украшен померанцевыми и лавровыми деревьями, пирамидами цветов. Иван Андреевич сидел посередине. Против него, в алькове, сделанном из живых лавров и

мирт, обставленных благоухающими гиацинтами и нарциссами, стоял на пьедестале бюст Крылова, изваянный скульптором С. Гальбергом. Рядом был небольшой стол, покрытый красным сукном, с золотой бахромой. На нем лежали все издания сочинений Крылова, журналы, в которых были напечатаны его басни, переводы басен на иностранные языки. Все это было изящно переплетено и увенчано лавровыми венками и цветами. Под хорами помещался оркестр Измайловского полка. Гости сели за стол. Загремела увертюра из «Волшебной флейты» Моцарта.

Возле Ивана Андреевича, по правую руку, сидел А. Н. Оленин, по левую — министр народного просвещения и прочие министры, а напротив — пять учредителей. Перед каждым лежал красивый листок — меню обеда, оформленное Брюлловым. Были обыграны все буквы слова «Обед». «О» — представляло окно, из которого виден был сам Крылов, облокотившийся на льва. По раме окна старалась вскарабкаться обезьянка, а внизу шипела змея. На «Б» сидел степенный кот; мышка поглядывала на него из под листьев буквы «Е», другие спешили сбежать с буквы «Д», а на «Ъ» стоял пастух, распевающий песни.

Обед начинался с «Демьяновой ухи». Была и «Крыловская кулебяка». Любопытно, как вспоминал впоследствии об этом обеде Крылов: «А обед-то был — такого не видывал. Икра свежая — зерно великан, а балык, семга, как весенний снег таяли... Все тут было. Беда только в том, что по усам текло, а в рот не попало. Вышло то так, что я как бы угощал, а угостители мои кушали... Ведь мне все время кланяться и благодарить приходилось или выслушивать и ответ подготовлять. Да какая же уж тут еда, когда сердце желудок покорило. Хочешь к блюду приступить, а слезы мешают. Так и пропал обед — и какой обед!» — с грустью припоминал он через три года[11].

Шампанское лилось рекою. Оркестр играл Бетховена, Глинку, Мендельсона. С особенным удовольствием слушали торжественный хор из оперы «Илья Муромец» Кавоса. Либретто оперы было сочинено Крыловым.

Произносились речи. Первый говорил Оленин, прося принять искреннее поздравление и нелицемерное желание русских литераторов, художников и любителей отечественной словесности, чтобы многие еще годы Крылов украшал знаменитыми, полезными и приятными трудами русскую словесность.

Яркую речь произнес Жуковский. Он говорил, что «наш праздник, на который собрались здесь немногие, есть праздник национальный; когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие с тем самым чувством, которое всех нас в эту минуту оживляет, и вы от нас немногих услышите голос всех своих современников». Жуковский благодарил Крылова за «многие счастливые минуты, проведенные в беседе» с гением; благодарил за юношей «прошлого, настоящего и будущих поколений, которые с ва-

шим именем начали и будут начинать любить отечественный язык, понимать и знакомиться с чистою мудростию жизни», благодарил за русский народ, «которому в стихотворениях своих вы так верно высказали его ум». Жуковский благодарил Крылова за «знаменитость» его имени: «оно сокровище Отечества и внесено им в летописи его славы».

Жуковский специально остановиился на именах двух поэтов, «которых присутствие было бы украшением и которых потеря так свежа в нашем сердце». Один — Дмитриев — «знаменитый предшественник», недавно кончивший «прекрасную жизнь». «Другой, едва расцветший и в немногие годы наживший славу народную, вдруг исчез, похищенный у надежд, возбужденных в Отечестве его гением. Воспоминание о Дмитриеве и Пушкине само собою сливается с Отечественным праздником Крылова». Закончил Жуковский свою речь желанием, чтобы «патриарх наших писателей» продолжал радовать «произведениями творческого ума своего», «которые дойдут до потомства и никогда не потеряют в нем своей силы и свежести: ибо они обратились в народные пословицы; а народные пословицы живут с народами и их переживают»[12]. Рукоплескания несколько раз прерывали речь Жуковского.

От имени молодого поколения литераторов выступил В. Ф. Одоевский. Он, между прочим, сказал: «Ваши стихи во всех концах нашей величественной родины лепечет младенец, повторяет муж, воспоминает старец; их произносит простолюдин, как уроки положительной мудрости, их изучает литератор, как образцы остроумной поэзии, изящества и истины». Одоевский говорил о высоких ощущениях, которые порождаются в людях только произведениями высокого искусства.

Певец О. А. Петров пел стихи Вяземского, положенные на музыку М. Ю. Виельгорским:

На радость полувековую
Скликает нас веселый зов
Здесь с музой свадьбу золотую
Сегодня празднует Крылов.

Во время пения, как свидетельствуют очевидцы, «восторг доходил до исступления; кричали, стучали, некоторые утирали слезы... дамы бросали ему цветы и лавровые венки»[13]. Затем министр внутренних дел Д. Н. Блудов прочел стихи В. Г. Бенедиктова и вручил Крылову орден св. Станислава и лавровый венок.

После окончания обеда одни гости брали на память букеты цветов, другие — произведения Крылова. А молодым писателям Крылов раздавал лавровые листки из своего венка. «Лавровый листок ваш послужит нам живым, бесценным выражением того, чем вы уже нас прежде наделили — участников вашей славы»[14],— писал И. И. Лажечников Крылову. Лавровые листки получили и отсут-

ствующие друзья Крылова. «От всей души благодарю за присланный лавровый листок,— писал Загоскин,— он перейдет в наследство моим детям»[15].

Небывалые в России торжества закончились тем, что Оленин предложил в честь Крылова выбить памятную медаль с изображением с одной стороны профильного портрета Крылова, а с другой — «приличной к сему надписи»[16].

Через три дня после торжественного вечера Оленин представил министру народного просвещения рисунок предполагаемой медали и вылепленную из воска модель работы пенсионера Академии художеств А. И. Лютина с изображением профильного портрета Крылова. После нескольких вариантов окончательная надпись на медали была выбита: «2 февраля 1838 года. И. А. Крылову в воспоминание пятидесятилетия литературных его трудов, от любителей русской словесности»[17]. По подписке собрали на изготовление медали 100 р. 29 июня 1838 г. Крылов получил золотую медаль, а затем 10 бронзовых для вручения друзьям. Оленин — серебряную. Всего было отчеканено 35 золотых медалей, 20 серебряных и 60 бронзовых. Было собрано на стипендии имени Крылова 53 773 р. и 6227 р. добавило правительство. На получаемые от суммы 60 000 р. проценты — 2850 р. решено было воспитывать по одному ученику в 3 гимназиях Петербурга с тем, чтобы по окончании курса они поступили в Университет. Первые стипендиаты были выбраны самим Крыловым: сын главной надзирательницы Санктпетербургского воспитательного дома Оом (бывшей воспитанницы Олениных А. Ф. Фурман), сын дворянина черниговской губернии Кобеляцкий и сын Мазурина[18].

Но далеко не так гладко прошел юбилей, как можно судить по описанию торжества.

На празднике не был Греч, который в поздравительном письме Крылову объяснил свое отсутствие «расстройством здоровья, причиненном жестоким огорчением»[19]. Но в действительности он был обижен тем, что его имя вычеркнули из списка распорядителей[20]. Между тем накануне юбилея он узнал о воле императора, чтобы все литераторы участвовали в празднике. Это очень его взволновало, он не спал всю ночь и на другой день встал «в совершенном расстройстве»[21]. По поводу своего отсутствия Греч имел объяснение с Дубельтом[22]. По всей вероятности, вокруг этого инцидента распространились всякие слухи, возможно, распускаемые самим Гречем, что он не был приглашен распорядителями. Слухи дошли и до Оленина, и в письме к Жуковскому он, обиженный, писал 9 февраля 1838 г.: «Вашему превосходительству известно, что неприятие моего предложения составить список особым приглашенным к празднеству, данному И. А. Крылову (число коих долженствовало ограничиться размером залы, избранной для сего пиршества), произвело некоторый беспорядок, принудивший Вас самих свезти билет А. С. Шишкову — но я не знаю, какими судьбами сей беспорядок

падает теперь на меня — на меня, отказавшегося от раздачи билетов с самого начала и получившего токмо от князя В. Ф. Одоевского 12-ть билетов, единственно для моих родственников. Между тем дошел до меня слух, что не токмо один из почтенных моих товарищей, из г.г. распорядителей пиршества, отозвался одному из почтеннейших сановников наших (изъявившему сожаление свое, что не был приглашен, как и граф Орлов, к пиршеству, данному Крылову), что сей беспорядок произошел уповательно от меня! В прибавок к сему я узнал вчера, у себя дома, что и Ваше превосходительство взваливаете эту беду на меня! На это я могу Вам только сказать: Et toi Brutos aussi! (И ты, Брут!). Сие обстоятельство побуждает меня просить Вас убедительнейше, милостивый государь, избавить меня от всего, что может подать повод показать меня виновным перед публикою — следственно, избавить меня от напечатания приглашений к соучастию в издержках для выбития предлагаемой медали и от сбора на то денег»[23].

Такое письмо взволновало Жуковского. И он тут же пишет дружеский ответ на цветной бумаге, забыв даже про форму обращения. «Чудеса на сем свете! Право, не знаю, в чем вы меня обвиняете. Никогда и никому я на Вас не жаловался в нерасдаче билетов. ⟨...⟩ За что вы сердитесь на меня, право, не знаю. И если бы мне быть вашим Брутом, то разве только для того, чтобы за вас подставить грудь свою, под удары заговорщиков. Прошу знать и ведать, что во всяком заговоре я буду с вашей стороны, а не против вас. ⟨...⟩ Как хотите, но о подписке на медаль хлопотать некому, кроме вас: вы здесь главное лицо и вам, как личному благодетелю Крылова, следует взять на себя и оказать ему честь от лица России, которая награждает своего поэта, в то же время не может не быть за него благодарною и вам, ибо во всю его жизнь, вы были его руководителем и поощрителем. Не отказывайтесь же от принадлежащего вам дела.

А на вранье не обращайте внимания. Без вранья никакое публичное дело не оканчивается: таков уж ход вещей мира сего. Надобно будет переговорить об этом деле лично: созовите распорядителей к себе и установите, что и как сделать. Вам мой припев: не гневайтесь на меня батюшка, Алексей Николаевич! Ни в чем перед вами не виноват, ни словом, ни делом, ни помышлением. А просто вам душевно преданный В. Жуковский. 9 февраля 1838 г.»[24].

Обида быстро прошла у Оленина, и он, по совету Жуковского, разослал всем распорядителям празднества, заменив только Карлгофа министром финансов Канкрином, извещения о собрании у себя дома «для окончания всех дел касательно обеда, данного И. А. Крылову»[25].

Хранение в архиве Библиотеки специального дела о празднестве юбилея Крылова также свидетельствует о том, что ее директор считал проведение праздника органической частью деятельности Библиотеки.

В 1838 г. Оленин заказывает для Библиотеки гипсовый бюст Крылова, копию того, что был на его юбилее. Это, пожалуй, первый случай, когда при жизни поэта в официальном учреждении устанавливается бюст.

Вскоре после юбилея великая княгиня Мария Николаевна пожелала иметь картину, изображающую Крылова, «в том благолепном виде», в каком его видит одна только муза: в шлафроке и в кабинете, каким он бывал ежедневно[26]. По этому случаю Оленин пишет Крылову 15 февраля 1838 г.: «Вот молодой наш художник, академик 1-ой степени Ухтомский, которому г. министр народного просвещения С. С. Уваров поручил списать кабинет нли гостиную Ивана Андреевича Крылова. Прошу допустить художника до выполнения данного ему поручения. Всего бы лучше снять вид той комнаты, где он трудился над своими баснями. А. Оленин. (Приписка сбоку): Можно И. А. представить пищущего за столом во время поэтического вдохновения»[27]. Картина была написана.

Вместе с народным признанием, с великой славой пришло и, увы, творческое бессилие!

Последнее произведение Крылова — эпитафия на надгробный памятник глубоко им уважаемой Елизаветы Марковны Олениной, которая скончалась 3 июня 1838 г.

Супруга нежная и друг своих детей,
Да успокоится она от жизни сей
В бессмертии там, где нет ни слез,
ни воздыханья,
Оставя по себе тоску семье своей
И сладостные воспоминанья!

Пришла старость, а с нею и дряхлость, немощность. Опять пришел на помощь заботливый Оленин. Он обращается к министру народного просвещения Уварову (25 февраля 1835 г.) с просьбою «пожаловать» Крылову «столовых денег» для того, чтобы он смог содержать летом коляску, а зимою возок и пару лошадей, «экипажи, требуемые ростом его и тучностью»[28].

А до этого, в 1831 г., Оленин обращается к министру финансов Е. Ф. Канкрину с просьбой ходатайствовать перед императором о награждении Крылова дополнительным окладом для содержания коляски[29]. На этот раз ничего не получилось. В марте 1834 г. император по ходатайству Оленина «пожаловал» Крылову 3000 р. «прибавочных» к жалованью. Оленин хлопочет о предоставлении Крылову пенсии. «...По слабости здоровья и по преклонности лет,— пишет Оленин,— он [Крылов] чувствует, что уже не может, как бы должно и как бы он желал, выполнять своих обязанностей по службе и потому желал бы взять от службы увольнение». Но так как Крылов не имеет никакого состояния, кроме 3000 р. пенсии, выдаваемых Кабинетом, то Оленин просил все те деньги, которые он получает за работу в Библиотеке, а

также на оплату казенной квартиры и «пожалованной» доплаты 3000 р., что «составляет на серебро две тысячи шестьсот рублей», обратить в пожизненный пенсион. Тогда бы, заключал Оленин, Крылов мог «спокойно и беззаботно дожить... достальные дни свои, вероятно, на удел ему остается уже немного»[30]. Просьба была удовлетворена, и 1 марта 1841 г. в возрасте 73 лет Крылов уволен в отставку. «Во уважении долговременной службы, преклонных лет и расстроенного здоровья, а также отличных заслуг, оказанных Отечественной словесности, высочайше повелено производить ему при отставке в пенсию из государственного казначейства, не в пример другим, полное содержание его по Библиотеке по 2486 р. 79 к. серебром в год, сверх пенсии, получаемой им из Кабинета его величества»[31]. При уходе в отставку Крылову был вручен аттестат, заканчивающийся словами: «...во время служения его при библиотеке, возложенную на него должность при отлично-хорошем поведении, как подлежит честному и благородному чиновнику исправлял с усердием, деятельностью и знанием дела»[32].

9 ноября 1844 г. Крылова не стало.

До последнего времени считалось, что он умер от «несварения желудка», став жертвой своей страсти — обильной еды. Даже сам Крылов был убежден, что погибает от переедания, уж не говоря об окружающих. Однако сравнительно недавно найден документ, опровергающий традиционную версию причины смерти Крылова: «Свидетельство. Дано сие в том, что состоявший на пользовании моем господин действительный статский советник и кавалер Иван Андреевич Крылов действительно страдал воспалением легких (Pnevmonia nota) и волею божию 9-го сего ноября нынешнего 1844 года помер от паралича в легких. В чем и удостоверяю. С.-Петербург, ноября 11-го дня 1844 года. Доктор медицины и коллежский асессор Ф. Галлер»[33].

Погребение Крылова происходило 13 ноября. Как описывал Корф, «вокруг катафалка стоял рой студентов Петербургского университета, назначенных к несению орденов и вообще как бы в виде почетной стражи при знаменитом покойнике»[34].

Жители Петербурга отдали последние почести своему поэту. Газеты в те дни писали, что «при сопровождении гроба в Александро-Невскую лавру множество народа следовало за печальною процессиею и встречало ее на улицах»[35].

Похоронили его рядом с его другом и сослуживцем Н. И. Гнедичем. Многих удивило, что на похоронах не было никого из царской фамилии, хотя похороны были организованы за царский счет[36]. В письме М. Лобанова к В. А. Олениной (25 апреля 1845 г.) есть какие-то неясные намеки на то, что царь был из-за чего-то недоволен Крыловым. Сообщая о разговоре с императрицей, Лобанов писал: «Чуть-чуть не сорвалось у меня с языка, что мертвого оклеветали, но мысль, верят ли клевете? (я этого до сих пор не знаю) остановила

меня. Рано ли, поздно ли бог поможет мне разрушить это коварство. Я сказал императрице, что я написал его биографию. „О! Вы, конечно, коротко знали его“,— промолвила она»[37].

На другой день после смерти Крылова более тысячи человек в Петербурге получили последнее издание его басен в 9 книгах (1843).

Книга была в траурной обертке, а на титульном листе допечатано: «Приношение. На память об Иване Андреевиче. По его желанию. Санкт-Петербург 1844 года, 9 ноября 3/4 8-го утром». Крылов хотел, но не успел сам разослать экземпляры книги лицам, принимавшим активное участие в его юбилейных торжествах. «Эта загробная книга будет для каждого из нас,— писал П. А. Вяземский,— как бы урною, сохраняющею пепел милого и драгоценного для нас человека, но пепел, проникнутый еще духом и теплотою жизни, пепел красноречивый и назидательный»[38].

Была объявлена всенародная подписка на сооружение памятника Крылову. Вся Россия приняла участие в сборе денег. И до сих пор этот памятник народиому поэту-баснописцу украшает Летний сад г. Ленинграда. На гранитном постаменте бронзовый Крылов (работа известного скульптора П. Клодта) сидит на камне, окруженный множеством зверей, птиц и насекомых, постоянных героев его басен. На барельефах изображены эпизоды из его басен по рисункам художника А. А. Агина.

Многие строки Крылова живут как народные пословицы и поговорки. Злую иронию, сатиру, житейскую мудрость, здравый практический смысл его басен неоднократно использовал В. И. Ленин в своих публицистических статьях и выступлениях.

Крылов — «баснописец и поэт народный — вот в чем его великость»[39],— вслед за Белинским скажем и мы. И добавим, что он, один из первых русских деятелей культуры, был и профессиональным библиотекарем.



Николай Иванович Гнедич

Любил отечество, но жил в нем не рабом
И у себя под тесным шалашом
Дышал святой свободой.

Н. И. Гнедич.
«Иностранцам — гостям моим»

«Судьба дала и смелый ум и дух высокий...»

«...С пелен усыновлен суровой мачехой-судьбой»

О детстве Гнедича известно очень немногое. Родился он 2 февраля 1784 г. в Полтаве в неродовитой мелкопоместной семье. Беды обрушились на него с рождения, когда он потерял свою мать. «От колыбели я остался в печальном мире сиротой»,— напишет он впоследствии в одном из своих стихотворений. В детстве переболел черной оспой, которая лишила его правого глаза и изуродовала красивое лицо: рябины, рубцы и швы покрывали его темно-бледноватое лицо. Грамоте обучался у деревенского дьячка. 9 лет был отдан в Полтавскую духовную семинарию, где подружился с А. П. Юшневским, будущим декабристом. 12 лет поступил в Харьковский коллегиум, изучал богословие, риторику, латынь и греческий язык. В 1800 г. вместе с закадычным другом Юшневским поступил в Московскую университетскую гимназию. Учился с рвением, «был неутомимым своим прилежанием и терпением»[1]. Затем перешел в университет, где основательно познакомился с произведениями Шекспира, Шиллера, греческой и итальянской литературой.

В свободное от учения время увлекался актерской игрой в любительских спектаклях, вызывая похвалы товарищей. Пленял окружающих красивым чтением сочинений писателей, особенно драматических.

Окончить университет не удалось, нужно было зарабатывать на жизнь. В конце 1802 г. или в самом начале 1803 г.[2] уехал в Петербург, чтобы поступить на службу. Такому решению сопутствовали и надежды на великие перемены в общественной жизни, связанные с новым царствованием — Александра I. И как пишет исследователь творчества Гнедича И. Н. Медведева, «жажда поскорей отдать свои силы общественному служению побудила Гнедича и Алексея Юшневского, не окончив курса, устремиться в Петербург, где, казалось, началось кипение новой жизни, осуществление множества проектов нового правительства»[3]. Ждали отмены крепостного права и принятия дворянской конституции. Надежды, как известно, не оправдались.

Благодаря рекомендациям писателя В. Капниста Гнедич был принят в доме мецената графа А. С. Строганова и у поэта Г. Р. Державина. В эти годы Гнедич бедствовал, нуждаясь в куске хлеба, ютясь в различных каморках то близ Новой деревни, то в конце Невского проспекта. «*Нищета и гордость,* вот две фурии, сокращающие жизнь мою и останок ее освещающие мраком скорби»,—призна-

вался он другу К. Батюшкову 6 мая 1809 г.[4] А в «Записную книжку» занес рассуждение по поводу известной пословицы: «Если бедность не есть порок, так причина пороков, к которым бедные принуждены иногда прибегнуть»[5].

В 1803 г. он поступил в только что созданный Департамент народного просвещения. Здесь под покровительством писателя и тогдашнего товарища министра М. Н. Муравьева образовался кружок молодых литераторов, в который входили поэт и публицист И. П. Пнин, Н. А. Радищев (сын автора «Путешествия из Петербурга в Москву»), Д. И. Языков и К. Н. Батюшков. Особенно подружился Гнедич с Батюшковым. Дружба эта продолжалась вплоть до тяжелого психического заболевания Батюшкова. Через своих новых друзей — И. П. Пнина и Н. А. Радищева Гнедич сблизился с наиболее передовым литературным объединением 1800-х гг. «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств». Формально Гнедич не был членом Общества, но постоянно сотрудничал в его журналах («Северный вестник», «Цветник»).

Члены Общества стремились утвердить высокий литературный стиль, общественно-значимую тематику в литературе. По всей вероятности, под влиянием членов этого Общества складывалось мировоззрение Гнедича. Начал он свою поэтическую деятельность вольнолюбивыми стихами. В стихотворении «Общежитие» (1804) Гнедич клеймит тех, кто наслаждается, «а тысяча сирот страдает там от глада» «и падают, замерзнувши от хлада». Поэт утверждает, что «сыны отечества, цепей не возлюбив, расторгнуть их хотят».

Идею равноправия всех, независимо от цвета кожи и сословного состояния, Гнедич провозгласил в другом своем удивительно смелом стихотворения «Перуанец к испанцу» (1805), в котором он заявил:

Погибни же сей мир, в котором беспрестанно
Невинность попрана, злодейство увенчанно,
Где слабость есть порок, а сила — все права!
...Сей самою рукой,
Которой рабства цепь влачу в неволе злой,
Я знамя вольности развею пред друзьями.

Мировоззрение Гнедича сложилось и под влиянием материалистических идей просветительной философии конца XVIII в. В его «Записной книжке» есть такие утверждения: «философия есть наука просвещать людей, чтоб сделать их лучшими», «истинная философия устремлена была у всех народов к одной цели — к изысканию или разрешению истин, полезных человечеству»[6]. Всю жизнь Гнедич высоко ценил свободу, о которой он неоднократно говорил в своих стихах и записывал сокровенные мысли в своей «Записной книжке». Гнедич был убежден, что «деспотизм и свобода — это два вечно враждебных исполина, ведущие брань вечную, жертвами которых всегда будут народы»[7].

В начале 1807 г. Гнедич вошел в литературный кружок Г. Р. Державина, прославляющий громозвучно-одическую поэзию, написанную высоким слогом в противовес карамзинской школе — интимно-чувственной поэзии.

В 1811 г. под председательством А. С. Шишкова было учреждено общество «Беседа любителей русского слова». Державин был одним из основных деятелей этого общества. Гнедич неоднократно посещал собрания «Беседы», читал там отдельные песни «Илиады», печатался в «Чтениях в Беседе любителей русского слова». И в то же время иронически относился к этому Обществу. В письме к Батюшкову от 6 декабря 1809 г. он сетовал, что не нашел в «Беседе» «пищу для ума, для вкуса, для сердца»[8]. Рассказывая об обсуждении в «Беседе» перевода Державина «Федры» Расина и его трагедии «Василий Темный», Гнедич писал, что слышанное привело его в такое состояние, что он уже ничему не мог удивляться и «желал бы забыть все, что я слышал и видел... А каким словом изображу я чувства мои при следующих суждениях: Ломоносова стихи воняют рыбою, Мерзляков выше Ломоносова, Дмитриев выше Ломоносова — Гомер не годится в ученики для Коцебу...»[9].

Яркое свидетельство критического отношения Гнедича к «Беседе» — его пародия «Символ веры в Беседе при вступлении сотрудников» (1810), в которой он едко высмеивает мракобесие «беседистов» и в особенности мистика и клерикала кн. Ширинского-Шихматова, неоднократно выступавшего с проповедями о вредоносном влиянии античного мира на современную культуру.

Гнедичевский «Символ веры» очень напоминает «арзамасские речи». Вот ее начало: «Верую во единого Шишкова, отца и вседержателя языка славеноваряжского, творца своих видимых и невидимых сочинений. И во единого господина Шихматова, сына его единородного, иже от Шишкова рожденного прежде всех, от галиматьи галиматья, от чепухи чепуха, рожденная, несотворенная, единосущная, им же вся пишется, нас ради грешных писателей»[10].

Благодаря дружбе с Батюшковым Гнедич вошел в дом его родственника М. Н. Муравьева, известного поэта екатерининских времен, отца будущего декабриста Никиты Муравьева. Тот, в свою очередь, ввел его в дом своего друга А. Н. Оленина. Гнедич вызывал у Оленина большие симпатии своей образованностью и знанием классической литературы. С Олениным Гнедича сдружил также интерес к античному миру, к театру. Они оба ратовали за русский репертуар и русское актерское мастерство. Гнедич писал рецензии на спектакли, ставя задачу воспитания патриотических чувств у зрителей. Гнедич был убежден, что «несколько хороших пьес и хороших актеров нечувствительно могут переменить образ мыслей и поведение наших слуг, ремесленников и рабочих людей»[11].

В Оленинском кружке окончательно сложились эстетические и литературные взгляды Гнедича.

«Судья и друг поэтов молодых»

В середине 1810-х гг., когда Пушкин, Кюхельбекер и Дельвиг были еще лицеистами, произведения Гнедича уже входили в учебные программы, включались в сборники лучших произведений. Один из лицейских товарищей Пушкина, Илличевский, писал 10 декабря 1814 г.: «...мы также хотим наслаждаться светлым днем нашей литературы, удивляться цветущим нашим гениям Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнедича»[1]. Гнедич часто общался с молодыми писателями, вел с ними наставительные беседы, подвергал дружескому разбору их произведения. К нему тянулась молодежь потому, что он занимал в литературе свою, независимую позицию, был доброжелателен, принципиален, был человеком высоких нравственных качеств. Меткий на острое слово, забавный рассказчик, «он везде был принимаем радушно как добрый и простосердечный гость-приятель»[2].

В конце 10-х — начале 20-х гг. Гнедич начал играть роль учителя литературной молодежи декабристского толка. Как свидетельствовал Кюхельбекер, они с Гнедичем были «друзья, и друзья, как говорится, закадышные»[3]. У них было немало общего в отношениях «к высокой одической поэзии», оба выступали против господствовавшего в поэзии сентиментально-элегического стиля, оба увлекались античной литературой, хорошо знали греческий язык.

Накануне выхода из лицея, окончание которого давало право службы в любом ведомстве, Кюхельбекер думал даже поступить работать в Публичную библиотеку, где служил уважаемый им Гнедич, и обратился за советом именно к Гнедичу. В ответном письме (март 1817 г.) Гнедич уведомил, что свободных мест в Библиотеке нет и «не предвидится, чтобы вакансия скоро очистилась». Письмо Гнедича примечательно другим: оно раскрывает его взгляд на назначение в обществе молодого образованного человека, «с живыми способностями ума, с душою, свежею для трудов». Он убеждал Кюхельбекера, что ему нужно посвятить себя «нуждам гражданской жизни», делам государственным. Библиотека хорошее место для тех, кто решил «совершенно посвятить себя наукам», «место в Библиотеке даст вам как время, так и способы», «эти выгоды вы найдете, но более никаких». Самое главное, по убеждению Гнедича, в Библиотеке «нет пищи для деятельности, ни надежд для видов». Он сравнивает Библиотеку с монастырем. «Но и это сравнение ложное,— писал Гнедич.— Анахорет изменяется в митрополита, а библиотекарь вечно неизменен»[4].

Свое понимание назначения поэта Гнедич выразил в речи, произнесенной в «Вольном обществе любителей наук, словесности и художеств» в июне 1821 г. Поэт должен сражаться «с пороками, предрассудками и невежеством». Свободу и независимость писатель должен ставить превыше всех благ. Гнедич призывал писателей к высокому пониманию своего долга. Писатель должен воспиты-

вать в духе высокой героики, призывать молодых писателей к значительным, гражданским темам, быть глашатаем правды, не страшиться испытаний. Литературную деятельность Гнедич понимал как общественное служение. Первейшая задача писателя — «пробудить, вдохнуть, воспламенить страсти благородные, чувства высокие, любовь к вере и отечеству, к истине и добродетели»[5]. Подобные мысли о высоком назначении поэта-гражданина воспринимались в декабристских кругах как созвучные их идеям. В этой речи Гнедич заявил о себе как о поэте-общественнике. Симптоматично, что вскоре после выступления Гнедича с восторженным посланием к нему обратился Рылеев. А год спустя он посвятил Гнедичу думу «Державин».

К 20-м гг. за Гнедичем утвердилась репутация одного из самых авторитетных поэтов. Литературные связи его были весьма широки. Многочисленные послания поэтов нового поколения к Гнедичу раскрывают его общественную роль для литературной молодежи. Гнедичу посвящали стихи Пушкин, Рылеев, Кюхельбекер, Дельвиг, Баратынский, Плетиев, Воейков и др.

В духе декабристских устремлений Гнедич считал, что итоги просвещения должны быть направлены на благо несчастных и обездоленных. Формально Гнедич не приналлежал к декабристам. Его имя не значилось в так называемом «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше утвержденною 17 декабря 1826 года следственною комиссией». Но его культурно-просветительные установки, творческая деятельность как поэта-трибуна сближали Гнедича с декабристами.

В конце 10-х гг. Гнедич был членом общества «Зеленая лампа», в самом начале 20-х гг.—«Вольного общества любителей российской словесности». Действительными членами Общества были Гнедич, Лобанов, Загоскин, Дельвиг, Корф, Анастасевич. В почетных членах состояли Крылов, Батюшков, Оленин, Востоков, Жуковский, Уваров.

Во всем Гнедич предпочитал активность. Даже в функции «Вольного общества любителей российской словесности», у которого было еще и другое название — «Общество соревнователей просвещения и благотворения», он видел две стороны: «соревнование благотворению» и «соревнование просвещению». Первое имеет воздействие только в настоящем и не вызывает никаких последствий, оно «благородно», но не «столь важно», как второе, ибо последствия просвещения влияют и на потомство.

В конце 1823 г. декабристы создали домашний комитет «Вольного общества любителей российской словесности», который можно назвать рылеевским комитетом. Квартиру Рылеева посещал и Гнедич. В эти годы легко просматривается связь творчества Гнедича с декабристскими идеями. Гнедич откликнулся на национально-освободительное движение, вспыхнувшее в 1821 г. в Греции, переводом «Военного гимна» греческого поэта-революционера Ригаса:

Расторгнем рабство вековое,
Оковы с вый сорвем,
Отмстим отечество святое
Покрытое стыдом!
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

Этот гимн был очень популярен в декабристских кругах.

В 1825 г., в год декабристского восстания, Гнедич переводит и издает «Простонародные песни нынешних греков». Их он посвящает Оленину («Усерднейшее приношение»). Бестужев в «Полярной звезде» за 1825 г. весьма положительно оценил книгу.

Идейная связь творчества Гнедича с декабристами углублялась личной дружбой с одним из руководителей Южного общества А. П. Юшневским и идеологами Северного общества Рылеевым и Н. Муравьевым, а также Ф. Глинкой.

Гнедич тяжело переживал декабрьские события. Слишком много друзей было замешано в этом восстании: Юшневский, Н. Муравьев, Ф. Глинка, Рылеев и множество других, арестованных по делу декабристов, так или иначе были связаны с Гнедичем.

Большим благородством и мужеством веет от письма Гнедича матери Никиты Муравьева, осужденного на 20 лет каторги. Он писал: «Простите, почтеннейшая Катерина Федоровна, что осмеливаюсь тревожить вашу горечь священную, справедливую. Но побуждение печальной дружбы может быть уважит и горесть матери. Вам известно, люблю ли я Никиту Михайловича. Более, нежели многие, умел я ценить его редкие достоинства ума и уважать прекрасные свойства души благородной; более, нежели многие, я гордился и буду гордиться его дружбою. Моя к нему любовь и уважение возросли с его несчастием, мне драгоценны черты его. Вы имеете много его портретов, не откажите мне в одном из них, чем доставите сладостное удовольствие имеющему быть с отличным уважением и совершенною преданностью Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Н. Гнедич»[6].

Исследователи предполагают, что стихотворение:

Любовью пламенной отечество любя,
Все в жертву он принес российскому народу:
Богатство, счастье, мать, жену, детей, свободу
И самого себя! ...

было написано к портрету Муравьева.

Дом Гнедича, по словам Н. Греча, «был приютом благородной и изящной простоты, тишины, кротких бесед и дружеских излияний»[7]. Бывал у Гнедича в его «эпикурейском кабинете» и Пушкин[8]. Доброе, глубоко сочувственное отношение друзей к Гнедичу особен-



И. А. Крылов, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич. Этюд маслом к картине «Парад на Царицынском лугу» Г. Г. Чернецова

но проявилось во время его болезни. Ему писал в Одессу Дельвиг (2 авг. 1827 г.): «Далекий, милый друг, здравствуйте. Молю грекомифологических и кафолических богов и угодников восстановить силы ваши для славы моего отечества и полного счастья моего сердца. Ваша болезнь отравляет самые лучшие минуты моей ревельской жизни... напомнить вам об Дельвиге, который любит вас пламенно и желает вам здоровья и здоровья»[9]. Шуточное, бодрое стихотворное письмо в ту же Одессу посылает Жуковский:

Здравствуй мой друг, Николай Иванович Гнедич!
Не сетуй,

Ведаешь, милый Гомеров толмач, что писать я не падок!
Ведаешь также и то, что и молча любить я умею![10]

Искреннее сожаление о болезни и отъезде Гнедича высказывал П. А. Плетнев. Литературный критик, ректор Петербургского университета, человек весьма занятой, он, когда выпадала свободная минутка, приходил «временно и безвременно» к Гнедичу «для освежения души от тягостей жизни». «Вы можете вообразить,— писал он Гнедичу 30 сент. 1827 г.,— как я молю бога, чтобы он послал вам прежние силы и возвратил вас к нам с прежнею поэзиею жизни»[11]. Это письмо он заканчивает словами из своего стихотворного послания к Гнедичу, написанного еще в августе 1821 г.: «Судья и друг поэтов молодых!»

«Друг поэтов молодых» — Гнедич немало вложил труда, чтобы помочь молодым писателям издать свои произведения.

* * *

В первой четверти XIX в. писателю трудно было издать свою книгу, не менее трудно было и продать ее. Расходились книги плохо, залеживались на полках у торговцев многие годы. Да и цены на книги были высоки (до 10 р. за книжку стихов), что было не «по карману» среднему чиновнику, получающему 60—80 р. в месяц.

К началу XIX в. профессиональных издателей в России еще не было. Книги издавались главным образом переплетчиками, типографщиками, самими авторами, а чаще их друзьями.

Судя по письму к Жуковскому, в августе 1815 г. Батюшков задумал издать свои стихи[12]. Желание это у него укреплялось, но вместе с тем при его нерешительности не имело практического осуществления. Находясь в Москве в августе 1816 г., он не мог найти издателя, так как, по его словам, в Москве вообще «уродуют книги»[13]. Об этом узнал Гнедич и предложил свои услуги: принять на себя все типографские расходы и сверх того уплатить автору 1500 р. Батюшков благодарил за предложение: «Оно мне приятно по многим причинам»,— отвечал он Гнедичу. Но сразу не согласился, так как боялся, что его друг разорится на этом издании[14]. Через некоторое время Батюшков изменил свои взгляды на издание. Посоветовавшись с М. Т. Каченовским — «печатателем чужих сочинений»[15], Батюшков высчитал расходы на издание и, убедившись, что оно безубыточное, предложил Гнедичу свои условия: напечатать собрание своих сочинений в двух томах, в одном — стихи, в другом — прозу. За два тома — 2000 р. автору, из которых одну тысячу немедленно, а другую — через шесть месяцев после окончания второго тома. «Это тебя не расстроит и мне будет выгодно»,— писал он Гнедичу[16]. Он предоставил Гнедичу не только права издателя, но и права, по сути дела, редактора. Когда издание готовилось и печаталось, Батюшков жил в деревне и не мог по каждому поводу связываться с издателем. Он дал название книги «Опыты

в стихах и прозе», разрешил поместить предисловие от издателя, отказался от публикации своего портрета, определил структуру тома стихов. С разрешения Батюшкова Гнедич кое-что исправлял в самих текстах (например, в «Беседке муз»).

Члены Оленинского кружка также приняли участие в издании «Опытов» Батюшкова. Оленин сделал эскиз для обложек книг.

Батюшков просил Гнедича, если Гезиод ему «полюбился», поставить в заглавии «Посвящено А. Н. О., любителю древности» и далее добавлял: «Если это не будет ему противно, надпиши: малый знак моей признательности, но все что-нибудь! На тебя полагаюсь в этом: как заблагорассудишь»[17]. Гнедич исполнил просьбу Батюшкова. Крылов же сделал какое-то «примарание»-замечание, чем вызвал реплику Батюшкова (март 1817 г.): «...скажи ему, что мы сами с усами. Скажи ему, милый друг, что из всех его басен мне всего более нравится та, которую он кончил такими стихами: Спой, светик, не стыдись... и проч. Он помнит, что следует. Но за что меня жаловать в вороны? Грех ему, право грех!»[18] Но замечания Крылова были, по всей вероятности, настолько существенны, что Гнедич через несколько месяцев выслал их Батюшкову. «Замечаний не получил еще; когда получу — кончу, но вперед пророчу: всего поправлять не могу, а воспользоваться замечаниями Крылова (которому очень обязан) для другого издания. Теперь время ли? Если бы ты мог погодить! А если не можешь? Притом у меня, право, растерян ум: сколько хлопот, и предосадных»[19].

Книги вышли в свет в 1817 г.: первая часть в июле, вторая — в октябре. Обе части были украшены фронтисписами, рисованными И. А. Ивановым по эскизам А. Н. Оленина и гравированными И. Ческим. Внешний вид издания понравился рецензентам[20] и Батюшкову. «Виньет очень мне понравился, и бумага и шрифт»[21].

К обеим частям «Опытов» были предпосланы предисловия издателя — Гнедича. Из них явствует, как высоко ценил Гнедич талант своего друга и как был уверен в его известности среди «просвещенных любителей словесности».

Батюшков боялся за прием в обществе своих книг. Мысль, что книги его не найдут своего читателя, не вызовут сочувствия в обществе, была для него мучительна. Опасения Батюшкова были напрасны: появление «Опытов» вызвало ряд хвалебных рецензий[22].

О популярности «Опытов» очень красноречиво написал Гнедич Батюшкову в ответ на его подозрения, что журналисты «готовы терзать и уничтожить» его произведения. «Пусть, говоришь ты, книгу мою грызут и раздирают, но имя мое оставят в покое. Злодей! — восклицал Гнедич.— Зачем же ты книгу эту сделал столько любезною, что, например, в Публичной библиотеке от беспрерывного употребления она в самом деле изодрана, засалена, как молитвенник богомольного деда, доставшийся в наследство внуку. Могу уверить тебя, что здесь верно нет читателя, который не поставил себе в честь целовать полу твоего платья»[23]. Именно по «Опытам» знал Батюш-

кова современный ему читатель. В письмах к Гнедичу Батюшков неоднократно благодарил последнего за его труды, за избавление от хлопот и за «подарок» 2000 р.

Предлагая Батюшкову свои издательские услуги, Гнедич меньше всего думал о прибылях. Издательского опыта у него не было. Когда печаталась книга, его страшила мысль, раскупят ли ее, о чем Гнедич высказывался в письмах к Батюшкову. Конечно, нельзя думать, что Гнедич, познавший нужду, доходившую до нищеты, не знал цену деньгам и не был заинтересован в заработке. К сожалению, у нас нет точных данных о стоимости издания и о доходах от его продажи. Существует мнение, что это издание принесло Гнедичу большую прибыль, что вызывает у нас сомнение. Фантастическая цифра дохода от издания «Опытов» в 15 000 р. впервые появилась в заметке Н. Лернера «Литературный гонорар в старину»[24] и была без всякого сомнения повторена С. Гессеном и Н. Смирновым-Сокольским[25]. Рассуждения их были примитивно просты. Так как обе книги продавались по 15 р., а тираж их был не менее 1000 экз., то Гнедич должен получить 15 000 р. от продажи. Из них 2000 р. он заплатил автору, какую-то сумму за бумагу, типографские расходы. Но рассуждающие так забывают, что гарантированно проданных экземпляров было только 187, по числу подписчиков, что принесло издателю только 2805 р. Какую-то часть тиража Гнедич смог, вероятно, сдать на комиссию книгопродавцам со скидкой в 20%. О книготорговых нравах того времени свидетельствовал Булгарин: «Должно при сем заметить, что некоторые купцы по полугоду и более удерживают у себя вырученную сумму, употребляя оную на свои коммерческие обороты, тогда как издатель, в ожидании выручки, прежде выхода в свет, должен заплатить типографские и другие издержки»[26]. Деньги поступали мизерными частями, растягиваясь на года. Достаточно сказать, что еще в 1824 г. это издание сочинений Батюшкова находилось в книжных лавках. Впрочем, если бы издание книг было бы очень выгодным предприятием, то Гнедич бы согласился на предложение Батюшкова издать две его книжки прозаических переводов из Данте, Ариосто, Тассо, Макиавелли, Боккаччио, Петрарки за 2000 р.[27]

Гнедич был издателем первой книги А. С. Пушкина — поэмы «Руслан и Людмила». Гнедич был знаком с юным Пушкиным, встречался с ним у Олениных, в домах петербургских писателей, принимал его у себя дома, очень близко к сердцу воспринял ссылку Пушкина на юг. По свидетельству Ф. Глинки, когда узнал об этом, бросился со слезами на глазах к Оленину, прося заступничества[28].

Имея уже некоторый опыт в издательских делах, Гнедич взялся издавать произведения ссыльного поэта. Никаких условий не было заранее оговорено между Пушкиным и его издателем. Рукопись поэмы «Руслан и Людмила» переписывалась для издания под наблюдением брата Пушкина — Льва и ближайшего друга — С. А. Соболевского[29]. Вышла книга в конце июня 1820 г. Оленин «сочинил» к книге

фронтиспис с «крокадами» из «Руслана и Людмилы». Но картинка к выходу книги опоздала и выдавалась бесплатно отдельно. К книге была приложена гравированная картинка с несколькими сценами из поэмы. Идея была Оленина, что обозначено монограммой «А. О.», рисовал ее художник И. Иванов, гравировал М. Иванов, в то время почетные библиотекари Публичной библиотеки. Оформление книги понравилось Пушкину. «Платье, сшитое по заказу вашему, на „Руслана и Людмилу", прекрасно,— писал Пушкин 21 марта 1821 г. Гнедичу,— и вот уже четыре дни как печатные стихи, виньета и переплет детски утешают меня». В этом же письме он благодарит А. Оленина: «Чувствительно благодарю почтенного А. О.; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности»[30]. Пушкин благодарил Гнедича за издание поэмы «Руслан и Людмила»,— «за милое» «попечение», за «напечатанную под отеческим надзором и поэтическим покровительством»[31].

Пушкин очень нуждался в то время в деньгах и надеялся получить значительно больше за свою поэму, чем получил от Гнедича. В письмах к Вяземскому (2 янв. 1822 г.) он признавался: «Меркантильный успех моей прелестницы Людмилы отшибает у меня охоту к изданиям»[32].

Гессен осуждал Гнедича за якобы недобросовестное отношение к Пушкину, за мизерный авторский гонорар за издание «Руслана и Людмилы». Нельзя не заметить натяжек в аргументациях обвинений. Если, по словам Гессена, была хорошо известна «подлинная цена услужливости Гнедича», то почему же другие издатели, к которым обращался Пушкин, не взялись за издание «Кавказского пленника»? И почему издатели «слабо верили в рентабельность поэтических произведений», если уж такой успех был у поэмы «Руслан и Людмила»? И почему Гнедич уговаривал Греча, как свидетельствует последний, взять издание «Кавказского пленника»?[33]. И зачем Пушкину нужно было «деликатничать» с братом, соглашаясь с неудовольствием Гнедича, минуя которого Пушкин обратился к Гречу?[34] А книгопродавец Слёнин, купивший тираж поэмы «Руслан и Людмила», расплачивался по частям и даже книгами. Хотя, как писала газета «Северная пчела», «первое издание Руслана и Людмилы... раскуплено было очень скоро. Через два года, с трудом и за большую цену можно было достать экземпляры сей поэмы»[35]. Но если бы это было так и поэма шла «нарасхват», вряд ли нужно было книготорговцу Слёнину «освежать» ее новой обложкой в 1822 г. («Руслан и Людмила. Поэма А. Пушкина. Продается в книжном магазине Слёнина. Спб., 1822») и в 1825 г. публиковать в «С.-Петербургских ведомостях»[36] объявление о продаже в его лавках «Руслана и Людмилы» в якобы новом издании. Как же можно подсчитывать, что выручка за книгу равнялась десяти тысячам, как это делает Смирнов-Сокольский[37], а доход Гнедича — четырем тысячам! Это — идеальный расчет, при условии полной покупки книгопродавцем всего тиража, что в те времена было исключено, и при

том книготорговвцы расплачивались, как комиссионеры, по мере продажи книг. Если бы Гессен и Смирнов-Сокольский были правы, то не приходили бы они в неимоверный восторг от продажи Вяземским всего тиража «Бахчисарайского фонтана» за 3500 р.[38]. Если следовать методике их подсчета, за тираж 1200 экз. «Бахчисарайского фонтана», продаваемый по 5 р. за книгу, нужно получить по крайней мере 6000 р. Вновь найденные документы вносят существенные коррективы в сумму авторского гонорара Пушкина за «Руслана и Людмилу». Считалось, что Пушкин получил от Гнедича только 500 р. и что-то получал от книгопродавца Слёнина. В бумагах В. А. Жуковского была найдена расписка отца Пушкина, Сергея Львовича, такого содержания: «1820-го года мая 17-го я нижеподписавшийся получил от Василия Андреевича Жуковского тысячу рублей, из издаваемо[го] поэму, Руслан и Людмила, для пересылки сыну моему Александру Пушкину. В Екатеринославль Пятого класса Сергей Пушкин»[39]. Эта сумма была переведена отцом Пушкину.

Пушкин хотел найти торговца для издания «Кавказского пленника» и поэтому обратился к Н. И. Гречу — издателю «Сына Отечества» и «Северной пчелы» с предложением купить у него рукопись. Свои действия он объяснял в письме к брату (24 янв. 1822 г.): «Ни Гнедич со мной, ни я с Гнедичем не будем торговаться и слишком наблюдать свою выгоду, а с Гречем я стал бы бессовестно торговаться как со всяким брадатым ценителем книжного дела»[40]. Но издателя не нашлось, и Пушкин вновь обратился к Гнедичу. Посылая свою поэму 22 апреля 1822 г., Пушкин писал: «Поэту возвышенному, просвещенному ценителю поэтов... завещаю вам скучные заботы издания... отдаю вам его в полное расположение»[41]. Знаменательно, что письмо свое Пушкин начал двумя латинскими эпиграфами из I элегии первой книги «Tristia» Овидия. В переводе они звучат так: «Малая книжка! Без меня пойдешь ты (и я этому не завидую) в город, в который, увы, господину твоему не позволено идти». И следующий эпиграф: «Иди, хоть и не нарядная, какими и подобает быть изгнанникам». Этими эпиграфами Пушкин подчеркивал свою судьбу — судьбу изгнанника. Гнедичу — любителю античности — такое обращение весьма импонировало. В сохранившемся черновом варианте письма к Гнедичу Пушкин просил написать «несколько строк» «вместо предисловия» и «успех» «будет уже надежнее»[42]. Гнедич рьяно взялся за дело. Быстро провел поэму через цензуру, которая наложила «знаки роковых» «когтей» на текст. Но придирки цензуры были мелочными. Она, например, нашла неприличным эпитет «долгий поцелуй разлук», заменив его на «горький поцелуй»; или потребовала замены слова «ночей» в стихах: «Не много сладостных ночей судьба на долю ей послала» заменить на «ей дней» и т. п. Вяземский тревожился за издание «Кавказского пленника», «о доставлении» Пушкину «выгод», о прохождении «алжирского плена цензуры»[43]. Гнедич отвечал 12 июля 1822 г.

Вяземскому: «„Кавказский пленник“ вышел из цензуры, как обыкновенно выходят из когтей, не без царапин: он уже под станком и в августе пустится по белому свету»[44]. В подготовке к изданию «Кавказского пленника» живейшее участие принимал Жуковский[45]. Гнедич просил Жуковского просмотреть поэму с точки зрения литературного редактора[46]. Прочитав поэму, Жуковский пишет Гнедичу: «Слог прелестный! Есть картины несравненные. Много локального. Есть длинное, однако не растянутое. Конец, однако, и обрывает и холоден. Если сочтешь нужным, чтобы я что-нибудь поправил, то пришли корректуру»[47]. Гнедич взял на себя самую незавидную работу: переговоры с типографией, с книгопродавцами, с художниками. Он писал Жуковскому (1822): «Пушкина поэма — finis! Только окончится виньетка, которую рисовал Алек. Н. Оленин. (Эге? А ты друг и не подозревал) и которая уже гравируется!»[48]

В конце августа 1822 г. книга выша в свет. В «Кавказском пленнике» впервые опубликован портрет 15-летнего Пушкина-лицеиста, в рубашке, как рисовали тогда Байрона, подперев голову рукою, в задумчивости. Гравирован портрет Е. Гейтманом. Предполагается, что рисовал портрет Карл Брюллов. Издатели объясняли публикацию портрета тем, что «приятно сохранить юные черты поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным». На что Пушкин заметил в письме к Гнедичу из Кишинева 27 сент. 1822 г.: «Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю похож ли, примечание издателей лестно — не знаю справедливо ли»[49].

Склад издания «Кавказского пленника» был в квартире «у издателя, коллежского советника Ник. Ив. Гнедича, в доме, принадлежащем имп. Публичной библиотеке, на Невском проспекте» — объявлялось в «Сыне Отечества»[50]. «Цена экземпляру, с портретом сочинителя на веленевой бумаге 7, а на любской — 5 рублей»[51]. Пушкин благодарил Гнедича в письме от 27 июня 1822 г. «за *дружеское попечение* (выделено мной.—*О.Г.*), Вы избавили меня от больших хлопот, совершенно обеспечив судьбу „Кавказского пленника“»[52]. Но Пушкин отказался второй раз издать у Гнедича «Руслана и Людмилу» и «Кавказского пленника». Пушкин был обижен тем, что Гнедич выслал за рукопись «Кавказского пленника» лишь 500 р. и 1 экз. поэмы. Как писал Анненков, Пушкин «был весьма недоволен таким скудным вознаграждением за поэтический труд свой и долго вспоминал об этом с досадой»[53]. Для Пушкина литературный гонорар был заработком, обеспечивающим жизнь.

Одновременно с «Кавказским пленником» Пушкина Гнедич издавал и «Шильонского узника» Байрона в переводе Жуковского. По этому поводу Жуковский острил: «Что „Узник“? Любезный Гандишь! Ты теперь сделался тюремщиком. К тебе приехал, говорят, с Кавказа другой прекраснейший узник»[54]. Жуковский давал Гнедичу «Carte blanche» по изданию своей книги[55]. Но, тем не менее, в одном из писем 1821 г. Жуковский определяет Гнедичу целый список заданий, связанных с изданием.

Нам неизвестны денежные расчеты между автором и издателем. Только во многих письмах Жуковский просил Гнедича продать, «как вздумаешь, только продай „Шильонского узника"»[56]. В другом письме: «Вот тебе 10 экземпляров, Гнедко! Продай, голубчик, а я твой по уши»[57], «продай. Как хочешь, все хорошо»[58].

В передовых литературных кругах того времени «Шильонский узник» был встречен сочувственно и рассматривался как разрыв Жуковского с мелкой тематикой мадригальной поэзии и с мистическим романтизмом.

В книгоиздательское дело Гнедич внес новшества. Он «изобрел» свою систему продажи книг, которую использовал при издании книг Батюшкова. Покупщику, требующему менее 50 экз., не делалось никакой процентной скидки. Кто берет за наличные деньги 50 экз., уступалось 10%, 100 экз. продавалось с 15% уступкой, 300 экз.—20%, 500 экз.—25% и за 1000 экз. давалась уступка в 30%[59].

Гнедич не был профессиональным издателем. И не материальные выгоды заставляли его заниматься этим делом, а желание, во-первых, помочь писателям заявить о себе «просвещенным любителям словесности», а во-вторых, способствовать развитию отечественного просвещения. Издательскую деятельность Гнедича нужно рассматривать, говоря словами А. С. Пушкина, «как дружеское попечение».

«Хранилище познаний человеческих»

Знакомство с Олениным резко изменило служебное и материальное положение Гнедича. Оленин ввел его как переводчика в салон императрицы Марии Федоровны и великой княгини Екатерины Павловны, благодаря которой Гнедич получал пожизненную пенсию для работы над переводом «Илиады».

Оленин и «Илиада» открыли Гнедичу двери домов петербургской знати и расширили круг знакомых среди писателей, художников и ученых. Он был вхож в дом вельможи и мецената А. С. Строганова, главного директора императорских библиотек. «Старик Гомер довел старика Строганова до того, что он кидался мне на шею»,—писал Гнедич Батюшкову 21 марта 1811 г.[1].

12 июля 1811 г. Оленин принял Гнедича помощником библиотекаря. Ему была предоставлена казенная квартира. Работа его состояла в разборе греческих книг и составлении каталога их, «в дежурстве» по Библиотеке, связанном с обслуживанием читателей.

О своей первой реакции на поступление в Публичную библиотеку Гнедич сообщал Капнисту 25 августа 1811 г.: «Мне дали в имп. Библиотеке место — без жалования, на равную вакансию с бывшим продавцом Сопиковым. Кажется не проиграл»[2]. Неуверенность в пра-

вильном выборе государственной службы объясняется тем, что Гнедич всегда мечтал об активной деятельности, предпочитая ее даже творческой деятельности.

«Я никогда не хотел бы быть *писателем,* если б мне дали *делать.* И кто захочет писать, если он может действовать?» — пишет он в «Записной книжке». Но по «опытности ума», добавляет — «но кто и кому даст действовать у *нас*»[3].

Многолетняя нужда заставляла думать о такой службе, которая давала бы «средства к приобретению выгод жизни»[4]. Работа в Библиотеке, с ее низкими окладами и однообразной деятельностью, не оставляла «надежд для видов», ибо, говоря словами Гнедича, «библиотекарь вечно неизменен». Но, тем не менее, эта служба предоставляла и немалые преимущества людям, желающим «совершенно посвятить себя наукам», для этого Библиотека дает «как время, так и способы»[5]. А это обстоятельство было решающим для Гнедича, посвятившего себя переводу «Илиады» Гомера. Для правильного перевода требовалось знание многих научных источников, не только греческих и латинских, но и на всех европейских языках, которые можно было найти только в Библиотеке.

Как отмечал Батюшков, «у Гнедича есть прекрасное и самое редкое качество: он с ребяческим простодушием любит искать красоты в том, что читает, это самый лучший способ с пользой читать, обогащать себя, наслаждаться. Он мало читает, но хорошо»[6].

В «мирной обители Муз», в Публичной библиотеке, по мнению Гнедича, всякий найдет «просвещеннейших мужей всех веков и народов, тех учителей мира, тех друзей человечества, которые беседовать с ними готовы во всякое время»[7].

Гнедич утверждал, что «светлая мысль одного человека, с помощью печатания, принадлежит всей земле»[8]. И ее, эту мысль, желающий всегда может найти в Публичной библиотеке.

С поступлением в Библиотеку кончились нищета, голодание, жизнь в чердачных каморках, хождение в потертых сюртуках. Работая в Библиотеке, Гнедич мог разрешить себе стать «щеголем», как называли его современники. «...Платье на нем всегда было последнего покроя. С утра до ночи во фраке и с белым жабо... он приноравливал цвет своего фрака и всего наряда к той поре дня, в которую там и сям появлялся, коричневый или зеленый фрак утром, синий к обеду, черный вечером. Белье, как снег, складки или брыжжи художественны. Обувь, шляпа, тросточка, все безукоризненно. Цветные перчатки в обтяжку»[9].

Домашний очаг, которого так недоставало Гнедичу, он нашел в доме Оленина.

В 1810-х гг. в кружке Оленина главенствовал Гнедич. Кстати, об этом писал Дмитриеву Блудов: «Как у нас на Руси, в Московском университете, удивляются одному Мерзлякову, в Беседе только Шихматову, а в доме Оленина Гнедичу»[10].

Работа в Библиотеке считалась «приятной службой». Не случайно, что после ухода Загоскина Жуковский просил Гнедича помочь устроиться на его место Василию Ивановичу Кондыреву. «...Приятнее службы нельзя выбрать как при библиотеке (и именно место Загоскина, по части русской). Товарищество с тобою, с Крыловым и некоторыми другими,— писал Жуковский,— есть уже выгода, а начальник такой добрый, благородный и заботливый каков наш Алексей Николаевич, есть драгоценность»[11].

Действительно, «добрый, благородный, заботливый» Оленин делал все, чтобы облегчить жизнь Гнедича. Очень быстро Гнедич был отличен по службе: через полгода после начала работы в Библиотеке, 26 января 1812 г., он был награжден первым орденом за «отличную службу». 16 декабря 1811 г. при содействии Оленина Гнедич вместе с Крыловым избран в члены Российской академии. По протекции Оленина он 10 августа 1814 г. определен в Государственную канцелярию письмоводителем с жалованьем 1200 р. в год. В своем ходатайстве Александру I Оленин писал: «Известность его в кругу Отечественной словесности, способность сочинять прозою, возвышенным приятным и ясным словом, подают мне надежду, что он может быть полезен при Государственной Канцелярии»[12]. Впоследствии Гнедич занимал должность экспедитора в Государственной канцелярии и ничем себя не проявил; Оленин нашел этому объяснение: «обыкновенная служба г-на Гнедича по Государственной Канцелярии, в течение которой не встретилось ему случая показать особенных своих дарований в русской словесности»[13].

Служа в Библиотеке, Гнедич сумел «показать» свои дарования в выступлениях на юбилейных торжественных собраниях[14]. Оленин высоко ценил эти выступления, подчеркивая в одном из писем, что многие были свидетелями «тех сильных чувствований, какие производили в душах многих знаменитых слушателей сочинения г-на Гнедича, читанные им как при открытии императорской Публичной библиотеки, так и в других последовавших торжественных в Библиотеке собраниях»[15].

Особо следует остановиться на речи Гнедича «Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности», произнесенной при открытии Публичной библиотеки 2 января 1814 г. В какой-то мере она была программой, определяющей место и роль Библиотеки в общественной жизни и национальной культуре. В ней отразился подъем патриотических чувств, вызванный событиями Отечественной войны 1812 г.

Мысль о «гордости быть россиянином» прошла красной нитью через все «Рассуждение» Гнедича. «Слава земли Российской должна наполнить и возвеличить наши сердца тою благородною гордостью, должна вселить в нас навеки то уважение к самим себе и языку своему, которое одно составляет истинное достоинство народа»[16].

Русские писатели и ученые не должны бы были позволять «иностранцам упредить нас глубокими познаниями и изысканиями нашей истории», «описать подвиги наших героев», «и наши Омеры и Пиндары, Софоклы и Фукидиды, силою превосходного нашего слова и изящностью их творений, уже восхитили б всех просвещенных народов, и слава языка российского уже носилась бы по вселенной, как гром российского оружия»[17].

Гнедич призывал к познанию своего родного языка, созданию «общественного» языка, «среднего» языка прозы. «У нас нет еще книг, чтоб совершенно узнать все тонкости языка общественного», следовательно, такие книги нужно создать. Знание родного языка и уважение к нему «водворит в земле нашей мирное владычество наук, более сильное и славное, чем величество оружия и брани»[18]. Гнедич считал, что первым признаком подлинной образованности является уважение к отечественному языку.

В этом же «Рассуждении» Гнедич проводил мысль: чтобы быть хорошим писателем, нужно всю жизнь самоусовершенствоваться, «нужны познания всех наук и художеств», нужен постоянный труд. «Бессмертные писатели покупали трудами целой жизни, а иногда жертвою самой жизни, имя в потомстве»[19].

В духе идей Оленинского салона большую часть своей речи Гнедич посвятил пропаганде источников русской культуры—летописей, «песен», без знания которых немыслимо создание подлинно национальной литературы[20].

Как и все члены Оленинского кружка, Гнедич отдал дань увлечению «Словом о полку Игореве», ратовал за внимание к нему как к историческому источнику, за вдумчивое и осторожное отношение к его изучению. В своей «Записной книжке» он высказался по этому поводу: «Наши старинные повести, стихотворения, наши народные песни, которых богатством и истинно народным поэтическим духом мы можем перед другими народами хвалиться, а особенно гениальная, своеобразная Песнь о полку Игореве, во многих отношениях важны исторически: сии песни, без сомнения, суть хотя слабый и неопытный отголосок прежних времен, достойны самого рачительного внимания и сбережения, требуют обрабатывания осторожного и благоразумного»[21].

В Публичной библиотеке Гнедич не выделял себя. В одном из документов (апрель 1830 г.) он писал о себе: «служил ... с усердием и ревностью наравне с другими: составлял каталоги вверенных мие отделений книг, нес службу, как и другие»[22].

Из «Ведомости о числе книг, находящихся в ведении помощника библиотекаря... Гнедича» явствует, что в 1813 г. в его распоряжении находилась 1661 греческая книга «всех родов писателей, кроме богословских»[23]. Из них исторических книг—200, по искусству—414, по филологии—503, научных («в разделе наук умственных, естественных и определительных»)—323.

Греческий фонд, как и другие части фондов, не был стабильным: он пополнялся за счет покупок, даров, из польских библиотек. Гнедич «вылавливал» книги на греческом языке из других частей фонда. Периодически он составлял новые ведомости книг. Так, в мае 1819 г. он составил «Ведомость, сколько в имп. Публичной библиотеке в Отделении греческих писателей находится всех томов вообще и в каждом особенно разряде».

Гнедич, как, впрочем, и все библиотекари, давал заключения по своей части на вновь поступающие собрания. Так, в 1829 г. «по высочайшему повелению» поступила библиотека А. Я. Италинского—посланника в Риме. Это собрание «древних писателей», греческих и римских, «по естественной истории, медицине и художествам». Ознакомившись с собранием, Гнедич сообщал Оленину 7 мая 1829 г., что в соответствии с реестром «недостает весьма значительного числа» книг (180 книг), а 184 книги вовсе не отражены в каталоге[24].

Основной и трудоемкой работой, которую проделали в те годы сотрудники Библиотеки, было составление каталогов.

Гнедич не был в Петербурге, когда по распоряжению Оленина все служащие должны были ответить на вопросы, связанные с дальнейшей судьбой каталога. Но уже 15 июля 1818 г. Оленин в письме к Гнедичу говорит о каких-то гнедичевских замечаниях «на опыт», которые он «в третий раз перечитывал» вместе с Крыловым и Поповым и «общим советом положили», что Гнедичу непременно нужно «по сему предмету написать дидактическую книгу—да, книгу довольно толстую!»[25]. О чем шла речь, установить не удалось.

В Отделе рукописей и редких книг Публичной библиотеки сохранились два тома рукописного каталога, составленного Гнедичем: «Каталог императорской Публичной библиотеки. Греческий язык. С.Петербург, 1820 г.»[26] и «Каталог императорской Публичной библиотеки. Латинский язык. 15. Словесные искусства: Красноречие. С. Петербург. 1822»[27]. В первом каталоге отражены книги на греческом языке (описания на латинском и греческом языках) по всем отраслям знания. Во втором же каталоге Гнедичем сделан только 15-й отдел: Красноречие. В описаниях этих каталогов, особенно в первом, встречается правка Гнедича[28]. Составленные Гнедичем каталоги были оценены Олениным как «труд немаловажный в библиографическом кругу»[29].

По свидетельству современников, Гнедича удручали летние «дежурства» в Библиотеке, когда сутки нужно было находиться в ней при отсутствии читателей. Обычно Гнедич прохаживался в тени двора. Если кто-либо из знакомых подходил к нему и спрашивал, не дежурный ли он, Гнедич «пальцем показывал на Аннинский свой крест на шее», тем самым «указывая на государственную повинность»[30]. Правда, те же современники вспоминали, что в дни таких дежурств Гнедича навещали друзья—писатели и между ними велись интересные беседы.

Гнедича не всегда удовлетворял библиотечный труд, но Библиотека давала ему возможность, по выражению Оленина, «великий труд достойным образом исполнить», т. е. перевод «Илиады». Тот же Оленин понимал, что «совоспитанники его и товарищи его опередили на поприще гражданской службы, к которой он не менее их способности имеет»[31].

Довольно долго Гнедич занимал должность помощника библиотекаря (до 26 апр. 1826 г.), хотя все его товарищи, даже пришедшие в Библиотеку после него, значительно раньше получили должность библиотекаря.

Объясняется это тем, что по царскому «повелению» (от 21 декабря 1815 г.) о двойных окладах, пенсионных и столовых деньгах, каждый раз, когда чиновник переходил на другую должность, где оклад был выше, нужно было на это испрашивать разрешение царя. А Гнедич, кроме Публичной библиотеки, где ему платили как помощнику библиотекаря 900 р. в год, служил еще в Государственной канцелярии (1200 р. в год) и в Министерстве просвещения (1250 р. в год). Перевод его на ставку библиотекаря (1200 р. в год) исключал возможность этого оклада. Он должен был получать по-прежнему оклад помощника библиотекаря и поэтому, когда в апреле 1816 г. образовалась вакансия библиотекаря, Гнедич от этой должности отказался. Вместо него из помощников библиотекаря перевели Крылова.

Оленин очень сожалел, что вынужден был поступить так несправедливо по отношению к Гнедичу. «... Тяжкий сей жребий не для корыстолюбия (ибо разница окладов составляет только 300 р. в год), но для благородного честолюбия и усердной службы, пал именно на достойного чиновника, как по служению своему, так и по образу мыслей и поведению, а сверх того и по особенным его дарованиям в русской словесности, дарованиям, которые он с таким успехом и к общему удовольствию неоднократно употреблял по долгу службы, единственно из уважения к начальническому предложению»,—писал Оленин министру народного просвещения А. К. Разумовскому (5 мая 1816 г.)[32].

И в этом же письме Оленин «по всей справедливости» ходатайствовал «об отличном вознаграждении сего достойного чиновника за употребление им двукратно немалые труды на пользу знаменитого хранилища познаний человеческих». Но «мольбы» Оленина не были тогда услышаны. Гнедич был награжден орденом вместе с другими сотрудниками в марте 1820 г. «За труды двукратного приведения в порядок вверенного ему отделения греческих книг и за составление им каталога»[33].

В апреле 1826 г., когда открылась вакансия библиотекаря, Оленин обратился к министру народного просвещения А. Шишкову о переводе Гнедича из помощников в библиотекари, но с оставлением оклада помощника библиотекаря. И только с 12 июня 1827 г., с мо-

30. апреля 1816.

Его Превосходительству Господину Директору Императорской публичной библиотеки, Тайному Советнику, Статс-Секретарю и разных орденов Кавалеру Алексею Николаевичу Оленину

От служащего в Императорской публичной Библиотеке Надворного Советника и Кавалера Гнедича

Вследствие предписаний Его Сиятельства Господина Министра народного просвещения честь имею донести вашему превосходительству, что я не желаю поступить в звание библиотекаря, не получая положенного по штату сему жалованья, и потому остаюсь при прежней вакансии и окладе.

Надворный Советник и Кавалер Николай Гнедич.

Апреля 30 дня
1816 года.

Рапорт Н. И. Гнедича А. Н. Оленину. Автограф

мента увольнения Гнедича по болезни из канцелярии Государственного совета, Оленин стал оплачивать ему полностью оклад библиотекаря[34].

Порой Гнедич тосковал в Петербурге по своей родине, остро переживая свое одиночество. В 1805 г. его друзья по Департаменту народного просвещения—Радищев, Пнин, Языков—одолжили ему денег для поездки на Украину. В 1810 г. он даже хотел переехать в Полтаву. Его усиленно отговаривал Батюшков (1 апреля 1810 г.): «Ты едешь в Малороссию,—писал он Гнедичу.—Полно, правда ли? И зачем?... Где найдешь людей, которые бы тобою интересовались, которые бы тебя любили, ласкали, давали тебе цену, как не те, с которыми ты живешь. Эта поездка тебя и в финансах растратит, а тебе, брат, об этом пора думать. Не все жить Лафонтеном. Ничто не убивает так скоро твоего таланта, как эта поездка. С кем ты в Полтаве будешь говорить о пряжках Патрокловой брони или о воловой коже, в которую одевался Аякс, стена Греции? С кем отведешь душу?»[35] Ездил он туда в мае 1818 г.

Дорожа дружбой с Гнедичем, Оленин писал ему перед отъездом (вероятно, боясь, что Гнедич останется на Украине с маленькими детьми сестры): «Возвращайтесь скорее в приобретенную вами воспитанием и долгим пребыванием отчизну, в которой живут все ваши добрые знакомые, искренние приятели и верные друзья»[36].

Кстати, часто в своих письмах Оленин называл Гнедича «старым долголетним приятелем».

Оленин для Гнедича был не только покровителем, но и другом, приходящим на помощь в трудные минуты жизни. В 1819 г., когда Гнедич переживал какое-то личное потрясение, он посвятил Оленину стихотворение «К другу», в котором есть такие поэтические строки:

Ты покровительным был древом надо мною,
Что гибко зыбляся высокою главою,
Не сокрушается, и зеленью густою
Широко стелется над урной гробовой.
Гроза шумела вкруг, все небо бушевало;
Шаталось дерево до матерова пня;
Но, некрушимое, с любовью покрывало
Ветвями влажными безкровного меня[37].

Если ранее честолюбивые мечты привели Гнедича в столицу империи, то уже в 1820 г. в письме к другу своего детства А. П. Юшневскому он сознавался, что потерял «охоту к столице», «что хоть пешком за заставу!». И в том же письме—тоска по домашнему очагу: «когда положим посохи свои, хоть на развалинах надежд юношеских, но под кровом богов домашних?»[38].

А через два года (14 дек. 1822 г.) в письме Юшневскому вновь жалоба от «души, замерзающей в климате медвежьем, в земле клюк-

вы и брусники». И вновь сетования на одиночество: «Несчастлив потому, что один, а один потому, что для существ, может быть и не отреклись бы подать руку на жизнь и смерть—лежит передо мною страшная бездна—бедность!» И единственное утешение—творчество. Он признается, что будут «почитать лучшим в жизни моей время, в которое плавал я по этому Океану ума и жизни творческой»[39].

Гнедич много трудился, ибо был убежден, что «боги продают нам счастье за цену наших трудов»[40]. Истинное человеческое счастье он видел в служении народному благу. «Истинное счастье,—писал он,—есть непрерывная деятельность, непрерывное усилие, следовательно, оно может обитать только в такой душе, которая посвятила себя народному благу и славе»[41].

Гнедич считал своей «непрерывной деятельностью», своим «непрерывным усилием»—работу поэта-трибуна, переводчика книги, которая раскрывает подвиги, народный героизм.

«Высокий подвиг...»

В русской поэзии и публицистике первой четверти XIX в. царил культ античности. Среди античных литературных произведений, вошедших в сокровищницу мировой культуры, одно из ведущих мест принадлежит «Илиаде» Гомера.

К началу XIX в. не было полного перевода «Илиады» на русский язык. Отдельные отрывки из нее были переведены М. В. Ломоносовым (1748), Василием Рубаном (1772), Петром Екимовым (1776). В 1787 г. Ермил Костров опубликовал 6 песен «Илиады». По совету своего земляка писателя В. В. Капниста Гнедич в 1807 г. приступил к переводу «Илиады». И как бы продолжая труд Кострова, в 1809 г. Гнедич опубликовал отдельным изданием седьмую песнь «Илиады», в 1812 г. в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (кн. 5)—восьмую песнь.

Греческий язык Гнедич выучил еще в Московском университете и знал его превосходно. А лекции П. А. Сохацкого пробудили у него особый интерес к античной литературе. Как вспоминает приятель Гнедича С. П. Жихарев, он «замечателен был неутомимым своим прилежанием и терпением, любовью к древним языкам»[1].

Перевод «Илиады» соответствовал душевному настрою Гнедича. Современники неоднократно отмечали его любовь ко всему выспреннему. По словам того же Жихарева, «Гнедич, который увлекался всем, что выходило из обыкновенного порядка вещей, прочитал три раза Телемахиду (Тредиаковского.—*О.Г.*) от доски до доски, и даже находил в ней бесподобные стихи»[2].

Для перевода «Илиады» Гнедич изучил всю существующую критическую литературу и комментарии на немецком, английском, французском, греческом и латинском языках. Начало труда пришлось на тяжелый период жизни Гнедича, когда нужда была его постоянной спутницей. Но работа над переводом и первые публикации принесли и некоторые материальные блага. Князь И. А. Гагарин, управляющий двором великой княгини Екатерины Павловны, сумел выхлопотать ему на продолжение перевода пенсион в 1000 р. «Теперь, кажется, я не умру с голоду»[3],—писал Гнедич Батюшкову 6 сентября 1809 г. И в том же письме: «Я прощаюсь с миром— Гомер им для меня будет»[4], подчеркивая тем самым значение этого труда в своей жизни.

По примеру Кострова Гнедич переводил гомеровские строфы шестистопным ямбом—так называемыми александрийскими рифмованными стихами. Но, дойдя уже до 11-й песни, Гнедич почувствовал неточность передачи духа подлинника. Он еще более укрепился в правильности своих ощущений после выступления в печати знатока греческой литературы С. С. Уварова с «Письмом к Николаю Ивановичу Гнедичу»[5]. В нем он доказывал, что нельзя Гомера переводить на русский язык александрийским стихом, и ратовал за перевод гекзаметрами, т. е. размером греческого оригинала, убеждая, что это «стопосложение» вполне согласуется с духом русского языка[6]. В том же номере «Чтения в Беседе любителей русского слова» Гнедич откликнулся на статью Уварова, соглашаясь с автором. Ссылаясь на свой опыт, Гнедич писал, что «нет возможности в переводе стихами александрийскими удовлетворить желанию просвещенных читателей... знакомых с языком древних и дорого ценящих священные красоты древней поэзии»[7].

Завязалась полемика. Многие возражали против перевода гекзаметром. В. В. Капнист, по совету которого Гнедич занялся переводом, выступил против гекзаметра и предложил для перевода былинный стих. Реакцию литературного общества того времени очень ярко передал Д. В. Дашков в письме к будущему арзамасцу Д. Н. Блудову (15 окт. 1813 г.): «За сей перевод все старообрядцы на него вооружились и предают его торжественно проклятию как еретика; они так привыкли плести рифмы, что им кажется непонятно, каким образом обойтись можно без сих погремушек»[8]. Несмотря на яростные нападки, Гнедич стойко защищал свое право перевода размером подлинника—гекзаметром (шестистопным дактилем). И не смущаясь «ни толками, ни пересудами», твердо шел своей дорогой, посвятив свыше 20 лет переводу «Илиады».

В «Предисловии» к переводу Гнедич объяснил свое переводческое кредо: перевод должен быть точным—«подобен слепкам ваятельным» (с. VIII), «как он есть, ни хуже, ни лучше» (с. IX), «я ничего не опускал, ничего не изменял» (IX). Как утверждал советский исследователь акад. И. И. Толстой, «Гнедич приоткрыл русскому читателю подлинное, не прикрашенное лицо Гомера»[9]. И в этом одно из достоинств его перевода.

Гнедич сознательно отказался от условной идеализации языка античности, господствовавшего тогда в салонной поэзии. И вопреки «требованиям и вкусам века», Гнедич заявил, что «переводчику Гомера должно отречься от раболепства перед вкусом Гостинных, перед сею прихотливою утонченностью и изнеженностью обществ, которых одобрения мы робко ищем, но коих требования и взыскательность связывают, обессиливают язык» (с. VIII).

В понимании гомеровской поэмы Гнедич проявил историческое мышление. «Чтобы читать картину его (Гомера.—*О.Г.*), чтобы наслаждаться и исполинскими образами, рукою гения набросанными, и мелкими подробностями, художнически оконченными, нужны предуготовительные познания,—писал Гнедич в „Предисловии".—Но большая часть людей не считает их нужными, когда произносят суждения. Мы, с образом мыслей, нам свойственным, судим народ, имевший другой образ мыслей, подчиняем его обязанностям и условиям, какие общество налагает на нас. Забывая даже различия религии, а с нею и нравственности, мы заключаем, что справедливое и несправедливое, нежное и суровое, пристойное и непристойное наше, сегодняшнее, было таким и за три тысячи лет. И вот почему судим ложно о героях Гомеровых. Воображение без понятий не говорит или темно говорит сердцу. Надобно переселиться в век Гомера, сделаться его современником, жить с героями и царями — пастырями Геллады, чтобы хорошо понимать их» (IV). «Творения Гомера есть превосходнейшая Энциклопедия Древности» (с. III). Поэма Гомера — «зерцало века» (с. III).

Мы целиком согласны с А. Кукулевичем, что на историческое мировоззрение Гнедича большое влияние оказал А. Н. Оленин[10]. Как мы уже отмечали, Оленин, еще учась в Дрездене, увлекся идеями крупнейшего немецкого просветителя-гуманиста XVIIII в.— Иоганна Иоахима Винкельмана. Его книга «История искусства древности» (Winckelmann I. I. Geschichte der Kunst des Altertums. Dresden, 1764. 2 г) открыла новую эпоху как в искусствоведении, так и в исторической науке. Под воздействием Оленина Гнедич стал подходить к античному тексту с научным анализом. В одном из писем к Гнедичу Оленин раскрывает свой исторический подход к изучению античного мира, античной литературы. «Итак, разбирая обычаи, одеяние и оружие полуобразованных или полудиких еще народов (беспристрастно сказать, весьма схожих с нынешними кавказскими племенами), каковы были Греки и Трояне, не во вред их чести, но по точным словам Омера, не должно их обычаев соображать с образом мыслей и обычаями ныне просвещенных народов, следственно нужно оные сравнивать для ясного об них понятия, во 1-х, в подлинных текстах древних авторов, во 2-х, с памятниками их искусства и, в 3-х, с обычаями, буде можно, ныне еще существующими у таковых же полуобразованных или полудиких народов»[11]. Оленин поддерживал и стремление Гнедича использовать областные словечки, старославянские обороты. В одном из писем

к Гнедичу он настаивал: «Не бойтесь, переводите: песоокий: французскую учтивость нечего тут употреблять: здесь надобно видеть характер и обычай, существовавший за 2500 лет»[12]. Более того, Оленин советовал Гнедичу создать особый словарь слов, употребляемых при переводе «Илиады». «Мне кажется,—писал он Гнедичу,—что вам надобно бы определить для перевода вашего некоторую постоянную технологию, о которой вам предуведомить читателя. Вы в этом деле смело приказывайте: кто благоразумен, тот будет вас слушаться. Для перевода Омера надобно употреблять особый язык, ибо его язык есть язык богов бессмертных»[13].

Оленин, как и Уваров, поддерживал Гнедича в главном—в решении переводить поэму гекзаметром. Желая «избавить русскую словесность от тяжкого ига александрийского стиха и рифмы»[14], Оленин «твердо решился всеми мерами споспешествовать» Гнедичу в его намерении «в преложении Омера русскими экзаметрами, en de'pit de (вопреки.—*О.Г.*) Капниста и всех ему подобных»[15]. Многие его советы были приняты переводчиком, о чем свидетельствует «Предисловие». Оленин наставлял переводчика «держаться как можно ближе к подлиннику», чтобы оставить потомству и русскому народу «единственный отпечаток на иноплеменном (греческом) языке—бессмертных творений величайшего из поэтов»[16].

Очень часто Гнедич обращался к Оленину за помощью, с просьбой разъяснить многие военные, технические и другие понятия, значение отдельных слов. В известных нам опубликованных письмах (с 1811 по 1829 г.) Оленин пояснил Гнедичу 193 слова, но это далеко не исчерпывает тех справок, которые получил Гнедич. При всей своей огромной занятости Оленин помогал Гнедичу с большой охотой. В одном письме к неустановленному лицу от 30 июля 1815 г. Оленин признавался: «В пользу Н. И. Гнедича, которому от всей души моей желаю всякого успеха в его полезном и славном предприятии, истинно себе за счастье поставляя в том ему по возможности моей споспешествовать»[17]. И он «споспешествовал» переводчику во всем. Более 30 писем-исследований или, говоря словами Гнедича, «диссертаций» написал Оленин для Гнедича, широко привлекая греческие и иные источники, тщательно анализируя творения Гомера, не только текст «Илиады», но и «Одиссеи». Многие свои изыскания Оленин снабжал рисунками. Помогал Оленин только из желания, «чтоб в вашем превосходном экзаметрическом переводе Илиады не было, как у нас говорят, ни тычка ни задоринки», писал он Гнедичу 21 декабря 1824 г.[18]. Или в другом письме (24 декабря 1826 г.) Оленин признавался: «С моей стороны, по силе, по мочи, я вам с великим удовольствием предлагаю мои услуги и сорокалетние мои труды. Счастливым себя почту, если хоть несколько могу быть полезен *великому* (выделено мной.—*О.Г.*) вашему предприятию»[19].

Гомеру они посвящали и многие часы своих бесед. В примечании к № 15 к «Предисловию» перевода Гнедич пишет: «Не могу не свидетельствовать благодарности А. Н. Оленину, как вообще за

участие, какое принимал он в труде моем, так и за снисхождение, с каким сей просвещенный любитель древностей, похищая свободные минуты от своих многих занятий, предлагал мне изъяснения, касающиеся до греческих оружий и проч. изъяснения, которым и так бедны толкователи Гомера» (с. XV).

Из-за тяжелой болезни не все задуманное успел совершить Гнедич: не сумел подготовить комментарии—«введение» и «примечания», «объяснений творения древнего» (с.1). Комментарий должен был представлять собой циклы историко-литературных популярных очерков на исторические, историко-географические, бытовые и прочие темы. Отрывок подобного комментария (в виде пробы пера) был опубликован Гнедичем под названием «О тактике ахеян и троян, о построении войска и проч.» в журнале «Сын Отечества»[20]. Оленин сразу же одобрил комментарии Гнедича и писал последнему 21 декабря 1826 г.: «Вашу статью в 20-м № Сына Отечества, сего года, я с жадностью прочитал и поздравляю вас с начальным успехом: коротко, ясно и основательно. Вот что необходимо нужно для комментарий или для толкований, попросту по-русски сказать»[21]. В ответном письме Гнедич пояснил свой комментаторский метод: «Писатель объяснений должен быть учен для себя, а не для Гомера, самим Гомером, к толкователям прибегать в таких только случаях, когда Гомер, к уразумению себя, не представил способов»[22]. Постоянное общение с Олениным и с Оленинским кружком сыграло немаловажное значение в развитии исторических и эстетических взглядов Гнедича. Есть свидетельства, что члены Оленинского кружка порой облачались в греческие доспехи и для большей наглядности воспроизводили в лицах эпизоды «Илиады»[23].

Все служащие Публичной библиотеки принимали самое живейшее участие в переводе Гнедича и помогали ему, как только могли. Д. П. Попов, сотрудник Библиотеки, был также профессором греческой словесности в Университете. По предложению Оленина он перевел прозой «Илиаду» и «Одиссею» Гомера и часто привлекался к толкованию затруднительных фраз. А. И. Ермолаев в русских летописях подыскивал подходящие слова, которые более точно соответствовали бы греческим понятиям. Под руководством библиотекаря М. А. Семигановского студенты Киевской академии сделали перевод сочинения Г. Германна о стопосложении древних. Крылов изучил греческий язык и порой принимал участие в переводе трудных оборотов. В этом факте восторженный Гнедич усмотрел акт высочайшего дружества. Хотя, как свидетельствуют некоторые современники, Крылов выучил греческий язык, только желая выиграть пари у Гнедича, считавшего, что в таком возрасте (50 лет) нельзя выучить иностранный язык. Гнедич посвятил Крылову специальные стихи, конец которых мы приведем:

Крылов, ты выиграл богатства,
Хотя не серебром—
Не в серебре же все приятства—

Ты выиграал таким добром,
Которого по смерть, и как ни расточаешь,
Ни проживешь, ни проиграешь.

Не обошлось и без споров. Так, защищая русский гекзаметр, Гнедич не согласился с А. Х. Востоковым и выступил с рецензией на его книгу «Опыт о русском стихосложении»[24].

Но самая главная помощь Гнедичу—это возможность заниматься переводом в Публичной библиотеке. Как вспоминает его сослуживец по Библиотеке М. Е. Лобанов, «просвещенные люди не столько службы требовали от Гнедича, сколько Илиады. Они знали, что перенести подобное творение в отечественную словесность— есть служба тому же отечеству, но такая, для совершения которой и в течение целых столетий не всегда представляются достойные подвижники»[25]. Это подтверждают и официальные документы. В одном из них (19 июня 1825 г.) читаем: «Директор императорской Публичной библиотеки статс-секретарь Оленин, препровождает при сем к г-ну помощнику библиотекаря сей Библиотеки, коллежскому советнику Н. И. Гнедичу книгу для предполагаемых им занятий в пользу Российской словесности, следственно и *в пользу помянутой Библиотеки*» (выделено мной.—*О.Г.*)[26].

По свидетельству современников и самого Гнедича, Гомер «был постоянным предметом пламенных бесед» Гнедича, а «Илиада»—«собеседницей, сопутницей, услаждением всей его жизни»[27]. Перевод «Илиады» был любимейшим занятием Гнедича.

Интерес к переводу Гнедич постоянно поддерживал в обществе, во-первых, своим чтением в литературных салонах и на вечерах, а также публикациями в периодических изданиях. Переводя Гомера, Гнедич приучил свой слух к гекзаметру, чрезвычайно певучему. Гнедич читал свои стихи нараспев. Как вспоминала старшая дочь Оленина Варвара Алексеевна, «когда Гнедич бывало сам читал, это была музыка. Особенно раз он читал прощание Гектора с Андромахой. Собрались тогда много слушателей и почти все взрыд плакали»[28]. Или свидетельство С. П. Жихарева, который писал: «Слушали мы 8-ю песнь „Илиады“, которую Гнедич читал с необыкновенным одушевлением и напряжением голоса. Я, право, боюсь за него: еще несколько таких вечеров, и он того и гляди начитает себе чахотку. В переводе его есть прекрасные стихи... Вообще Гнедич владеет языком отлично, и хотя в стихах его есть некоторая напыщенность, то зато они гладки, ударения в них верны, выражения точны, рифмы созвучны—словом, перевод хоть куда»[29].

По мнению одних, читал он с большим искусством, по мнению других—был очень смешон напыщенностью протяжного чтения с завыванием и вытянутой шеей[30]. Но слава отличного чтеца была закреплена за Гнедичем, и не случайно многие писатели просили его читать на публичных вечерах свои произведения. Изредка появлялись и рецензии на публикуемые Гнедичем отрывки.

Так, в обзоре «Нечто о переводчиках Гомера» Ф. Булгарин писал: «Чувствую красоту Российского перевода и, сравнивая его со многими другими, утешаюсь мыслью, что наконец Российская словесность будет иметь творения Гомера во всей их чистоте, и во всем их блеске, за что ручаются доселе вышедшие труды Гнедича, его дарования, сведения в древних языках и наконец совершенное знание духа русского слова и теории гекзаметров, изложенной им в замечаниях на Опыт Русского стихосложения г.Востокова, которые г. Гнедич напечатал в Вестнике Европы в 1818 году»[31].

С 1813 г. Гнедич почти ежегодно печатает отрывки из перевода «Илиады»[32], часто возвращаясь к уже переведенному, тщательно отделывая каждый стих, каждое слово, иногда полностью переделывая. Даже закончив перевод (о чем он сообщал 24 октября 1826 г. в письме к Жуковскому: «Так, любезный, я докончил Гомера!»)[33], он продолжал его шлифовать.

В литературных кругах постоянно интересовались работой Гнедича. Батюшков в своих письмах часто спрашивал Гнедича о переводе «Илиады». Особенный интерес к переводу проявлял Пушкин. Он приветствовал занятие Гнедича переводом Гомера, а особенно — применение гекзаметра. В 1821 г. Пушкин писал Гнедичу:

О, ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый,
Гомера музу нам явил
И смелую певицу славы
От звонких уз освободил[34].

23 февраля 1825 г. Пушкин пишет Гнедичу из Михайловской ссылки: «... брат говорил мне о скором совершении Вашего Гомера. Это будет первый классический, европейский *подвиг* (выделено мной.—*О.Г.*) в нашем отечестве... »[35].

Летом 1825 г. Пушкин пишет Бестужеву: «Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг, посмотрим, когда появится его Гомер...»[36] Жуковский также называл перевод Гнедича «подвигом»[37].

Упорным трудом поэт окончательно подорвал свое здоровье. Не принесла облегчения и поездка по совету врачей в 1825 г. на Кавказские минеральные воды. Врачи настаивали, чтобы он уехал на юг.

Оленин обращается к министру народного просвещения с просьбой помочь Гнедичу, который посвятил переводу «Илиады» «многие лучшие годы жизни своей, при этом пренебрегал служебной карьерой» и «довольствовался не весьма блистательными должностями». «Великий и долговременный труд, предпринятый им для перевода Омеровой Илиады,—писал Оленин,—при стесненных его обстоятельствах, совершенно расстроил его здоровье и малые хозяй-

12. Июня 1827.

ЦѢНА ДВА РУБЛИ

Его Превосходительству Господину Директору Императорской публичной Библиотеки, Тайному Советнику, Государственнаго Совета Члену и разных орденов Кавалеру

От Библиотекаря Императорской публичной библиотеки Коллежскаго Советника и Кавалера Николая Гнедича

Покорнѣйшее прошеніе

Долговременная болезнь, меня изнуряющая и которая, по общему приговору Медиков, не может получить облегченія в здешнем Климате, но требует пребыванія моего в краях полуденной Россіи, побуждает меня обратиться к Вашему Превосходительству со всепокорнѣйшею просьбою, исходатайствовать мне от Его Императорскаго Величества отпуск на год, для отъезда или в Одессу или в Крым, смотря по силам здоровья и обстоятельствам.

Библиотекарь Императорской Публичной Библиотеки Коллежскій Советник и Кавалер Николай Гнедич

Іюля 7 дня
1827 года.

Прошение Н. И. Гнедича. Автограф

ственные его способы». И так как Гнедич «существует одним жалованием по службе», Оленин просил исходатайствовать для Гнедича пожизненный годовой пенсион в 3000 р.[38]

В ноябре 1826 г. «в вознаграждение за службу и в особенности за труды в преложении им в стихах на русский язык Илиады Гомеровой» царь установил Гнедичу пенсион 3000 р. в год сверх получаемого им жалованья по службе.

В августе 1827 г. Гнедич уехал в Одессу в годовой отпуск. Вернувшись из отпуска, Гнедич занялся подготовкой к изданию «Илиады». Оленин не ходатайствовал перед министром об издании поэмы. И это не случайно. Издание книги за счет государства была бы слишком малая награда за «труд, для которого он пожертвовал и лучшими годами жизни и выгодами службы». Продажа книги не принесла бы автору достаточного вознаграждения, так как в России «круг читателей, а тем более Гомера, весьма ограничен»[39]. А главное, Гнедич, как член Российской академии, имел право опубликовать свой перевод за счет Академии. Любопытно, что в переписке Оленина с Голицыным возник вопрос о цензуре «Илиады». И они порешили, «что старика Омера, как одного из нравственных поэтов древности, можно безопасно печатать без цензуры, ибо странно было ценсировать то, что печатается 400 лет сряду на всех языках и во всей Европе, даже в Папских владениях,—без цензуры!..»[40]

Перевод Гнедича вышел в свет в декабре 1829 г. под таким торжественным названием «Илиада Гомера, переведенная с греческого размером подлинника Николаем Гнедичем, с предисловием переводчика, с изображением семи главных героев Илиады—Ахиллеса, Агамемнона, Диомида, Одиссея, Нестора, Менелая, Париса (гравюры Уткина), с картою полей троянских, издание Российской академии, 2 тома, в большую четвертку, на белой бумаге, красивыми буквами. Посвящена его величеству государю императору Николаю Павловичу».

Судя по дарственной надписи: «Александру Сергеевичу Пушкину в знак уважения от переводчика. 1829, дек. 23. Спбург.»[41] и по письму Гнедича к М. Загоскину от 23 декабря («Прими дань, которую плачу дружбе моей от чистого сердца»)[42], Гнедич сразу же разослал книги своим близким друзьям.

Печать откликнулась на появление книги. В 1830 г. было опубликовано пять статей в различных по своим направлениям периодических изданиях. А. С. Пушкин в первом номере «Литературной газеты» за 1830 г. писал: «Наконец-то вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод Илиады. Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частью устремились на блестящие безделки, когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности, когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие, с чувством глубоким уважения и благодарности взираем-на поэта, посвятившего гордо

лучшие годы жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновением и совершению единого, *высокого подвига* (выделено мной.— *О.Г.*). Русская Илиада перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность»[43].

Хотя статья не была подписана, Гнедич догадывался об ее авторстве и написал благодарственное письмо Пушкину: «Едва ли мне в жизни случится читать что-либо о моем труде, что было бы сказано так благородно и было бы мне так утешительно и сладко!»[44]

Отзыв «Литературной газеты» вызвал возражение журнала «Галатея», который в целом одобрительно отозвался о «полезном труде г. Гнедича», но обвинил «Литературную газету» в проявлении «духа партии» и высказал свое несогласие со столь высокой оценкой, что перевод будет иметь «важное влияние на отечественную словесность»[45].

Все остальные отзывы были восторженные. «Приветствуем— от всего сердца приветствуем новую, давно жданную гостью»,— писал Н. И. Надеждин в «Московском вестнике»[46]. Рецензент «Вестника Европы», скрывшийся под криптонимами А. Б., отмечал, что книга Гнедича «останется украшением словесности русской, памятником дарований и свидетельством заслуг почтенного перелагателя... Благодарность, честь и слава г-ну Гнедичу!»[47]

Рецензенты отмечали и достоинства оформления книги. «Прибавим для тех, кто любит опрятность и красоту в книгах, что издание русского перевода Илиады принадлежит к русским книгам, превосходно напечатанным. Виньета, в коей находится изображение семи главных героев Илиады, взята с древних антиков, гравирована первым гравером нашим, г-н Уткиным ... Все издание на хорошей белой бумаге, в большую четверть, и напечатано красивыми четкими буквами»[48].

Книга встретила далеко не единодушное одобрение. Были и явные противники перевода Гнедича. К ним относился И. В. Киреевский—основоположник славянофильства[49].

Неодинаково восторженный прием общественностью перевода Гнедича рецензенты объясняли недостаточным уровнем общей образованности общества, ибо для того, чтобы читать и понимать «Илиаду», нужно было иметь определенный запас исторических знаний. И поэтому «всего менее может переводчик Илиады ныне ожидать отчетистых похвал»[50]. «Век идет, Россия образовывается, и Гнедич может надеяться,—писал Н. Полевой в „Московском телеграфе“,—что труд его, чем далее в будущее, тем более станет приобретать уважение и цены в глазах соотечественников»[51].

Современники отмечали и художественные достоинства перевода Гнедича, утверждая, что «труд Н. И. Гнедича, сверх того, представляется нам как сокровище языка, из коего каждый литератор

Русский может почерпнуть важные и великие пособия...»[52] «Великим трудом», «важным подвигом» назвал Н. И. Греч перевод «Илиады»[53].

Журнальные рецензии, особенно после второго издания «Илиады», вышедшей в 1839 г., после смерти Гнедича, упрекали переводчика за усложненный архаизмами язык. В защиту его выступил В. Г. Белинский. «Невежды смеются над славянскими словами и оборотами в переводе Гнедича,—писал В. Г. Белинский в статье „Русская литература в 1841 году“,—но это именно и составляет одно из существеннейших достоинств. ⟨...⟩ в переводе „Илиады“ наши слова (т. е. очи, уста, перси и т. д.) плод вдохновенного переводчика, исполненного поэтического такта,—истинное и бесценное сокровище! Замените выражения: „Ему покорилась лилейно-раменная Гера-богиня“ выражением „его слушалась жена...“, тогда из высокой поэзии выйдет пошлая проза»[54].

Студенческая молодежь восторженно восприняла перевод «Илиады». Так, Ф. Н. Фортунатов, вспоминая те годы, писал: «Илиаду Гомера в переводе Гнедича некоторые студенты, любители древних языков, не выпускали из рук на первых порах по выходе в свет (1829)»[55].

Перевод Гнедича составил эпоху в истории русского поэтического перевода. Точный, художественный, яркий, он был вполне достоен великого оригинала. Это тонко уловил и высоко оценил А. С. Пушкин в своем прекрасном двустишьи:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великую тень чую смущенной душою[56].

И как отметил В. Г. Белинский, «двустишие Пушкина на перевод „Илиады“—не пустой комплимент, но глубоко-поэтическая и глубоко-истинная передача производимого этим переводом впечатления». Белинский был убежден, что «перевод „Илиады“ Гомера на русский язык есть заслуга, для которой нет достаточной награды»[57].

Советские исследователи, изучающие особенности Гнедича как переводчика, отмечают «притягательную силу гнедичевского перевода» и, помимо высокохудожественных достоинств, его исключительно добросовестное отношение[58]. И не случайно, когда выбирался для канонического текста перевод «Илиады», советские исследователи избрали перевод Гнедича. И по настоящее время «Илиада» обычно издается в переводе Гнедича[59].

Публикуемые в печати переводы «Илиады» на материале героического античного эпоса воспитывали национальное самосознание. Известно, какое большое значение для воспитания молодежи придавали героическому эпосу поэты-декабристы. Эпизоды «Илиады» показывали великолепные примеры храбрости во имя сла-

вы и свободы родины. Рылеев высоко ценил перевод Гнедича, который «воспел пленительно на лире золотой, на древний лад ее с отважностью настроя».

Просветительское и познавательное значенние перевода Гнедича исследователи видят в том, что «он *впервые* открыл перед русскими читателями *реальный,* а не фантастический мир древних греков»[60]. А главнную заслугу видят в том, что оно «прежде всего гражданское, декабристское произведение, насквозь пронизанное героическим пафосом, долженствующим вдохновлять на борьбу с „самовластьем“ во имя светлых идеалов будущего»[61].

Пока еще ни один русский поэт не превзошел Гнедича ни в поэтической силе перевода, ни в соответствии подлиннику.

«Он все свое земное совершил...»

К 1826 г. Гнедич почти завершает свой творческий путь: закончен в основном перевод «Илиады», написаны главные произведения («Рождение Омера», «Рыбаки», переведены «Песни нынешних греков», созданы элегии «Задумчивость», «К другу» и др.). Он получил награды, отличия, чины, был избран в члены-корреспонденты Академии наук, а изданием сборника «Стихотворения» (Спб., 1832) он подвел итог своей творческой жизни.

Как ни парадоксально, но правильную оценку творчества Гнедича, его общественного значения дал цензор, рассматривавший этот сборник. Он отмечал, что «Гнедич как эллинист, напитанный духом классических творений, переносил в собственные произведения такие идеи, которыми было свойственно восхищаться древним грекам, выше всего ценившим республиканские добродетели. Таким образом, *он очень часто увлекался к прославлению вольности и свободы, называя даже иногда свободу святою* (выделено мной.—*О.Г.*), Гомера пророком, о древних царях и греческих тиранах выражался с особой жестокостью, озлоблением и в уста перуанца, проклинающего порабощение, вложил также слова, в которых заключается, собственно, хула на бога христианского»[1]. Журнал «Московский телеграф», рецензируя сборник «Стихотворений», подчеркивал, что «Н. И. Гнедич принадлежит к блистательнейшим звездам нашей поэзии», и сетовал, что «высокое поэтическое имя не пользуется такою славою, какой достойно оно»[2]. Объяснение этому рецензент видел в том, что Гнедич, занятый переводом «Илиады», удалился «от театра борьбы и страстей литературных». А «имя, редко повторяемое, становится менее громким и поразительным. В памяти человеческой,—писал рецензент,— есть какая-то неблагодарность: кто не занимает ее часто, хотя бы то самыми ужасными или пустыми тревогами, тот перестает быть близким для нее»[3].

Понимая, что один из лучших поэтов того времени Гнедич оказался в литературном одиночестве, рецензент «Московского телеграфа» объяснял причины этого слишком поверхностно. Они были более глубокими. «Поэты, таланты которых выросли или окрепли в декабристскую эпоху, оказались в пустыне. Где были те, кто ждал, восхищался, критиковал, спорил со всей горячностью того времени? Одних уже не было на свете, другие были далеко, оставшихся—жизнь обособила»[4]. Пришли новые времена. И новые поэты.

Литературное одиночество усугублялось личным одиночеством. Гнедич всю жизнь мечтал о семейном очаге, о жизни тихой и спокойной среди близких и родных, но годы уходили, приближалась старость, а он был совершенно одинок. «Главный предмет моих желаний—домашнее счастье,—признавался поэт в своей „Записной книжке".—... Но увы! я бездомен и безроден. Круг семейственный есть благо, которого я никогда не ведал»[5].

В любви он был несчастлив. Самой большой привязанностью Гнедича была его ученица, знаменитая трагедийная актриса, красавица Е. Семенова, которая вышла замуж за князя И. А. Гагарина. Он был отвергнут и воспитанницей Оленина А. Ф. Фурман. Чувство горького одиночества Гнедич излил в прекрасных стихах «Дума».

Печален мой жребий, удел мой жесток!
Ничьей не ласкаем рукою,
От детства я рос одинок сиротою;
В путь жизни пошел одинок,
Прошел одинок его—тощее поле,
На коем, как в зиойной ливийской юдоле,
Не встретились взору ни тень, ни цветок;
Мой путь одинок я кончаю,
И хилую старость встречаю.
В домашнем быту одинок:
Печален мой жребий, удел мой жесток!

Душевную тоску усиливало болезненное состояние. Он стал часто хворать. В начале 1825 г. началось кровохарканье. Силы его слабели. Поездки на Кавказские минеральные воды и в Одессу для лечения приносили лишь временное облегчение. В мокром и холодном Петербурге «грудь его не могла вынести непостоянства и суровости севера». Тяжелая болезнь мучила и изнуряла поэта. Гнедич написал даже особый труд, озаглавленный «История моих болезней». Мысли о смерти не покидают его. «... И кашель, и судороги, и бессонные ночи, и безотрадные дни страданий» забывались Гнедичем только при посещении друзей, «в рассуждениях и толках о науках, о словесности, о друзьях»,——писал Н. Греч Я. Н. Толстому[6]. 31

января 1831 г. Гнедич, согласно его просьбе, из-за расстроенного здоровья уволен в отставку[7]. По ходатайству Оленина ему было «обращено в пенсион» жалованье, получаемое в Библиотеке, и оставлено все содержание по высочайшим указам от 13 ноября 1826 г. и 12 июля 1827 г., т. е. 6 000 р. в год[8], что давало ему безбедное существование. Из библиотечной квартиры переехал в дом Оливье близ Летнего сада на Пантелеймоновской улице, в котором, кстати, в год смерти Гнедича поселился А. С. Пушкин. Умер Николай Иванович Гнедич 3 февраля 1833 г. от эпидемии гриппа.

Дальний родственник Гнедича Д. П. Поздняк разослал всем знакомым извещение о кончине Гнедича, «последовавшей сего февраля 3-го числа по полудни в пять часов», просил «сделать честь усопшему, пожаловать в квартиру покойного, против церкви Пантелеймона, в доме г-на Оливье, в понедельник 6 февраля по утру в 10 часов, на вынос тела, и погребение оного в Невском монастыре»[9]. На похоронах Гнедича были Крылов, Пушкин, Вяземский, Плетнев, Ф. П. Толстой, Греч, Лобанов, Аткинсон и все мужчины Оленины: Алексей Николаевич, Петр Алексеевич и Алексей Алексеевич и др. По инициативе и под руководством А. Н. Оленина друзья собрали деньги на памятник, который сохранился и до сих пор. На гранитном столбе в мраморном медальоне изображен портрет Гнедича, сделанный под руководством скульптора Гальберга. На памятнике надпись: «Гнедичу, обогатившему русскую словесность переводом Омера» и эпиграф, выбранный Жуковским из первой песни «Илиады». «Речи из уст его вещих сладчайшие меда лилися». Под этим: «От друзей и почитателей». На другой стороне обозначены даты жизни.

Свою библиотеку[10] Гнедич завещал полтавской гимназии, а также 170 р. ассигнациями за ее доставку. Его сослуживец и друг М. Е. Лобанов упаковал книги в 4 ящика, обтянутых клеенкой и обитых циновками, нанял извозчика до Полтавы. Министр народного просвещения С. С. Уваров, некогда убедивший Гнедича переводить «Илиаду» гекзаметром, благодарил Лобанова за исполнение воли Гнедича: «Чтя память покойного,—писал он 10 августа 1833 г.,—мне приятно было узнать, что и в последних минутах жизни он желал быть полезным образованию воспитывающего юношества»[11].

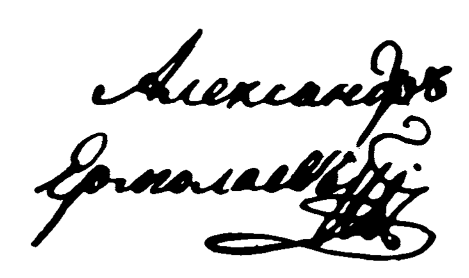
Полтавский историк и краевед В. Е. Бучневич в «Записках о Полтаве и ее памятниках» (1882) дал описание библиотеки Гнедича, в русском отделе которой содержалось 710 томов (421 название), в иностранном—559 томов (552 названия). За это время библиотека Гнедича претерпела много испытаний[12]. После Великой Отечественной войны уцелели только отдельные книги, некоторые с пометами Гнедича.

Рукописи и авторские книги с правками Гнедича были переданы Лобановым в Публичную библиотеку[13]. 27 апреля 1833 г. Оленин благодарил Лобанова «за сие драгоценное приношение»[14].

Первый биограф Гнедича, его сослуживец и друг М. Е. Лобанов, так подвел итог жизни Гнедича: «Этот благородный человек, пламенный ревнитель всего доброго, изящного и полезного, честно прошедший земное свое поприще, оставил отечеству: превосходный перевод величайшего певца древности и собственные свои произведения, достойные перейти к потомству; Полтаве—родной стране своей, как благородный сын, за первое образование юных способностей—свою библиотеку, драгоценнейшее стяжание и наслаждение целой жизни его; бедному сыну любимой сестры своей, все скудное имущество свое, а друзьям своим, глубокую, неизгладимую память чистейшей, бескорыстной дружбы и сетование об утрате добрейшего из смертных»[15]. И как писал Вяземский А. Тургеневу, возвратившись с похорон Гнедича, «он все свое земное совершил: перевел и напечатал Илиаду; незадолго перед сим выдал том своих стихотворений»[16].

Гнедич высоко чтил Библиотеку, в которой прослужил 19 лет, 6 месяцев и 19 дней.

Он воспел ее в стихотворении «Что если б вы, бессмертны тени...». В Библиотеке собраны «бессмертные тени, пииты, риторы и мудрецы веков», «письмен и хартий сих несчетные ряды», «священной мудрости бессмертные труды, тысячелетьями веков произведенны, в один чертог соединенны». По сокровищам, по «огромности палат» и «зодчеству красе» Гнедич отождествлял Публичную библиотеку с «муз храмом в воскреснувших стенах Афин иль Рима»[17]. Для эллиниста Гнедича выше похвалы не существовало.



Александр Иванович Ермолаев

Одаренный умом точным, проницательным и метким, он с удивительным искусством открывал в сих мрачных катакомбах искры того света, коими История зажигает... светильник свой, озаряющий дела минувшие и судьбу исчезнувших поколений.

Сев. пчела. 1828. № 88. 24 июля

Первый русский палеограф

Для создания национальной библиотеки России Оленину было важно не только укомплектовать ее всеми русскими книгами, но и сформировать хороший фонд рукописной и старой русской книги. В соответствии с этой задачей Оленин и подбирал себе сотрудников. В их числе был и Александр Иванович Ермолаев.

Родился он 22 июня 1779 г.[1] Когда Саше было два года, он лишился матери и «нашел родственные попечения в семействе Новоржевского помещика»[2], сенатора Матвея Корниловича Бороздина, владельца прекрасной библиотеки. При содействии Бороздина Александра в 1785 г. отдают для воспитания и обучения в Академию художеств[3].

Учение в Академии длилось 15 лет. Занимался он в архитектурном классе. Много читал, увлекался произведениями просветителей XVIII в., особенно сочинениями Вольтера. В Академии подружился с А. Х. Востоковым. Ермолаев усиленно занимался самообразованием: он овладел французским, немецким и латинским языками. Широко пользуясь библиотекой Бороздина, Ермолаев приобретает обширные познания в русской истории, историографии, нумизматике, геральдике. Вероятно, в доме Бороздина его заметил Оленин. Оленин был первым человеком, который обратил внимание Ермолаева «на отечественную историю» и «поселил» в нем охоту «заниматься древностями»[4].

Из Академии художеств Ермолаев выпущен в 1800 г. художником архитектуры 14-го класса.

Ермолаев, покровительствуемый Олениным и Бороздиным, фанатически был увлечен древнерусской историей и палеографией еще в Академии художеств. Как видно из письма И. А. Иванова, его соученика по Академии, к Востокову (23 апр. 1800 г.), Ермолаев «оставил архитектуру и пошел искать большого счастия в иных званьях обширного света, будучи огорчен несправедливостью начальников»[5].

В январе 1800 г. Ермолаев «выходит к Аленину», который в те годы был обер-прокурором 3-го департамента Сената. Оленин определил его на службу в канцелярию Сената, а затем, в 1801 г., перевел в канцелярию Государственного совета.

В 1802 г. вместе с Олениным Ермолаев совершает свою первую археографическую поездку по России. Это было первое приобщение к «живым древностям».

Оленин ввел Ермолаева в круг ученых и любителей, интересующихся русскими и славянскими древностями. Один из них, известный коллекционер А. И. Мусин-Пушкин, способствовал, по просьбе Оленина[6], избранию Ермолаева членом-корреспондентом Московского общества российских древностей и истории («за труды его в переписке» летописей)[7]. В какой-то степени это был «научный вексель»: Ермолаев еще только-только появлялся на научном горизонте. Видимо, понимая это, Мусин-Пушкин писал Оленину в 1805 г.: «Господину Ермолаеву скажите от меня почтение, ура, виват, браво, фора и прочее: что придумать можете за его успехи»[8].

В 1800—1818 гг. Ермолаев жил в доме Оленина. Ермолаев объяснял это тем, что «по другим занятиям службы (он.—*О.Г.*) всегда мог быть в близости» к Оленину. Окружающие считали Ермолаева «домочадцем» Оленина. По словам современника, Ермолаев наряду с членами семьи «разделял... попечения» Оленина. Называя себя «питомцем» Оленина[9], Ермолаев в Оленинском доме и в Приютине был своим человеком. В салоне Оленина он не блистал остроумием, знанием театральных и литературных новостей. Но, тем не менее, Ермолаев обращал на себя внимание как «ученый человек». Ф. Ф. Вигель писал о нем как о «скромном, молчаливом и ученом человеке по части русских древностей. Он был из числа тех людей, кои, оторвавшись от житейского, всем духом своим погружаются в любимую науку»[10]. В этом отношении справедливо замечание Ф. Я. Приймы, что «талантливый, трудолюбивый и скромный, Ермолаев был для Оленина во всех отношениях крайне необходимым помощником»[11]. Ермолаев изготовлял для Оленина разные археологические рисунки и помогал своими палеографическими знаниями. У него был острый глаз художника и сметливый ум. Первый печатный труд, в котором Ермолаев принял участие,— это книга Оленина «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году». Благодаря прочтению надписи на камне было доказано, что местонахождением Тмутаракани является Тамань. Есть все основания предполагать, что в прочтении и истолковании древней надписи главная роль принадлежала Ермолаеву[12].

Ермолаев принял участие в археологической экспедиции, организованной в 1809—1811 гг. «для собрания сведений, до Отечественной истории относящихся», «для описания замечательных зданий и древних вещей». Экспедицию возглавлял К. М. Бороздин, с которым Ермолаев был знаком еще с детства. Он занимался русской историей, и в особенности, археологией и генеалогией. Впоследствии (с 1826 г.) Бороздин был попечителем Санктпетербургского учебного округа. «Летописец» того времени А. В. Никитенко в своих воспоминаниях «Моя повесть о самом себе» характеризовал Бороздина как эрудированного историка и человека с «благородным сердцем». Благодаря активным хлопотам Оленина экспедицию субсидировало

правительство. В этой экспедиции Ермолаев занимался главным образом розысками, изучением и приобретением рукописей, а также рисованием. Из сохранившихся писем—донесений Ермолаева к Оленину видно, как внимательно относился к рукописному материалу Ермолаев и как обширны были его познания рукописей и русской истории.

В 1809 г. он нашел рукопись «Сказание Даниила игумена о пути из Цареграда в Ерусалим», по поводу которой он замечает: «С достоверностью могу сказать, что это сочинение современно Несторовой летописи; путешественник был русский и жил во времена великого князя Святослава Изяславича, княжившего между 1093 и 1114 годами»[13].

В Вологде он снял копию—«прорись»—с грамоты великого князя Мстислава Владимировича; в Ярославле списал временник конца XVI в. В нем оказалось описание таких исторических фактов, о которых в других летописях не упоминается, например, что великий князь Ярослав Владимирович приказал собрать 300 детей и отдать для обучения грамоте.

Во время путешествия Ермолаев показал свои глубокие палеографические познания. В 1809 г. он уже мог вступить в спор со знатоком старославянской письменности Е. Болховитиновым, который из-за неправильного прочтения рукописей ввел в заблуждение А. Ф. Малиновского, что заставило последнего сделать неверные выводы и, по словам Ермолаева, «напечатать небылицу»[14]. В Киеве в монастыре Ермолаев обнаружил три подложные грамоты, причем доказал, что сочинитель их был «сущий невежда в истории»—перепутал всех князей!

Из путешествия Ермолаев присылал Оленину старославянские печатные и рукописные книги, рукописи[15]. Из Вологды он писал Оленину, что достал для него несколько интересных рукописей, одна из которых относилась к XIV в.; из Галича сообщал, что приобрел летописец, «заключающий происшествия города Галича, коих я ни в каком другом летописце не нашел»[16]. Из Чернигова в августе 1810 г., где «нечаенным случаем» встретился с Н. И. Гнедичем, переслал с ним довольно редкую книгу—«Лексикон Славеноросийского языка», изданный в 1653 г.

Описание этого путешествия, состоящее из четырех больших альбомов и снабженное великолепными рисунками, хранится в Публичной библиотеке. Оленин торопился его издать. В марте 1810 г. он писал директору Оружейной палаты П. С. Валуеву: «Мое бы мнение было малую самую часть теперь в свет произвести—это дело»[17]. Но Ермолаев считал, что издавать отчет в таком виде нельзя. В январе 1811 г. он писал Оленину из Москвы: «Если с такою поспешностью приступлено будет и к печатанию путешествия, то это можно будет почесть за немилость. Описание путешествия нельзя издать в том виде, как оно было представлено государю; его непременно должно хорошенько выправить, очистить от тихвинских козлов и прочего...»[18]

По всей вероятности, в планы Ермолаева не входило возвращение в Петербург после завершения всех экспедиционных дел. Не случайно же в письме к Оленину 30 января 1811 г. из Москвы он писал: «Когда мы кончим дела наши до путешествия нашего относящиеся, то я намерен опять заняться грамотами московского архива и палеографиею»[19]. Но у Оленина относительно Ермолаева были совершенно другие планы: он ему был нужен в Публичной библиотеке. Еще в марте 1810 г. в одном из писем Оленин заметил, что с отъезда Ермолаева в экспедицию «так много воды протекло, что надобно с осторожностью надежную пристань отыскивать, где б ему по возвращении или по окончании его путешествия якорь должно будет бросить»[20].

И Оленин позаботился о «надежной пристани»: 29 октября 1810 г., когда Ермолаев еще был в экспедиции, он зачислил его помощником библиотекаря Публичной библиотеки. С начала 1811 г.[21] в письмах Оленина уже были напоминания, просьбы, предписания явиться в Библиотеку. Ермолаев отвечал, что занимается «отделыванием начисто некоторых рисунков», связанных с путешествием, и что это занятие, вероятно, продлится до мая месяца[22]. Когда прошел и этот срок, в письме от 26 мая 1811 г. Оленин спрашивал Ермолаева: «Скоро ли вы действительно к нам приедете. Пора— по многим причинам»[23]. В июне 1811 г. Оленин уже категорично заявлял: «пора вам явиться к настоящим вашим должностям»[24].

О назначении Ермолаева помощником библиотекаря Оленин сообщил ему в письме от 10 февраля 1811 г.: «С званием помощника библиотекаря вам прибавляется 900 руб. жалованья»[25]. 13 сентября 1811 г.[26] Ермолаев был определен помощником хранителя Депо манускриптов[27] и приступил к работе в Публичной библиотеке, в которой прослужил до дня своей смерти.

Усиленное чтение, знакомство с рукописями, принадлежащими Оленину, Мусину-Пушкину, путешествия по монастырям с Олениным и Бороздиным были хорошей подготовительной школой для работы в Депо манускриптов Публичной библиотеки.

С 24 апреля 1812 г. Ермолаев—хранитель Депо манускриптов. Одновременно его помощником был определен К. Батюшков, как «известный Оленину по отличнейшим способностям»[28]. И почти сразу же они получили распоряжение Оленина (30 мая 1812 г.): «Находя нужным иметь в Депо Манускриптов на первый случай краткую роспись всем имеющимся в оном рукописям,—писал Оленин,—поручаю г-ну хранителю надворному советнику Ермолаеву обще с помощником его г. порутчиком Батюшковым заняться с будущей недели сочинением сей росписи, в которой помещены должны быть по разным языкам самое краткое заглавие или название рукописей с означением имени автора и времени, буде оные известны, дабы посредством сей описи посетители хранилища манускриптов могли удобнее отыскивать требуемые ими рукописи»[29].

Первая «роспись», которую приказал сделать Оленин, должна была выполнять функцию читательского каталога. Вначале Ермолаев учел все имеющиеся в Депо рукописи, составив «Ведомость о числе рукописей, находящихся в ведении хранителя манускриптов». Всего в ней указано 9576 рукописей в 11 062 томах на 38 языках. Больше всего рукописей было на латинском языке, славянских—23, русских—49 и одна «зырянская». Кроме того, автографов писем разных европейских государей, их министров и «ученых мужей» на разных языках—190 томов; папских булл—50; неразобранных хартий—398[30].

Все рукописные книги Ермолаев распределил по языкам и форматам[31]. В 1814 г. был уже составлен карточный каталог Депо манускриптов, включающий 12 тыс. карточек[32].

Представляя сотрудников после открытия Библиотеки к наградам, Оленин писал министру народного просвещения А. К. Разумовскому об Ермолаеве, что он «хотя и не в давнем времени вступил в полное заведывание сим важным трудным отделением .., но успел уже привести рукописи в некоторый порядок и прилежно приготовляется к дальнейшим по сей части трудам»[33].

Ермолаев очень активно комплектовал рукописями Библиотеку. Путешествуя по России, он воочию убедился в плохом их хранении, в невежественном отношении к ним. В этом были убеждены и ученые, имеющие дело с древними памятниками. К. Калайдович в книге «Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных» писал: «В России много отечественных древностей; первое и важнейшее место занимают книги: в одном краю они гниют в углах монастырских, в другом *невежество жжет их*—употребляет на обертки,— кой где попадаются они в руки мелочным торгашам и продаются иногда за бесценок... У нас нет полного собрания древностей, или хотя такого, которое бы превосходило прочие, и все это рассеяно в руках частных, неверных»[34]. Оленин вместе с Ермолаевым поставил перед собой цель, сколько возможно собрать в Публичной библиотеке русские книжные древности. При поступлении новых рукописных книг Ермолаев давал им довольно пространную характеристику. Например, в рапорте 1825 г. он писал: «Псалтирь толковая, писанная на пергаменте в 4 долю листа уставом начала XII-го, а может быть даже и исходе XI века. В сей рукописи недостает начала до 3-го стиха псалма XV; в средине также, хотя довольно редко, встречаются небольшие недостатки, из коих некоторые заменены вышитыми бумажными листами, писанными не позже XV века; в конце утрачены последние листы и рукопись кончится 9 стихом 146 псалма. Всех листов в рукописи 269. По древности языка и правописания, также по некоторым особенностям, встречающимся в сей рукописи в отношении к славенской палеографии, оную можно причислить к малому числу весьма редких памятников нашей первобытной словесности»[35].

В характеристиках купленных старопечатных книг Ермолаев прибегал и к авторитету Сопикова. Например, описывая «Триодь постную», Ермолаев добавлял: «В Опыте Российской библиографии покойного Сопикова Московские издания сей книги 1590, 1592, 1593, 1604, 1605, 1607, 1620, 1622, 1628, 1631, 1641 и 1651 годов показаны *редкими*: первые же пять даже весьма редкими, а сей экземпляр напечатан прежде 1651 года, как то оказывается из следующей подписи, находящейся внизу первых листов: «Лета з̑рн (7150-1642) марта в 13 день продали сию книгу Триодь постную Покровские соборяне Поп Стефанище, да поп Данилище, да диакон Филипище с соборяны. В конце книги находится на 6-ти листах: Повесть полезна от древнего списания сложена, воспоминания являющи преславного бывшего чудеса, егда Персы и варвары царствующей град облегоша бранию и проч. рукописные славянскими буквами, но не старее XVIII-го века»[36].

Рекомендуя приобрести рукописные книги «13 слов св. Григория Богослова на разные случаи» (Пергамент XI в., 374 л.) и Евангелие, Ермолаев писал Оленину: «Касательно же до творения Григория Богослова (которое, судя по форме письмен, по правописанию и словосочинению несомненно писано в XI веке, и кажется быть современным Остромирову Евангелию и двум сборникам Великого князя Святослава, я обязанностью почитаю присовокупить, что сей манускрипт, как один из древнейших памятников нашей словесности, следственно во всех отношениях драгоценный, токмо случайно может быть куплен... и что в глазах истинных знатоков и любителей отечественных древностей оный возвысит еще более достоинство собрания славенорусских рукописей, принадлежащих императорской Публичной библиотеке»[37].

Понимая всю ненадежность сохранности редких документов в руках частных лиц, Ермолаев использует любую возможность приобретения их для Публичной библиотеки. Стремясь собрать в Библиотеке все части лицевого рукописного Хронографа, что открыло бы к нему доступ «любителям исторических сведений», Ермолаев готовит Оленину проект письма для министра двора П. М. Волконского (1827). В нем он поясняет, что этот важный исторический источник «рассеян» по разным местам, а также находится «в руках частных людей». Купец И. П. Лаптев готов подарить Библиотеке Хронограф с 1116 по 1257 г. с условием, если будет исходатайствовано ему «увольнение от всех общественных по выборам зачетных и незачетных гражданских служб», так как он стар и страдает ревматизмом[38]. Вероятно, Волконский помог петербургскому купцу Лаптеву освободиться от этих обязанностей, ибо в 1827 г. он передал в Отделение рукописей принадлежащий ему том «Лицевого (иллюстрированного) летописца».

Ермолаев и сам дарил Библиотеке различные летописи, в том числе и список Ипатьевской летописи, до сих пор известный в науке как «Ермолаевский список».

При Ермолаеве Оленин комплектовал хранилище рукописей и чисто этнографическими вещами, а также медалями и монетами. Ермолаев подробно описывал подаренные адмиралом В. М. Головниным вещи, привезенные им из кругосветного путешествия. Здесь гарпун, копье, праща, курительная трубка, кусок черепаховой кости, которую жители острова Тапа носили проколотой в носу, табакерка из кости гиппопотама с Мыса Доброй Надежды, игрушки и другие чисто этнографические материалы.

Благодаря службе в Публичной библиотеке Ермолаев стал первым и выдающимся русским палеографом-практиком. В его служебные функции входило описание рукописей. По сохранившимся листочкам—образцам описания рукописей, сделанным рукой Ермолаева, в которых, правда, нет строгой последовательности в расположении элементов описания, можно судить, что он делал довольно подробное описание. Он приводил заглавие рукописи, указывал материал, размер, какими чернилами написана, на какой странице какие приписки, все особенности рукописи: вырезанные листы, «выскобленные» слова, сколько листов, когда написаны, кому ранее принадлежала рукопись, кем подарена, и, если возможно, определял время создания рукописи[39]. Он заложил основы так называемого научного описания рукописей, продолженного А. Х. Востоковым, А. Ф. Бычковым и другими работниками рукописного отдела.

«Подсобными» материалами для изучения рукописей были составленная Ермолаевым «Хронологическая картина Российской истории, поясненная изображением имеющихся памятников», в которой указывалось время княжения и значительные события до 1020 г.[40], а также географический указатель для грамот и «отказных книг»[41]. Последняя работа не была завершена. Немало времени Ермолаев тратил на сличение вариантов рукописей, по меткому выражению Болховитинова, «подлинно каторжную работу»[42].

Работа в Публичной библиотеке сделала Ермолаева известным и авторитетным среди ученых—историков древней Руси. Расширяется круг его научных связей, он сближается с так называемым Румянцевским кружком. Вокруг Н. П. Румянцева в 10-е гг. прошлого столетия объединились ученые-историки, архивисты Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, Е. Болховитинов, В. Г. Анастасевич, К. Ф. Калайдович, А. Н. Оленин. Румянцев дал Министерству народного просвещения 25 000 р. для издания памятников древней истории. Оленин и Ермолаев в начале 10-х гг. считались «знатоками и любителями древностей наших»[43]. Им и было поручено разработать план издания древних рукописей[44].

Доля участия Ермолаева в этом деле достаточно велика. Еще в 1812 г. Ермолаев написал черновой вариант «Краткого рассуждения об издании Полного собрания русских деееписателей»[45]. Опубликован он под фамилией Оленина в «Сыне Отечества» в 1814 г. (№ 11) с большой подборкой примеров, подготовленных Ермолаевым, «упражняющимся довольно уже долгое время в иссле-

довании древней отечественной нашей истории, особенно по части хронологии, значений слов и палеографии». Если Ермолаев писал и не весь текст, то основные текстологические и палеографические положения были написаны им[46]. Основная мысль заключалась в воспроизведении подлинника с точностью, «с такою верностию, чтоб могло заменить самый подлинник»[47]. Судьба «Слова о полку Игореве» была трагическим примером необходимости точного воспроизведения уникальных подлинников! По всей вероятности, именно Ермолаев снял точную копию выдающегося памятника отечественной культуры—Остромирова евангелия, поступившего в 1806 г. в Депо манускриптов[48].

Первоначальные наброски к проекту издания «Лаврентьевской летописи» были сделаны Ермолаевым в августе 1815 г. Им были нарисованы различные буквы для различных шрифтов, определены условия издания, написан проект соглашения типографа А. Ф. Похорского с Олениным[49].

Ермолаев из любителя стал «одним из лучших знатоков старой письменности, суждения которого были авторитетом»[50]. Ученые охотно обращались к нему и широко пользовались его помощью. Для П. К. Фролова (1815) Ермолаев расшифровал неизвестную подпись в Евангелии[51], для А. Ф. Малиновского—надпись на иконе Иерусалимской богоматери (1821); разобрал надпись на Савинском колоколе. Уже в 1815 г. Е. Болховитинов называл Ермолаева «старинным другом»[52] и частенько обращался к нему за всякими справками. С благодарностью писал Болховитинов Ермолаеву 23 июня 1821 г.: «Теперь, кажется, совершенно уверился я в истине Вашего мнения о расчете гривен, кун и проч(его) и чувствительно благодарю за вразумление меня о сей запутанной статье наших древностей... А *Вашей проницательности* обязан буду не только я, но все соотечи, естли Вы *поскорее обнародуете сие объяснение* свое»[53] (выделено мной.—*О.Г.*).

Особенно много помогал Ермолаев Н. М. Карамзину, который с уважением называл Ермолаева «почтенным моим приятелем», *«любителем и знатоком наших древностей»* (выделено мной.—*О.Г.*). Ермолаев не только делал для Карамзина выписки из летописей, уточнял даты и события, но и по просьбе историографа доставал ему книги[54]. Под руководством Ермолаева К. С. Сербинович делал выписки из летописей для Карамзина[55].

К Ермолаеву многие прибегали как к верному и точному источниковеду. «Н. М. Карамзин ... советовался с Ермолаевым и пользовался его открытиями ... Евгений [Болховитинов] ... оказывал большую доверенность к обширным его познаниям. Граф Румянцев ... избрал Ермолаева одним из главных руководителей к разбору и изданию сих драгоценных бумаг»[56].

На первых порах Ермолаев был учеником Оленина в изучении российских древностей. Но вскоре ученик по тонкости и глубине

понимания превзошел своего учителя[57]. По просьбе Н. П. Румянцева Оленин пытался разобрать неясное слово в грамоте великого князя Мстислава Владимировича, но вынужден был прибегнуть к помощи двух ««истинных любителей русской древности» Ермолаева и Фролова. Симптоматично примечание Оленина к письму Румянцева (11 марта 1823 г.): «О значении сего слова присовокуплено будет особое объяснение от г-на Ермолаева при общих моих замечаниях о сей грамоте»[58].

Болховитинов рекомендовал Анастасевичу обратиться именно к Ермолаеву с расшифровкой «зырянской азбуки» (май 1815). «Он догадлив,—утверждал Болховитинов,—и авось решит сию загадку»[59]. Ермолаев расшифровал тайнопись или, как она называлась в народе, «тарабарскую грамоту», употребляемую иногда в древних рукописях, он нашел ключ к «тарабарской грамоте»: все согласные буквы русской азбуки разделяются на две части и пишутся в две строки буква над буквою таким образом:

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н,
щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п.

При употреблении этого шифра нужно вместо надлежащей согласной буквы ставить ту, которая находится против нее в другой строке. Гласные буквы не меняются. Следовательно, по этой грамоте фамилию Ермолаев нужно написать «Емросаеш». С помощью этого ключа Ермолаев расшифровал смысл десяти строк Пролога[60].

«Словом о полку Игореве» занимались в той или иной мере почти все члены Оленинского кружка. Ермолаев был одним из первых комментаторов «Слова»[61]. В Публичной библиотеке хранится экземпляр «Слова о полку Игореве», изданный Мусиным-Пушкиным в 1800 г., испещренный карандашными пометами Ермолаева, к сожалению, порой трудночитаемыми. В книге 17 маргиналий Ермолаева: здесь и объяснение значения некоторых слов («речь», «чага», «усобица»), утверждение, что сражение произошло не у Донца, а у Дона, что Игорь шел к Дону, объяснение смысла некоторых фраз[62].

Востоков, как и Ермолаев, занимался изучением «Слова о полку Игореве». Одна из записок Востокова, переписанная рукой Пушкина, сохранилась в бумагах поэта: «Мне сказывал знаток (покойный А. И. Ермолаев), видивший рукопись до истребления ее в 1812 году, что почерк ее был полуустав XV века»[63].

Ермолаев доказал подделку списка «Слова», купленного А. Ф. Малиновским у московского коллекционера в 1815 г. Он ведь был, по выражению Востокова, «самовидцем» «Слова о полку Игореве».

Примером тонкой научной наблюдательности могут служить и его замечания о Судной Новгородской грамоте для графа Н. П. Румянцева[64]. Ермолаев установил дату написания грамоты—1471. А самое главное, он возражает против существования якобы в Новгороде суда под названием «одрин суд». Привлекая сведения из других летописей, а также из польских и немецких хроник,

Ермолаев путем грамматического разбора доказал, что одрина— это строение, изба, где происходил суд, типа третейского суда, самая низшая судебная инстанция.

Соавтором Ермолаева в этом «открытии» стал Оленин. В письме к Е. Болховитинову 17 октября 1825 г. Оленин писал, что при расшифровке слова «одрина» он «позвал на помощь А. И. Ермолаева, потому что ум хорошо, а два лучше». «И так *одрина* есть по нашему мнению ... и значит соответственно жилище, жило, жилос...»[65]

Тонкий, наблюдательный ум, большая эрудиция в области знания древних рукописных источников помогали Ермолаеву делать верные заключения, приходить к правильным выводам. Но из-за отсутствия специального исторического образования ему часто казалось, что его доводы не убедительны, и он не решался выступить самостоятельно в печати. В этом отношении примечательна его записка, написанная, по всей вероятности, для кого-то близкого или для себя. Она без даты, но писана между 1826 и летом 1828 г. «Прочитав статью Пав. Мих. Строева[66], я очень обрадовался тому, что сделанная мною еще в 1813 году догадка о византийском источнике Нестора теперь подтверждается мнением столь сведущего в русской истории сочлена. *Я не смел сообщить об этом любителям истории, опасаясь предложить им гипотезу не совсем доказанную* (выделено мной.—*О.Г.*). Список переводов Летописи Византийского писателя Георга мне был известен еще в 1813 году. Я получил его от покойного канцлера и в 1814 году уже имел у себя копию с него... Пишу о сем не для того, чтоб оспорить г. Строеву честь открытия сего обстоятельства, потому что я ему о сем не помню, чтоб когда о моем предположении сообщал, то честь открытия принадлежит ему без всякого спора. Напротив того я радуюсь, что обстоятельство сие так хорошо им выведено, как бы я может быть не мог сделать. Пишу токмо для того, чтобы дополнить догадку почтенного г. Строева. Открытый им византийский писатель есть Георгий Гамартоль, которого прозвание в переводе скрывается в слове грешный»[67].

Для характеристики Ермолаева приведем слова Востокова из его письма Е. Болховитинову от 21 ноября 1821 г.: «Я знаю еще одного человека [кроме П. И. Кеппена], который, может быть, всех способнее был бы издать палеографию русскую,—это А. И. Ермолаев. Но обстоятельства службы, неприязненные для ученых занятий, давно уже отвлекают его от любимых сил трудов его, к величайшей потере для науки отечественных древностей»[68].

Уже в 1817 г. люди, заинтересованные в изучении древних русских рукописей, стали высказывать сомнения в возможностях Ермолаева довести что-либо до конца по разным причинам. «Что издания Лаврентьевской летописи не дождемся мы конца от Ермолаева, это почти очевидно»,—писал Е. Болховитинов Анастасевичу 11 мая 1817 г. И далее он дает объяснение: «Это обыкновен-

ный порок *полипрагматиков* (выделено мной.—*О.Г.*), все начинающих и обещающих, но ничего не оканчивающих»[69]. Засомневался в Ермолаеве и граф Н. П. Румянцев, который писал в это же время Болховитинову: «У меня накопилось разных грамот довольное число и Ермолаев обещал мне, по пересмотру их быть оных издателем. Но трудно надеяться скорого их явления, потому что он по службе всегда многим трудом обременен»[70]. О занятости Ермолаева и Востокова не без ехидства отмечает в одном из писем к Анастасевичу (11 ноября 1819 г.) Болховитинов: «их отыскивать труднее, нежели документы»[71].

И действительно так. Кроме Публичной библиотеки, Ермолаев служил экспедитором Государственной канцелярии (1810), с 1817 г. он—член правления Академии художеств и управляющий письмоводством, а с 1818 г.— исправляющий должность конференц-секретаря Академии художеств.

Оленин аккуратного и исполнительного Ермолаева всюду использовал «по письменным делам». Он «без жалованья» исполнял две должности при Академии художеств[72], в 1821 г. также «без жалованья» Оленин приспособил Ермолаева к заведованию производством дел Комиссии по сооружению Исаакиевского собора. Не случайно же Греч называл Ермолаева секретарем Оленина[73]. Всюду, где он сам работал, Оленин использовал Ермолаева. И в то же время сетовал, что Ермолаев «обременен стольким числом письменных дел, что не имеет почти ни минуты времени для других занятий»[74]. По всем этим должностям Ермолаеву приходилось заниматься далекими от науки вопросами. Но Ермолаев помогал Оленину не только в подготовке деловых бумаг, но и по чисто научным вопросам.

В Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина сохранилось ответное письмо Востокова Ермолаеву (7 августа 1827 г.), из которого можно судить о роли Ермолаева в научных делах Оленина. «Прочитав сообщенный мне ваш проект письма от его превосходительства Алексея Николаевича к Петру Ивановичу Соколову, спешу Вас уведомить, что я нахожу предложения, содержащие в сем письме, наилучшими, какие только можно придумать, к составлению хорошего словаря языку русскому»[75]. Речь шла об отзыве Оленина на «Словарь Академии российской по азбучному порядку расположенный» (Спб., 1806—1822. Ч. 1—6).

Интересы Ермолаева были чрезвычайно широки. Ермолаев занимался генеалогией[76].

У него были собраны старославянские названия оружия. Так, в одном из писем к Гнедичу Оленин писал: «Такого же роду оружие, но только железное, сделанное пополам из кольчуг и пластин, называемое в старину, *по сведениям, собранным А. И. Ермолаевым* (выделено мной.—*О.Г.*) наплешником—какое имя для поэтической поэмы!»[77]

Как уже упоминалось, в Депо манускриптов собирались и хранились старинные монеты и медали. Обрабатывая их, Ермолаев и в нумизматике сказал свое слово, но ничего не «обнародовал». Остались заметки, справки по нумизматике, написанные Ермолаевым. В маленькой заметке «О деньгах» он дал историю создания русских денег[78]. Настоящим нумизматическим исследованием Ермолаева можно считать характеристику монет, присланных начальником Главного штаба бароном И. И. Дибичем (1826). Ермолаев писал: «Мелкие русские старинные серебряные монеты, как во время разделения России на уделы выбитые, так и при царях чеканенные, ныне вообще называемые серебряными копейками, в свое время, по меньшей мере до воцарения Иоанна Васильевича Грозного, называлися *деньгами*. Название сие встречается на самих монетах, как, например: деньга Московская, деньга рязанская, деньга псковская и прочие. В последствии времени, а именно при царе Иоанне Васильевиче вошло в употребление называть мелкие серебряные монеты *копейками*, от того что на них изображался государь на коне с копьем в руках». В подтверждение сказанного Ермолаев ссылается на Софийский временник, изданный Строевым в 1821 г., в котором рассказывается о повелении Грозного изображать Великого князя на коне с копьем в руке[79].

Полученные от Дибича монеты Ермолаев делит на 4 «отделения» и 13 вариантов в зависимости от различного изображения великого князя, от написания букв и слов, а также от различных инициалов чеканщиков[80]. Он же дал описание и комментарии серебряного перстня и кольца, причем писал, что перстень употреблялся для запечатания «всего, что должно бережно хранить и что, по всей вероятности, он принадлежал военному человеку, ибо на печати изображены два воина, вооруженных саблями и держащие в руках как будто пальмовые ветки»[81]. Перстень и монеты принадлежали «не простолюдину», а «зажиточному в то время человеку». Все это исследование написано рукой Ермолаева 29 октября 1826 г. В письме же к К. А. Нарышкину в ноябре 1826 г. Оленин, нисколько не смущаясь, писал, что «описания сделанные означенным монетам и перстню с кольцом *как мною* (выделено мной.— *О.Г.*) и хранителем манускриптов императорской Публичной библиотеки Ермолаевым»[82].

Ермолаев был и изобретателем. Сохранился рисунок жема, или русского пресса, им изобретенного в 1808 г.[83] Вероятно, сделан он был для практического применения в Приютине, с использованием старинных летописей.

Не без основания А. А. Кочубинский назвал Ермолаева «полупоэтом»[84]. В 1798 г., учась в Академии художеств, Ермолаев опубликовал стихотворение в прозе «Весеннее утро»[85]. Приблизительно к этим годам относятся его переводы из Делиля[86]. Очень поэтичны и его описания древних памятников в письмах к Востокову[87].

Реэстръ вещамъ приносимымъ въ даръ
Императорской публичной Библіотеки.

1,) Греческая древняя надпись, протертая на бумагу
2, Отрывокъ древней Греческой надписи, протертый на бумагу
3,) Греческая древняя надпись, списанная съ мраморной доски.

Сіи три Греческія надписи, найденныя на берегахъ Буга, хранятся въ селѣ Ѳоминомъ, принадлежащемъ Г^{ну} Дѣйств. Тайному Совѣтнику Графу Н. А. Безбородко, и никогда еще не были изданы.

4,) Серебреная Лифо-Эстляндская монета. 1757^{го} года
5.) Серебреный жетонъ на открытіе Монумента Петра Великаго. 1782^{го} года.
6,) Прибавленіе къ Исторіи Славенскихъ народовъ, сочиненной Архимандритомъ Раичемъ. печатано въ Орлеанѣ въ 1795^{мъ} году въ 8^{ую} долю листа.
7,) Precis des évenemens militaires du XVIII. siecle par le comte de V........н. traduit du Russe. S^t Petersbourg 1808 in 8^o

---

Г^{ном} Академикомъ Императорской Академіи Художествъ Кипренскимъ принесены въ даръ следующіе Медали.

1,) Серебреная медаль Императора Константина Дуки
2,) —————— ———— ——————— Іоанна Комнина.
3,) —————— ———— ——————— Мануила Комнина.
4, 5. и 6) Три серебреныя древнія медали, неизвѣстно какого народа, но вѣроятно котораго либо изъ городовъ по берегамъ Чернаго моря лежащихъ. На всѣхъ трехъ одинаковыя изображенія, на лицевыхъ голова, украшенная діадимою а на оборотѣ бычачья голова.
7,) Серебреная Персидская монета.

Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ А. Ермолаевъ

получено 31 Декабря 1814.

Его Превосходительству

Господину Директору Императорской Публичной Библиотеки.

Честь имею представить при семъ Вашему Превосходительству шесть древнихъ серебреныхъ медалей и одну серебреную Персидскую монету, которыя приносятся въ Даръ Императорской Публичной Библиотеке членомъ Академии Художествъ Академикомъ Гмъ Кипренскимъ — При семъ случае покорнейше прошу принять такъ же и отъ меня некоторыя вещи, мною разнымъ образомъ Императорской публичной Библиотеке посвящаемыя, которымъ при семъ честь имею приложить реэстръ.

Надворный Советникъ и Кавалеръ
Александръ Ермолаевъ

29.го Декабря
1814

Рапорт А. И. Ермолаева А. Н. Оленину и Реестр принесенных в дар Публичной библиотеке вещей. Автограф

Современники отмечали необыкновенную память Ермолаева и его трудолюбие[88]. Обладая «мудрым скептицизмом», «одаренный умом точным, проницательным и метким, он с удивительным искусством открывал в сих мрачных катакомбах искры того света, коими История зажигает, так сказать, светильник свой, озаряющий дела минувшие и судьбу исчезнувших поколений»[89],—так, несколько выспренно, характеризовал научную деятельность Ермолаева автор его некролога. Для многих Ермолаев был ученым-загадкой. Об этом хорошо сказал историк и археолог Д. В. Поленов: «Ермолаев представляет из себя явление довольно странное. Человек весьма даровитый, но по месту своего воспитания не получивший научного образования, посвятивший деятельность свою государственной службе, ничего не написавший и не издавший, оставляет по себе память человека ученого»[90].

Автор же некролога объясняет отсутствие печатных работ Ермолаева его занятостью по службе и какой-то излишней скромностью. Все это так. Можно добавить к этому и еще несколько причин. Видимо, у него не хватало достаточно «храбрости» для широкого оповещения о своих догадках, открытиях, наблюдениях. В какой-то степени, вероятно, и Оленин охладил «писательский» пыл Ермолаева.

В мае 1811 г. Ермолаев написал рецензию на вышедшую в Москве книжку о древностях славяно-русских[91] и послал для публикации в «Вестник Европы» и одновременно—на отзыв Оленину: «Если вы их одобрите,—писал Ермолаев,—то я сочту это лучшею наградою, если же найдете, что я, не следуя стопам вашим, удаляюсь от здравой критики, то „Вестник Европы“ будет для меня лобным местом и казнию за то, что провел несколько вечеров, марая напрасно бумагу»[92]. Что же ответил Оленин? «Присылкою ваших замечаний на *известие о древностях славяно-русских*,—писал Оленин Ермолаеву 26 мая 1811 г.—Вы меня много и так порадовали, как может верный отец радоваться успехами воспитания, данного им любезному своему детищу». Казалось бы, что можно лучше и одобрительнее сказать! Но далее в письме делается такой «зигзаг», который аннулирует приведенную часть письма и отбивает всякую охоту к дальнейшему творчеству своим, по меньшей мере, равнодушием. «Много говорить мне нет времени,—продолжает Оленин,—скажу только одно примечание на сочинение ваше. В конце ваша догадка очень замысловата, но на чем она основана, чего я по скорости может быть, с которою я читал ваше сочинение, никак найти не мог, следовательно вы загадку отгадали загадкою. Теперь давайте говорить о более большей для меня важности...»[93] И далее шли задания, связанные в какой-то мере с работой Оленина, в которой должен был участвовать и Ермолаев, а также вопросы об исполнении Ермолаевым прежних оленинских поручений. По всей вероятности, несколько обескураженный таким «одобрением» Оленина, Ермолаев поспешил забрать свою рецензию из журнала «Вестник Европы».

Бесспорно, неблагоприятно на его труды повлиял и «тайный порок», который отнимал у него все свободное время. Ермолаев был азартным игроком в карты. Так как нн один современник об этом не упомннает, вероятно, играл он в тайных притонах. Играл почти каждый вечер и, как правило, проигрывал[94].

Может быть, с этим пороком связан такой для всех неожиданный его уход из жизни? В некрологе особо подчеркивалось «крепкое сложение» Ермолаева, но отмечалось, что в последнее время он «начал чувствовать истощение в силах своих»[95]. А помощник его по Депо манускриптов Востоков писал профессору Клоссиусу 20 июля 1828 г., через 10 дней после смерти Ермолаева, что он умер «от заболевания грудной клетки»[96].

Во всяком случае, неудачная игра в карты объясняет те жалкие имущественные остатки, которые были обнаружены после смерти Ермолаева: при описи общая стоимость его имущества вместе с книгами была определена в 142 р. 10 к.[97]

А. Н. Ермолаев умер 10 нюля 1828 г. Похоронен на Волковом кладбище. Через семь дней А. А. Оленина записала в своем дневнике: «Он умер, прохворавши несколько времени. Отец в нем много потерял»[98]. Действительно, Оленин потерял с уходом из жизни Ермолаева очень много.

Оленин горевал о преждевременной смерти Ермолаева и высказал печатно свое сожаление в книге «Рязанские русские древности или известие о старинных и богатых велико-княжеских или царских убранствах, найденных в 1822 г. близ села Старая Рязань» (Спб., 1831). Оленин писал в начале книги, что Александр I поручил ему наблюдать за срисовыванием старинных убранств и определить, кому они принадлежали. Оленин хотел поручить срисовывание Ермолаеву, который был художником-археологом и, по его характеристике, «строгим портретистом, несмотря на случайную безобразность предметов» (с.3). Далее Оленин отметил, что Ермолаев, кроме того, «имел еще обширные и глубокие познания в истории вообще, и особенно Российской. Но судьбе угодно было прекратить его жизнь почти в то самое время, когда я намеревался после многих моих изысканий приступить к решительному исполнению порученного мне дела» (с. 3—4).

Все надеялись, что после смерти Ермолаева его бумаги будут опубликованы либо Олениным, либо Востоковым (они перешли к последнему). Болховитинов писал Востокову: «Покойный Ермолаев весьма способен был с первого взгляда замечать и хорошо соображать, но ленив писать. *Вы дадите ему славу* в словесности *из его бумаг*»[99] (выделено мной.—*О.Г.*).

И. М. Снегирев сетовал в письме Анастасевичу 16 декабря 1830 г.: «*Жалко, что труды сгибли и пропали с его кончиною.* Дивлюсь политике, которая под спудом таит светильники, коими могли бы они озарить мрак отечественной древности»[100]. Погодин атаковал Востокова письмами с просьбами дать материал о Ермолаеве

в свой журнал «Московский вестник». «Чтя память людей достойных,—писал он уже в июле 1828 г.,—я очень желал бы иметь у себя в журнале несколько строк об А. И. Ермолаеве, его трудах, оставшихся бумагах и пр. Не соблаговолите ли вы написать их?»[101] Востоков ничего не ответил и на повторную просьбу. Но Погодин через пять лет (1 февраля 1833 г.) вновь напоминает Востокову, спрашивая, «что сделалось с рукописями г. Ермолаева. По примечаниям к истории Карамзина видно, что у него было много документов для Истории Бориса и Самозванца. Где они? Нельзя ли достать их хоть на две недели»[102]. Из этого письма явствует, что был ответ Востокова, поясняющий истинное положение дел: у Ермолаева ничего не осталось цельного, только «отрывки», «начала», «концы», «середины». Но Погодин не сдавался и писал Востокову: «Не отберете ли вы на будущее время чего-либо из бумаг покойного А. И. Ермолаева в наш сборник: всякие отрывки, начала, концы, середины могут найти в нем место»[103]. Хотя автор некролога хорошо был осведомлен о состоянии творческогоо наследия Ермолаева, когда характеризовал его «кучей оставшихся бумаг», но все же выражал надежду, что «с помощью знакомых ему ученых», особенно «одного из верных его друзей, совоспитанника и преемника по должности хранителя рукописей» [Востокова], можно «привести в порядок и издать, при благоприятных обстоятельствах, труды его, которые, безо всякого сомнения, принесут важную пользу отечественной Истории»[104]. Архив Ермолаева сохранился далеко не полностью. Кроме черновых вариантов различного рода деловых бумаг, сохранилось несколько писем его к Оленину и Оленина к нему. На толкучем рынке А. Ф. Бычков купил россыпь черновых бумаг Ермолаева и в них несколько писем Болховитинова и копии писем Ермолаева к Болховитинову[105]. Некоторые книги Ермолаева после его смерти перешли в Библиотеку, главным образом те, которые были взяты им для работы[106]. Но основная масса его книг—685 единиц—пошла в продажу с аукционного торга[107].

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в фонде А. Н. Оленина (ф. 211) хранятся всякого рода выписки, заметки, комментарии по различным вопросам русской истории, списки грамот, неоконченные статьи, черновики, подготовительные материалы, написанные рукой Ермолаева. Подобного рода материалы имеются и в Отделе рукописей и редких книг Публичной библиотеки. Кроме того, здесь хранятся образцы описания отдельных рукописей, в том числе описание Остромирова евангелия, обрывки «Хронологической картины Российской истории, поясненной изображением имеющихся памятников». Много выписок, сделанных на маленьких карточках, главным образом отдельные старославянские слова и их значение. Все одни только заготовки, заготовки...

Мировоззрение Ермолаева складывалось в значительной степени под влиянием идей французской материалистической литера-

туры XVIII в. Свои демократические взгляды он высказал на торжественном собрании Академии наук, состоявшемся 21 сентября 1827 г. по случаю награждения художников. «Все шло хорошо,— сообщает Лобанов в письме к Гнедичу,—только А. И. Ермолаев в отчете своем примешал несколько философии и без обиняков и оговорок назвал художество роскошью: это многих кольнуло. Да уж не срыть ли Академию, а художников—в сапожники! На свете все роскошь,—замечает Лобанов,—кроме хлеба и воды, да у нас на севере лаптей и тулупа. С А. И. [Ермолаевым], как с новым Диогеном, придется нам и ковшик кинуть, а черпать воду пригоршнями!..»[108]

Ермолаева любили и ценили сослуживцы. Во всех письмах в Библиотеку бывшие сотрудники или сотрудники, временно покинувшие Петербург, непременно просили передать приветы Ермолаеву. Весь ученый мир, связанный со славянской древнерусской письменностью, с уважением относился к Ермолаеву. По убеждению известного русского ученого академика И. И. Срезневского, палеографические познания Карамзина, Востокова, Кеппена, Строева восходят к палеографической школе Ермолаева. В статье, посвященной развитию русской палеографии (1857), Срезневский писал: «Школа практических палеографов, основанная Ермолаевым и господствующая до сих пор, при основании не могла быть богата учениками»[109].

А. С. Пушкин высоко ценил Ермолаева, ставя его в одном ряду с Карамзиным[110].

Многопрофильна деятельность Ермолаева: палеография, археография, нумизматика, эпиграфика, библиотечное дело—все это направлено на изучение рукописей, рукописной книги. В свое время Н. Греч определил Ермолаева как «разборщика рукописей»[111]. Советский исследователь А. С. Мыльников выразил это современным термином, впервые назвав Ермолаева «книговедом-кодиологом»[112]. Но стать таким многопрофильным ученым Ермолаев смог, конечно, только благодаря тому, что служил в Депо манускриптов Публичной библиотеки.

В истории библиотечного дела имя А. И. Ермолаева должно занять то почетное место, которое оно по праву заслуживает.



Александр Христофорович Востоков

Терпением стяжай науку,
Которой ты себя обрек.

А. Х. Востоков

«Светило, творец славянской филологии»

Александр Христофорович Востоков был принят в Публичную библиотеку 1 декабря 1815 г. помощником хранителя Депо манускриптов. Сюда он стремился попасть уже давно. В своей «Летописи», где записи велись исключительно лаконично, 4 марта 1809 г. впервые Востоков записал: «был у Ермолаева и услышал от него вести, ни для меня, ни для него неутешительные в рассуждении Оленина»[1]. 2 июня 1809 г. новая запись: «утром ходил к Аленину просить о месте»[2]. Многочисленные записи о посещении Оленина и в 1810—1811 гг.[3] свидетельствуют о настойчивом желании Востокова служить в Публичной библиотеке. Хождения, вероятно, продолжались, но Востоков прекратил вести свою «Летопись».

Кто же такой Востоков и почему так упорно он добивался места в Публичной библиотеке?

Родился А. Х. Востоков 16 марта 1781 г. в Аренсбурге (ныне г. Кингисепп) на острове Эзель (ныне Сааремаа). Он был внебрачным сыном барона Х. И. Остен-Сакена. Ребенком отдан на воспитание в Ревель в бедную семью майорши Трейблут. По распоряжению отца семилетнего мальчика отправили в Петербург, снабдив, как он впоследствии напишет, «овчинным тулупом, дырявыми портками», медным рублем и фамилией Остенек[4]. В Петербурге Александр попал на попечение своих дядей, которые устроили его в сухопутный шляхетский кадетский корпус (1788—1794). Это был тот самый корпус, где учился в свое время А. П. Сумароков, преподавал Я. Б. Княжнин. В нем, по воспоминаниям современников, «преобладал дух литературный над всеми науками», а «любовь к русской словесности и отечественному языку... сделалась как бы принадлежностью корпуса и переходила от одного кадетского поколения к другому»[5].

Александр рос очень болезненным ребенком. В детстве заболевает болезнью, которая не покидала его до самой смерти, — сильное косноязычие и заикание. С большим трудом мог произносить: «да, нет, не знаю, хорошо»[6]. В корпусе пристрастился к чтению и к изучению иностранных языков.

Но учеба в Кадетском корпусе прерывается в 1794 г., так как его дядя — К. И. Остен-Сакен нашел бессмысленным продолжать учение из-за усилившегося заикания. Он переводит мальчика в Ака-

демию художеств, полагая, что там не обязательно говорить. Вначале Востоков учился в живописном, а затем в архитектурном классе. «Предавшись ремеслу архитектурному, — пишет Востоков в своем дневнике, — я прозябал ... Много терпел прискорбного от окружающих меня людей и учился терпеть»[7]. Скоро вокруг Востокова образовался кружок друзей. В него входили, кроме А. И. Ермолаева, И. А. Иванов, И. И. Теребенев, В. П. Осипов, Ф. Ф. Репнин, А. Д. Фуфаев, С. И. Гальберг. Сестра С. И. Гальберга впоследствии стала первой женой Востокова. Группа друзей называла себя «остенекистами», по немецкой фамилии Востокова.

Вместе с Ермолаевым читали Вольтера, негодовали на Павла I[8], но не забывали и веселиться. В августе 1799 г. Востоков записывает: «Веселая праздность с Ермолаевым и обилие стихов (Кантата к луне, в спальне вечером начатая)». 9 января 1800 г. Ермолаев «выходит к Аленину»[9], а Востоков был оставлен при Академии для усовершенствования на три года. Ему дали право заниматься «партикулярными работами», т. е. частными. Для Востокова это была «революция в состоянии». «Я один обладаю кабинетом в веселой бедности»[10]. В это время, в 1801 г., он стал членом только что созданного «Общества любителей изящного», вскоре переименованного в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств».

Востоков был один из самых деятельнейших членов Общества. По воспоминаниям Н. Греча, Востоков во время существования Общества (1801—1825) пропустил «не более двух или трех заседаний, разве по сильной болезни»[11]. Он был самым крупным поэтом Общества, авторитетом по вопросам литературного мастерства и эстетического вкуса[12].

Из-за тяжкого недуга Востокову оставалось только вести жизнь кабинетную и стараться награждать «проворством пера непроворство языка»[13].

В мае 1803 г. он стал помощником библиотекаря в библиотеке Академии художеств. Работа его не очень увлекала. «Принуждают по должности заниматься пустяками»[14], — записывает он в сентябре 1803 г. В эти годы он усиленно занимается стихотворством. Как вспоминал Востоков, ему не нравилась фамилия Остенек, и он свои стихи стал подписывать русским вариантом фамилии — Востоков. Оленин убедил употреблять только эту фамилию. Немецкая фамилия Остенек была забыта.

Его поэзия — это поэзия мысли. Он был поэтом-теоретиком, сторонником натурфилософии и был уверен в природном круговороте.

Ко всем вещам, как плющ, привьется
едкий тлен,

И все есть добыча времен!
Миры родятся, мрут — сей древен, тот
юнеет...
(«Тленность»)

Востоков поет гимн «бессмертным умам» Галилея, Ньютона, Лавуазье, Франклина, Гальвани («К строителям храма познаний»). Много внимания он уделял поискам новых стихотворных форм. В этом смысле его поэзия походила больше на теоретическую работу, чем на вдохновение. От «чистой» поэзии Востоков переходит к науке о поэзии. Научные поиски в стихосложении впоследствии оформились в книге «Опыт о русском стихосложении» (1817). Это была первая книга, посвященная научному изучению русского стихосложения.

Под влиянием А. Ермолаева, который в 1803 г. подарил ему тетрадь выписок из Изборника 1076 г., Востоков стал изучать славянские языки и памятники древнеславянской письменности. Очень рано он заинтересовался этимологией отдельных слов. Еще до 1802 г. вел тетрадь, озаглавленную «Коренные и первообразные слова языка славенского». И с этого времени Востоков начинает серьезно заниматься «науками историческими и грамматикальными»[15].

В автобиографическом стихотворении «Свидание с музой» Востоков раскрывает свой переход от поэзии к науке. Молодой поэт, оставив Музу, ушел странствовать и забрел «в вертеп Грамматики, к оной Сивилле, дух имеющий пытлив». «Закабалила поэта Грамматика», велела копать корни слов, нежные лепестки языка велела «расщипать» в стебельки и лепестки. Приезжие из города сбросили с него лиру, вырвали лукошко с накопанными корнями и разбросали их. Приезжие завели его в город и велели взять себе в спутники Труд и Заботу. Труд и Забота сопровождали Востокова до последних дней жизни.

Служебную жизнь, как мы уже говорили, Востоков начал помощником библиотекаря в Академии художеств. Служба была далека от его увлечения грамматикой. И он вынужден был «приструниваться к должности». В 1804 г. перешел на службу переводчиком в Комиссию по составлению законов. В 1811 г. поступил еще переводчиком и в Геральдию. Служба эта давала лишь хлеб насущный. Все свое свободное время посвящал этимологическим исследованиям русского языка. Его увлекала возможность с помощью сравнения языков узнавать историю народов.

В 1809 г. Востоков закончил свой труд «Этимологическое словорасписание». В этой большой работе (40 а.л.) он хотел выяснить сходство между языками и «постепенное происхождение и перехождение слов из одного языка в другой». Написал «Записку об этимологическом словаре» и 21 декабря 1809 г. отдал Оленину для ознакомления. Оленин, как записал в своей «Лето-

писи» Востоков, принял записку и труд «благосклонно». Нам не известен отзыв Оленина на труд Востокова. Несколько раз Востоков бывал у Оленина, но не получал ничего, кроме обещания дать отзыв. В 1809 г. Востоков обратился с просьбой к Оленину разрешить ему пользоваться нужными «из Вашей, либо из Императорской библиотеки, книгами, а особливо Линдеевым словарем. С помощью сего последнего, которого конечно только еще половина вышла, в состоянии бы я был чрез месяц или чрез два представить Вам хоть две или три буквы моего сравнительно корнеуказателя»[16]. Словарь Линде «Slownik języka Polskiego» Востоков видел в мае 1808 г. у Ермолаева. Однако словарь этот Востоков получил не от Оленина, а от Д. И. Языкова. Под 14 мая 1810 г. в «Летописи» Востоков записал: «В субботу было собрание общества [любителей словесности, наук и художеств] у Дм. Ив. Языкова. Я выпросил у него Линдеев словарь на подержание»[17].

К научным исследованиям у Востокова было истинное, ничем не сдерживаемое влечение. Ни «малый достаток», ни отсутствие «случаев, чтобы пользоваться знатными библиотеками», «ни занятия по казенной должности» не могли, по признанию Востокова, отвлечь его «от любимых упражнений в истории и словесности», к которым он «всегда возвращался с новой горячностью». «Цель моя, — писал он Оленину, — ...была, чтоб, утвердив, если можно, историческими и логическими доказательствами словопроизводство российского языка, пояснить сию историческую часть грамматики для будущих наших лексикографов и пресечь чрез то единожды навсегда всякие произвольные и неосновательные словопроизведения, каких у нас не мало выкидывали в свет *самоумная неученость или всеугадывающая полуученость*»[18].

Раздобыть нужные книги, а тем более рукописные, для Востокова было делом нелегким. Но только беззаветная преданность науке и беспримерное трудолюбие помогли ему. Занимаясь славянскими древностями без особых «пособий», Востоков сумел рано проявить свои незаурядные способности в понимании древнеславянского языка. 14 мая 1810 г. Востоков выступил на заседании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» с пояснением фразы об Игоревом походе: «О Русская земля! уже за Шеломянем еси»[19], доказав, вопреки утверждению первого публикатора и комментатора «Слова о полку Игореве» А. И. Мусина-Пушкина, что слово «шеломяне» означает не название населенного пункта, а просто возвышенность.

Востоков собирал русские песни и пословицы. Всю жизнь он стремился трудиться целенаправленно. И когда случалось отступать от этого и работать только ради заработка, Востоков очень сожалел[20].

Еще до своего поступления на службу в Публичную библиотеку Востоков занимался в Депо манускриптов. Это явствует из письма к нему А. Ермолаева от 26 сент. 1814 г.: «Я сделался

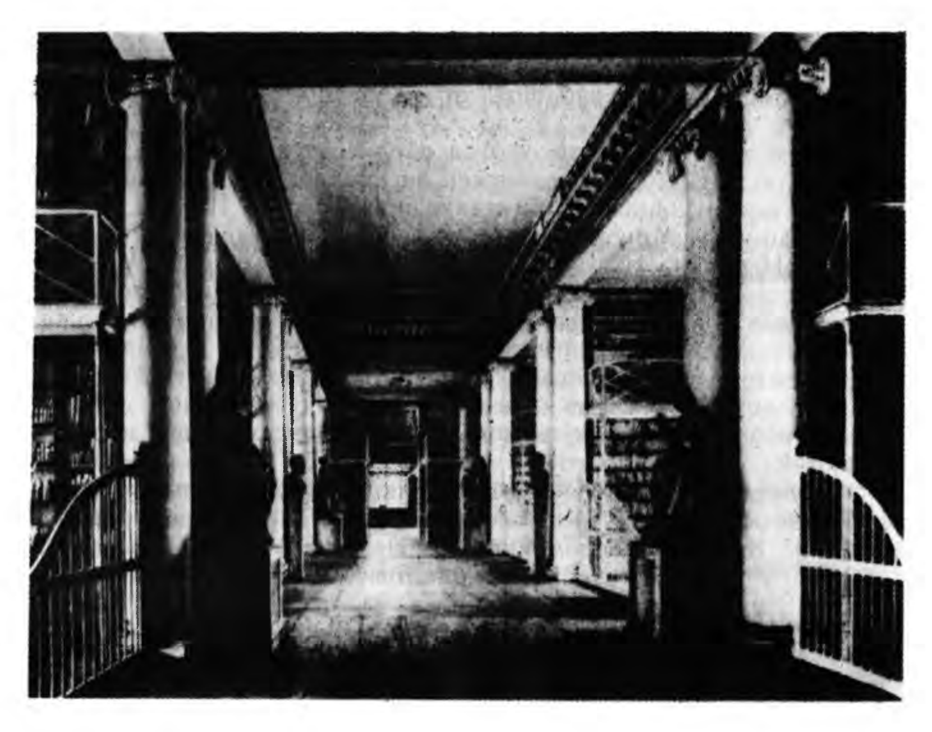
нездоров, любезный Александр Христофорович, и потому завтра не могу быть дежурным [в Публичной библиотеке], о чем и спешу вас уведомить, дабы избавить от напрасной хотьбы в библиотеку»[21].

Уже в эти годы Востоков был вполне эрудированным специалистом в области древнеславянской письменности. Он изучил такие значительные рукописные памятники, как Русская Правда, Поучение Владимира Мономаха, Слово о полку Игореве, Летопись Нестора, Изборник 1076 г. и др.[22]

1815 г. был примечательным годом в жизни Востокова: он женился на Анне Ивановне Гальберг, с которой прожил 39 лет. После ее смерти женился 20 мая 1855 г. на Елизавете Егоровне Помо. Для человека, лишенного возможности свободного общения, обретение семьи — особенно важное жизненное событие. А в декабре 1815 г. он, наконец, стал сотрудником Публичной библиотеки. Такое долгое ожидание места в Библиотеке, по всей вероятности, объясняется опасениями Оленина в возможности Востокова обслуживать читателей. Основания для опасений у Оленина были. В своих воспоминаниях цензор О. А. Пржецлавский, в 20—30-х гг. посещавший Библиотеку, писал: «Востоков так страшно заикался, что когда хотел что-нибудь вам объяснить, то долго нужно было ждать конца. С этим недостатком он был жалок, но, заикаясь, выделывал такие гримасы, что нужно было всей силы воли, чтобы удержаться от смеха»[23].

Почти 29 лет проработал Востоков в Публичной библиотеке: с декабря 1815 г. по июль 1828 г. — помощником хранителя рукописей А. И. Ермолаева, а затем до марта 1844 г. — хранителем Депо манускриптов. Работа в Депо расширила его научные возможности по изучению славянского языка и палеографии. В письме к председателю московского «Общества любителей российской словесности» А. А. Прокоповичу-Антоновскому 20 мая 1818 г. Востоков признался, что «пока источники мои ограничивались печатными книгами и наслышкою живого языка, ревностно занялся я своею лексикографией ... но когда случай привел меня увидеть старинные рукописи славянские, а также и некоторые старопечатные книги, и в них правописание, словоокончания и обороты, во многом отличные от употребительных в позднейшем языке; я тогда убедился в необходимости заняться сперва грамматикою, т. е. исследованием и показанием свойств языка и различных его форм, с изменениями, каким подвергались формы сии в продолжении столетий в России и в других землях славенских»[24].

Служба в Публичной библиотеке давала возможность работать в желаемом научном направлении. Первым результаатом труда Востокова было «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам», опубликованное в 17-й части «Трудов»



Депо манускриптов

«Общества любителей российской словесности» при Московском университете. В книге много ценных наблюдений по истории русского, болгарского, польского, сербского и чешского языков, по фонетике и морфологии старославянского языка. Этот труд, по выражению В. И. Срезневского, был «краеугольным камнем славянской филологии»[25]. Он вызвал бурный отклик у зарубежных славистов и прошел почти незамеченным в России. Н. Карелкин приводит рассказ одного из русских ученых, бывших в начале 30-х гг. в Вене: «Когда я был в Венской Императорской Библиотеке, ко мне подошел какой-то весьма почтенный человек: узнав, что я русский, он прежде всего спросил меня: как живет Востоков? Не зная тогда, к стыду моему, какое значение имел в науке Востоков, я невольно выразил удивление; спрашивавший, по-видимому, еще более удивился моему незнанию. „Vostokow est creator philologiae slavicae (Востоков — творец славянской филологии)“, — сказал он, оканчивая разговор. Это был покойный Копитар. В самом деле, едва ли кто так восторженно отзывался о заслугах Востокова, как Копитар: lumen, creator philologiae slavicae, Ostromiri Aristarchus (светило, творец славянской филологии,

Аристарх Остромирова евангелия) — вот какими именами называет Копитар Востокова в своих сочинениях»[26].

Физический недостаток мешал Востокову бывать в Оленинском салоне, «заградил мне, — как признавался он сам, — все блестящие пути большого света, где язык есть лучший проводник»[27]. Но, тем не менее, со многими сотрудниками он был в очень хороших отношениях.

Прямо не вступая в полемику о гекзаметрах, которая разгорелась в связи с переводом Гнедичем «Илиады» Гомера, Востоков все же высказал свое отношение к использованию гекзаметров в русском стихосложении. В своей книге «Опыт о русском стихосложении» 10 страниц Востоков посвятил гекзаметру. Востоков признает гекзаметр, но не соглашается с Гнедичем в предпочтении дактилей перед хореями. Сплошные дактили, по мнению Востокова, были «еще утомительнее и однообразнее» александрийских стихов.

Своеобразный наблюдатель, дающий меткие характеристики членам Оленинского кружка, В. А. Оленина характеризовала Востокова весьма лаконично: «Ученый и благородный человек. — Сильный был заика»[28].

Как сотрудник Публичной библиотеки, Востоков занимался всеми теми делами, которые входили в обязанности сотрудников: круглосуточное дежурство, обслуживание читателей в отделе рукописей, описание рукописей, их комплектование (рекомендации и оценка). Кроме этого, Востоков широко давал научные консультации, связанные с рукописями. По сравнению с Ермолаевым он был более самостоятельным в решении вопросов комплектования рукописей и их использования. Если в письмах Ермолаева к Оленину всегда присутствовала фраза «в следствии словесиого разрешения», то в докладах Востокова всегда было его самостоятельное предложение Оленину о покупке рукописей. Например, он докладывал Оленину 11 дек. 1835 г. о предложении литератора Олина продать Публичной библиотеке две редкие книги: «Книгу Марсову» 1713 г. и рукописную «Послужной список Кубанского походу. 1711 году». По совету Востокова, обе книги были приобретены. Востоков и сам дарил Библиотеке рукописи. Среди его подарков — «Сатиры» Антиоха Кантемира в списке 1743 г. Однако при Востокове комплектование, особенно этнографическими вещами, шло менее активно. Правда, в октябре 1830 г. Оленин направил для хранения в Депо манускриптов купленные за 100 руб. у купца Ивана Савина две столовые оловянные тарелки, «бывшие в употреблении во время походов» Петра I[29].

По распоряжению Оленина в 1821 г. Востоков сделал реестр «редких и любопытных манускриптов как на русском, так и на других известных» ему языках. В описании указывались дата создания рукописи, почерк, материал, миниатюры, владельцы и «дру-

гие любопытные обстоятельства»[30]. По просьбе Оленина Востоков расшифровывал значение отдельных слов. Объясняя значение слова «постражете», Востоков писал: «т. е. какое мучительное чувство тогда будете иметь, или какую неприятность тогда почувствуете, когда увидите вящее, над вами совершившееся. — Глагол *стражать* означал в старину также трудиться...» На этом письме Оленин приписал: «Страда у крестьян — тяжкая летняя работа»[31]. Значение слова «са́женый» в описании платья Востоков объяснял как «осыпанный каменьями»[32].

Систематичность в работе, характерная для ученого, повлияла и на библиотечную работу. Прежде, чем приступить к переписке карточек на иностранные рукописные книги в каталог, Востоков сверил правильность их описания de visu. Карточки составлялись еще до него, первым хранителем Депо манускриптов — Дубровским. Так как книги были расставлены по языкам и алфавиту, а карточки только по алфавиту, без разделения на языки, то Востоков переставил все карточки по номерам (и книги имели номера). Дубровский вносил в карточки те заглавия, которые были в каталоге библиотеки Залусских или его библиотекаря Яноцкого. В этих описаниях многое не соответствовало книгам. Востоков все описания исправил. Он был уверен, «чтоб облегчить читателю приискания книг в каталоге», нужно распределять их только по главным отделениям наук, а также располагать по алфавитам нужно только книги русские, греческие, еврейские; книги на языках, использующих латинский алфавит, дать в одном каталоге. Это прогрессивное предложение не было принято Олениным во внимание.

Востоков сделал несколько замечаний и по самой схеме. В классе «филология» предлагал оставить «языкознание» и «полиграфию», а «критику» разделить по другим отделениям и частям. Из «критики» журналы и ученые записки присоединить к «полиграфии», кроме тех, которые посвящены одной какой-нибудь науке[33]. Признавая невозможность распределения рукописей по оленинской библиографической системе, Востоков предложил свою, базирующуюся на системе библиотеки Залусских: расставлять рукописные книги в алфавите авторов, а там, где автор был неизвестен, — в алфавите предмета, «о коем трактует книга». Судебные, исторические акты — под «именем государства, города», «до какого они касаются»; анонимные «жизнеописания, панегирики, сатиры» ставились под именем того лица, о ком шла речь; анонимные комментарии на сочинения определенного автора — также под именем этого автора. «Сие разделение, — писал Востоков Ермолаеву 1 октября 1819 г., — может отчасти заменить систематическое распределение книг по разделам библиографическим, которое для рукописей признано неудобным»[34].

Оленин со всеми предложениями Востокова согласился, но считал, что судебные и исторические акты нужно распределять не

по географическому признаку, а по содержанию. Востоков это оспаривал, утверждая, что «имена предметов» должны быть в рукописном каталоге «сколько возможно ограничены». В противном случае — «правильнее бы уже было разложить весь каталог по разделам библиографическим»[35].

В своей системе он отходил от системы Залусских. Если у Залусских анатомия, хирургия, ветеринария и фармакология исключены из раздела «медицина» и поставлены как отдельные предметы, то Востоков все это объединил, «ибо все части медицины во многих отношениях неразрывно связаны одна с другою»[36].

У Залусских рукописные книги на всех языках соединены были с латинскими в одном каталоге в общем алфавите авторов или заглавий, для чего все заглавия немецких, французских, польских и других книг переведены на латинский язык. Следуя примеру книжной расстановочной системы Оленина, Востоков рукописные книги разместил в первую очередь по языкам, на которых написана книга, а затем в алфавите названий или «по названиям предметов». Например, у Залусских проповеди на всех языках стояли под заглавием conciones, а Востоков под этим заглавием оставил только латинские, французские же и английские поместил под заглавием sermons, немецкие — под Predigten, итальянские — под Prediche, польские — под kazanie.

Впрочем, Востоков стремился к единообразию рубрик в разных языках. С этой целью он предлагал проповеди в каждом языке поставить под словом Homiletica[37]. В каталоге Востоков применял метод отсылок. Если в книге содержались статьи на разных языках, то он помещал книгу в каталог того языка, с которого она начиналась, а в других каталогах делал отсылки к статьям, находящимся в сборнике[38]. Он высказал также свое мнение о написании французских фамилий с частицами La, Le, Du, De, которые пишутся то слитно с фамилией, то раздельно. Вопреки М. Е. Лобанову, заведующему французскими печатными книгами, который придерживался написания, данного на титульном листе, Востоков считал, что нужно принять «единообразный» порядок написания и что эти частицы должны «принадлежать имени, как неотъемлемые составные части одного»[39]. Lafontaine и Fontaine — разные имена.

Работая в Публичной библиотеке, Востоков всецело погружается в палеографические, археографические и лингвистические исследования памятников древнерусской письменности[40]. Он отдается палеографическому изучению Остромирова евангелия, составлению «Словаря церковно-славянского языка» и описанию древнерусских рукописей. Как вспоминал В. И. Собольщиков, пришедший в Библиотеку при завершении строительства нового здания, «Публика в библиотеку не допускалась, и библиотекари пользовались каникулами несколько лет сряду. Некоторые из них приходили один раз в месяц, чтобы оставить свой автограф в манускриптах

казначея, но двое бывали ежедневно; один — Востоков, постоянно работавший в хранилище рукописей, которых он был хранителем; он тогда занимался приготовлением к изданию святыни библиотечной: Остромирова евангелия...». Далее Собольщиков пишет о том, что Востоков просматривал все иностранные газеты, а «Göttingische gelehrte Anzeigen» «уносил читать домой: в библиотеке он дорожил временем»[41]. Кстати, видя ревностную службу Собольщикова, тогда стоящего на самой низкой ступени библиотечной служебной лестницы (писец), Востоков, обладающий острым чувством справедливости, написал представление Оленину, прося перевести Собольщикова в подбиблиотекари. Но Оленин не удовлетворил его просьбу, и тем самым весьма огорчил Востокова[42].

Большую работу, отличающуюся обстоятельностью и продуманностью, провел Востоков при оценке рукописей для их страхования. Он расклассифицировал все рукописи на 4 разряда. Все сокровища Депо манускриптов Востоков оценил в миллион рублей[43].

С марта 1842 г., кроме дежурств и выдачи из отделений книг для чтения, все библиотекари занимались соединением книг фактически трех библиотек (Залусских, из польских библиотек, привезенных в начале 30-х гг., и новых приобретений) в одно собрание. Решено было для ускорения работ уничтожить разделение по языкам во всех отделениях, кроме Русского отделения и греческих и римских классиков; ввести нумерацию книг, «означаемую на корешках и заглавных листах книг» и на карточках; выделить отделение первопечатных книг[44]. Востоков вместе с подбиблиотекарем Протопоповым соединял «в авторский порядок» «отделения поэзии, механические искусства, изящные художества и свободные искусства»[45].

Еще в 30-х гг. на Востокова были возложены, кроме должности хранителя Депо манускриптов, еще и заведование печатными книгами на немецком и польском языках, а также обязанности секретаря. Но в 1843 г. «для облегчения в много различных занятиях его по разным должностям» из секретарских обязанностей ему оставили ведение только текущих дел на иностранных языках[46].

В Публичной библиотеке Востоков немало времени тратил на перекопирование рукописей или частей их по просьбе ученых. Художник по образованию, Востоков мастерски делал копии (facsimile) — «палеографические снимки» с рукописей для Кеппена, Болховитинова, Калайдовича, Добровского, Шафарика, Копитара, Ганки, Погодина. Особенно много «снимков» сделал Востоков для Кеппена, который использовал их в своем палеографическом издании.

Востоков принимал самое активное участие в «Библиографических листах» (1825—1826), издаваемых П. И. Кеппеном. Он не только публиковал свои статьи в этом журнале, но и всячески помогал Кеппену.

Он умел обрабатывать дефектные рукописи, читать стершиеся листы. Так, ему удалось восстановить запись о времени написания Добрилова евангелия — 1164 г.: с помощью экстракта чернильных орешков он проявил выходную запись, в которой был указан год написания[47].

Востоков ведет широкую переписку со всеми знатоками старославянской письменности — Е. Болховитиновым, гр. Н. П. Румянцевым, К. Ф. Калайдовичем, с П. И. Кеппеном. С 20-х гг. становится активным членом Румянцевского кружка[48].

Уже в 20-е гг. Востоков считался знатоком русской палеографии. Первое научное описание рукописи было составлено Востоковым в 1821 г.: описание отрывков из 10 рукописей, принадлежавших архиепископу Е. Болховитинову. «Он может определить век и характеристику сих рукописей»[49], — писал Болховитинов 23 декабря 1821 г. гр. Н. П. Румянцеву. В ответном письме (19 января 1822 г.) Румянцев сообщал, что он давно уже старается сблизиться с Востоковым, но тот отказывается из-за того, что, «будучи страшный заика, очень страждет с незнакомыми людьми». «Я в самой большой цене держу давно г. Востокова. А. И. Ермолаев и он, конечно бы, могли составить с большим успехом российскую палеографию»[50]. Через полгода Румянцев с радостью сообщает Болховитинову, что ему «удалось победить то отвращение, которое г. Востоков имел со мною лично познакомиться, и не однажды уже с ним и с г. Ермолаевым я у себя обедал»[51].

Вначале Востоков выполнял отдельные поручения Румянцева: сличал рукописные списки, принадлежащие графу, со списками, хранящимися в Публичной библиотеке. Затем смог уделять три дня в неделю по полчаса на разбор рукописей Румянцевского музея. Занимался он с рукописями, по его словам, с удовольствием, ибо они «обещают ... богатейшую жатву для Словаря и Грамматики Славянской»[52] Но времени на большее у Востокова не хватало: он работал не только в Публичной библиотеке, но и в Департаменте духовных дел и в Комиссии по составлению законов. «Казенные должности» отвлекали Востокова от ученых занятий. И как он признавался Болховитинову (ноябрь 1921), «однако я не отчаиваюсь улучшить опять *божественный досуг* — otium, neque purpura venala, nec auro (досуг не купить ни пурпурной жилой, ни золотом. — *О. Г.*) — предаться совершенно ученым занятиям»[53].

Румянцев уговорил Востокова оставить все должности (в Комиссии по составлению законов и в Департаменте духовных дел), кроме Публичной библиотеки, которые он обещал компенсировать в течение трех лет 3000 р. в год. Востоков обязался описать рукописи Румянцевского собрания и «сочинить» славянскую палеографию.

С мая 1824 г. по май 1844 г.— ровно 20 лет — Востоков трудился в Румянцевском музее. Сначала, до смерти графа Н. П. Ру-

мянцева (6 января 1826 г.) и до передачи музея в ведение Министерства народного просвещения (март 1828 г.), — как личный библиотекарь Румянцева, а затем — как старший библиотекарь и главный хранитель музея. Востоковым написан и проект управления музеем.

В августе 1824 г. он уже привел в алфавитный и хронологический порядок рукописные книги и рукописи гр. Румянцева. Румянцев писал Востокову 2 июня 1825 г.: «Вы для меня, как французы говорят, la loi et les prophetes (закон и пророк. — *О. Г.*)»[54].

Во времена Востокова существовало два направления в описании русских рукописей.

П. М. Строев (1796—1876) был сторонником краткой обработки исторических памятников. Строев подходил к описанию рукописей как архивист. Иной точки зрения придерживался Востоков. Он описывал рукопись как ученый-палеограф и языковед. Востоков давал не только внешние признаки рукописи: заголовки, формат, количество листов, характер материала, датировка, но и раскрывал подробно содержание каждой рукописи, выделяя самые важные, с его точки зрения, места, воспроизводил начертания букв, не исправлял ошибки писцов, приводил выписки из документов. Востоков считал, что при описании рукописи необходимо установить авторство, время ее происхождения и место написания. Иными словами, Востоков производил научное описание документа.

Эти две точки зрения на характер описания рукописи бытуют и до сих пор. Архивисты стоят за краткое описание рукописи, работники рукописных отделов — за подробное научное.

Востоков расходился и с Калайдовичем в методике описания рукописей и в составлении каталога. Востоков составлял Каталог славянских рукописей собрания гр. Румянцева, а Калайдович, по просьбе того же Румянцева, — каталог рукописных книг Синодальной библиотеки в Москве. Востоков стремился достичь единства в описании. Но не мог согласиться с Калайдовичем по вопросам структуры каталога, описания самого текста и описания сборников.

Вначале Востоков думал располагать описания рукописных книг по Оленинской системе, т. е. по содержанию: богословие, история и т. д. Но вскоре убедился в невозможности этого, ибо в одном и том же экземпляре содержалось множество разнородных частей. По размышлении пришел к выводу располагать рукописи в алфавите заглавий. Если рукопись содержит два-три сочинения, то обозначать ее по имени первого, а если много и нет ни одного большого сочинеиия, то описывать их под сборником. Если несколько рукописных книг имели одинаковое заглавие, то они располагались в хронологической последовательности.

Калайдович же располагал материал по форматам, предполагая, что к описанию будет дан вспомогательный алфавитный указатель. В подтверждение своей правоты Калайдович ссылается на новые поступления, при которых «азбучный порядок весь изменяется; при форматном разделении исправляется и дополняется один только указатель»[55].

Востоков не сдавался и отвечал, что, «когда после напечатания каталога поступят новые рукописи в библиотеку, тогда надобно составить прибавление к каталогу азбучным же порядком, с указанием на номера каталога, после коих надлежит включить вновь поступившие рукописи, напр[имер] ежели последнее, помещенное в каталоге Евангелье XIV в. стоит под № 50, то вновь поступившие того же века Евангелия можно показать в прибавлении к каталогу под № 50 же, с присовокуплением литер b, c, d и т. далее»[56].

Калайдович считал нужным исправлять «ошибки писцов», при описании учитывать современное правописание, против чего возражал Востоков, утверждая, что каталоги древних рукописных книг пишутся для ученых, которые «должны уметь читать старинные рукописи без наших поправок»[57].

Нам представляется, что для каталогов, используемых внутри архива или рукописного отдела Библиотеки, необходимо краткое описание рукописей. Но для печатных каталогов желательно иметь полное научное описание.

Исходя из этих позиций, нам кажется несправедливым упрек архивиста М. Н. Шобухова в адрес Востокова, что его описания «не дают исследователю быстро ориентироваться во всем многообразии содержания рукописей. Ненужные детали, цитаты из текста документов и т. д. и т. п. уводят в сторону от того, что исследователь ищет в описи»[58]. Это ведь зависит от того, что исследователь ищет в описи.

Метод описания рукописей у Востокова был такой же, какой был принят для описания книг в Публичной библиотеке. Описание рукописи составлялось сначала на карточке. После окончания всей этой работы каталог можно было организовывать по любому принципу: алфавиту заглавий, формату, хронологии и т. п.

Рукописи описывались довольно подробно: отмечались прежние владельцы рукописи, ее длина и ширина (в вершках), число листов и строк на каждой странице, как писаны — сплошь или в два столбца, какими чернилами и буквами; отмечались послесловия, приписки на полях, иллюстрации[59].

Как палеограф Востоков большое значение придавал форме букв при определении времени написания рукописи[60]. В письме к Калайдовичу Востоков признается, что в датировке одной рукописи допустил ошибку потому лишь только, что «не уважил примечаемого... несходства с почерком XI века, полагая правописание и язык достаточными признаками к определению древности письма».

А в действительности, в первую очередь нужно обращать внимание на почерк, который является «вернейшей палеографической приметой»[61].

10 лет работал Востоков над описанием рукописей Румянцевского музея (1824—1834). В 1842 г. «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» вышло из печати. Труд был высоко оценен знатоками. «Не написана напрасно ни одна строка», — заключил И. Срезневский[62].

Высоко оценил издание каталога Болховитинов, отдавая Востокову первенство перед Строевым и Калайдовичем, подготовившими описание рукописей библиотеки гр. Толстого. Болховитинов писал, что их труд «очень недостаточен. Они многое пропустили». А самое главное, он выразил пожелание Востокову: «Хорошо естьли так же опишите и рукописи Публичной библиотеки. Кроме Вас, — добавлял он, — некому познакомить нас с древнею нашею словесностью»[63].

Так же высокое признание получил труд Востокова у Погодина. «Честь и слава знаменитому труженику науки!» — писал он Востокову[64]. Восторженный отзыв получил Востоков от рижского епископа Филарета Зеума: «С наслаждением читал Ваши замечания, — писал Филарет, — столько разнообразные, о рукописях. Кому дорога Русь святая, кому дорого все отечественное, тот не может не сказать Вам от души — спаси бог. Замечания Ваши вводят и в таинства языка и в быт древний. Какое богатство сведений для историка и особенно церковного историка!»[65].

В 1837 г. Востоков начал готовить к изданию Остромирово евангелие. Оно вышло из печати в 1843 г. Текст был издан по подлиннику строка в строку, к нему приложен словоуказатель и «Грамматические правила славянского языка, извлеченные из Остромирова евангелия». Это — первый большой памятник старославянского языка, напечатанный целиком. Издание удостоено Академией наук Демидовской премии.

По заданию Министерства народного просвещения начиная с 1827 г. Востоков в течение трех лет составляет учебник русского языка. В 1831 г. вышла его «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» и одновременно «Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная». Полная грамматика также получила Демидовскую премию. Первая книга была учебником более 45 лет, выдержав 16 изданий. В отличие от существовавшей в то время грамматики Н. И. Греча, грамматика Востокова написана на материале живого русского литературного языка. В. Г. Белинский, сравнивая труды Востокова и Греча, предпочтение отдавал Востокову, признавая ее «лучшей из всех доныне изданных» русских грамматик[66].

Работа Востокова по обслуживанию читателей рукописными фондами была отмечена как отечественной, так и зарубежной

общественностью. Пресса в те годы не очень жаловала Публичную библиотеку своим вниманием, но все же и о ней иногда появлялись заметки, связанные, главным образом, с Депо манускриптов. Так, в 1841 г. в разделе «Смесь» «Отечественные записки» поместили заметку «Письменные памятники русской старины в Санктпетербурге», в которой отметили, что в Публичной библиотеке «единственное собрание рукописей в целой России» и что «известный наш ученый археолог Востоков радушно открывает любопытным все сокровища Библиотеки»[67].

За хорошее обслуживание профессор Клоссиус добился избрания Востокова почетным профессором Тюбингенского университета (1 декабря 1825 г.). В ответном письме профессору Клоссиусу, сообщившему об избрании Востокова, последний писал: «Считаю я уже слишком большою наградою за готовность мою услужливать всякому ученому, который, с таковыми как вы познаниями и любовью к наукам, приходит пользоваться сокровищами Библиотеки нашей. Услужливать им есть моя обязанность»[68].

Востоков был действительным и почетным членом многих русских и иностранных литературных и ученых обществ, университетов и академий.

Занятость и физический дефект заставляли Востокова ограничивать сферу своих знакомств только узким кругом родственников и друзей и отдельных ученых. Иногда это вызывало у некоторых чувство обиды. Так, известный московский профессор И. М. Снегирев жаловался Анастасевичу в 1830 г.: «Приветствую с почтением новорожденную грамматику русскую г. Востокова, который неприступен к столь маловажным людям, как я; *он для меня не только заика,* но *совершенно нем,* как немец для русака простодушного, который осмеливался дважды писать к его премудрости; вы изволите оправдывать его многоделием — да кто же из нас празден, не будучи богачем; к другим по выбору он милостлив»[69].

В Библиотеке не было строгого контроля, и ее уставные порядки частенько нарушались. Как известно, по «Положению» книги на дом не выдавались. Но нам известно, что Востоков в 1836 г. посылал библиотечные книги ученому, своему другу П. И. Кеппену (например, книгу В. Ф. Зуева «Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г.»)[70].

О существовавшей «вольнице» в Депо манускриптов можно судить по специальному распоряжению, которое Оленин вынужден был дать 11 июля 1842 г. «До сведения моего дошло, — писал Оленин, — ... некоторые посетители домогаются быть допускаемы во всякое время и в хранилище рукописей и без особого дозволения занимаются в оном и сами выбирают из шкафов рукописи. То по сим обстоятельствам вынужденным нахожусь подтвердить гг. библиотекарям и всем служащим в оной чиновникам о наблюдении высочайше утвержденного начертания правил для управления сею Биб-

31 Декабря 1843 года

Его Превосходительству Господину Директору Императорской Публичной Библіотеки, Тайному Совѣтнику Члену Государственнаго Совѣта Сенатору и Кавалеру Дмитрію Петровичу Бутурлину

От Библіотекаря Александра Востокова

1го Декабря сего года минуло 27 лѣтъ службы моей при Императорской Публичной Библіотекѣ. Нынѣ, имѣя 63 года отъ роду, я по лѣтамъ моимъ и по слабости здоровья, уже не въ состояніи исполнять съ надлежащею исправностію должность, налагаемую на Библіотекарей сего Книгохранилища, а потому рѣшаюсь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство объ увольненіи меня отъ сей должности, съ исходатайствованіемъ мнѣ за 27лѣтнюю службу мою при Библіотекѣ полнаго пенсіона, на основаніи Свода Законовъ 1842 года, части третьей, Устава о службѣ гражданской, книги III, раздѣла II, статей 439 и 440.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ

А. Востоковъ

[illegible] Декабря 1843 года

Рапорт А. Х. Востокова Д. П. Бутурлину. Автограф

лиотекою... Никто из служащих в сей Библиотеке своим именем не имеет права без особого позволения начальства впускать посетителей не в назначенные дни и часы и дозволять заниматься в читальные дни долее назначенного времени, а в особенности оставаться сторонним лицам одним в хранилище Рукописей и самим брать из шкафов книги и рукописи»[71].

Излишняя доброта и доверчивость Востокова привели его к служебной катастрофе: 15 марта 1844 г. Востоков уволен из Публичной библиотеки, а 15 мая этого же года — из Румянцевского музея.

Знакомясь с Библиотекой, новый ее директор Д. П. Бутурлин уже 19 мая 1843 г. сообщал министру народного просвещения о состоянии Депо манускриптов: «Главнейшее сокровище Библиотеки... рукописи ... на большую часть не имеют ни каталогов, ни даже простых описей, и они принимались к хранению без счета»[72]. Рукописи занимают 505 полок, из которых 283 «никакому рассмотрению никогда подвержены не были», 60 полок разобраны по языкам, но не описаны, 73 полки, занятые 1356 рукописями, описаны и, наконец, 89 полок, занятых 3090 рукописями или китайскими печатными тетрадями, не только описаны, но даже имеют частные каталоги. При таком положении хранилища рукописей и при чрезвычайном добродушии и излишней доверчивости Востокова несколько рукописей было утрачено: 9 рукописей из собрания гр. Толстого, правда семь из этого числа впоследствии были разысканы.

Бутурлин 5 июня 1843 г. потребовал от Востокова письменного объяснения, каким образом могли быть утрачены 9 рукописей из собрания гр. Толстого, какие он принимает меры к отысканию их, а также где могут находиться две вазы, отсутствующие в Депо манускриптов[73].

Через два дня Востоков ответил, что 6 рукописей уже «найдены мною в шкафах позади прочих рукописей, куда они были задвинуты», две оказались в Археографической комиссии. «Может быть, — замечает Востоков, — и последняя рукопись отыщется». «Что касается до двух ваз, ныне не оказавшихся, то они должны быть между вазами покойного директора Библиотеки Алексея Николаевича Оленина»[74].

Новый директор пресек «вольные нравы» в Депо манускриптов. Рядом распоряжений он приказал при выдаче рукописей каждую страницу перенумеровать, тщательно осматривать рукописи при выдаче и при приеме, заниматься с рукописями только в хранилище, убрать из хранилища личные книги, бумаги и «чтоб впредь никаких посторонних вещей там не было»[75].

После печальных событий в Публичной библиотеке ревизовали Румянцевский музей, не обнаружили некоторых старопечатных книг и рукописей, монет, медалей и минеральных камней. Из сохранившихся писем видно, что Востоков давал книги из Румянцевского музея ученым. Так, Кеппен сообщал ему 5 ноября 1831 г.:

«Честь имею возвратить при сем ... две книги, коими я, по благорасположению вашему, пользовался из Библиотеки Румянцевского музея»[76].

В Румянцевском музее, как и прежде частном, конечно, порядки сохранности были не очень строгие. Бывший владелец музея Н. П. Румянцев любил «ссужать» книги на дом без расписки. Востоков не имел точных сведений о том, кому они розданы. Некоторые книги были возвращены. Востоков надеялся, что и другие будут найдены.

Востоков обвинялся в том, что он не известил в свое время начальство о недостающих книгах. У Анастасевича, например, после его смерти было найдено 9 книг музея, 88 книг в других переплетах (конволютах). И как писал В. Ф. Одоевский, заведующий Румянцевским музеем с 1846 г., «недочеты же произошли не по его [Востокова] нерадению, а по обычаю графа Румянцева, сохранившемуся и впоследствии, отпускать книги на дом. Этому можно привести несколько примеров: найдены книги у Анастасевича, возвращены от Круга, потеряны у Куницына и у Языкова»[77].

Как уже отмечалось, в марте 1844 г. Востоков получил увольнение из Публичной библиотеки[78], в мае — из Румянцевского музея, и Востоков должен был своими средствами восстановить часть утраченного. Он отдал свои 5 старопечатных русских и 407 иностранных книг. Министерство понимало, что утрата произошла не по злому умыслу Востокова, а по его доверчивости и из-за ранее заведенного порядка, когда гр. Румянцев легко отдавал знакомым ученым для работы свои книги и рукописи. Товарищ министра князь П. А. Ширинский-Шихматов сумел подвести Востокова под манифест 16 апреля 1841 г., изданный по случаю бракосочетания наследника престола, будущего императора Александра II, и аннулирующий в некоторых случаях «казенные начеты, ущербы и утраты»[79], а министр Уваров сообщил императору о случившемся, указав на 40-летнюю беспорочную и усердную службу и значительную пользу, принесенную Востоковым «русскому языку и словесности».

Впоследствии пропавшие книги, рукописи и монеты большей частью были возвращены в музей теми, у которых они были.

Несмотря на всеобщее признание, Востоков был скромным тружеником науки. Ученик Востокова — И. Срезневский, близко его знавший, писал о нем: «Он так привык трудиться, что без труда скучал, что читал всегда, когда приличие позволяло, при гостях и в гостях, и делал письменные заметки и тогда, когда уже, по ослаблению зрения, не мог следить за писанным»[80].

Кроме крупных печатных работ, у Востокова — много рецензий, отзывов на рукописные и печатные исследования членов Академии наук, он редактор всех академических словарей. Как член Археографической комиссии, он занимался подготовкой к изданию «Актов исторических, относящихся к России, извлеченных из иностранных архивов и библиотек» А. И. Тургеневым (1841, 1842. 2 т.).

Всю жизнь Востоков жил более чем скромно, даже когда был всемирно известным ученым. Известный русский славист, ученый, в те годы еще студент, В. Я. Стоюнин посетил Востокова 24 апреля 1855 г. Востоков жил тогда на 4-й линии Васильевского острова в доме Бронниновского. Стоюнина поразила чрезмерная демократичность жилья ученого: «... Его наружность и вся окружающая его простота мне очень понравилась: видно, что он человек простой, добрый и не педант, хотя и оригинал. Не все русские ученые могут похвалиться этим»[81].

Наступило время «золотой жатвы». В 1856 г. Востоков кончил переписывать набело 2-томный «Словарь церковно-славянского языка», над которым работал около 40 лет (издан в 1858 и 1861 гг.). В словаре расписано около 130 рукописей. Он содержал почти 22 тыс. слов. По точности, лаконичности и ясности изложения — это образец лексикографического труда[82]. Словарь выполнен по правилам научной лексикографии: определены значение слова, его грамматическая характеристика, даны примеры с указанием источника и соответствующего греческого слова.

В 1863 г. свои изыскания по славянской древности Востоков закончил изданием книги «Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам».

Востоков — выдающийся лингвист, основоположник русской школы славяноведения. Его справедливо называют патриархом славянской филологии.

Стать светилом, творцом славянской филологии Востоков смог в значительной мере потому, что почти 29 лет проработал с рукописями в Публичной библиотеке, хорошо знал рукописные памятники. Он овладел палеографической методикой: на основании разных примет мог определить время написания памятника. И самая главная его заслуга — он открыл ряд закономерностей в развитии славянского языка. Работа в Библиотеке дала возможность ближе познакомиться «с остатками старинного языка словенского», а тем самым и заняться грамматикой древнего славянского языка[83].

Рукописи давали Востокову богатейший материал для научных исследований. Востоков владел методом филологической критики текста славянских памятников, установил характерные хронологические особенности текстов, составил таблицу почерков славянского письма разных веков и разных стран.

Востоков получил признание еще при жизни. В своих воспоминаниях «Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник» М. Погодин писал: «Востоков — сокровище русской литературы»[84].

Умер Востоков 8 февраля 1864 г. на восемьдесят третьем году жизни. Похоронен на Волковом кладбище в Ленинграде.

Вместо заключения

Давние годы, чужие жизни. Лицо эпохи создают люди. Мы не подчищали историю, стремясь стоять на почве фактов и показать реальный ход развития Публичной библиотеки. Значительна заслуга А. Н. Оленина в том, что он создал национальную библиотеку России, и в этом огромную помощь ему оказали И. А. Крылов и В. С. Сопиков. А. И. Ермолаеву и А. Х. Востокову принадлежала ведущая роль превращения Депо манускриптов в крупнейший тогда мировой центр собирания и изучения русских и славянских рукописей.

Первые библиотекари Публичной библиотеки были «первыми» и в других областях культуры. Сопиков — «отец русской библиографии», Ермолаев — первый русский палеограф, Востоков — «творец славянской филологии» ... Если не первые по времени, то первые по талантливости, мастерству были баснописец Крылов и переводчик «Илиады» Гнедич. Неизвестно, «состоялся» бы М. Загоскин как писатель исторических романов, если бы несколько лет не вращался в Оленинском кружке. И в значительной степени тем, чем они стали в русской культуре, они обязаны службе в Публичной библиотеке, трудолюбию, преданности своему делу. Вершин культуры они достигли благодаря усиленному самообразованию. Нам есть чем гордиться: слава и блеск созданной ими культуры осеняют нас. Начатое ими дело продолжено, значительно усовершенствовано. Каждое время предъявляет свои требования к библиотекарю и библиотеке. Тот период, о котором рассказно в книге, — это Пролог к славной 175-летней истории, которую Публичная библиотека отметит 14 января 1989 г. Каждое поколение библиотекарей должно чувствовать ответственность перед прошлым — нашими предками и перед будущим — нашими потомками. Нам бы хотелось, чтобы эта книга связала нынешнее поколение библиотекарей Публичной библиотеки с прошлыми и с теми, что придут вслед за нами. Каждое новое поколение библиотекарей должно быть мастеровитее, умнее умом своего времени, добрее и благороднее к своим предшественникам. Мы должны всегда помнить, что хорошим профессионалом можно стать только тогда, когда ты будешь личностью. С годами, с движением прогресса вперед это требование многократно увеличивается. Гармоничность личности библиотекаря, его высокая гражданственность становятся патриотической необходимостью.

Примечания

Вместо введения

[1] Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. Спб., 1914. С. 1.
[2] Вяземский П. А. О письмах Карамзина//Полн. собр. соч. Спб., 1882. Т. 7. С. 135.
[3] Белинский В. Г. [Рец. на кн.: Краткая история города Казани/Соч. М. Рябушкина. 1835]//Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 215.

Алексей Николаевич Оленин

«Имя его не должно быть забыто»

«Лишь для добра живет...»

[1] Анна Алексеевна Андро, рожденная Оленина/Сообщ. П. М. Устинович// Рус. старина. 1890. № 8. С. 410.

[2] Аксаков С. Т. Полн. собр. соч. Спб., 1886. Т. 3. С. 265.
[3] [Греч Н. И.] Пчелка: Газ. заметки//Сев. пчела. 1857. № 137. 24 июня.
[4] Каменская М. Ф. Воспоминания//Ист. вестн. 1894. Т. 55, № 5. С. 336.
[5] Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 4. С. 144.
[6] Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 407.
[7] Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа, 1843//Рус. старина. 1899. Т. 100, № 11. С. 269.
[8] Стояновский Н. И. Алексей Николаевич Оленин, 1763—1843//Рус. старина. 1875. Т. 14, № 10. С. 281.
[9] Каменская М. Ф. Воспоминания//Ист. вестн. 1894. Т. 55, № 5. С. 337.
[10] Стояновский Н. И. Алексей Николаевич Оленин, 1763—1843//Рус. старина. 1875. Т. 14, № 10. С. 280—296; Стояновский Н. И. Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина. Спб., [1881]. 16 с. В 1986 г. в Нью-Йорке в издании Колумбийского университета в серии «Восточно-европейские монографии» вышла кинга: Stuart M. Aristocrat-Librarian in Service to the Tsar: Aleksei Nicolaevich Olenin and the Imperial Public Library (Аристократ-библиотекарь на службе царя: Алексей Николаевич Оленин и Публичная библиотека.245 с.: 46 с. ил.). Это исследование, построенное только на использовании печатных источников, подробно освещает деятельность Оленина, его связи с русской культурной и общественной жизнью.
[11] Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л., 1983. 287 с.; ил. (далее: Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз... С.).
[12] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 44. Л. 1—1 об.
[13] Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз... С. 254.
[14] Так, С. С. Уварову 11 авг. 1833 г. Оленин писал: «до столетия ее [Академии художеств] должно бы мне еще жить 31 год, и тогда было бы мне ровно сто лет!» Арх. ГПБ. 1833. № 27. Л. 12 об. Действительно, если он родился в ноябре 1763 г., то в августе 1864 г. ему было бы еще 100 лет, а в ноябре — 101 год.
[15] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 363. Л. 1.
[16] См., напр.: Арх. ГПБ. 1820. № 23; 1826.. № 10.
[17] [Бурнашов В. П.]. Предание о том, кто был оригиналом «Митрофанушки» Фон-Визина//Иллюстрация: Всемир. обозрение. 1861. № 158. С. 126.
[18] Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз... С. 5—8.
[19] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 104.

Может быть, равнодушие объяснялось тем, что Оленин, как пишет М. А. Корф, был незаконнорожденным сыном (Рус. стариna. 1899. Т. 100. № 11. С. 269).

[20] История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 12.

[21] План Публичной Российской библиотеки в Санктпетербурге, составленный Б. М. Салтыковым в 1766 г.//Библиогр. зап. 1861. № 3. С. 70—78.

[22] После Великой Октябрьской социалистической революции по Рижскому мирному договору 1921 г. материалы бывшей библиотеки Залусских были возвращены Польскому государству. См.: Koprała J. Zarys dziejów bibliografii w Polsce. Wrocław, 1953. S. 36; Bańkowski H. Biblioteka Publiczna Załuskich i jej twórcy. Warszawa, 1959. S. 49—50.

[23] В 1797 г. все сочинения медицинского содержания в количестве 5441 экземпляра были переданы в Медицинскую коллегию.

[24] ГПБ. ОРиРК. Ф. 603. Ед. хр. 107. Л. 44.

[25] Впоследствии Оленину было назначено 1000 р. в год так называемых «квартирных» денег, а затем вместо них — «столовые» деньги.

[26] Кубасов И. Оленин А. Н.//Русский биографический словарь. Спб., 1905. Т. 13. С. 218.

[27] Арх. ГПБ. 1842. № 18. Л. 9.

[28] Там же. 1816. № 4. Л. 4 об.

[29] Там же. 1810. № 59. Л. 5 об.

[30] Там же. 1821. № 10. Л. 1 об.

[31] Там же. 1840. № 15. Л. 11 об.

[32] Там же. 1828. № 18. Л. 1.

[33] Там же. 1821. № 16. Л. 6.

[34] Там же. 1812. № 10. Л. 20.

[35] Там же. Л. 14 об.

[36] Там же. Л. 50.

[37] О собирателе рукописей Дубровском/Сообщ. А. А. Васильчиковым//Рус. арх. 1878. № 8. С. 441.

[38] Оно опубликовано в ст.: Воронова Т. П. П. П. Дубровский—первый хранитель «Депо манускриптов» Публичной библиотеки//Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 128—129.

[39] Зап. имп. Акад. наук. 1883. Т. 75. прил., № 2. С. 4.

[40] Письма митрополита киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу//Рус. арх. 1889. № 6. С. 196.

[41] Воронова Т. П. Указ. соч. С. 128.

[42] Арх. ГПБ. 1812. № 3. Л. 1 об. Подробное описание мундира, его покроя и материала сохранилось в архиве ГПБ: 1810. № 59. Л. 56.

[43] Там же. 1816. № 4. Л. 4 об.

[44] Там же. 1811. № 9. Л. 3 об.

[45] Подробнее см.: Розов Н. Н. Горный инженер П. К. Фролов—собиратель русской рукописной книги//Тр./ЛГИК. 1981. Т. 58. С. 31—36.

[46] Греч опубликовал несколько заметок о Публичной библиотеке, подготовил «Обозрение русской литературы (словесности) 1814 года» и «Обозрение Российской словесности 1815 и 1816 годов» для торжественных собраний, устраиваемых в честь открытия Библиотеки.

[47] Арх. ГПБ. 1817. № 8. Л. 33.

[48] Там же. Л. 34.

[49] Там же. Л. 31.

[50] «В миру» Никиты Бичурин—ученый китаевед, в молодые годы частый посетитель Оленинского салона.

[51] Арх. ГПБ. 1828. № 18. Л. 3.

[52] Там же. 1842. № 28. Л. 1 об.

[53] ГПБ. ОРиРК. Ф. 777. Ед. хр. 2509. Л. 1 об.

[54] Арх. ГПБ. 1833. № 27. Л. 14.

[55] Там же. Л. 21.

[56] Там же. 1816. Оп. 1а. № 1. Л. 5; 1836. Оп. 1а. № 1. Л. 8.

[57] О деятельности Оленина в Академии художеств см.: Оленин А. Краткое

историческое сведение о состоянии имп. Академии художеств, с 1764 по 1829 год. Спб., 1829. 4,86,6 с.; Отчет президента имп. Академии художеств с 1817 по 1834. Спб., 1834. 18с.; Сборник материалов для имп. С.Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования/Под ред. П. Н. Петрова. Спб., 1865. Т. 2. С. 453—464; Иордан Ф. И. Записки профессора и ректора Академии художеств. М., 1918. С. 14—15.

[58] Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I (1807—1829). Спб., 1883. С. 211.

[59] Цит. по: Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз... С. 211.

[60] Арх. ГПБ. 1811. № 4. Л. 8.

«Библиотека есть вместилище словесности всех времен и всех народов»

[1] Арх. ГПБ. 1836. № 12. Л. 5. Кстати, прославившийся в свое время склонностью к резким преувеличениям английский писатель Роберт Гуиш, посетивший Публичную библиотеку дважды—в 1802 и 1830 гг.,—в своем выступлении в Избранном комитете Британского музея (7 июня 1836 г.) сравнил фонды библиотеки Залусских с «массой хлама», благодаря которой Публичная библиотека напоминает «потемкинский праздник». По этому случаю он рассказал анекдот об одном празднике, устроенном Потемкиным в своем дворце в честь Екатерины II. Императрице все понравилось, кроме одного: она выразила сожаление, что во дворце нет библиотеки. Ее желание было равносильно приказу. На следующий же день Потемкин дал указание знаменитому петербургскому книготорговцу скомплектовать библиотеку. На вопрос книготорговца, какого рода книги желал бы иметь Потемкин, тот ответил, что это не имеет никакого значения: важно только, чтобы большие книги были поставлены на нижних полках, а маленькие—на верхних. Однако Гуиш вынужден был признать, что «эти ничегонестоящие книги» не имеют аналогов в Европе.

См.: Stuart M. Aristocrat-Librarian in Service to the Tsar: Aleksei Nicolaevvich Olenin and the Imperial Public Library. New York, 1986. P. 31.

[2] Антоновский М. И. Записки//Рус. арх. 1885. № 1. С. 167.

[3] Арх. ГПБ. 1815. № 15. Л. 9.

[4] Там же. 1836. № 12. «Краткое историческое извещение о составлении устройств и приращении Санктпетербургской императорской библиотеки». Л. 7.

[5] Отчет в управлении имп. Публичною библиотекою, представленный за 1814 г. Спб., 1815. С. 40. (далее: Отчет... за ... г. С.).

[6] Арх. ГПБ. 1810. № 1. Л. 16.

[7] Отчет... за 1816 г. С. 28.

[8] То же... за 1815 г. С. 14.

[9] Арх. ГПБ. 1811. № 11. Л. 19—20.

[10] История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 17.

[11] Отчет... за 1815 г. С. 21.

[12] Арх. ГПБ. 1811. № 17. Л. 5, 5 об.

[13] Там же. № 11. Л. 3.

[14] Там же. 1814. № 1. Л. 23 об.

[15] Там же. 1811. № 11. Л. 23 об.

[16] Там же. 1812. № 16. Л. 12 об.—13.

[17] Там же. 1815. № 5. Л. 12—13.

[18] С. С. Уваров был помощником Оленина с 1812 по 1833 г. В его функции входило исполнение обязанностей директора во время болезни последнего.

[19] Арх. ГПБ. 1815. № 5. Л. 15 об.

[20] Там же. Л. 28, 28 об., 30.

[21] Там же. 1818. № 6. Л. 1 об.

[22] Отчет... за 1814 г. С. 28.

[23] Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. Спб., 1914. С. 99.

[24] Арх. ГПБ. 1814. Оп. 1а. № 6. Л. 1—7.

[25] ГПБ. ОРиРК. Ф. 1000. Быстров. Л. 1.

[26] Арх. ГПБ. 1816. № 3. Л. 14.

[27] Там же. 1817. Оп. 1а. № 1. Л. 9.

[28] Там же. 1820. № 5. Л. 19.

[29] Там же. 1829. № 11. Л. 16 об.
[30] Там же. № 9 и № 32.
[31] Там же. 1813. № 3. Л. 11.
[32] Там же. 1815. № 5. Л. 44.
[33] Там же. 1817. № 1. Л. 4.
[34] Там же. 1816. № 10. Л. 2 об.
[35] Там же. 1820. № 4. Л. 29.
[36] Там же. Л. 46, 47.
[37] Ф. Б. О славнейших древних и новых библиотеках//Сын Отечества. 1820. Ч. 64, № 36. С. 128—129.
[38] Арх. ГПБ. 1813. Оп. 1а. № 1. Л. 1—3 об.
[39] Там же. № 5. Л. 91.
[40] Там же. Л. 92.
[41] Там же. Л. 39—40, 63, 81—82, 85—86.
[42] Там же. Л. 83—84, 87
[43] Там же. 1815. № 11. Л. 4 об., 7, 8.
[44] Отчет... за 1808, 1809, 1810, 1811 и 1812 гг. С. 64.
[45] То же... за 1814 г. С. 15.
[46] Арх. ГПБ. 1815. № 11. Л. 4 об., 5.
[47] Там же. 1821. № 14. Л. 4.
[48] Там же. 1836. № 26. Л. 2.
[49] Там же. № 32. Л. 1, 2.
[50] Аделунг Ф. П. Предложение об учреждении Русского национального музея//Сын Отечества. 1817. Ч. 37, № 14. С. 59.
[51] Вихман Б. Г. Российский Отечественный Музей//Там же. 1821. Ч. 71, № 33. С. 289—310.
[52] Арх. ГПБ. 1815. № 6; 1816. № 10. Л. 5 об. Передан 2721 том.
[53] Там же. 1820. № 14. Л. 8, 8 об. Но император купил библиотеку Вязмитинова за 30 тыс. р. н передал Публичной библиотеке.
[54] Там же. 1827. № 6. Л. 3, 4.
[55] ИРЛИ. Ед. хр. 23. 719.
[56] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 281.
[57] Арх. ГПБ. 1822. № 6. Л. 11.
[58] Там же. 1820. № 4. Л. 53—54.
[59] Там же. 1815. № 11. Л. 1 об.
[60] Там же. 1822. № 6. Л. 16.
[61] Там же. 1810. № 10. Л. 55—57.
[62] Там же. 1815. оп. 1а. № 9. Л. 30.
[63] Там же. 1819. № 27. Л. 83.
[64] Там же. № 3. Л. 29.
[65] Там же. 1827. № 26. Л. 33.
[66] Там же. 1829. № 4. Л. 26—31.
[67] Там же. 1822. № 6. Л. 10.
[68] Там же. 1818. № 8. Л. 10.
[69] Там же. 1822. № 6. Л. 19—19 об.
[70] Там же. 1823. № 9. Л. 2.
[71] Там же. Л. 5 об.—6.
[72] Заметки А. Х. Востокова о его жизни/Сообщ. В. И. Срезневскнй//Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук. 1901. Т. 70, № 6. С. 32.
[73] Арх. ГПБ. 1829. № 14. Л. 10—10 об.; 1840. № 14. Л. 6.
[74] Там же. 1820. Л. 2, 3 об.
[75] Там же. 1831. № 7. Л. 8.
[76] Там же. 1815. Оп. 1а. № 9. Л. 59 об.
[77] Там же. 1820. № 21. Л. 5.
[78] Там же. 1827. № 26. Л. 29.
[79] Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. Спб., 1914. С. 112.
[80] Арх. ГПБ. 1835. № 16. Л. 3.
[81] Там же. 1812. № 14. Л. 8 об.
[82] Там же. 1820. № 19. Л. 1.

[83] Место, где стоял дом Балабина, ранее принадлежало Библиотеке. Но в 1807 г. оно императором было пожаловано генерал-лейтенанту Кологривову, у которого и купил Балабин.

[84] Арх. ГПБ. 1829. № 32. Л. 9.

[85] Там же. Л. 8—8 об.

[86] Там же. Л. 24 об.

[87] Там же. 1820. Оп. 1а. № 1. Л. 43.

[88] Там же. Л. 43 об.

[89] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 15. Ед. хр. 51039. Л. 445.

[90] Там же. Л. 551.

[91] Арх. ГПБ. 1828. Оп. 1а. № 2. Л. 22.

[92] Там же. Л. 22 об., 32, 35.

[93] Там же. 1840. № 19. Л. 1—2 об.

[94] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 484. Л. 1—2.

[95] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 15. Ед. хр. 51039. Л. 461, 473, 485—487.

[96] Арх. ГПБ. 1830. № 5. Л. 25.

[97] Тарановская М. Здание Публичной библиотеки и Павильоны Аничкова дворца. Л., 1957. С. 23.

[98] Арх. ГПБ. 1826. Оп. 1а, № 1. Л. 7.

[99] Там же. 1831. № 26. Л. 104.

«Каталогизация в натуре»

[1] Арх. ГПБ. 1812. № 17. Л. 2 об.

[2] Там же.

[3] Там же. 1808. № 49. Л. 12.

[4] Там же.

[5] Кедров Б. М. Классификация наук. Т. 1: Энгельс и его предшественники. М., 1961. С. 229.

[6] Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. М., 1959. Т. 2. С. 134.

[7] Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук. Спб., 1868. Ч. 5. Вып. 1. С. 216.

[8] Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. М., 1959. Т. 2. С. 132.

[9] Schunke J. Die systematischen Ordnungen und ihre Entwicklung//Zentr.-Blatt für Bibliothekswesen. 1927. Jahr. 44, H. 8. S. 377—400.

[10] История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 17.

[11] Главная библиотека Горного Института за 150 лет//В память стопятидесятилетнего юбилея Горного Института в Петрограде, М., 1923. С. 706.

[12] Арх. ГПБ. 1808. № 49. Л: 166.

[13] Там же. Л. 192 об.

[14] Там же. Л. 185.

[15] Там же. Л. 195 об.

[16] Там же. Л. 195—195 об.

[17] Там же. 1815. № 15. Л. 9 об.

[18] Grimm W. Von. Studien zur Geschichte der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg (Leningrad). Leipzig, 1933. S. 11.

[19] Отчет... за 1808, 1809, 1810, 1811, 1812 гг. С. 16—17.

[20] Арх. ГПБ. 1808. № 52. Л. 11.

[21] Рус. арх. 1870. № 8. С. 1206.

[22] Там же. С. 1207.

[23] Арх. ГПБ. 1808. № 49. Л. 198 об.—199.

[24] Коновалова М. Н. К вопросу о систематической расстановке книг в крупнейших книгохранилищах//Труды/ГПБ. 1957. Т. 3. С. 8.

[25] Арх. ГПБ. 1817. № 5. Л. 74.

[26] Там же. Л. 191 об.

[27] Голубева О. Д., Гольдберг А. Л. В. И. Собольщиков. М., 1983. С. 35.

[28] Арх. ГПБ. 1836. № 37. Л. 11.
[29] Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. Спб., 1914. С. 196.

«Инвентарь книжного имущества»

[1] Арх. ГПБ. 1808. № 49. Л. 56 об.
[2] Там же. Л. 165 об.
[3] Там же. 1816. Оп. 1а. № 1. Л. 11а—11а об.
[4] Там же. Л. 13.
[5] История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 35.
[6] В письме к И. П. Быстрову он заметил: «Сколько собственных имен авторов исковеркано,—и какая странная классификация!» (ГПБ. ОРиРК. Ф. 603. Ед. хр. 66. Л. 1).
[7] Арх. ГПБ. 1817. № 5. Л. 3.
[8] Там же. Л. 4.
[9] Там же. Л. 11 об.
[10] Там же. 1815. № 15. Л. 9 об.
[11] Там же. 1817. № 5. Л. 13—13 об.
[12] Там же. Л. 15.
[13] Там же. Л. 69 об.
[14] Там же. Л. 53.
[15] Там же. Л. 55 об., 56.
[16] Там же. Л. 45 об.
[17] Там же. Л. 117.
[18] Там же. Л. 126.
[19] Там же. Л. 126 об.
[20] Там же. Л. 55 об.
[21] Там же. Л. 79 об.
[22] Там же. Л. 55.
[23] Письма митрополита киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу//Рус. арх. 1889. № 6. С. 165.
[24] Арх. ГПБ. 1817. № 5. Л. 53.
[25] Там же. 1819. № 27. Л. 4.
[26] Там же. Л. 5 об.
[27] Там же. Л. 20.
[28] История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 38.
[29] Арх. ГПБ. 1819. Оп. 1а. № 3. Л. 33.
[30] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 329.
[31] Арх. ГПБ. 1817. № 5. Л. 129 об.
[32] Там же. 1819. № 27. Л. 66, 67.
[33] Там же. 1820. Оп. 1а. № 1. Л. 41.
[34] История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 38.
[35] Весьма критически относился к работе над каталогами Е. Болховитинов, который в письмах к Анастасевичу писал: «труд ваш над библиотецким каталогом не увидит конца», «путанице в вашем каталогостроение не будет конца», «в ваш дурной каталог действительно нечего будет заглядывать и посетителям, ибо по нем себе потребного не скоро доищутся. А индексов на авторов, поелику они после всего каталога должны будут делаться, и никогда Россия не дождется» (Рус. арх. 1889. № 6. С. 172, 180, 173).
[36] Арх. ГПБ. 1836. № 12. Л. 12.
[37] Там же. Л. 12 об.
[38] История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 40.
[39] Арх. ГПБ. Т. 1204/а. Л. 8.
[40] Там же. 1840. № 26. Л. 13 об.
[41] Там же. Л. 2.
[42] Рус. арх. 1889. № 2. С. 173.

[1] Описание торжественного открытия имп. Публичной библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года. Спб., 1814. С. 178 (далее: Описание торжественного открытия... С.).

[2] Арх. ГПБ. 1812. № 10. Л. 31 об.

[3] Там же. 1808. № 49. Л. 201; 1810. № 1. Л. 2 об.

[4] Посещение Александра I запечатлено на гравюре К. Ухтомского по рисунку почетного библиотекаря И. Иванова.

[5] Арх. ГПБ. 1813. № 3. Л. 5.

[6] Там же. Л. 11.

[7] Там же. Л. 11 об.

[8] Описание торжественного открытия... С. 187.

[9] Хроника недавней старины: Из арх. кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого. Спб., 1876. С. 199.

[10] В Библиотеке было проведено четыре торжественных вечера: в 1814, 1815, 1816, 1817 гг. На втором—четвертом вечерах Красовский читал извлечения из отчета за предшествующий год. На втором Лобанов прочел «Послание к русским писателям» в стихах, Греч—«Обозрение русской литературы (словесности) 1814 г.». На третьем: Гнедич—«Рассуждение о вкусе, его свойствах и о влиянии на язык и нравы народов», Крылов—басни «Пруд и река», «Лиса-строитель», «Мартышка и зеркало». На четвертом: Гнедич—«Рождение Омера», Греч—«Обозрение российской словесности за 1815 и 1816 гг.», Крылов—басни «Кукушка и Горлинка», «Сочинитель и разбойник», «Похороны».

[11] Спб. ведомости. 1815. № 3. 8 янв.

[12] Арх. ГПБ. 1810. № 1. Л. 32.

[13] Там же. 1813. № 3. Л. 54 об.

[14] Там же. Л. 30.

[15] Там же. 1815. Оп. 1аа. № 9. Л. 34.

[16] П.. Г. Письмо к издателям//Сын Отечества. 1814. № 14. С. 74.

[17] Арх. ГПБ. 1815. Оп. 1а. № 9. Л. 54 об.

[18] Акты, относящиеся до нового образования имп. Библиотеки. Спб., 1812. С. 26 (далее: Акты... С.).

[19] Там же. С. 43—44.

[20] Арх. ГПБ. 1813. № 3. Л. 44 об.

[21] Акты ... С. 45.

[22] Арх. ГПБ. 1817. Оп. 1а. № 5. Л. 19 об.

[23] Описание торжественного открытия... С. 165—167.

[24] Арх. ГПБ. 1814. Оп. 1а. № 2. Л. 70 об.

[25] Там же. 1813. № 3. Л. 50.

[26] Там же.

[27] П. Г. Письмо к издателям//Сын Отечества. 1814. № 14. С. 75—76.

[28] П. Г. Письмо к издателям//Там же. С. 75; см. также: Рус. пустынник или наблюдение отечественных нравов. Спб., 1817. Ч. 2, № 24. С. 200.

[29] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 475.

[30] Там же. Ед. хр. 477.

[31] Арх. ГПБ. 1813. № 3. Л. 53, 54.

[32] Там же. 1815. Оп. 1а. № 9. Л. 86.

[33] Там же. 1812. № 3. Л. 1 об.

[34] Известие об имп. Библиотеке//Воен. журн. 1811. № 13. С. 64.

[35] Рус. пустынник или наблюдение отечественных нравов. Спб., 1817. Ч. 2, № 24. С. 193.

[36]. Ефимова Н. А. Читатели Публичной библиотеки в Петербурге и организация их обслуживания в 1814—1917//Тр./ГПБ. 1958. Т. 6. С. 18.

[37] Отчет... за 1817 г. С. 20.

[38] Там же. С. 21.

[39] Арх. ГПБ. 1817. Оп. 1а. № 14.

[40] Там же. 1817. Оп. 1а. № 6а. Л. 170—171. Непонятно, почему в книге «Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914» (Спб., 1914. С. 94) указано, что читательница впервые появилась в Библиотеке в 1831 г.

[41] Там же. 1819. № 32. Л. 42.

[42] Фортунатов Ф. Н. Воспоминання о Санкт-Петербургском университете 1830—1833. М., 1869. С. 36.

[43] Отчет... за 1816 г. С. 21.

[44] То же... за 1817 г. С. 27.

[45] Имп. Публичная библиотека за сто лет... С. 94.

[46] Арх. ГПБ. 1840. № 5. Л. 5 об.

[47] Отчет... за 1817 г. С. 31—32..

[48] Белинский В. Г. [Рец. на кн.:] Руководство к всеобщей истории. Сочиненне Фридриха Лоренца. Ч. 1. Санкт-Петербург. 1841//Поли. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 90.

[49] Отчет... за 1816 г. С. 62.

[50] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 90. Л. 24.

[51] Арх. ГПБ. 1836. Оп. 1а. № 1. Л. 6 об.

[52] Три книгопродавца минувшего века//Библиограф. 1892. № 1. С. 40—41.

[53] Булгарин Ф. Соч. 2-е изд. Спб., 1830. Ч. 1. С. 135—136.

[54] Рус. арх. 1864. № 7/8. С. 812—813.

[55] Арх. ГПБ. 1835. № 22. Л. 1—2.

[56] Хотяков Я. И. Справочно-библиографическая работа Публичной бнблиотеки в Петербурге в 1814—1917 гг.//Тр./ГПБ. 1958. Т. 7. С. 18—25 (далее: Хотяков Я. И. Справочио-библиографическая работа... С.).

[57] Пржецлавский О. А. Воспоминания, 1818—1831//Рус. старина. 1874. Т. 11, № 11. С. 475.

[58] Арх. ГПБ. 1817. Оп. 1а. № 1. Л. 15; 1819. № 15. Л. 1; 1822. № 5. Л. 9; 1823.. № 19. Л. 1, 19; 1836. № 111. Л. 1.

[59] Там же. 1829. № 11. Л. 9—11.

[60] Там же. 1836. № 35. Л. 1; 1847. № 18. Л. 6.

[61] Там же. 1837. № 8. Л. 7.

[62] Там же. 1842. № 15. Л. 6.

[63] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 211. Л. 18.

[64] Оленин А. Н. Письмо митрополиту Евгению//Библиограф. 1899. № 2. С. 61—64.

[65] Арх. ГПБ. 1834. № 26. Л. 2—2 об.

[66] Там же. 1829. № 11. Л. 16—17.

[67] Там же. 1814. Оп. 1а. № 2. Л. 2 об.

[68] Там же. 1821. Оп. 1а. № 1. Л. 69.

[69] Там же. 1827. № 15. Л. 4.

[70] Там же. 1820. Оп. 1а. № 1. Л. 120—120 об.

[71] Там же. 1829. № 29. Л. 3; 1820. № 17. Л. 18.

[72] Там же. 1831. № 13.

[73] Имп. Публичиая библиотека за сто лет... С. 157.

[74] Арх. ГПБ. 1813. Оп. 1а. № 9.

[75] Хотя из письма Ермолаева к Востокову явствует, что Ермолаев брал на дом рукописи. См.: Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке/Примеч. И. Срезневского. Пб., 1873. С. XXVIII.

[76] П. М. Строев по поручению Академии наук организовал в 1829 г. археографическую экспедицию, длившуюся 6 лет и обогатившуюся огромным количеством древних грамот и актов.

[77] Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том «чему свидетель в жизни был»: Зап. и дневиик (1804—1877). 2-е изд. Спб., 1904 (обл. 1905). Т. 1. С. 205 (далее: Никитенко А. В. Моя повесть... С.).

[78] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 482. Л. 24 об.

[79] Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802—1902. Спб., 1902. С. 166.

[80] Никитенко А. В. Моя повесть... С. 267.

[81] Загоскин М. Н. Одно утро в имп. С.Петербургской Публичной библиотеке//Атеней. 1828. Ч. 1. С. 54, 52, 63.

[82] Пржецлавский О. А. Воспоминания, 1818—1831//Рус. старина. 1874. Т. 11, № 111. С. 476.

[83] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря//Ист. вестн. 1889. № 10. С. 81.
[84] Арх. ГПБ. 1834. № 15. Л. 2 об.
[85] Там же. 1836. № 22. Л. 1.
[86] Там же. 1817. Оп. 1а. № 1. Л. 23.
[87] Там же. 1836. № 22. Л. 1 об.
[88] Там же. 1830. Оп. 1а. № 1. Л. 18.
[89] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 483. Л. 2.
[90] Арх. ГПБ. 1838. № 26. Л. 4.
[91] Хотяков Я. И. Справочно-библнографическая работа... С. 21.
[92] Арх. ГПБ. 1829. № 29. Л. 5 об.
[93] Имп. Публичная библиотека за сто лет... С. 94.
[94] Оленин А. Н. Публнчные библиотеки в Париже и Публичная библнотека в Санкт-Петербурге: Письмо к изд. «Сев. пчелы» Н. И. Гречу. Спб., 1832. С. 3, 9, 10, 11.
[95] Там же. С. 19. Чтобы стать читателем Библнотеки Британского музея, нужно было иметь особую рекомендацию-поручительство.

«Знакомством, дружбой и родством»

[1] Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружкн и салоны. Л., 1929. 310, [2] с.
[2] Стасов В. Воспомннания о моей сестре//Книжкн недели. 1896. № 1. С. 205.
[3] [Греч Н. И.] Пчелка: Газ. заметки//Сев. пчела. 1857. № 137. 24 июня.
[4] [Уваров С. С.] Литературные воспомннания//Современник. 1851. Т. 27, № 6, отд. 2. С. 40. Подпись: А. В.
[5] Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 303, 407, (Лит. памятники).
[6] Каменская М. Ф. Воспоминания//Ист. вестн. 1894. № 5. С. 337.
[7] Керн А. П. Воспомннания. Дневники. Переписка. М., 1947. С. 29.
[8] Соллогуб В. А. Воспоминання. М., 1866. С. 5.
[9] Солнцев Ф. Г. Моя жнзнь и художественно-археологические труды. Спб., 1876. С. 34.
[10] Толстой Ф. П. Записки//Рус. старнна. 1873. Т. 7, № 2. С. 133.
[11] Там же.
[12] Литке Ф. П. Автобиографня//Зап. нмп. Акад. наук. 1888. Т. 57. С. 77.
[13] [Уваров С. С.] Литературные воспоминання//Современннк. 1851. Т. 27, № 6, отд. 2. С. 40. Подпись: А. В.; Л. В. Тимофеев в своей книге «В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина» (Л., 1983. С. 38) говорит, что дом Оленина был открыт посетителям по воскресным дням, хотя современники в своих воспоминаннях постоянно подчеркивают, что посещать этот дом можно было каждый вечер.
[14] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 60.
[15] Там же. Ед. хр. 612. Л. 6 об.
[16] Каменская М. Ф. Воспоминання//Ист. вестн. 1894. № 5. С. 337.
[17] Майков Л. Н. О жизни и сочннениях К. Н. Батюшкова//Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1887. Т. 1. С. 50.
[18] [Уваров С. С.] Литературные воспоминания//Современник. 1851. Т. 27, № 6. Отд. 2. С. 39. Подпись: А. В.
[19] Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1864. Т. 4. С. 138.
[20] Жуковский В. А. Письмо А. П. Киреевской от 11 июня 1815 г.//Уткинский сборник. М., 1904. С. 13.
[21] Подробно об этом см.: Тимофеев Л. Н. В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л., 1983.
[22] [Пыпин А. Н.] Меценаты и ученые Александровского времени//Вестн. Европы. 1888. Т. 5. С. 721. Подпись: А.В-н
[23] Как отмечал П. Анненков в книге «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, 1799—1826 гг.» (Спб., 1874. С. 121), Оленин, «будучи родственником и почитателем

Г. Р. Державина, разумеется, склонялся на сторону „Беседы“».

[24] Майков Л. Н. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова//Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1887. Т. 1. С. 133.

[25] Греч Н. И. Записки о моей жизни. Спб., 1888. С. 409. «Арзамас» был основан в 1815 г. как пародия на «Беседу». В него входили Жуковский, Вяземский, Блудов, Уваров, Батюшков, Вигель, Жихарев, Орлов, Муравьев, А. Тургенев, Н. Тургенев, А. Пушкин и др.

[26] Тургенев Н. И. Дневники и письма за 1816—1824 годы. Пг., 1921. Т. 3. С. 17.

[27] Там же. С. 18.

[28] Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 213.

[29] Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 198.

[30] Там же. С. 208.

[31] Там же. С. 203.

[32] Анненков П. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. Спб., 1874. С. 121.

[33] Майков Л. Н. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова//Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1887. Т. 1. С. 57.

[34] Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1886. Т. 3. С. 395.

[35] Там же. С. 90.

[36] Там же. С. 115, 132, 143, 146, 154.

[37] Там же. С. 173.

[38] Там же. С. 194.

[39] Там же. С. 211.

[40] Там же. С. 425.

[41] Там же. С. 444—445.

[42] ГПБ. ОРиРК. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 5.

[43] Анненков П. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. Спб., 1874. С. 121.

[44] Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина//Пушкин: Временник Пушкин. комис. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 129.

[45] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 7. С. 47.

[46] Там же. Т. 10. С. 26.

[47] Трефолов Л. Рассказы об Ярославской старине. IX: Крылов и Пушкин по рассказам ярославцев//Рус. арх. 1877. № 12. С. 402.

[48] [Карлгоф Е. А.] Жизнь прожить не поле перейти: Зап. неизвестной// Рус. вестн. 1881. № 9. С. 156.

[49] Пушкин А. С. «Песнь о полку Игореве»//Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 7. С. 501.

[50] Рукою Пушкина: Несобр. и неопубл. тексты. М.; Л., 1935. С. 585, 773.

[51] Пушкин А. С. Письма/Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 3. 1831—1833. М.; Л., 1935. С. 582.

[52] Греч Н. И. Записки о моей жизни. Спб., 1888. С. XLIII.

[53] Георгиевский Г. П. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского арх.//Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук. 1914. Т. 91. С. 125.

[54] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 81, 99.

[55] Медведева И. Н. Н. И. Гнедич//Гнедич Н. И. Стихотворения. 2-е изд. Л., 1956. С. 21—22. (Б-ка поэта. Большая сер.).

[56] Пиксанов Н. Дворянская реакция на декабристов (1825—1827)//Звенья. М.; Л., 1933. Сб. 2. С. 155—156.

[57] Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд. М.; Л., 1931. С. 125.

[58] Прийма Ф. Я. Пушкин и кружок А. Н. Оленина//Пушкин: Исслед. и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 240.

[59] Герцен А. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 214.

[60] Дневник Аниы Алексеевны Олениной (1828—1829)/Предисл. и ред. О. Н. Оом. Париж, 1936. С. 76—77 (далее: Дневник Анны Алексеевны Олениной... С.).
[61] Пиксанов Н. Дворянская реакция на декабристов (1825—1827)//Звенья. М.; Л., 1933. Сб. 2. С. 156.
[62] Дневник Анны Алексеевны Олениной... С. 75.
[63] Козмин Н. К. Пушкин и Оленин//Сборник Пушкинского дома на 1923 г. Пг., 1922. С. 34.
[64] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 6. С. 512.
[65] Арх. ГПБ. 1831. № 3. Л. 19.
[66] Отношение имп. Публичной библиотеки//Лит. наследство. 1934. Т. 16/18. С. 614.
[67] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 341.
[68] ГПБ. ОРиРК. И. П. Быстров. Л. 2.
[69] Пушкин А. С. Письма/Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 3. 1831—1833. М.; Л., 1935. С. 583.
[70] Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Спб., 1910. С. 331.
[71] Арх. ГПБ. 1838. «Дело о выдаче денег».
[72] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3618 А 2/3.
[73] Майков Л. Н. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова//Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1887. Т. 1. С. 144.
[74] ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 4. Ед. хр. 48. Л. 5.
[75] Там же. Л. 9 об.
[76] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 745. Первая строка написана над зачеркнутыми словами: «Чтобы покрыть Крылова».
[77] Там же. Ед. хр. 729.
[78] «Сим местом могли быть удовлетворены скромные желания мои: хорошая квартира с дровами, полторы тысячи рублей ассигнациями жалования и занятия по вкусу, вот что, по тогдашнему мнению моему, казалось достаточным на целую жизнь»//Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 4. С. 142.

Дело с Вигелем расстроилось, как сообщает А. Круглый, якобы из-за литературных отношений. На место, ему обещанное, был определен В. Аткинсон, сын английской няньки, воспитавшей детей у Оленина (Круглый А. М. Е. Лобанов и его отношения к Гнедичу и Загоскину//Ист. вестн. 1880. № 8. С. 669—670).

«Любитель и знаток древностей»

[1] Греч Н. И. Записки о моей жизни. Спб., 1886. С. 172.
[2] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 350.
[3] Мартынов И. Ф. О библиотеке екатерининского пажа: Кат. кн. Алексея Оленина, 1775//Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1977. М., 1977. С. 155—159.
[4] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 69 об.
[5] Там же. Л. 68 об.
[6] Там же. Л. 68.
[7] Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 999; Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым. Спб., 1902. С. 73.
[8] Арх. ГПБ. 1825. Оп. 1а. Ед. хр. 10. Л. 51.
[9] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 142.
[10] Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М., 1866. Ч. 2. С. 39—40.
[11] Оленин А. Н. Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году. Спб., 1806. С. 2.
[12] Стояновский Н. И. Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина. Спб., 1881. С. 5—6.
[13] Арх. ГПБ. 1810. № 59. Л. 10.
[14] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623, 2/1. Л. 4.

[15] Там же. Л. 6.

[6] Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 75—76.

[17] Оленин А. Краткое рассуждение о издании полного собрания русских деепиcателей//Сын Отечества. 1814. Ч. 12, № 7. С. 6.

[18] Оленин А. Краткое историческое сведение о состоянии имп. Академии художеств: С 1764 г. по 1829 г. Спб., 1829. С. 63.

[19] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 474. Л. 1 об.

[20] Там же. Л. 2, 2 об., 3.

[21] Там же. Ед. хр. 27. Л. 9.

[22] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3627/3.

[23] Сын Отечества. 1814. Ч. 12, № 7. С. 11.

[24] Там же. С. 14.

[25] Там же. С. 18—19. Слова эти взяты из басни Крылова «Старик и трое молодых». Оленин часто использовал в своих работах и письмах строки из крыловских басен.

[26] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3919, III 1/1.

[27] Там же. Р. А. 8.51. Л. 2.

[28] Там же. Л. 2 об.

[29] Там же.

[30] Там же. Л. 3.

[31] Там же. Л. 11 об.—12.

[32] Там же. Л. 9.

[33] Там же. Л. 23.

[34] Арх. ГПБ. 1815. № 9. Л. 6.

[35] Бычков А. Ф.//Журн. М-ва нар. просвещения. 1850. Ч. 65, отд. 5. С. 17.

[36] Там же. С. 25.

[37] Погодин М. Год в чужих краях (1839): Дорож. дневник. М., 1844. Ч. 1. С. 8.

[38] Арх. ГПБ. 1818. № 12. Л. 1, 1 об. Речь шла об Изборнике Святослава 1073 г.

[39] Там же. Л. 9—9 об.

[40] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 130. Л. 1.

[41] Оленин А. Н. Письмо к Г. И. Спасскому//Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 9. С. 345.

[42] Там же. С. 346.

[43] Сухомлинов М. И. История Российской академии. Спб., 1885. Вып. 7. С. 156 (далее: Сухомлинов М. И. История Российской академии... С.).

[44] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 145.

[45] Там же. Ед. хр. 317.

[46] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3622/10. Л. 1 об., 2, 2 об., 3, 5.

[47] Арх. ГПБ. 1833. № 3. Л. 12 об.

[48] Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды. Спб., 1876. С. 51.

[49] Калугин В. «Древности» Ф. Г. Солнцева//Альм. библиофила. 1982. Вып. 13. С. 150.

[50] Прийма Ф. Я. Наблюдения А. Н. Оленина над «Словом о полку Игореве»//Тр. Отд-ния древнерус. лит. 1953. Т. 9. С. 44. (Ин-т рус. лит-ры. Пушкинский дом).

[51] Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 437. (Лит. памятники).

[52] Об этих подделках см.: Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века//Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 62—74.

[53] Имп. Публичная библиотека за сто лет... С. 63.

[54] Представление директора Публичной библиотеки о напечатании славяно-русского словаря и «Опыта Российской библиографии», издаваемого Сопиковым// Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1921. Т. 2. С. 179—181.

[55] Сухомлинов М. И. История Российской академии... С. 155.

[56] Там же. С. 156.
[57] ГПБ. ОРиРК. Ф. 291. Оп. 1а. Ед. хр. 119. Л. 3.
[58] Оленин А. Н. Археологические труды. Спб., 1882. Т. 2. С. 9.
[59] Там же. Спб., 1881. Т. 1, вып. 2. С. [3].
[60] Сухомлинов М. И. История Российской академии... С. 151.
[61] [Уваров С. С.] Литературные воспоминания//Современник. 1851. Т. 27, № 6, отд. 2. С. 39. Подпись: А. В.
[62] Оленин А. Н. Письмо к Г. И. Спасскому//Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 9. С. 345.
[63] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623. 2/1. Л. 1.

Вместо заключения

[1] Свербеев Д. Н. Записки (1799—1826). М., 1899. Т. 2. С. 355.
[2] Оленин А. Н. Письмо Голицыну от 18 августа 1822 (ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 90. Л. 25).
[3] Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 4. С. 144.
[4] Там же. С. 145.
[5] «О починке креста ангела (без лесов) на шпице Петропавловского собора в С.Петербурге» (Спб., 1831. 9 с.). Поводом послужил ремонт кровельщиком Телушкиным креста и ангела-флюгера на Петропавловском соборе, который он осуществил без постройки лесов.
[6] Оленин А. Н. Письма М. М. Сперанскому от 30 окт. 1821 г. (ГПБ. ОРиРК. Ф. 731. Ед. хр. 2143. Л. 1—1 об.).
[7] Там же. Ф. 542. Ед. хр. 52. Л. 1—4 об.
[8] Арх. ГПБ. 1816. № 3. Л. 13—13 об.
[9] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 90. Л. 25—26.
[10] Там же. Л. 37.
[11] Император гневался на Оленина за то, что тот не сообщил о «непристойном» поведении вице-президента Академии художеств А. Ф. Лабзина, выступившего против принятия в 1822 г. в почетные любители управляющего Министерством внутренних дел графа В. П. Кочубея, министра финансов графа Д. А. Гурьева, генерал-инспектора всей пехоты и артиллерии А. А. Аракчеева.
[12] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 98 об.
[13] Арх. ГПБ. 1831. № 26. Л. 106.
[14] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 363. Л. 1 об.
[15] Спб. ведомости. 1843. № 86. 21 апр. Подпись: С. П.; Моск. ведомости. 1843. № 49. 24 апр. Служащий канцелярии Академии художеств Александр Реймарс в стихотворении «На смерть Оленину» писал:
«Он сам был Поэтом в душе вдохновенной
Хоть может быть пышных стихов не слагал
За то очень часто огонь свой священный
В беседе полезной в других поселял» (ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 594).
[16] Арх. ГПБ. 1808. № 49. Л. 177.
[17] Отчет... за 1814 г. С. 5.
[18] Арх. ГПБ. 1815. Оп. 1а. № 9. Л. 22.
[19] Отчет... за 1816. С. 15.
[20] Арх. ГПБ. 1814. № 4. Л. 10.
[21] Там же. 1815. № 15. Л. 9 об.
[22] ГПБ. ОРиРК. Арх. С. Н. Шубинского. Оп. 2. Ед. хр. 236. Л. 25.
[23] Минцлов Р. И. Имп. Публичная библиотека//Сев. пчела. 1851. № 161. 20 июля.
[24] Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа//Рус. старина. 1899. Т. 100, № 11. С. 269—272.
[25] Там же. С. 272.
[26] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 67—67 об.
[27] Там же. Л. 69 об.
[28] Там же. Ед. хр. 977.
[29] Арх. ГПБ. 1817. Оп. 1а. № 5. С. 23.

«Память его незабвенна для русской библиографии»

[1] Арх. ГПБ. 1811. № 4. Л. 3.

[2] Там же. Л. 4.

[3] Древняя и новая Россия. 1881. № 2. С. 316.

[4] В биографии Сопикова, написанной Е. Болховитиновым, сказано: «около 1792 года переселился в Петербург»//Сов. библиогр. 1973. № 6. С. 46.

[5] Быстров И. П. Биографические и библиографические заметки. II В. С. Сопиков//Сев. пчела. 1848. № 196. 2 сент.

[6] Сев. вестн. 1804. № 7, 8, 11; 1805. № 3, 6.

[7] Любитель словесности. 1806. № 6, 11.

[8] Эйхенгольц А. Д. В. С. Сопиков—основоположник русской библиографии//Сов. библиогр. 1949. № 1. С. 61.

[9] Берков П. Н. Идеологическая позиция В. С. Сопикова в «Опыте российской библиографии»//Сов. библиогр. 1933. № 1/3. С. 150.

[10] Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955. С. 174.

[11] ГПБ. ОРиРК. Ф. 76. Ед. хр. 227.

[12] Там же.

[13] Оксман Ю. Г. Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века//Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 500.

[14] По утверждению Е. Болховитинова, Сопиков приступил к составлению библиографии в 1805 г. (Сов. библиогр. 1973. № 6. С. 46).

[15] Письма митрополита киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу//Рус. арх. 1889. № 6. С. 374.

[16] Арх. ГПБ. 1811. № 4. Л. 8—10 об.

[17] Там же. Л. 8.

[18] Там же. 1812. № 23. Л. 2.

[19] Там же. № 11. Л. 59—59 об.

[20] ГПБ. ОРиРК. Ф. 696. Ед. хр. 169. Л. 2.

[21] Арх. ГПБ. 1812. № 11. Л. 74—74 об.

[22] Там же. Л. 83.

[23] Там же. № 23. Л. 26.

[24] Там же. Л. 17.

[25] Сын Отечества. 1813. Ч. 9, № 48. С. 115, 125.

[26] Древняя и новая Россия. 1880. № 10. С. 338.

[27] Сухомлинов М. Библиограф В. С. Сопиков//Там же. 1876. № 1. С. 66.

[28] Ч. 2 «Опыта» вышла в 1814 г., ч. 3—в 1815, ч. 4—в 1816.

[29] Брискман М. А. В. Г. Анастасевич (1775—1845). М., 1958. С. 165.

[30] Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955. С. 176.

[31] «Предуведомление» ко 2-й части «Опыта российской библиографии...». Спб., 1814. С. VIII.

[32] Орлов В. Н. Русские просветители 1790—1800 годов. 2-е изд. М., 1953. С. 233.

[33] Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955. С. 181.

[34] Берков П. Н. Идеологическая позиция В. С. Сопикова в «Опыте российской библиографии»//Сов. библиогр. 1933. № 1/3. С. 143.

[35] Зап. имп. Акад. наук. 1883. Т. 45. Прил. № 2. С. 22.

[36] Там же. С. 24.

[37] Сопиков В. С. Письмо Калайдовичу от 29 дек. 1816//Библиогр. зап. 1861. Т. 17. С. 550—551.

[38] ИРЛИ. Ф. Щ. Оп. 1. Ед. хр. 1954.

[39] «Идти по стопам славнейших иностраных библиографов, как-то Дебюри и прочих» (Арх. ГПБ. 1811. № 4. Л. 9).

[40] Зап. имп. Акад. наук. 1883. Т. 45. Прил. № 2. С. 16.
[41] Там же. С. 14.
[42] Соврем. наблюдатель рос. словесиости. 1815. № 15. С. 85—86.
[43] О Российской литературе, статья Самуила Линде, ректора Варшавского лицея//Вестн. Европы. 1816. № 22. С. 110—136; № 23. С. 230—254.
[44] Сопиков В. С. Письмо К. Ф. Калайдовичу от 29 декабря 1816 г.//Библиогр. зап. 1861. Т. 17. С. 550, 551, 552.
[45] Древняя и новая Россия. 1880. № 10. С. 625.
[46] Рус. арх. 1889. № 7. С. 374.
[47] Материалы для истории просвещеиия в России. 1818. № 1. С. 63—64.
[48] Сопиков В. С. Завещание/Публ. А. П. Толстякова//Сов. библиогр. 1973. № 6. С. 42.
[49] Рус. арх. 1889. № 5. С. 70.
[50] Там же. № 7. С. 330.
[51] Там же. С. 387.
[52] Библиогр. листы. 1825. № 3. С. 35.
[53] Материалы для истории просвещения, собираемые Петром Кеппеном. 1819. № 1. С. 64; Сборник статей, читанных в Отд-иии рус. яз. и словесности имп. Акад. иаук. 1888. Т. 5., вып. 1. С. 47.
[54] Арх. ГПБ. 1810.. № 59. Л. 5.
[55] Полторацкий С. Д. Материалы для словаря русских писателей//Рус. вести. 1858. Т. 18, № 11, ки. 2. С. 196.
[56] Соболевский С. Новые явления в русской библиографии//Рус. арх. 1869. № 5. С. 923.
[57] Арх. ГПБ. 1820. № 26. Л. 4 об.—11.
[58] Сопиков В. С. Завещаиие/Публ. А. П. Толстякова//Сов. библиогр. 1973. № 6. С. 44—45.
[59] Там же. С. 45.
[60] Арх. ГПБ. 1820. № 26. Л. 15—15 об. Эти деньги были предназначены для вознаграждеиия членов Строительного комитета. См.: Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. Спб., 1914. С. 154.
[61] Толстяков А. П. [Предисловие к публикации «Завещания» В. С. Сопикова]//Сов. библиогр. 1973. № 6. С. 41.
[62] Отчет ... за 1815 г. С. 26.
[63] То же ... за 1816 г. С. 50.
[64] Арх. ГПБ. 1814. № 16. Л. 4 об.
[65] Там же. 1820. Оп. 1а. № 1. Л. 94 об.
[66] Там же. 1815. № 5. Л. 14—14 об.
[67] Там же. Л. 12—13.
[68] Там же. 1812. № 22. Л. 5.
[69] Зап. имп. Акад. наук. 1883. Т. 45. Прил. № 2. С. 8—9.
[70] Там же. С. 6.
[71] Сопиков знал и французские рукописи. Он подарил Библиотеке 19 списков произведений французских авторов.
[72] Дмитриев Л. А. История открытия рукописи «Слово о полку Игореве»//«Слово о полку Игореве»— памятник XII в. М.; Л., 1962. С. 415—416.
[73] Тр./ГПБ. 1957. Т. 3(6). С. 246.
[74] Там же. С. 247.
[75] Там же. С. 246.
[76] Письма В. С. Сопикова к К. Ф. Калайдовичу/Сообщ. И. Шляпкин//Зап. имп. Акад. наук. 1883. Т. 45, прил., № 2. С. 17.
[77] Представления директора Публичной библиотеки о напечатании славяно-русского словаря и «Опыта Российской библиографии», издаваемого Сопиковым//Описание дел архива Миинистерства народного просвещения. Пг., 1921. Т. 2. С. 180.
[78] Зап. нмп. Акад. наук. 1883. Т. 45. Прил. № 2. С. 19—20.
[79] Там же. С. 19.
[80] Там же.
[81] «... Вас прошу не почитать себя мне должным из уверения к вашей дружбе и

обстоятельствам неблагоприятствующим, несмотря на то, что я сам нуждаюсь»,— писал он 6 октября 1816 г. Калайдовичу//Там же. С. 25.

[82] Там же. С. 13; Арх. ГПБ. 1812. № 4. С. 40.

[83] Арх. ГПБ. 1812. № 4. Л. 40—40 об.

[84] Там же. 1811. № 4. Л. 42 об.

[85] Мартынов И. Ф. Новое о В. С. Сопикове//Книжное дело Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Л., 1981. С. 27.

[86] Болховитинов писал Анастасевичу 11 октября 1820 г.: «Хорошо, что вы хотите прибрать к себе тетради покойного Сопикова. Черно авторов лучше белого открывает труд нх»//Рус. арх. 1889. № 7. С. 374.

[87] Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. Спб., 1889. Т. 1, вып. 1. С. 524.

[88] Брискман М. А. В. Г. Анастасевич (1775—1845). М., 1958. С. 195.

[89] Эйхенгольц А. Д. В. С. Сопиков — основоположник русской библиографии//Сов. библиогр. 1949. № 1. С. 58.

[90] Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд. М., 1955. С. 182.

[91] Эйхенгольц А. Д. Сопиков и его влияние на развитие русской библиографии//Сов. библиогр. 1973. № 6. С. 67.

[92] Лнт. газ. 1842. № 22. С. 453.

Иван Андреевич Крылов

«Этот человек загадка, и великая...»

Оленинское содружество

[1] По новейшим данным датой рождения И. А. Крылова считается 2(13) февраля 1769 г. (см.: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 377. (Сер. лит. мемуаров)).

[2] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 249. Л. 4.

[3] Лобанов М. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. Спб., 1847. С. 70.

[4] Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891. Ч. 1. С. 135.

[5] Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 199.

[6] Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1887. Т. 1. С. 374.

[7] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 876. Л. 14 об.—15.

[8] Там же. Ед. хр. 877. Л. 121.

[9] Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 3. С. 152—154.

[10] Кеневич В. Ф. Материалы для биографии Крылова//Сборник статей, читанных в Отд-нии рус. яз. и словесности имп. Акад. наук. Спб., 1869. Т. 6. С. 304 (паг. 2-я). Далее: Кеневич В. Ф. Материалы для биографии ... С.

[11] Там же. С. 336.

[12] Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова//Крылов И. А. Полн. собр. соч. Спб., 1847. Т. 1. С. XLVIII.

[13] ИРЛИ. Р1. Оп. 5. Ед. хр. 56. Л. 7 об.

[14] Отчет в управлении имп. Публичною библиотекою, представленный за 1814 г. Спб., 1815. С. 22 (далее: Отчет ... за ... г. С.).

[15] В Публичной библиотеке (в ОРиРК) хранится экземпляр с проложенными между страницами чистыми листами, на которых Крылов отмечал изменения. Известно, что Крылов по многу раз переделывал одну и ту же басню и удовлетворялся лишь тогда, когда в ней не оставалось ни одного слова, которое, как он выражался, «ему приедалось».

[16] Речь шла о басне «Сочинитель и разбойник», в которой был усмотрен намек на Вольтера (Journal de Paris. 1824, 2 janv.).

[17] Кеневич В. Ф. Материалы для биографии... С. 304.

[18] Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды. Спб., 1876. С. 37—38.

[19] Лобанов М. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. Спб., 1847. С. 70.

[20] Около 300 экз. с гравюрами, а остальные лишь с портретом автора. Около 100 экз. так называемых «подносных».

[21] Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Спб., 1885. Вып. 7. С. 68.
[22] Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 208.
[23] Кеневич В. Ф. Материалы для биографии... С. 303.
[24] Герцен А. И. Собр. соч. М., 1956. Т. 7. С. 194.
[25] Гуковский Г. А. И. А. Крылов//Крылов И. А. Басни. Л., 1935. С. 17—18. (Б-ка поэта).
[26] Бестужев А. Взгляд на старую и новую словесиость//Полярная звезда на 1823 г. Спб., 1823. С. 21.
[27] ГПБ. ОРиРК. Арх. Тиханова. Ед. хр. 787. Папка 1. Л. 62—63 об.
[28] Там же. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 120.
[29] Бестужев-Марлинский А. Полн. собр. соч. 1840. Ч. 11. С. 306—307.
[30] Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891. Ч. 1. С. 135.
[31] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 875. Л. 4.
[32] Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1926. Т. 1. 1815—1825. С. 123.
[33] Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве/Сообщил В. Е. Якушкин//Рус. старина. 1884. Т. 44, № 11. С. 351.
[34] Трефолов Л. Рассказы об Ярославской старине. IX. Крылов и Пушкин по рассказам ярославцев//Рус. арх. 1877. № 12. С. 402.
[35] [Карлгоф Е. А.] Жизнь прожить не поле перейти: Зап. неизвестной//Рус. вестн. 1881. № 9. С. 156.
[36] Пушкин и его современникн. Спб., 1908. Вып. 8. С. 83.
[37] Предисловне г. Лемонтея к изданню басен Крылова с французскими и итальянскимн переводами//Сын Отечества. 1825. № 14. С. 178.
[38] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. н писем: В 28 т. М.; Л., 1967. Т. 14. С. 79—90.
[39] ГПБ. ОРнРК. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 118 об.; Кеневич В. Рассказы о Крылове// Рус. старина. 1870. № 3. С. 87; Керн А. П. Воспоминания. Л., 1929. С. 270.
[40] Плетнев П. А. Жнзнь и сочинення Ивана Андреевича Крылова//Крылов И. А. Полн. собр. соч. Спб., 1847. Т. 1. С. LXVII—LXVIII.
[41] Там же. С. LIII.
[42] Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе н о том, «чему свндетель в жизни был»: Зап. и дневник (1804—1877). 2-е изд. Спб., 1904 (обл. 1905). Т. 1. С. 261.
[43] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 121.
[44] Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1883. Т. 8. С. 454—455.
[45] Быстров И. П. Отрывки нз записок моих об Иваие Андреевиче Крылове.//Сев. пчела. 1846. № 64. 20 марта.
[46] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 875. Л. 8 об.
[47] Материалы для истории русской книжной торговли. Спб., 1879. С. 66.
[48] ГПБ. ОРнРК. Ф. 119. Ед. хр. 4. Л. 1—2.
[49] Терновский Н. М. И. А. Крылов, историческое, общественное и литературное его значение и язык басеи. Вороиеж, 1896. С. 81.
[50] Лнт. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 1000.
[51] Арх. ГПБ. 1815. Оп. 1а. № 9. Л. 31 об.
[52] Быстров И. П. Отрывкн из записок моих об Иване Андреевиче Крылове//Сев. пчела. 1845. № 203. 11 сент.
[53] Плетнев П. А. Отчет нмп. Академии наук по отделению русского языка и словесности, чнтанный 29 декабря 1844 года в публичиом собрании Академии//ЖМНП. 1844. Ч. 45, отд. 3. С. 25.

Легенды и действительность

[1] Так, в кнනге Н. Л. Степанова «И. А. Крылов: Жнзнь н творчество» (М., 1958) на с. 149 сказано, что Дельвиг стал помощннком Крылова «после ... отставки» Сопикова. В действнтельности же после отставкн Загоскнна. И Сопиков умер, но не был в отставке. О. Пржецлавский никогда ие служил «вместе с Крыловым», а был чнтателем Публичной бнблиотеки и т. п.
[2] Бабинцев С. М. И. А. Крылов: Очерк его изд. н бнбл. деятельностн. М., 1955. 90 с.
[3] Плетнев П. А. Жизнь н сочинення Ивана Андреевнча Крылова//Крылов И. А. Полн. собр. соч. Спб., 1847. Т. 1. С. LXIV; Каллаш В. В. И. А. Крылов: Биогр.

очерк//Крылов И. А. Полн. собр. соч. Спб., 1904. Т. 1. С. XII—XIV.

[4] Плетнев П. А. Указ. соч. С. LXIV.

[5] Сергеев И. В. Иван Андреевич Крылов. М., 1945. С. 188.

[6] Арх. ГПБ. 1812. № 8. Л. 2.

[7] Там же. 1814. № 1. Л. 14.

[8] Крылов И. А. Перечень письма в Москву от 12 марта 1814 г.//Сын Отечества. 1814. № 13. С. 37—38; То же//Крылов И. А. Полн. собр. соч. М., 1946. Т. 3. С. 348.

[9] Арх. ГПБ. 1812. № 8. Л. 4.

[10] Быстров И. П. Отрывки из записок моих об Иване Андреевиче Крылове.//Сев. пчела. 1846. № 63. 19 марта.

[11] ГПБ. ОРиРК. Ф. 550. Ед. хр. F. XVIII. Л. 14.

[12] Бабинцев С. М. И. А. Крылов: Очерк его изд. и библ. деятельности. М., 1955. С. 59. Автор ошибается, считая, что Крылов предвосхитил введение шифра в Публичной библиотеке иа 40 лет. Шифр был введен в 1845 г.

[13] ГПБ. ОРиРК. Ф. 233. Папка 159. Ед. хр. 3.

[14] Бабинцев С. М. И. А. Крылов: Очерк его нзд. и библ. деятельности. М., 1955. С. 74—75.

[15] Там же. С. 86.

[16] Там же. С. 77.

[17] Там же. С. 84.

[18] Записка И. А. Крылова о каталогизации книг имп. Публичной библиотеки//Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Рос. Акад. наук. 1918. Т. 23, кн. 2. С. 1—8.

[19] Там же. С. 7.

[20] Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. Спб., 1914. С. 122.

[21] Кузнецова Ю. А. Из истории библиотечной техники: (И. А. Крылов и библ. кат.)//Тр. науч. б-ки при СГУ. 1947. Вып. 1. С. 100.

[22] Арх. ГПБ. 1817. № 5. Л. 105—106 об.

[23] Крылов И. А. Полн. собр. соч. М., 1946. Т. 3. С. 349.

[24] Арх. ГПБ. 1819. № 27. Л. 74 об.

[25] Там же. Л. 71.

[26] Там же. 1820. № 8. Л. 9—9 об. Крылов в 1814 г. на открытии Публичной библиотеки прочел басню «Водолазы»; на торжественном собрании 1816 г.: «Пруд и река», «Лиса-строитель», «Мартышка и зеркало», в 1817 г.: «Кукушка и Горлинка», «Сочинитель и разбойник», «Похороны».

[27] Арх. ГПБ. 1820. № 8. Л. 10.

[28] Там же. Л. 30.

[29] Там же, 1813. № 13. Л. 50.

[30] ГПБ. ОРиРК. Ф. 550. Ед. хр. F. XVIII. 28. Л. 38.

[31] Там же. Ф. 119. Ед. хр. 4. Л. 3 об.

[32] Быстров И. П. Отрывки из записок об Иване Андреевиче Крылове//Сев. пчела. 1846. № 63, 19 марта.

[33] Быстров И. П. Отрывки из записок об Иване Андреевиче Крылове//Там же. 1845. № 203. 11 сент.

[34] Арх. ГПБ. 1813. № 5. Л. 21—21 об.

[35] Там же. 1814. Дело дежурств. Л. 16.

[36] ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5586. Л. 118 об.—119.

[37] Там же. Л. 106—106 об.

[38] Там же. Л. 117—117 об.

[39] Крылов И. А. Полн. собр. соч. М., 1946. Т. 3. С. 377.

[40] Арх. ГПБ. 1835. № 4. Л. 13.

[41] Там же. 1821. № 3. Л. 13—14 об., 26.

[42] Там же. Л. 14 об.

[43] Крылов И. А. Поли. собр. соч. М., 1946. Т. 3. С. 368—369.

[44] Арх. ГПБ. 1828. № 6. Л. 38—38 об.

[45] Там же. № 32. Л. 18.

[46] Там же. Л. 42.

[47] Там же. 1838. Оп. 1 а. № 98. Л. 12, 14 об.

[48] Арх. ГПБ. 1830. № 15. Л. 23.

[49] Там же. Л. 29.

[50] Там же. Л. 30 об.
[51] Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб., 1878. С. 141.
[52] Арх. ГПБ. 1829. № 32. Л. 11.
[53] Там же. Л. 87 об.
[54] Там же. Л. 89—89 об.
[55] Там же. № 9. Л. 1.
[56] Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Иваиа Андреевича Крылова//Крылов И. А. Полн. собр. соч. Спб., 1847. Т. 1. С. LXIV.
[57] Бабинцев С. М. И. А. Крылов: Очерк его изд. и библ. деятельности. М., 1955. С. 73.
[58] Арх. ГПБ. 1834. № 2. Л. 1—1 об.
[59] Там же. 1828. № 21. Л. 34; 1815. Оп. 1а. № 9. Л. 31 об.
[60] Там же. 1829. № 9. Л. 1 об.
[61] Там же. Л. 9 об.
[62] Там же. Л. 9 об.—10.
[63] Там же. 1819. № 27. Л. 37.
[64] ГПБ. ОРиРК. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1 об.
[65] Там же. Ед. хр. 104. Л. 2 об.
[66] Там же. Ед. хр. 119. Л. 3—4.
[67] Арх. ГПБ. 1817. Оп. 1а. № 14. Л. 1; 1818. Оп. 1а. № 11. Л. 7.
[68] По ходатайству Оленина за прежнюю службу в Библиотеке Комитетом министров было разрешено выдать Дельвигу 1000 р.
[69] Арх. ГПБ. 1821. Оп. 1а. № 1. Л. 4.
[70] Там же. 1825. Оп. 1а. № 1. Л. 2.
[71] Там же. 1821. Оп. 1а. № 1. Л. 59 об.
[72] Гаевский В. Дельвиг//Современник. 1853. Т. 39, № 5. С. 22.
[73] Арх. ГПБ. 1824. Оп. 1а. № 1. Л. 16а об.
[74] Арх. ГПБ. 1822. № 3. Л. 1/8 об.
[75] Там же. 1825. Оп. 1а. № 1. Л. 2.
[76] Там же. 1821. № 9. Л. 33 об.
[77] Там же. Л. 36—37 об.
[78] Остафьевский архив князей Вяземских: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. Спб., 1899. Т. 3: 1824—1836. С. 98.
[79] Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 156.
[80] Верховский Ю. Барон Дельвиг: Материалы биогр. и лит. Пб., 1922. С. 11.
[81] Рест Б. Кнnги и люди: Очерки из истории Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1814—1939. Л., 1939. С. 13.
[82] Арх. ГПБ. 1821. № 9. Л. 28.
[83] Там же. 1832. № 23. Л. 3; 1833. № 11. Л. 16; 1835. № 16. Л. 11; 1842. № 18. Л. 8.
[84] Там же. 1843. № 19. Л. 16 об.—17.
[85] Там же. Л. 17 об.
[86] Крылов ошибался: К 1843 г. было переписано всего 33 тома. (Арх. ГПБ. 1843. № 19. Л. 13 об.).
[87] ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5686. Л. 119.
[88] Там же. Л. 120.
[89] Там же.
[90] Греч Н. Письмо в Париж к Якову Николаевичу Толстому (6 дек. 1833)//Б-ка для чтения. 1834. № 1. Отд. 1. С. 174.
[91] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря//Ист. вести. 1889. № 10. С. 89.
[92] Арх. ГПБ. 1826. № 14. Л. 7.

«Его басни переживут века»

[1] Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1886. Т. 3. С. 391.
[2] Батюшков К. Н. Письмо Н. И. Гнедичу от 1 ноября 1809//Рус. старина. 1871. Т. 3. С. 225.

[3] Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1878. Т. 1. С. 162, 163, 164.
[4] Лобанов М. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. Спб., 1847. С. 48.
[5] Там же. С. 75.
[6] ГПБ. ОРиРК. Ф. 777. Ед. хр. 2540. Л. 2.
[7] Там же. Ф. 539. Оп. 2. Ед. хр. 830.
[8] [Карлгоф Е. А.]. Крылов//Звездочка. 1844. Ч. 9, № 1. С. 52.
[9] Арх. ГПБ. 1838. № 22. Л. 1—1 об.
[10] Б. Ф. Обед, данный Ивану Андреевичу Крылову в зале благородного собрания, 2 февраля 1838//ЖМНП. 1838. Ч. 17, отд. «Разные изв.» С. 214.
[11] Воспоминания П. М. Еропкиной об И. А. Крылове//Пушкин и его современники: Материалы и исслед. Л., 1928. Т. 37. С. 198—199.
[12] ЖМНП. 1838. Ч. 17, отд. «Разные изв.» С. 217—218.
[13] Там же. С. 221.
[14] Кеневич В. Ф. Материалы для биографии... С. 313.
[15] Там же. С. 312.
[16] Там же. С. 308.
[17] Лобанов М. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. Спб., 1847. С. 82.
[18] Кеневич В. Ф. Материалы для биографии ... С. 316.
[19] Там же. С. 309.
[20] Из архива Ф. В. Булгарина: Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И. А. Крылова//Рус. старина. 1905. Т. 122, № 4. С. 202.
[21] Там же. С. 201.
[22] Там же. С. 501.
[23] Арх. ГПБ. 1838. № 22. Л. 9 об.—10 об.
[24] Там же. Л. 7—7 об.
[25] Там же. Л. 12.
[26] Кеневич В. Ф. Материалы для биографии ... С. 311.
[27] Там же.
[28] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 144.
[29] Там же. Ед. хр. 100.
[30] Арх. ГПБ. 1812. № 8. Л. 110.
[31] Там же. 1842. № 12. Л. 3 об.
[32] Кеневич В. Ф. Материалы для биографии ... С. 319.
[33] Моренец Н. Новые материалы для биографии И. А. Крылова: (правда о кончине Крылова)//Рус. лит. 1967. № 1. С. 143.
[34] ИРЛИ. Арх. А. В. Никитенко. Ед. хр. 19.616. Л. 11—12.
[35] Сев. пчела. 1844. № 260. 14 нояб.
[36] ИРЛИ. Арх. А. В. Никитенко. Ед. хр. 19.616. Л. 10.
[37] Цит. по: Степанов Н. Л. И. А. Крылов: Жизнь и творчество. М., 1958. С. 163.
[38] Вяземский П. А. О смерти Крылова//И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 179.
[39] Белинский В. Г. Литературная хроника//Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 406.

Николай Иванович Гнедич

«Судьба дала и смелый ум и дух высокий...»

«...С пелен усыновлен суровой мачехой-судьбой»

[1] Жихарев С. П. Записки современника. М.: Л., 1955. С. 190. (Лит. памятники).
[2] 30 декабря 1802 г. он «окончил» Московский университет (Арх. ГПБ. 1820. Ед. хр. 23).

[3] Медведева И. Н. Н. И. Гнедич//Гнедич Н. И. Стихотворения. 3-е изд. М.; Л., 1963. С. 15. (Б-ка поэта. Малая сер.).

[4] ИРЛИ. Р. 1. Оп. 5. Ед. хр. 56. Л. 1 об.

[5] Гнедич Н. И. Записная книжка//Тиханов П. Николай Иванович Гнедич: Несколько данных для его биогр. 2-е изд. Пб., 1884. С. 64 (далее: Гнедич Н. И. Записная книжка ... С.).

[6] Там же. С. 68, 73.

[7] Там же. С. 57.

[8] ИРЛИ. Р. 1. Оп. 5. Ед. хр. 56. Л. 8.

[9] Там же. Л. 8 об.

[10] Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 23.

[11] Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 466—467. (Лит. памятники).

«Судья и друг поэтов молодых»

[1] Грот К. Я. Пушкинский лицей. Спб., 1841. С. 44.

[2] Сушков Н. Выдержки из записок//Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1868. № 4. С. 67—68.

[3] Кюхельбекер В. Письмо Б. Г. и Ник. Г. Глинкам от 18 окт. 1834//Лит. наследство. 1954. Т. 59. С. 448.

[4] Рус. старина. 1875. № 7. С. 358—359.

[5] Гнедич Н. И. Записная книжка ... С. 54.

[6] Цит. по: Медведева И. Н. Н. И. Гнедич и декабристы: (Из истории лит. программ и объединений декабристов)//Декабристы и их время: Материалы и сообщ./Под. ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1951. С. 153.

[7] Библиотека для чтения. 1834. № 1. Отд. 1. С. 178.

[8] Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1926. Т. 1. 1815—1825. С. 14.

[9] ИРЛИ. Ед. хр. 91. Л. 1.

[10] Древняя и новая Россия. 1879. № 1. С. 85.

[11] ИРЛИ. Ед. хр. 140. Л. 1—1 об., 2.

[12] Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1886. Т. 3. С. 346.

[13] Там же. С. 396.

[14] Там же. С. 389.

[15] Там же. С. 395.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 421.

[18] Из собрания автографов имп. Публичной библиотеки: Письма и зап. к Н. И. Гнедичу. Спб., 1898. С. 24.

[19] Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1886. Т. 3. С. 459—460.

[20] Новые книги//Сын Отечества. 1817. № 27. С. 30.

[21] Из собрания автографов имп. Публичной библиотеки: Письма и зап. к Н. И. Гнедичу. Спб., 1898. С. 26.

[22] В журналах «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русский инвалид», «Сын Отечества», в газете «Le Conservateurs Impartial».

[23] Гнедич Н. И. Письмо К. Н. Батюшкову от 20 ноября 1821//Тиханов П. Николай Иванович Гнедич: Несколько данных для его биогр. 2-е изд. Пб., 1884. С. 93.

[24] Отечество. 1915. № 16. С. 10.

[25] Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин: Лит. доходы Пушкина. Л., 1930. С. 32; Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 50.

[26] [Булгарин Ф.] Краткое обозрение русской литературы 1822 года//Сев. арх. 1823. № 5. С. 379.

[27] Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1886. Т. 3. С. 423—424.

[28] Рус. арх. 1866. № 6. С. 918.

[29] Там же. № 8—9. С. 1108.

[30] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 26.

[31] Там же. С. 21.

[32] Там же. С. 32—33.

[33] Бартенев П. И. Пушкин в Южной России. М., 1914. С. 121. Примеч. 82.
[34] Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин: Лит. доходы Пушкина. Л., 1930. С. 32, 33.
[35] Сев. пчела. 1823. № 45. 14 апр.
[36] Спб. ведомости. 1825. № 42. 26 мая.
[37] Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 50.
[38] Там же. С. 80.
[39] Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 191.
[40] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 34.
[41] Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1926. Т. 1. 1815—1825. С. 28.
[42] Там же. С. 29.
[43] Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 36, 37.
[44] Там же. С. 37.
[45] Остафьевский архив князей Вяземских: Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. Спб., 1899. Т. 2. 1820—1823. С. 256.
[46] Книжки недели. 1896. Янв. С. 10.
[47] ГПБ. ОРиРК. Ф. 874. Оп. 2. Ед. хр. 199. Л. 1.
[48] Рус. арх. 1875. № 3. С. 365.
[49] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 46.
[50] Сын Отечества. 1822. № 35. С. 80.
[51] Рус. инвалид. 1822. № 207. 2 сент.
[52] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 10. С. 37.
[53] Анненков П. А. С. Пушкин: Материалы для его биогр. и оценки его произведений. Спб., 1873. С. 75.
[54] Жуковский В. А. Соч./Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. Спб., 1878. Т. 6. С. 445—446.
[55] ГПБ. ОРиРК. Ф. 874. Оп. 2. Ед. хр. 199. Л. 1.
[56] Книжки недели. 1896. Янв. С. 9.
[57] Там же. С. 11.
[58] Жуковский В. А. Соч./Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. Спб., 1878. Т. 6. С. 446.
[59] Пушкин А. С. Письма. Спб., 1926. Т. 1. 1815—1825. С. 329.

«Хранилище познаний человеческих»

[1] ИРЛИ. Р. 1. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 21.
[2] Державин Г. Р. Соч. Спб., 1871. Т. 7. С. 376.
[3] Гнедич Н. И. Записная книжка ... С. 75.
[4] Рус. старина. 1875. № 7. С. 359.
[5] Там же.
[6] Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1885. Т. 2. С. 361.
[7] Описание торжественного открытия имп. Публичной библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года. Спб., 1814. С. 55, 59.
[8] Гнедич Н. И. Речь, произнесенная в полугодичном собрании «Вольного общества любителей российской словесности»//Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 8. С. 134.
[9] Сушков Н. Выдержки из записок//Чтение в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1868. Кн. 4. С. 64—65.
[10] Рус. арх. 1866. № 11/12. С. 1650.
[11] ИРЛИ. Ед. хр. 103—108. Л. 3.
[12] Пушкин и его современники. Спб., 1910. Вып. 13. С. 15.
[13] Там же.
[14] В 1814 г.—«Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности», в 1816 г.—«Рассуждение о вкусе, его свойствах и о влиянии на язык и нравы народов», в 1817 г.—«Рождение Омера».
[15] Георгиевский Г. П. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского арх. Спб., 1914. С. 130.

[16] Описание торжественного открытия имп. Публичной библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года. Спб., 1814. С. 96.

[17] Там же. С. 82—83.

[18] Там же. С. 97—98.

[19] Там же. С. 73—74, 75.

[20] Там же. С. 84.

[21] Гнедич Н. И. Записная книжка ... С. 57—58.

[22] Арх. ГПБ. 1816. № 17. Л. 93 об.

[23] Там же. 1813. Оп. 1а. № 5. Л. 3—3 об.

[24] Там же. 1829. № 15. Л. 2, 8, 12.

[25] Георгиевский Г. П. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского арх. Спб., 1914. С. 122.

[26] ГПБ. ОРиРК. Ф. 955. Ед. хр. Lat. F. XVIII. 42.

[27] Там же. Ед. хр. Lat. F. XVIII. 43/12.

[28] Как установила сотрудница Публичной библиотеки Г. С. Шифман, многие буквы по своему написанию в точности совпадают с почерком Гнедича.

[29] Арх. ГПБ. 1820. № 8. Л. 10 об.

[30] Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова//Крылов И. А. Полн. собр. соч. Спб., 1847. Т. 1. С. LXIII.

[31] Оленин А. Н. Письмо А. Н. Голицыну от 21 окт. 1826//Георгиевский Г. П. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского арх. Спб., 1914. С. 130.

[32] Арх. ГПБ. 1816. № 17. Л. 12—12 об.

[33] Там же. 1829. № 30. Л. 5.

[34] Там же. 1816. № 17. Л. 85.

[35] Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1886. Т. 3. С. 87, 88.

[36] Георгиевский Г. П. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского арх. Спб., 1914. С. 121.

[37] Гнедич Н. Стихотворения. Спб., 1832. С. 89.

[38] ГБЛ. Ф. 370. Юшневского. К. 1. Ед. хр. 23. Л. 2 об.

[39] Там же. Л. 1 об.

[40] Гнедич Н. И. Записная книжка ... С. 62.

[41] Там же. С. 63.

«Высокий подвиг...»

[1] Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 190. (Лит. памятники).

[2] Там же. С. 191.

[3] ИРЛИ. Р1. Оп. 5. Ед. хр. 56. Л. 5 об.

[4] Там же.

[5] Чтение в Беседе любителей рус. слова. Спб., 18113. Ч. 13. С. 56—68.

[6] Там же. С. 65.

[7] Там же. С. 99.

[8] ГПБ. ОРиРК. Ф. 78. Ед. хр. 18. Л. 2 об. Чтобы почувствовать разницу в переводах александрийским стихом и гекзаметром приведем две строчки первой песни в переводе Кострова и Гнедича.

Костров:

«Воспой Ахиллов гнев божественная муза,
Источник грекам бед, разрыв меж них союза»

Гнедич:

«Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына
Грозный, который Ахейцам нанес неисчетные бедства»

(См.: Илиада. Спб., 1829. С. 5). Впоследствии конец второй фразы Гнедич изменил: «Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал».

[9] Толстой И. И. Гнедич как переводчик «Илиады»//Гомер. Илиада//Пер. Н. И. Гнедича. М.; Л., 1935. С. 106.

[10] Кукулевич А. «Илиада» в переводе Н. И. Гнедича//Учен. зап. ЛГУ. № 33. Сер. филол. наук. 1939. Вып. 2. С. 32.

[11] Оленин А. Н. Археологические труды. Спб., 1877. Т. 1, вып. 1. С. 241.

[12] Там же. С. 26.

[13] Там же.
[14] Там же. С. 48.
[15] Там же. С. 33.
[16] Там же. С. 50.
[17] Там же. С. 28.
[18] Там же. С. 24.
[19] Там же. С. 176.
[20] Сын Отечества. 1826. № 20. С. 330—349.
[21] Оленнн А. Н. Археологнческие труды. Спб., 1877. Т. 1, вып. 1. С. 175.
[22] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 36. 18 А 1/3. Л. 1.
[23] Имп. Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. Спб., 1914. С. 155.
[24] Вестн. Европы. 1818. № 10. С. 99—146; № 11. С. 187—221.
[25] Лобанов М. Жизнь и сочинения Николая Ивановича Гнедича//Тр. имп. Рос. Академии. 1842. Ч. 5. С. 29.
[26] Арх. ГПБ. 1825. № 5. Л. 5.
[27] Жизнеописание Гомера и переводчика его Илиады на русский язык Гнедича, с их портретами ... Спб., 1867. С. 12.
[28] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 40.
[29] Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 424—425. (Лит. памятники).
[30] Дмитрнев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 207; Каменская М. Ф. Воспоминания//Ист. вестн. 1894. № 3. С. 606.
[31] Булгарин Ф. Нечто о переводчиках Гомера//Сын Отечества. 1821. № 30. С. 159.
[32] Пономарев С. И. К нзданию Илиады в переводе Гнедича. Спб., 1886. С. 121—124.
[33] ИРЛИ. Ед. хр. 28006. Л. 1.
[34] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 2. С. 35.
[35] Там же. Т. 10. С. 125.
[36] Там же. С. 146.
[37] Гнедич Н. И. Письмо В. А. Жуковскому от 24 окт. 1826 г. (ИРЛИ. Ед. хр. 28006).
[38] Георгиевский Г. П. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского арх. Спб., 1914. С. 131, 132, 134.
[39] Там же. С. 132.
[40] Там же. С. 135.
[41] Пушкин и его современникн. Спб., 1910. Вып. 9. С. 28—29.
[42] Там же. Вып. 11. С. 90.
[43] Пушкин А. С. Илиада Гомера, переведенная Гнедичем//Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 7. С. 97.
[44] Пушкин А. С. Письма. Т. 2. 1826—1830. М.; Л., 1928. С. 361. В бумагах Пушкина после его смерти была найдена эпиграмма, тщательно замазанная чернилами, которая при жизни поэта никогда не публиковалась:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

Но ее надо рассматривать как остроумную шутку для друзей, вызванную каламбурным стечением обстоятельств: Гомер был слеп, а Гнедич — крив.
[45] Галатея. 1830. Ч. 11. № 4. С. 230; в другом иомере «Галатеи» (1830, Ч. 14, № 18. С. 79—90) журнал дал развернутую рецензию с указанием недостатков, но подчеркнул точность перевода и высказал пожелание читателям полюбить переводчика.
[46] [Надеждин Н. И.] //Моск. вестн. 1830. Ч. 1, № 4. С. 372. Подпись: ДЖД.
[47] Вести. Европы. 1830. № 3. С. 233—234.
[48] Моск. телеграф. 1830. № 1. С. 88.
[49] Рус. арх. 1906. № 3. С. 589.
[50] Моск. телеграф. 1830. № 1. С. 90.
[51] Там же. С. 89—90.
[52] Там же. С. 88.
[53] Греч Н. Письмо в Париж к Якову Николаевичу Толстому (6 дек. 1833) //Б-ка для чтения. 1834. № 1, отд. 1. С. 178.

[54] Белинскнй В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 554.
[55] Фортунатов Ф. Н. Воспомнинания о Санкт-Петербургском университете, 1830—1833. М., 1869. С. 35.
[56] Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1957. Т. 3. С. 183.
[57] Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина: Ст. третья//Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 7. С. 255.
[58] Толстой И. И. Гнедич как переводчик «Илиады»//Гомер. Илнада/Пер. Н. И. Гнедича. М.; Л., 1935. С. 107.
[59] В советское время «Илиаду» перевел В. В. Вересаев (1949), в основу взяв перевод Гнедича, заменяя только архаизмы.
[60] Кукулевич А. «Илиада» в переводе Н. И. Гнедича//Учен. зап. ЛГУ. № 33. Сер. филол. наук. 1939. Вып. 2. С. 18.
[61] Там же. С. 22—23.

«Он все свое земное совершил...»

[1] Цнт. по: Медведева И. Н. Н. И. Гнедич//Гнедич Н. И. Стихотворения. 3-е изд. М.; Л., 1963. С. 59—60. (Б-ка поэта. Малая сер.).
[2] Моск. телеграф. 1832. № 18. С. 243.
[3] Там же. С. 249.
[4] Медведева И. Н. Указ. соч. С. 60.
[5] Тиханов П. Николай Иванович Гнедич: Несколько данных для его биогр. 2-е изд. Пб., 1884. С. 76.
[6] Греч. Н. Письмо в Париж к Якову Николаевичу Толстому (6 дек. 1833)//Б-ка для чтения. 1834. № 1, отд. 1. С. 179.
[7] Но уже через несколько дней вышел указ, по которому «отставному статскому советнику Гнедичу всемилостливейше повелено быть членом Главного Правления Училищ» (Сев. пчела. 1831. № 37, 16 февр.).
[8] Арх. ГПБ. 1816. № 17. Л. 114.
[9] Литературный архив. М.; Л., 1938. Вып. 1. С. 78.
[10] Книги были оценены в 2500 р.
[11] ГПБ. ОРиРК. Ф. 777. Ед. хр. 2601. Л. 1.
[12] О судьбе библиотеки Гнедича см. статью: Ротач П. «Библиотеку мою завещаю...»: Дар Н. И. Гнедича Полтаве//Альм. библиофила. 1978. Вып. 5. С. 98—114.
[13] Арх. ГПБ. 1833. № 4. Л. 4.
[14] ГПБ. ОРиРК. Ф. 777. Ед. хр. 1555. Л. 1.
[15] Лобанов М. Жизнь и сочинения Николая Ивановича Гнедича//Тр. имп. Рос. Академии. 1842. Ч. 5. С. 51.
[16] Остафьевский архив князей Вяземских: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. Т. 3. 1824—1836. Спб., 1899. С. 219.
[17] Георгиевский Г. П. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич: Новые материалы из Оленинского арх. Спб., 1914. С. 33.

Александр Иванович Ермолаев

Первый русский палеограф

[1] ИРЛИ. Ед. хр. 10102. Л. 25. В некрологе Ермолаева (Сев. пчела. 1828. № 88, 24 июля) указана дата рождения — 20 июня 1780 г.
[2] Сев. пчела. 1828. № 88. 24 июля.
[3] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623, 2/2.
[4] Там же. Л. 26.
[5] Заметки А. Х. Востокова о его жизни/Сообщ. В. И. Срезневский//Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук. 1901. Т. 70, № 6. С. 64. Далее: Заметки А. Х. Востокова ... С.
[6] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 261. Л. 21.
[7] Там же. Л. 24 об.

[8] Там же. Л. 22.
[9] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623, 2/2. Л. 55.
[10] Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1899. Ч. 3. С. 154.
[11] Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 74.
[12] Там же.
[13] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623, 2/2. Л. 4.
[14] Там же. Л. 4—4 об.
[15] Там же. Л. 1, 13.
[16] Там же. Л 5 об.
[17] Там же. Ед. хр. 3623/8.Л.1.
[18] Там же. Ед. хр. 3623, 2/2. Л. 25.
[19] Там же.
[20] Там же. Ед. хр. 3623/8. Л. 1.
[21] Экспедиция закончилась 27 января 1811 г.
[22] Арх. ГПБ. 1811. № 6. Л. 2.
[23] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623/3. Л. 11 об.
[24] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 1023. Л. 2.
[25] Там же. Л. 1.
[26] Арх. ГПБ. 1811. № 6. Л. 5.
[27] Вместо Ласковского, который должен был нспользоваться на другой работе в Публичной библиотеке.
[28] Арх. ГПБ. 1811. № 6. Л. 13.
[29] ГПБ. ОРиРК. Ф. 550. Ед. хр. F XVIII, 28. Л. 4.
[30] Там же. Ф. 542. Ед. хр. 499. Л. 1.
[31] История Государственой Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 20.
[32] Там же. С. 47.
[33] Арх. ГПБ. 1814. № 16. Л. 3 об.
[34] Калайдович К. Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных.//Материалы для истории русской книжной торговли. Спб., 1879. С. 72.
[35] Арх. ГПБ. 1825. № 9. Л. 10.
[36] Там же. 1824. № 1. Л. 5—5 об.
[37] Там же. Л. 11 об.
[38] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 497. Л. 41.
[39] Там же. Ед. хр. 499.
[40] Там же. Ед. хр. 495.
[41] Там же. Бумаги А. И. Ермолаева. Ед. хр. 3. Л. 1.
[42] Письма митрополита киевского Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу//Рус. арх. 1889. № 5. С. 69.
[43] ГПБ. ОРиРК. Ф. 328. Ед. хр. 443. Л. 3.
[44] Подробнее см. очерк об Оленине (гл. «Любитель и знаток древностей»).
[45] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 13.
[46] Там же. Ед. хр. 502. См. «Заметки, относящиеся к плану издания древнерусских летописей». Л. 1—6 об.
[47] Там же. Л. 5.
[48] Розов Н. Н. Остромирово еваигелие в Публичной библиотеке: 150 лет хранения и изучения//Труды. ГПБ. 1957. Т. 5. С. 13.
[49] ГПБ. ОРиРК. Бумаги А. И. Ермолаева. Ед. хр. 2. Л. 3.
[50] Пыпин А. Н. Русское славяиоведение в XIX столетии//Вестн. Европы. 1889. № 7. С. 693.
[51] ГПБ. ОРиРК. Бумаги А. И. Ермолаева. Ед. хр. 11. Л. 1—2.
[52] Рус. арх. 1889. № 5. С. 51.
[53] Цнт. по: Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 81.
[54] Жури. редкостей. 1911. № 1. С. 13.
[55] Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биогр. М., 1866. Ч. 2. С. 371.

[56] Сев. пчела. 1828. № 88. 24 июля.
[57] Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке/С примеч. И. Срезневского. Спб., 1873. С. 58. (далее: Переписка А. Х. Востокова ... С.).
[58] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 130. Л. 3.
[59] Рус. арх. 1889. № 5. С. 51.
[60] ГПБ. ОРиРК. Бумаги А. И. Ермолаева. Ед. хр. 5. Л. 6—9.
[61] Прийма Ф. Я. А. И. Ермолаев — самовидец и комментатор «Слова о полку Игореве»//Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 73—91.
[62] ГПБ. ОРиРК. Бумаги А. И. Ермолаева. Ед. хр. 1.
[63] Рукою Пушкина: Несобр. н неопубл. тексты. М.; Л., 1935. С. 585.
[64] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623/6. Л. 4—10 об.
[65] Библиограф. 1889. № 2. С. 62, 64.
[66] Речь, очевидно, шла о статье П. М. Строева «О византийских источниках Нестора» (Сев. арх. 1826. Ч. 21, № 11. С. 217—224; Ч. 23, № 19/20. С. 274—288).
[67] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623/5. Л. 17.
[68] Учен. зап. II Отд-ния Акад. наук. 1856. Кн. 2. С. 75.
[69] Древняя и новая Россия. 1880. № 12. С. 633—634.
[70] Там же. С. 633.
[71] Рус. арх. 1889. № 6. С. 228.
[72] Арх. ГПБ. 1811. № 6. Л. 16—17.
[73] Греч Н. И. Записки о моей жизни. Спб., 1888. С. 495.
[74] Арх. ГПБ. 1811. № 6. Л. 18.
[75] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3625/2. Л. 1—2.
[76] Там же. Ед. хр. 3623, 2/2. Л. 15.
[77] ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 4. Ед. хр. 16. Л. 5 об.—6.
[78] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623/5. Л. 5—6.
[79] Арх. ГПБ. 1826. № 1. Л. 7—9 об.
[80] Там же.
[81] Там же. Л. 10.
[82] Там же. Л. 13.
[83] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 496.
[84] Кочубинский А. А. Адмирал Шишков н канцлер гр. Румянцев: Нач. годы рус. славяноведения. Одесса, 1887—1888. С. 160.
[85] Приятное и полезное препровождение времени. М., 1798. Ч. 20. С. 62—63.
[86] Нами обнаружен отрывок перевода Ермолаева из «Дифирамба» Делиля (ИРЛИ. Ед. хр. 10102. Л. 25).
[87] Переписка А. Х. Востокова ... С. IV—V.
[88] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623, 2/2.
[89] Сев. пчела. 1828. № 88. 24 июля.
[90] ГПБ. ОРиРК. Ф. 595. Ед. хр. 74.
[91] По всей вероятности, на книгу Калайдовича «Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных» (М., 1811. 21 с.).
[92] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623, 2/2. Л. 26.
[93] Там же. Ед. хр. 3623/3. Л. 11.
[94] Нами найден один любопытный документ, написанный Ермолаевым и озаглавленный им «Наблюдать непременно (заметка для памяти)». Это своеобразная инструкция самому себе, как вести себя во время игры. Она раскрывает всю трагедию безвольного человека. Документ без даты. «Заметка для памяти» настолько ярко рисует «быт» Ермолаева, что ее мы приводим полностью.

«1. Играть на чистые деньги, а отнюдь не в долг.
2. Более 50-ти своих денег не проигрывать в один вечер.
3. При выигрыше более половины оного не проигрывать, если выигрыш не менее 50-ти.
4. Куш ставить не более 10-ой доли, если не в выигрыше.
5. При проигрыше кушей не увеличивать.
6. Играть всегда на **ПЕ**.
7. Более 3 карт в талию не ставить.

8. В каждую талию от выигрыша отписывать половину в капитал, но не менее.
9. От выигрыша откладывать в капитал запасна половину; четвертую долю для игры, *когда теперешний мой долг возвращу* (выделено мной.— *О. Г.*), а до того времени другую половину выигрыша употреблять на погашение долга в запасной капитал.
10. Эти правила *всякий день* (выделено мной.— *О. Г.*) просматривать и замечать, против которого правила не исполнено».

Эта инструкция обнаруживает четкий, логический ум ее автора. Но затем следует примечательное «Nota bene»! «Эти правила написаны 9-го числа, а 10-го ни одного не исполнил (!) Le matin je fais des projets et le long du j'our des sottises» (Утром я строю планы, а в течение дня делаю глупости), а всего хуже, что *проиграл чужие деньги* (подчеркнуто мной.— *О. Г.*). 13 генв. опять против всех правил играл и как дурак все по-прежнему проиграл» (ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3623/5. Л. 1).

[95] Сев. пчела. 1828. № 88. 24 июля.

[96] Переписка А. Х. Востокова ... С. 260.

[97] ЦГИА СССР. Ф. 789. Оп. 20. Ед. хр. 28. Л. 7. Вещи Ермолаева пролежали в Библиотеке 15 лет, ожидая наследников, которых не оказалось. По решению Уездного суда они были проданы на аукционе (Арх. ГПБ. 1811. № 6. Л. 40).

[98] Цит. по: Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной//Пушкин: Исслед. и материалы. М.; Л., 1958. С. 261—262.

[99] Переписка А. Х. Востокова ... С. 265. Находящиеся у Ермолаева «для справок и исполнения текущие казенные бумаги» были взяты Олениным (ЦГИА СССР. Ф. 789. Оп. 20. Ед. хр. 28. Л. 2 об.).

[100] Древняя и новая Россия. 1880. № 18. С. 566.

[101] Переписка А. Х. Востокова ... С. 259.

[102] Там же. С. 302.

[103] Там же. С. 342.

[104] Сев. пчела, 1828. № 88. 24 июля.

[105] Сборник статей, читанных в Отд-нии русского языка и словесности имп. Академии наук. 1868. Т. 5, вып. 1. С. 238.

[106] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3620, 4/1—5. Л. 2.

[107] Арх. ГПБ. 1811. № 6. Л. 38 об., 40.

[108] Ист. вести. 1880. № 8. С. 674.

[109] Срезневский И. И. Палеографические исследования памятников русской древности//Изв. имп. Акад. наук по Отд-нию рус. яз. и словесности. 1857. Т. 6. С. 264.

[110] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1958. Т. 7. С. 501.

[111] Греч Н. И. Записки о моей жизни. Спб., 1888. С. 495.

[112] Мыльников А. С. А. И. Ермолаев — исследователь рукописной книги: (Опыт книговед. характеристики)//Книга: Исслед. и материалы: Сб. М., 1981. Вып. 42. С. 93.

Александр Христофорович Востоков

«Светило, творец славянской филологии»

[1] Заметки А. Х. Востокова о его жизни/Сообщ. В. И. Срезневский//Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук. 1901. Т. 70. № 6. С. 28 (далее: Заметки А. Х. Востокова ... С.).

[2] Там же. С. 31.

[3] Там же. С. 32—36.

[4] Там же. С. 7. В конце XVIII— начале XIX в. внебрачным сыновьям давалась обычно фамилия отца, «усеченная» или «уменьшительная», например «Бецкой» (Трубецкой), «Пнин» (Репнин) и т. д.

[5] Булгарин Ф. Воспоминания. Спб., 1846. Ч. 2. С. 15, 16—17.

[6] Греч Н. Памяти Александра Христофоровича Востокова. 2-е изд., испр. Спб., 1864. С. 3.

[7] Заметки А. Х. Востокова ... С. 13.

[8] Там же. С. 16.

[9] Там же.
[10] Там же. С. 17—18.
[11] Весть. 1864. № 15. С. 13.
[12] Орлов В. Русские просветители 1790—1800 гг. М., 1950. С. 177—248.
[13] Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке/С примеч. И. Срезневского. Спб., 1873. С. XXII (далее: Переписка А. Х. Востокова ... С.).
[14] Заметки А. Х. Востокова ... С. 20.
[15] Срезневский И. И. Обозрение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных//Востоков А. Х. Филологические наблюдения. Спб., 1865. С. V. (далее: Срезневский И. И. Обозрение ... С.).
[16] Там же. С. IX—X.
[17] Заметки А. Х. Востокова ... С. 33.
[18] Срезневский И. И. Обозрение ... С. VI.
[19] Цветник. 1810. № 6. С. 311—321.
[20] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3620, 4/1—5. Л. 11.
[21] Переписка А. Х. Востокова ... С. XXVIII.
[22] Цейтлин Р. М. А. Х. Востоков — один из первых русских славяноведов: (К 175-летию со дня рождения)//Крат. сообщ. Ин-та славяноведения. М., 1958. № 25. С. 6.
[23] Пржецлавский О. А. Воспоминания. 1818—1831//Рус. старина. 1874. № 11. С. 475.
[24] Тр. О-ва любителей рос. словесности. М., 1818. Ч. 12. С. 72.
[25] Срезневский В. И. Первые сорок лет жизни и трудов Востокова//Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1914. Т. 19, кн. 3. С. 78.
[26] Карелкин Н. А. Х. Востоков//Отеч. зап. 1855. Янв., отд. 2. С. 57.
[27] Переписка А. Х. Востокова ... С. XXII.
[28] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3620, 4/1—5. Л. 3.
[29] ГПБ. ОРиРК. Ф. 550. F. XVIII. 28. Л. 64.
[30] Там же. Л. 29—30.
[31] ГБЛ. Ф. 211. Ед. хр. 3620, 4/1—5. Л. 1.
[32] Там же. Ед. хр. 3623/1. Л. 1 об.
[33] Арх. ГПБ. 1817. № 5. Л. 76.
[34] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 490. Л. 2.
[35] Там же. Л. 2 об.—3.
[36] Там же. Л. 3—3 об.
[37] ГПБ. ОРиРК. Ф. 542. Ед. хр. 490. Л. 27 об.
[38] Там же. Л. 38.
[39] Там же. Л. 41.
[40] Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 92.
[41] Собольщиков В. И. Воспоминания старого библиотекаря//Ист. вестн. 1889. № 10. С. 74.
[42] Там же. С. 82.
[43] Арх. ГПБ. 1829. Л. 32. Л. 19 об.
[44] Там же. № 19. Л. 16 об.
[45] Там же. 1843. № 7. Л. 7.
[46] Там же. Л. 3.
[47] В настоящее время чтение выходной записи Добрилова евангелия затруднено из-за попыток восстановить ее химическими реактивами (в том числе настоем чернильных орешков), которые широко применялись палеографами прошлого столетия. Востоков, вероятно, проявил эту запись, когда делал подробнейшее научное описание собрания Н. П. Румянцева (ныне хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина).
[48] Кочубинский А. А. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев: Нач. годы рус. славяноведения. Одесса, 1887—1888. С. 157—196.
[49] Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). Воронеж, 1868. Вып. 1. С. 53.
[50] Там же. С. 56.

[51] Там же. С. 59.
[52] Переписка А. Х. Востокова ... С. 82.
[53] Там же. С. 22.
[54] Там же. С. 219.
[55] Там же. С. 179.
[56] Там же. С. 184—185.
[57] Там же. С. 185.
[58] Шобухов М. Н. Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. М., 1955. С. 21.
[59] Арх. ГПБ. 1840. № 25. Л. 6—7.
[60] Переписка А. Х. Востокова ... С. 158.
[61] Там же.
[62] Срезневский И. И. Обозрение ... С. XXXIX.
[63] Переписка А. Х. Востокова ... С. 299.
[64] Там же. С. 346.
[65] Там же. С. 356.
[66] Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 9. С. 231.
[67] Отеч. зап. 1841. Т. 14, Смесь. С. 95.
[68] Переписка А. Х. Востокова ... С. 241.
[69] Кочубинский А. А. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев: Нач. годы рус. славяноведения. Одесса, 1887—1888. С. 8—9.
[70] Крат. сообщ. Ин-та славяноведения. 1958. № 25. С. 14.
[71] Арх. ГПБ. 1842. № 17. Л. 4—4 об.
[72] Там же. 1843. № 19. Л. 21.
[73] Там же. 1837. № 37. Л. 36.
[74] Там же. Л. 37.
[75] ГПБ. ОРиРК. Ф. 550. Ед. хр. F. XVIII 28. Л. 79—82.
[76] Переписка А. Х. Востокова ... С. 297.
[77] ГПБ. ОРиРК. Ф. 539. Ед. хр. 1223. Л. 14 об.
[78] После Востокова хранителем Депо манускриптов был назначен А. Ф. Бычков.
[79] § 14460—0 О всемилостивейше дароваемых милостях и облегчениях в платежах казне в связи с бракосочетанием его императорского высочества, государя наследника, цесаревича и великого князя Александра Николаевича//Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2-е. Спб., 1842. Т. 16, отд. 1, пункт VI. С. 309.
[80] Срезневский И. И. Обозрение ... С. 35.
[81] ГПБ. ОРиРК. Ф. 744. Ед. хр. 5. Л. 2 об.
[82] Цейтлин Р. М. А. Х. Востоков — один из первых русских славяноведов: (К 175-летию со дня рождения)//Крат. сообщ. Ин-та славяноведения. 1958. № 25. С. 11.
[83] Заметки А. Х. Востокова ... С. 43.
[84] Погодин М. Год в чужих краях (1839): Дорож. дневник. М., 1844. Ч. 1. С. 30.

Принятые сокращения

ГБЛ	— Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
ГПБ. ОРиРК	— Отдел рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
Арх. ГПБ	— Ведомственный архив Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ИРЛИ	— Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом)
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР

*Именной указатель**

* Страницы очерков, посвященных конкретному лицу, в указатель не включены.

Оглавление

Научное издание

Деятели книги

Голубева Ольга Дмитриевна

ХРАНИТЕЛИ МУДРОСТИ

Зав. редакцией *Н. А. Захарова.* Редактор *Н. С. Митрофанова.* Художественный редактор *Е. Ю. Воронцова.* Технический редактор *В. М. Скребнева.* Корректор *Т. И. Томашевская.*

ИБ № 1514
Сдано в набор 26.06.87. Подписано к печати 19.04.88. А12540. Формат 60×88¹/₁₆. Бум. офс. № 1—70 г. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,66. Усл. кр.-отт. 16,66. Уч.-изд. л. 20,13. Тираж 15000 экз. Изд. № 4367. Заказ № 483. Цена 2 р.

Издательство «Книжная палата», 103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10.

Московская типография № 4 Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР.
129041 Москва, ул. Б. Переяславская, 46.